

ISSN 2618-9100

2018 • № 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ

ISSN 2618–9100

Институт истории СО РАН

Исторический курьер

2018. № 1

Редакционный совет журнала «Исторический курьер»

Научный электронный журнал «Исторический курьер»

Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес редакции:
630090, Новосибирск,
ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 308
Тел.: (383) 330 13 49
Факс: (383) 333 24 37

Адрес электронного сайта:
https://istcourier.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство:
ЭЛ № ФС 77 – 73758
от 21.09.2018 г.

DOI: 10.31518/2618-9100

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация) – председатель

Блаховска Катажина, профессор, Институт истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, Институт истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Данилович Вячеслав Викторович, кандидат исторических наук, Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Сибирский Федеральный университет (Красноярск, Российская Федерация)

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Кабульдинов Зиябек Ермуханович, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (Алматы, Республика Казахстан)

Катионов Олег Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Коцонис Янни, профессор, Нью-Йоркский университет (Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки)

Куперитох Наталья Александровна, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Манчестер Лори, профессор, Университет штата Аризона (Темпе, Соединенные Штаты Америки)

Плеханова Анна Максимовна, доктор исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (Улан-Удэ, Российская Федерация)

Побережников Игорь Васильевич, доктор исторических наук, директор Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация)

Разгон Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Российская Федерация)

Рольф Мальте, доктор исторических наук, профессор, Университет Бремена (Бремен, Федеративная Республика Германия)

Урбански Серен, доктор философии, Германский исторический институт (Вашингтон, Соединенные Штаты Америки)

Цзянбин Дай, доктор исторических наук, профессор, Хэйбэйский педагогический университет (Шицзячжуан, Китайская Народная Республика)

Шелегина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, Алтайский педагогический университет (Барнаул, Российская Федерация)

Редакционная коллегия журнала «Исторический курьер»

Симонов Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация) – главный редактор, выпускающий редактор

Комлева Евгения Владиславовна, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация) – заместитель главного редактора, выпускающий редактор

Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация) – заместитель главного редактора, выпускающий редактор

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация) – выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Кириллов Алексей Константинович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация) – выпускающий редактор

Петров Станислав Геннадьевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация) – выпускающий редактор

Романов Роман Евгеньевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация) – ответственный секретарь

Ананьев Денис Анатольевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Туманик Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Журавлев Вадим Викторович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Гордеева Мария Александровна, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Исторический курьер

Электронный научный журнал
Основан в октябре 2018 года

2018. № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Личность в истории

- Комлева Е. В.* Династия енисейских купцов Дементьевых (вторая половина XVIII – начало XX в.) 7
- Матханова Н. П., Туманик Е. Н.* Василий Михайлович Муравьев: опыт биографического очерка на базе эпистолярного наследия 20
- Симонов Д. Г.* Военный министр Российского правительства генерал-лейтенант Н. А. Степанов 31
- Тепляков А. Г.* К портрету Нестора Каландаришвили (1876–1922): уголовник-авантюрист, партизан и красный командир 39
- Демидова Л. Д., Кириллов А. К.* История одной защиты: кандидатская диссертация Я. С. Лурье как этап становления историка 73

Человек и государство

- Дмитриев А. В.* Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика 73
- Рольф М.* Чиновники в разъездах. К вопросу о структурах и действующих лицах имперской бюрократии на закате Российской империи 83
- Савин А. И.* «Рим горит, а христиане виноваты»: жизнь и судьба трезвенника Ивана Колоскова. 102
- Зверев В. А.* «Выброшенный из общества»: советский человек о пребывании в сталинском «чистилище» 117
- Аблажей Н. Н., Харатьян Г. С.* Армянская депортационная кампания 1949 г.: попытка персонализации и мемориализации массовой репрессии 127

Историческая демография

- Исупов В. А.* Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.) 136
- Дашинамжилов О. Б.* Демографическая подсистема общества и кризис 1990-х гг.: обзор основных миграционных тенденций на примере Новосибирской области 149

История повседневности

- Дякина Е. В.* Пищевой рацион крестьян-переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) 156
- Семенов М. А.* Организации Красного Креста в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 163

Киселев А. Г., Молданова Н. А. Мотивы женственности в советском женском дискурсе 1930-х годов (по материалам газет «Правда», «Омская правда», «Остяко-Вогульская правда», «Красный Север») 179

Имя на карте

Покровский Н. Н., Шелегина О. Н., Запорожченко Г. М. Проспект академика Лаврентьева – «самая умная улица мира» 190

Проблемы историографии и методологии

Ананьев Д. А. Сибирское областничество (1860-е гг. – начало XX в.) в оценках англоязычной и немецкоязычной историографии 196

Шиловский М. В. Вклад Л. М. Горюшкина в изучение истории Сибири конца XIX – начала XX в. 209

Романов Р. Е. Интеллектуальная саморефлексия как метод генерирования нового исторического знания 228

CONTENT

Personality in history

- Komleva E. V.* The Dynasty of the Yeniseisk Merchants Dementievs (Second Half of the 18th– Early 20th Century) 7
- Matkhanova N. P., Tumanik E. N.* Vasily Mikhailovich Muravyov: the Experience of Biographical Review Based on the Epistolary Heritage 20
- Simonov D. G.* Minister of War in the Russian Government Lieutenant-General N. A. Stepanov 31
- War Minister of the Russian Government Lieutenant-General N. A. Stepanov
- Teplyakov A. G.* To the portrait of Nestor Kalandarishvili (1876–1922): The Criminal-adventurer, Partisan and Red Commander 39
- Demidova L. D., Kirillov A. K.* The History of One Defense: Candidate's Dissertation of Y. S. Lurye as a Stage in the Historian's Evolution 53

Man and state

- Dmitriev A. V.* Military proceedings in the army units at the territory of Siberia in the 18th Century: official Mechanism and Real Practice 73
- Rolf M.* Officials Travelling. To the Question of Structure and Characters of Imperial Bureaucracy during Final Years of the Russian Empire 83
- Savin A. I.* "Rome is burning and Christians are to blame": Life and Destiny of Teetotaler Ivan Koloskov 103
- Zverev V. A.* "Thrown out of Society": a Soviet Man about Surviving in Stalin's "Purgatory" 117
- Ablazhey N. N., Kharatyan G. S.* Armenian Deportation Campaigning of 1949: the Attempt to Personalize and Memorialize Massive Repressions 127

Historical demography

- Isupov V. A.* Social and Natural Factors of Demographical Catastrophe in Western Siberia (early 1930s) 136
- Dashinamzhilov O. B.* Demographic Subsystem of the Society and Crisis of 1990-s: Review of the Main Migration Tendencies by the Example of the Novosibirsk Region 149

Everyday life history

- Diakina E. V.* Food Ration of the Peasant Settlers in Western Siberia (Late 19th Century –Early 20th Century) 156
- Semenov M. A.* The Red Cross Organizations in Western Siberia during the Great

Patriotic War	163
<i>Kiselev A. G., Moldanova N. G. Motives of Femininity in the soviet Female Discourse of the 30th Years (Based on the Materials of the Newspapers “Pravda”, “Omskaya Pravda”, «Ostyako-Vogulskaya Pravda», “Krasnyi Sever”)</i>	180
<i>The name on the map</i>	
<i>Pokrovsky N. N., Shelegina O. N., Zaporozhchenko G. M. Academic Lavrentyev Avenue – “the Most Clever Street in the World”</i>	191
<i>Problems of historiography and methodology</i>	
<i>Anan'ev D. A. Siberian Regionalism (1860s – Early 20th Century) in the English- and German-language Historiography</i>	197
<i>Shylovsky M. V. L. M. Goryushkin's Contribution to the Study of Siberian History during Late 19th – early 20th Century</i>	210
<i>Romanov R. E. Intellectual Self-reflection as a Method of Generating New Historical Knowledge</i>	229

Дорогие читатели!

Мы рады представить Вашему вниманию новый электронный научно-популярный журнал, на страницах которого будут размещаться материалы конкретно-исторических исследований, обсуждаться проблемы историографии и методологии познания исторического процесса. Мы также планируем обсуждать разворачивающиеся на наших глазах события и явления как неотъемлемую часть пути, по которому идет человеческое общество.

Издание предназначено как профессиональным исследователям, так и всем, кому интересна история. Надеемся, что оно станет площадкой для обсуждения и популяризации результатов новейших научных исследований, поможет взаимодействию науки, школьного и вузовского образования, будет способствовать актуализации исторического знания для решения общественно-политических, социально-экономических и социокультурных задач, стоящих перед современной Россией.

Первый выпуск журнала посвящен взаимодействию личности и государства, человека и общества. Вы можете познакомиться с биографиями людей самого разного социального происхождения, проживавших в различные исторические эпохи, открыть подробности повседневной жизни и мировосприятия человека «второго плана».

Верим, что наш журнал сумеет занять достойное место среди других специализированных исторических изданий. Ждем Вас в качестве читателей и авторов!

Редколлегия

Личность в истории

DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-1

УДК: 323.328(571.5)"17/19"

Е. В. Комлева*

Династия енисейских купцов Дементьевых (вторая половина XVIII – начало XX в.)

В статье на основе широкого круга источников освещена история одной из самых богатых и многочисленных купеческих династий Енисейска – Дементьевых, ставших единственными, кому удалось продержаться в составе местного купечества на протяжении полутора столетий: с середины XVIII до начала XX в. Прослежена судьба наиболее ярких представителей нескольких поколений этого семейства: выявлены их возможные предки и родственные связи, охарактеризованы торговая и предпринимательская деятельность, служба в органах городского самоуправления, участие в благотворительности, уровень материального благосостояния. Приведены свидетельства современников о личностных качествах некоторых из Дементьевых, выдержки из документов, свидетельствующие об условиях жизни не только этой семьи, но и сибирского купечества в целом. На примере клана Дементьевых хорошо прослеживаются такие присущие всему сословию черты, как неустойчивый социальный статус, сочетание различных видов предпринимательства при доминирующей роли торговли, обязательное участие в общественной и благотворительной деятельности, экономическая активность купеческих вдов. Успешная торговля пушниной и хлебом, выгоды от исполнения общественных служб, а также поддержка многочисленных родственников позволили Дементьевым длительное время входить в верхние слои купечества и внести ощутимый вклад в развитие Енисейска и Енисейской губернии.

Ключевые слова: Енисейск, купечество, Дементьевы, торговля, предпринимательство, общественная служба, благотворительность

Енисейск, один из крупнейших российских городов XVIII в., несмотря на последующую утрату своего значения, и в конце XIX – начале XX в. все еще оставался многолюдным и благоустроенным уездным центром с сильным купечеством. Многие местные купцы занимались крупной торговлей, золотопромышленностью, участвовали в становлении сибирского пароходства и освоении Северного морского пути, сумев приобрести славу далеко за пределами не только своего города, но и Енисейской губернии. Широкой известностью пользовались Хорошевы, Кобычевы, Скорняковы, Баландины, Кытмановы, Тонконозовы, Востротины, Щукины. Особое место среди купеческих династий Енисейска принадлежит многочисленному клану Дементьевых – единственному семейству, которому удалось продержаться в составе купечества на протяжении более ста пятидесяти лет подряд и чьи потомки в настоящее время разбросаны по всему миру. Крупные предприниматели, общественные деятели и благотворители, Дементьевы неоднократно упоминаются в знаменитой Кытмановской летописи¹, на страницах региональных периодических изданий второй половины XIX – начала XX в., в научных исследованиях по истории Приенисейского края² и биобиблиографических справочниках, посвященных сибирскому ку-

* **Комлева Евгения Владиславовна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: feodal@history.nsc.ru

¹ *Кытманов А. И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год / вступ. ст. Л.П. Бердникова. Красноярск, 2016.

² *Буланков В. В., Шумов К. Ю.* Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск, 1999; *Туман-Никифорова И.О.* Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX веков). Красноярск, 2003; *Комлева Е. В.* Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М., 2006; *Кискидосова Т. А.* Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан, 2012.

печеству³. И все же, доступная на сегодняшний день информация о Дементьевых отличается фрагментарностью и не создает целостного впечатления о судьбе и значении этого некогда процветавшего и насчитывавшего несколько поколений (что было большой редкостью не только для Енисейска, но и для всей Сибири) купеческого рода. В данной статье сделана попытка восполнить существующий пробел и, по возможности, всесторонне осветить жизнедеятельность наиболее ярких представителей династии: их коммерцию, общественную позицию, условия быта, личностные качества.

В Сибири Дементьевы упоминаются с конца 1610-х – начала 1620-х гг. Служилые люди с такой фамилией проживали в Таре, Тобольске, Красноярске, Мангазее, Кузнецке, Кетске, Сургуте, Томске, Тюмени, Верхотурье, Березове⁴. Среди жителей Енисейска Дементьевы встречаются уже в 1640-х гг. Так, в 1645–1646 гг. промышленный человек Богдан Дементьев, прибывший из Кеврольского уезда Архангелогородской губернии, торговал в прасольном ряду на сумму 5 рублей⁵. Другой Дементьев, енисейский крестьянин Родион, в 1650-х гг. занимался пушным промыслом и продажей соболиных мехов⁶. В 1661 г. на службу пешим казаком в Енисейск был прислан «иноземец» драгун Петр Дементьев, получивший при этом годовой оклад в 5 руб., 5 четей ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли⁷. Он отказался перейти в православие и в 1670 г. был отправлен в Москву «на розмен»⁸. В 1680–1690-х гг. добычу и продажу «белорыбицы» вел енисейский посадский Иван Дементьев⁹. В 1717 г. енисейский дворянин Павел Дементьев держал табачный откуп в Красноярске с уездом¹⁰. Вероятно, потомки кого-либо из вышеперечисленных Дементьевых по прошествии нескольких десятков лет и стали енисейскими купцами.

В конце XVIII в. в Енисейске насчитывалось 11 семей (27 душ мужского пола) Дементьевых, в том числе три купеческих (восемь душ мужского пола)¹¹. Всего же купцов в Енисейске с уездом числилось: в начале 1760-х гг. – 248¹², в 1784 г. – 265¹³, в 1797 г. – 197¹⁴, в 1801 г. – 171¹⁵ чел. мужского пола¹⁶. Далеко не последними среди них были три брата: Иван, Василий и Михаил Дементьевы, которые вели торговлю российскими и китайскими товарами, ездили в Кяхту. Брались они и за выполнение подрядных операций: известно,

³ Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 2012. С. 141–144; Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 191.

⁴ Картотека служилых людей Сибири конца XVI – первой половины XVIII в., составленная Д. Я. Резуном. – Архив сектора второй половины XVI – начала XX в. Института истории СО РАН.

⁵ Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965. С. 266.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 433. Л. 33.

⁸ Там же. Стлб. 577. Л. 480.

⁹ Копылов А. Н. Русские на Енисее... С. 183.

¹⁰ Буланков В. В., Шумов К. Ю. Енисейск... С. 64.

¹¹ Там же. С. 108.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 558. Оп. 2. Д. 274. Л. 2 об.

¹³ Там же. Л. 48 об. – 49.

¹⁴ Там же. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1859. Л. 49 об.

¹⁵ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 655. Оп. 2. Д. 252. Л. 72 об.

¹⁶ В разных источниках и литературе сведения о численности как купцов, так и всего населения Енисейска второй половины XVIII в. порой сильно различаются, что связано с особенностями существовавшего в то время демографического учета. Особенно резкие контрасты можно обнаружить при сопоставлении данных за 1760-е гг.: например, П. А. Слоцов говорит о 160 купцах мужского пола и 4000 всех горожан мужского пола, Г. Ф. Быконя – о 1144 чел. мужского пола купцов и посадских и 2218 горожанах мужского пола, В.Н. Разгон – о 2103 купцах мужского пола; по данным Комиссии о коммерции, в начале 1760-х гг. в Енисейске с уездом насчитывалось 3013 купцов (Слоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 402; Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 226; Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1998. С. 36; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 441. Л. 1–7).

что Иван Иванович Дементьев в 1784 г. заключил с провинциальной канцелярией контракт на перевозку соли из казенного Троицкого солеваренного завода на р. Тасеевой в Енисейск и Туруханск, получив за каждый пуд по 4,5 и 10 коп., соответственно¹⁷. Вероятно, он же в 1788 г. «жаловался митрополиту Варлааму на то, что не может добиться расчета за материал, сплавленный для церкви; он рядился сплавить в монастырь кирпич по 3 рубля с тысячи на своих судах»¹⁸.

По всей видимости, состояние братьям осталось от отца, а когда в 1773 г. они решили разделить его между собой и вести торговлю отдельно друг от друга, то, как и многие другие купеческие наследники, оказавшиеся в подобной ситуации, сразу почувствовали «в делах ... упадок»¹⁹. Ивану и Василию еще удавалось в 1793 г. удерживаться во 2-й гильдии, объявляя капитал в 1050 руб., но при проведении V ревизии (1795 г.) Василий уже числился в мещанстве. Кстати, в его доме долгие годы проживал работник – крещеный калмык Федор Васильев, купленный в 1782 г. в возрасте 23 лет в Семипалатинской крепости супругой Василия Ивановича Александрой Кирилловной. К 1795 г. хозяева женили своего дворового человека на восемнадцатилетней крестьянской дочери Пелагее Криводушевой²⁰. Надо сказать, что некоторые образованные современники оценивали существовавшую в Сибири торговлю людьми как положительное явление. Сенатор А. М. Корнилов, служивший в начале XIX в. иркутским, а затем тобольским губернатором, так отзывался о позволенной купцам и чиновникам покупке «калмыцких детей у азиатцев»: «Сколь ни кажется противным чувствительному сердцу такой торг и мена, но оный, напротив того, делает русским честь спасением человечества. Чему бы подверглись сии несчастные жертвы невежества и люто́сти, когда бы не имели и сего способа спасти себя от голодной смерти?»²¹

Дальнейшая судьба Василия точно не ясна. А. И. Кытманов в записи за 1803 г. упоминает некоего енисейского мещанина Василия Дементьева, который «был, кажется, психически больной человек» – его дочь просила «учредить над именем его по законам попечительство». При освидетельствовании Василия местный лекарь обнаружил, что тот совершал «буйные поступки, когда пьян», что, впрочем, не мешало ему служить «по выбору общества кварталным в первой части»²².

Наибольший вес во второй половине XVIII в. приобрел старший брат Василия – Иван Иванович Дементьев, состоявший в 1750–1770-х гг. бургомистром и президентом Енисейского провинциального магистрата, а с 1769 г. – еще и городским головой. Сохранились два интересных документа, связанных с его службой и повествующих о жизни и обязанностях купца екатерининского времени – это «доношения» Енисейского магистрата в Главный за 1760 и 1777 г. В первом из них, жалуясь на обременительность общественной службы и ссылаясь на «изнеможение тамошнего купечества членов», авторы просили сократить число выборных лиц, привлеченных к работе в органах городского самоуправления, оставив в магистрате только президента и одного бургомистра «из ратманов, а бургомистра и ратмана отменить, ибо уже из енисейского купечества ... впредь в магистратские чины выбирать за скудостью, а паче за малоимением грамотных некого»²³. В «доношении» перечислялось 14 различных служб по выбору, которые приходилось исполнять местным посадским, и указывалось, что «такие, которые подостаточнее против своей братьи, за малоимением перво и второстатейных купцов почти из служб в службу выбираются погодно»²⁴ и что «таковых, которые б могли действительно очередные службы отпра-

¹⁷ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 132.

¹⁸ Там же. С. 134.

¹⁹ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 19 080. Л. 3.

²⁰ Быкоя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах... С. 142.

²¹ Замечания о Сибири сенатора Корнилова. СПб., 1828. С. 11–12.

²² Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 157.

²³ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10 083. Л. 3 об.

²⁴ Там же. Л. 3.

лять и положенные подати платить, самое малое число, а за взятых в рекруты, тако ж умерших, престарелых и дряхлых принуждены будут уже неминуемо положенные подати платить оставшие[ся] перво и второстатейные купцы, отчего и наивяще произойти могут во всеконечное разорение и отстание своего купечества»²⁵. Об Иван Ивановиче говорилось, что он «к правлению по Енисейскому магистрату дел в бургомистры выбран человек грамоте и писать недостаточно знающ; к тому ныне на себе имея с прошлого [1]758 году трясоточную болезнь, отчего весьма находится нездоров и в превеликой слабости»²⁶. Однако никакой резолюции Главного магистрата по этому вопросу не последовало, и в 1784 г. дело сдали с архив²⁷. Сам И. И. Дементьев, несмотря на состояние здоровья, в 1763 г. был избран президентом Енисейского магистрата. В данном ему в 1776 г. местными купцами аттестате отмечалось, что на службе он «находился и ныне находится добропорядочно и по касающимся делам обид, налогов и притеснения никому нет, так равно и противных поступков за ним нами не присмотрено, и состояния он честного и беспорочного»²⁸. Жалобы же из Енисейского провинциального магистрата в Главный продолжались и в последующие годы. Одна из них относится к 1780 г. – «покорнейшее доношение» с просьбой освободить енисейское купечество и мещанство от «соляного служения» в крепостях Иртышской линии на том основании, что эти «крепости и в них соляная продажа в ведении состоят Колыванской области»²⁹.

Второе поколение купцов Дементьевых представлено сыновьями Ивана Ивановича – Григорием (1763–1836) и Дмитрием, унаследовавшим отцовское состояние. В 1793 г. Григорий объявлял отдельный капитал в 1010 руб., Дмитрий – в 1026 руб. Григорий Иванович в 1801 г. служил ратманом³⁰, в 1812 г. – бургомистром³¹, упоминался как купец в 1811 и 1827 г., однако к 1820-м гг. дела его заметно пошатнулись: он состоял лишь в 3-й гильдии и занимался мелкооптовой торговлей по городу и уезду³². Дмитрий Иванович, по всей видимости, довольно рано скончался. В 1811 г. в качестве самостоятельных купцов фигурировали уже его сыновья Дмитрий и Федор³³.

Из трех сыновей Григория Ивановича – Константина, Егора (1798–1838) и Ильи (1818–1850) – больше всего сведений сохранилось о последнем. После смерти отца Ильи Григорьевич Дементьев объявил отдельный капитал и в 1838 г. вошел в 3-ю гильдию, занимаясь торговлей разными товарами и скупкой пушнины на Ангаре³⁴. В 1841 г. у него кредитовался И. П. Кытманов – впоследствии один из богатейших енисейских купцов³⁵. Дела И. Г. Дементьева шли весьма успешно: в 1847 г. ему удалось перейти из 3-й сразу в 1-ю гильдию³⁶. Об уровне его благосостояния свидетельствует и авторитет среди горожан (в 1843 г. он был избран кандидатом по городском голове³⁷), и постройка собственного каменного особняка на ул. Зеленой³⁸. Несмотря на постепенный рост каменного строительства (первый каменный дом в Енисейске появился в 1722 г.³⁹, в 1789–1790 гг. в городе

²⁵ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10 083. Л. 3–3 об.

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ Там же. Д. 19080. Л. 4.

²⁹ Там же. Д. 20493. Л. 1.

³⁰ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 151.

³¹ Там же. С. 176.

³² РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 336. Л. 153 об.

³³ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 173–174.

³⁴ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 589. Л. 168 об.; Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 267.

³⁵ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 416.

³⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 160. Оп. 2. Д. 19. Л. 1 об.

³⁷ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 267.

³⁸ Там же. С. 292.

³⁹ Бердников Л. П. Таежная страна Александра Кытманова // Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск, 2016. С. XXXV.

насчитывалось три каменных и 1101 деревянный частный дом⁴⁰, в 1801 г. – семь и 1135⁴¹, в 1825 г. – 15 и 1066⁴², в 1840 г. – 21 и 986⁴³, в 1847 г. – 23 и 1041⁴⁴), в середине XIX в. каменные здания оставались все же редкостью. В мае 1848 г. во время большого наводнения вода в доме И. Г. Дементьева «поднималась до пола нижнего этажа»⁴⁵.

После трагической гибели Ильи Григорьевича в 1849 (или 1850) г.⁴⁶ от взрыва пороха в собственной лавке, когда прибывшие на место происшествия врачи «застали его жившим только полчаса»⁴⁷, семью, как это было заведено в купеческой среде, до совершеннолетия сыновей возглавила его вдова Аграфена Михайловна (р. 1812). Она продолжила объявлять капитал по 1-й гильдии вместе с детьми Григорием (р. 1833), Иваном (р. 1835), Иннокентием (р. 1844) и Марией⁴⁸. Женщина она была решительная и активная – в «Енисейских губернских ведомостях» в октябре 1864 г. сообщалось о поданном ею в Енисейский городской суд денежном иске против енисейского 1-й гильдии купца А. П. Кытманова⁴⁹. Ее сыновья некоторое время сообща вели торговлю мануфактурными товарами в отцовском магазине, но потом забросили это дело. В 1858 г. Григорий Ильич перешел в 3-ю гильдию, исполнял обязанности гласного⁵⁰, Иван Ильич числился во 2-й и 3-й гильдиях, с конца 1880-х гг. – в мещанстве, Иннокентий Ильич служил на частных золотых приисках⁵¹. Про Ивана А. И. Кытманов сообщает, что тот был страстным игроком («вечный партнер во все карточные игры»), тратившим на это занятие каждый вечер в течение 30 лет⁵². В 1886–1887 и 1889 г. в Енисейской городской думе несколько раз рассматривался вопрос о рассрочке состоящего за ним платежа, потом – «о скорейшем взыскании» с него долга 958 руб. 68 коп. с процентами⁵³.

Линию Дмитрия Ивановича продолжили два сына: Дмитрий и Федор. Дмитрий Дмитриевич (р. ок. 1780) в 1810–1820-х гг. состоял во 2-й гильдии, занимался продажей российских и китайских товаров, закупал пушнину в Туруханском крае⁵⁴. Как и подавляющее большинство купцов, Д. Д. Дементьев сосредоточил внимание преимущественно на коммерческой деятельности, не рискуя вкладывать средства в промышленное производство. В 1828 г. в Енисейске действовало лишь 11 мелких мыловаренных и кожевенных заведений, на которых трудились 8 работников⁵⁵. Местное начальство, видя, что «фабричная и заводская промышленность Енисейской губернии стоит на самой низкой степени», указывало на следующие причины такого положения: «1) недавнее население сего края; 2) географическое положение сей губернии, отдаленной от многолюдных и богатых губерний ...; 3) богатые произведения природы для изобильного продовольствия жителей,

⁴⁰ Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 215.

⁴¹ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252. Л. 72 об.

⁴² Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год, составленное из официальных сведений под руководством директора Департамента Полиции исполнительной тайного советника Штера. СПб., 1829. С. 24.

⁴³ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1842. С. 10–11.

⁴⁴ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1852. С. 8–9.

⁴⁵ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 292.

⁴⁶ Там же. С. 198, 298.

⁴⁷ Там же. С. 298.

⁴⁸ ГАКК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 19. Л. 1 об. – 2.

⁴⁹ Енисейские губернские ведомости. 1864. № 40 (3 окт.). С. 414.

⁵⁰ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 352.

⁵¹ ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 670. Л. 1 об. – 3 об.

⁵² Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 267.

⁵³ Енисейские губернские ведомости. 1886. № 6 (8 февр.). С. 10; 1887. № 49 (5 дек.). С. 10; 1889. № 42 (21 окт.). С. 8.

⁵⁴ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 336. Л. 153; Буланков В. В., Шумов К. Ю. Енисейск... С. 67; Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 173.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 8. Л. 7 об.

которые по сему не имеют большой надобности прибегать к мануфактурной промышленности; 4) малонаселенность; 5) малое понимание жителей о выгодах, приобретаемых оною промышленностью; 6) недостаток капиталов, потребных на заведения фабричные; 7) невозможность сбывать за Урал изделия по недостатку водяных путей сообщения; 8) недостаток предприимчивости в жителях так, что не находится никого, кто бы отважился на что-нибудь полезное в сем роде ... и участием своим подал пример другим»⁵⁶.

И все же именно торговля пушниной помогла Дмитрию Дмитриевичу скопить значительный капитал и стать одним из самых богатых жителей города⁵⁷: в 1820-х гг. лишь единицы енисейских купцов входили в две верхние гильдии (в 1822 г. по 1-й гильдии объявлялся один капитал, по 2-й – два, по 3-й – двадцать пять⁵⁸, в 1824 г. – один по 1-й и шестнадцать – по 3-й гильдии⁵⁹, в 1828 г. – четыре по 1-й, четыре по 2-й и шестьдесят два по 3-й гильдии⁶⁰). Накопленные средства позволили Д. Д. Дементьеву возвести собственный двухэтажный каменный, крытый железом дом на ул. Большой.

В 1818 г. Дмитрий Дмитриевич был избран енисейским городским головой и стал известен тем, что в 1820-х гг. построил в городе каменную богадельню⁶¹. А. И. Кытманов пишет, что «сначала призреваемые в ней содержались им и его наследником на свой счет, но в 1846 году содержание богадельщиков приняло на себя градское общество. В пятидесятых годах дом богадельни пришел в ветхость и дума перевела богадельню в небольшой домик, принадлежавший Троицкой церкви»⁶². Правда, этой информации несколько противоречат сведения из других источников. В ведомости о всех благотворительных заведениях в городах Енисейской губернии за 1840 г. сообщалось, что в Енисейске действовала лишь одна больница, находившаяся в ведении Приказа общественного призрения⁶³. Эти же данные приводятся в «Статистических таблицах о состоянии городов Российской империи» за 1840 г.⁶⁴ и 1847 г.⁶⁵ Между тем, в 1789–1790 гг. в Енисейске существовало четыре богадельни⁶⁶, а в 1825 г. – 5⁶⁷. В рапорте енисейского гражданского губернатора за 1834 г. отмечалось, что в то время в городе находилась одна больница на 22 человека при Приказе общественного призрения⁶⁸, а енисейский купец Дементьев вызвался «по приглашению» начальника губернии поучаствовать в обустройстве больницы в заштатном Туруханске: «...пожертвовал деревянный весьма удобный дом, с обязательством сделать на свой счет все поправки и пристройки, какие признаны будут нужными»⁶⁹. Похоже, однако, что и это начинание осталось без продолжения: в опубликованной статистике за 1840-х гг. о наличии в Туруханске какого бы то ни было «богоугодного заведения» не сообщалось.

Однако ничего не сделать для жителей Туруханского края, благодаря торговле с которыми он составил свое состояние, Дмитрий Дмитриевич не мог. Для предотвращения нередкого в низовьях Енисея голода в 1820 г. он вместе с красноярским купцом Поповым подрядился доставить по низкой цене в запасные казенные хлебные магазины Туруханского края 25 тыс. пуд. муки, выделив при этом 1000 мешков⁷⁰. Возможно, именно

⁵⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 8. Л. 7.

⁵⁷ Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 352.

⁵⁸ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 163. Л. 175.

⁵⁹ Там же. Л. 212.

⁶⁰ Там же. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 8. Л. 1 об. – 2.

⁶¹ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 222.

⁶² Там же. С. 187.

⁶³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 13. Л. 22.

⁶⁴ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского... С. 10–11.

⁶⁵ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи... С. 8–9.

⁶⁶ Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 215.

⁶⁷ Статистическое изображение городов и посадов Российской империи... СПб., 1829. С. 24.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 989. Л. 617 об. – 618.

⁶⁹ Там же. Л. 629.

⁷⁰ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 196.

Д. Д. Дементьев в 1836 г. по заказу Енисейского окружного начальника закупил на Ирбитской ярмарке учебники для туруханского училища⁷¹. Жертвовал он и в пользу русской армии в 1812 г.⁷²

В Государственном архиве Красноярского края отложился документ, позволяющий добавить несколько черточек к образу Дмитрия Дмитриевича, – его прошение Архиепископу Тобольскому, написанное в апреле 1823 г. В связи с вводившимся тогда новым делением Енисейска на приходы Д. Д. Дементьев просил разрешить ему остаться при Христорождественской церкви и приводил следующие доводы: «...в каковой храм я посильные мои и приношения чинил, и на будущее время с возможностью моею от сего не отрекаюсь, ныне же ... имею усердие с семейством своим остаться навсегда в приходе Рождества Христова ... так как церкви здесь находятся одна от другой не в дальнем расстоянии, то сие ни мало и не будет противно порядку...»⁷³

Второй сын Дмитрия Ивановича – Федор Дмитриевич (ум. 1838) занимался оптовой и розничной торговлей китайскими и российскими товарами, в том числе в Кяхте⁷⁴. Во второй половине 1830-х гг. ему удалось разбогатеть и из 3-й гильдии подняться до 1-й⁷⁵. Как и другие члены семейства Дементьевых, Федор Дмитриевич служил в органах городского самоуправления (в 1816 г. – гласным⁷⁶, в 1837–1839 гг. – судьей⁷⁷), занимался благотворительностью (в 1812 г. сделал взнос на ведение войны с французами⁷⁸).

На середину XIX в. пришелся расцвет жизненных сил двух двоюродных братьев: Василия Дмитриевича (1811–1853) и Никандра Федоровича (1811 – после 1879) Дементьевых. Василий Дмитриевич в разные годы входил то в 3-ю, то во 2-ю, то снова в 3-ю гильдии⁷⁹, в 1843 г. избирался городским головой⁸⁰, однако к концу жизни разорился и был объявлен несостоятельным должником. Уже после его смерти в январе 1863 г. оставленное им недвижимое имущество – разрушенный двухэтажный дом с пристройками и землей на ул. Большой, оцененный в 496 руб. 50 коп., и деревянное здание с двумя торговыми лавками на ул. Большой, близ Базарной площади, да три амбара и «около них два жилых помещения в один этаж» стоимостью в 2 тыс. руб. – было продано с торгов «на удовлетворение с него взыскиваемым разными лицами денег»⁸¹.

Удачнее сложилась жизнь Никандра Федоровича Дементьева, который пробовал себя в хлебной и мануфактурной торговле, кредитных операциях и золотопромышленности, сумев накопить достаточный для перехода из 3-й сначала во 2-ю, а потом и в 1-ю гильдию капитал⁸². В. Н. Разгон называет его одним из наиболее удачливых енисейских хлеботорговцев 1850-х гг.⁸³ В списке купцов за 1861 г. из шести глав семей, числившихся в высшей гильдии, Никандр Федорович был указан под первым номером, объявлявшийся им капитал составлял 15 тыс. руб., а в семье насчитывалось два человека мужского пола и семь – женского⁸⁴. К концу 1850-х гг. он стал потомственным почетным гражданином – таким статусом обладали лишь единицы жителей Енисейска: в 1840 г. – двое⁸⁵, в 1847 г. –

⁷¹ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 238.

⁷² Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 17–18.

⁷³ ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 852. Л. 1–1 об.

⁷⁴ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 589. Л. 168.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 184.

⁷⁷ Там же. С. 240.

⁷⁸ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 17–18.

⁷⁹ ГАКК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 19. Л. 6.

⁸⁰ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 267.

⁸¹ Енисейские губернские ведомости. 1862. № 47 (24 нояб.). С. 397.

⁸² РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 589. Л. 168 об.; ГАКК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 19. Л. 2 об.

⁸³ Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 297.

⁸⁴ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Л. 1 об. – 3.

⁸⁵ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского... СПб., 1842. С. 10–11.

один⁸⁶, в 1860 г. – восемь человек мужского пола, включая несовершеннолетних⁸⁷. В 1862 г. во всей Енисейской губернии почетных граждан было всего трое (в Красноярске – П. И. Кузнецов, в Енисейске – Н. Ф. Дементьев и в Канске – И. Ф. Прейн)⁸⁸. Для того, чтобы стать почетным гражданином, купцу требовалось пробыть двадцать лет подряд в 1-й гильдии, не запятнав себя привлечением к суду⁸⁹.

В 1870-х гг. Н. Ф. Дементьеву принадлежал один из крупнейших в городе мануфактурных магазинов⁹⁰. О богатстве Дементьева в какой-то мере свидетельствует сумма долга ему местного купца Н. К. Кобычева – 3588 руб. 24 коп.⁹¹, а испытывавшая серьезные затруднения компания Л. А. Родственной к 1876 г. задолжала ему 6216 р.⁹² В 1860 г. кредитовавшийся у Н. Ф. Дементьева антрепренер Ярославцев был вынужден передать в его распоряжение городской театр⁹³.

Однако в бизнесе случалось всякое: в 1858 г. Н. Ф. Дементьеву наряду с другими хлеботорговцами, закупившими крупные партии пшеничной муки по 1 руб. 5 коп., пришлось продать ее себе в убыток по 80 коп.⁹⁴ В 1870 г. Никандр Федорович решает расширить сферу деятельности и попытаться счастья в золотопромышленности, «но очень скоро отстал от нее»⁹⁵ – слишком много было перед глазами примеров банкротств даже самых крупных и уверенных в себе воротил, не сумевших приспособиться к происходившим изменениям в экономике Сибири, когда перекачка средств в добывающую промышленность при отсутствии широкого и дешевого кредита вызывала замедление оборота капитала⁹⁶.

В 1854 г. Никандр Федорович достроил отцовский каменный дом на ул. Большой (ныне – ул. Ленина, 109), при котором находился старый флигель с «торговыми магазинами», а в 1847 и 1851 г. купил еще два расположенных рядом деревянных здания. Особняк вместе «с принадлежащими к нему подвалом и прочими пристройками и землею 428 кв. сажень и 3 1/2 квадратных аршина» в 1863 г. оценивался в 8 тыс. руб. серебром⁹⁷.

Будучи в глазах сограждан первым среди местного купечества, Н. Ф. Дементьев неоднократно исполнял различные общественные службы по выбору: в 1834–1837 гг. – был гласным Енисейской городской думы, в 1840–1852, 1855 г. – кандидатом «по городском голове»⁹⁸, в 1857–1866 гг.⁹⁹ – городским головой, в конце 1859–1860 г. – одним из директоров Енисейского отделения попечительства о тюрьмах¹⁰⁰. Не приходится сомневаться, что, занимая все эти должности, Н. Ф. Дементьеву приходилось вкладывать личные средства на самые разнообразные нужды города, однако про эту, связанную с благотворительностью, сторону его жизни известно немного: в 1860 г. он подарил икону Енисейскому женскому училищу¹⁰¹, в 1864 г. выделил 1 тыс. руб. на основание гимназии в Красноярске¹⁰², в 1874 г. после пожара пожертвовал 5800 руб. на иконостас главного придела Вос-

⁸⁶ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи... С. 8–9.

⁸⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 481. Л. 101.

⁸⁸ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Л. 1 об., 37 об., 101 об.

⁸⁹ ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1833. Т. VII. № 5284. С. 193–195.

⁹⁰ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 501–502, 521.

⁹¹ Туман-Никифорова И. О. Гильдейское купечество... С. 95.

⁹² Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 529.

⁹³ Там же. С. 377, 446.

⁹⁴ Там же. С. 353.

⁹⁵ Там же. С. 467.

⁹⁶ Шпалтаков В. П. Купеческий капитал в Сибири в первой половине XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 71.

⁹⁷ Енисейские губернские ведомости. 1863. № 4 (26.01). С. 35.

⁹⁸ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 331.

⁹⁹ Там же. С. 386.

¹⁰⁰ Там же. С. 366.

¹⁰¹ Там же. С. 376.

¹⁰² Там же. С. 420.

кресенской церкви¹⁰³; видимо, он же в 1876 г. вошел в состав строительного комитета для заведывания постройкой здания Енисейской прогимназии¹⁰⁴.

Енисейск. Фото 1870-х гг.

Активным членом енисейского городского самоуправления и благотворителем, как и отец, стал сын Никандра Федоровича – потомственный почетный гражданин, купец 2-й гильдии Николай Никандрович (1846 – после 1917). О размахе предпринимательской деятельности и общественном весе этого представителя династии Дементьевых свидетельствуют многочисленные упоминания о нем как в Кытмановской летописи, так и в региональной периодической печати второй половины XIX – начала XX в. В добрых отношениях с Николаем Никандровичем состоял известный красноярский протоиерей о. Василий (Касьянов). В своих дневниках он несколько раз упоминал о встречах с Н. Н. Дементьевым в конце 1880-х – начале 1890-х гг.¹⁰⁵ В частности, в записи, сделанной

¹⁰³ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 506.

¹⁰⁴ Там же. С. 523.

¹⁰⁵ Касьянов Василий Дмитриевич, протоиерей. Из дневников 1870 – 1897 гг.: в 2 кн. / Автор-сост. А. В. Броднева. Кн. 1. Красноярск, 2012. С. 443, 489, 562.

6 июня 1889 г., говорится: «У меня погостил енисейский, ничего не пьющий, Н. Н. Дементьев»¹⁰⁶.

Крупный торговец, Николай Никандрович владел несколькими магазинами, в которых продавались мануфактурные, галантерейные, скобяные и прочие товары. Одно из принадлежавших ему помещений в 1882 г. арендовал за 1200 руб. купец И. Н. Гундобин под питейное заведение¹⁰⁷. Н. Н. Дементьев неоднократно избирался гласным Енисейской думы¹⁰⁸, с 1872 г. служил членом городской управы (вел маклерскую и нотариальную часть, отвечал за сбор денег за лавки и покосы, наблюдал за ходом торговли¹⁰⁹), а в начале 1880-х гг. стал городским головой вместо заболевшего И. П. Кытманова¹¹⁰. Впрочем, Н. Н. Дементьев не всегда соглашался занимать выборные должности в органах городского самоуправления: в декабре 1894 г. по каким-то соображениям он отказался от баллотировки в городские головы¹¹¹. Из-за трений с думой ушел он и с поста председателя санитарной комиссии, образованной по предписанию губернатора в 1892 г. в связи с угрозой эпидемии холеры¹¹².

Несмотря на крайне низкую избирательную активность (на выборы в Енисейскую думу в 1870 г. из 903 избирателей пришли только 70, в 1876 г. из 638 – 67¹¹³), что, впрочем, было характерно и для других сибирских городов, по словам А. И. Кытманова, «в Енисейске вступление новых членов городского управления было праздником. Целый день проходил в том, что поздравляли новых и благодарили старых выборных лиц. Все служили безвозмездно и служили, насколько могли, добросовестно, жалование получал только секретарь управы и думы»¹¹⁴.

Исполняя обязанности городского головы, Н. Н. Дементьеву приходилось принимать меры для борьбы с ростом цен на хлеб, с пьянством и антисанитарией¹¹⁵. Он распорядился провести канавы для стока воды, посыпать улицы галькой, организовать наблюдение за вывозом навоза, употребив на эти цели более 1500 руб. из личных средств¹¹⁶. Он же выступил инициатором установки керосиновых фонарей, зажигать которые входило в обязанности пожарников¹¹⁷.

Помимо вклада в благоустройство города, Николай Никандрович уделял большое внимание развитию народного образования – приоритетного направления деятельности городских дум в социальной сфере¹¹⁸. В 1880-х гг. Н. Н. Дементьев входил в попечительный совет Енисейской женской гимназии¹¹⁹, в 1881 г. пожертвовал в ее пользу 100 руб.¹²⁰ В 1886 г. выделил 256,39 руб. на содержание Александровского дома призрения бедных детей в Енисейске¹²¹. В 1883 г. Николай Никандрович обратился к думе с письменным предложением в честь коронации Александра III учредить в городе Общество попечения о начальном образовании по примеру первого в Сибири, возникшего в Томске в 1882 г.¹²²

¹⁰⁶ Касьянов В. Д. Из дневников... С. 489.

¹⁰⁷ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 567.

¹⁰⁸ Там же. С. 482, 527, 552, 591, 625.

¹⁰⁹ Там же. С. 482.

¹¹⁰ Там же. С. 556–557, 576, 591.

¹¹¹ Енисей. 1895. № 5 (11.01). С. 4.

¹¹² Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 669–670.

¹¹³ Там же. С. 482, 527.

¹¹⁴ Там же. С. 556.

¹¹⁵ Там же. С. 579, 669.

¹¹⁶ Там же. С. 607.

¹¹⁷ Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь... С. 133.

¹¹⁸ Катцина Т. А. Общественное призрение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2002. С. 20.

¹¹⁹ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 600.

¹²⁰ Енисейские губернские ведомости. 1882. № 10 (6.03). С. 3.

¹²¹ Там же. 1887. № 42 (17.10). С. 12.

¹²² Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000. С. 42.

Он представил проект устава и внес 1000 руб. для образования капитала новой организации. В письменном заявлении Н. Н. Дементьев «указал, что потребность в образовании в городе растет, а школ мало и они переполнены ... Заботясь об образовании детей богатых в гимназиях ... тем более следует позаботиться о детях беднейших жителей города, для которых есть только два приходских училища»¹²³. В 1884 г. Общество попечения о начальном образовании было открыто, первое общее собрание всех его членов состоялось 14 ноября¹²⁴. В знак признания заслуг Николая Никандровича, он был избран председателем на общем собрании членов Общества, состоявшемся 12 мая 1895 г.¹²⁵

Еще одно направление благотворительной деятельности Н. Н. Дементьева было связано с пожертвованиями на нужды Православной Церкви. В 1882 г. на его средства был возведен деревянный храм в дер. Мотыгиной¹²⁶. Проявил он себя и в должности церковно-приходского старосты енисейской Воскресенской церкви: будучи избран в 1884 г.¹²⁷, уже 12 мая того же года он получил разрешение на «исправление церковной ограды на собственные средства»¹²⁸.

Стоявший долгое время у руля управления городом и хорошо осведомленный, Николай Никандрович стал одним из информаторов А. И. Кытманова при работе над «Летописью Енисейского уезда»¹²⁹. Автор обращался за консультацией также к Ивану Ильичу и Иннокентию Ильичу Дементьевым¹³⁰.

В конце XIX в. в Енисейске проживал и купец 2-й гильдии Евграф Дмитриевич Дементьев (р. 1840/1842), однако его родство ни с кем из вышеперечисленных лиц установить не удалось. В 1876 г. он был выбран на должность одного из словесных судей, от которой, впрочем, отказался¹³¹. К 1890 г. Е. Д. Дементьев разорился и Енисейское окружное полицейское управление наложило запрещение на его «недвижимое имение, где-бы какое ни оказалось ... за неплатеж красноярскому купцу Николаю Герасимовичу Гадалову по векселю, писанному 9 августа 1888 года, за уплатою 757 руб. сер[ебром] с процентами»¹³².

В списке выборщиков в IV Государственную думу по Енисейску за 1912 г., кроме Николая Никандровича Дементьева, значились его родственники и однофамильцы – владельцы недвижимости и плательщики прогрессивного налога: Александр Иванович, Венямин Фаддеевич, Григорий Захарович, Иннокентий Ильич, Михаил Федорович, Павел Захарович, Порфирий Наркизович Дементьевы¹³³. О судьбе Дементьевых в советское время каких-либо определенных сведений пока не выявлено. Несомненно, кто-то из них остался в родном городе. На установленном в центре Енисейска памятнике павшим на полях сражений в ходе Великой Отечественной войны, выгравированы фамилии и инициалы А.В., Е.И., И.Л. и Н.С. Дементьевых – возможно, потомков некогда состоятельного и широко известного купеческого рода.

В целом знакомство с историей Дементьевых – единственной династии, продержавшейся в купечестве Енисейска на протяжении полутора веков, позволяет говорить о таких характерных для всего сибирского купечества чертах, как неустойчивое социальное положение купцов (частые переходы из одной гильдии в другую, банкротство), кризисы, вызванные дроблением наследственного капитала, сочетание различных видов предпринимательства при доминировании коммерции, экономическая активность женщин из купеческой среды, непереносимое участие в общественной и благотворительной деятельности.

¹²³ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 578.

¹²⁴ Там же. С. 587

¹²⁵ Енисей. 1895. № 67 (7.06). С. 1.

¹²⁶ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 576.

¹²⁷ Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 6 (16.04). С. 74.

¹²⁸ Там же. № 9 (1.06). С. 121.

¹²⁹ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края... С. 331, 377, 406, 438, 467, 586.

¹³⁰ Там же. С. 223, 224, 285, 292, 293, 297, 306, 335.

¹³¹ Там же. С. 528.

¹³² Енисейские губернские ведомости. 1890. № 17 (28 апр.). С. 4

¹³³ Там же. 1912. Приложение к № 100 (1 авг.).

Как и прочие купцы, Дементьевы стремились приспособиться к окружавшим их реалиям и наилучшим образом устроить свой бизнес. Успешная торговля пушниной и хлебом, выгоды от исполнения общественных служб (хорошая осведомленность, преимущества в получении казенных подрядов), а также поддержка многочисленных родственников позволили им длительное время входить в верхние слои купечества. Несмотря на выявленные попытки представителей разных поколений династии уклониться от порой чересчур обременительных обязанностей, сопряженных с занятием выборных должностей в органах городского самоуправления, многочисленные факты общественного служения и жертвований на самые разнообразные нужды сограждан подчеркивают значение рода Дементьевых для развития Енисейска и Енисейской губернии.

Список литературы

- Бердников Л. П.* Таежная страна Александра Кытманова // Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. С. VIII–XXXVII.
- Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А.* Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. 212 с.
- Буланков В. В., Шумов К. Ю.* Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск: Книжное изд-во, 1999. 216 с.
- Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
- Замечания о Сибири сенатора Карнилова. СПб.: Типография Карла Крайя, 1828. X, 105 с.
- Касьянов Василий Дмитриевич*, протоиерей. Из дневников 1870–1897 гг.: в 2 кн. / Автор-составитель А.В. Броднева. Кн. 1. Красноярск: ООО Издательский дом «Восточная Сибирь», 2012. 704 с.
- Катцина Т. А.* Общественное призрение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2002. 33 с.
- Кискидосова Т. А.* Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», ООО «Кооператив «Журналист», 2012. 312 с.
- Комлева Е. В.* Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2006. 386 с.
- Копылов А. Н.* Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Редакционно-издательский отдел СО АН СССР, 1965. 297 с.
- Кытманов А. И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год / вступ. ст. Л.П. Бердникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. 888 с.
- Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Изд-во «Наука»: Сибирское отделение, 1982. 321 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1833. Т. VII.
- Разгон В. Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1998. 660 с.
- Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск: Изд-во «Вен-Мер», 1995. 676 с.
- Быконя Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Изд-во «Наука»: Сибирское отделение, 1981. 248 с.
- Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб.: Типография Карла Крайя, 1842. 76 с.
- Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1852. 47 с.
- Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год, составленное из официальных сведений под руководством директора Департамента Полиции исполнительной тайного советника Штера. СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1829. 95 с.
- Туман-Никифорова И. О.* Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX веков). Красноярск: Изд-во КГТЭИ, 2003. 182 с.
- Шпалтаков В. П.* Купеческий капитал в Сибири в первой половине XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 58–72.
- Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012. Т. 1. 450 с.

*E. V. Komleva**

**The Dynasty of the Yeniseisk Merchants Dementievs
(Second Half of the 18th – Early 20th Century)**

The article on the basis of a wide range of sources covers the history of one of the most rich and numerous merchant dynasties of Yeniseisk – the Dementievs, who were the only merchant family to have remained within the local merchantry for a century and a half: from the mid-XVIII to the early XX century. The author traces the fate of the prominent representatives of several generations of this family; reveals their possible ancestors and family connections; characterizes their commercial and business activity, service in the city self-government, participation in charity and level of their material welfare; gives evidence of contemporaries about the personal qualities of some of the Dementievs and the excerpts from the documents, indicating the living conditions not only of this family, but also of the Siberian merchantry in general. Using the example of the Dementiev clan one can observe such features characteristic of the whole merchant class as unstable social status, combination of different types of entrepreneurship along with a dominant role of commerce, obligatory participation in public and charitable activities, economic activity of merchant widows. Successful trade in furs and bread, benefits from the execution of public services (good awareness, the benefits of obtaining government contracts), as well as the support of numerous relatives allowed the Dementievs to belong to the upper layers of merchantry for a long period and to make a significant contribution to the development of Yeniseisk and the Yeniseisk province.

Keywords: Yeniseisk, merchantry, the Dementievs, commerce, entrepreneurship, public service, charity.

Статья поступила в редакцию 5.07.2018

* **Komleva Evgeniya V.** – Candidate of Sciences (History), senior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: feodal@history.nsc.ru

Василий Михайлович Муравьев: опыт биографического очерка на базе эпистолярного наследия

Статья посвящена важнейшим аспектам биографии Василия Михайловича Муравьева, адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. На базе комплекса источников личного происхождения, в основном эпистолярных, в рамках исторической концепции «человека второго плана» характеризуются вехи и события жизни В. М. Муравьева, его личность, создается образ молодого человека на государственной службе середины царствования Николая I.

Ключевые слова: Сибирь, администрация, Н. Н. Муравьев-Амурский, В. М. Муравьев, историческая биография, персональная история

В последние годы методы и подходы персональной (новой биографической) истории сверхпопулярны. Они позволяют возобновить на новом этапе и, можно надеяться, новом уровне изучение жизни и деятельности отдельных личностей, даже не сыгравших заметной роли в истории. О внимании к этой проблематике свидетельствуют не только реконструкции биографий многих «людей второго плана» в контексте исторической эпохи, но и глубокий теоретический анализ проблемы в рамках работы над проектом «Человек второго плана в истории». Результаты представлены в серии сборников, издававшихся в Ростове-на-Дону под редакцией Н. А. Мининкова¹. Н. А. Мининков и его коллеги в статье, обобщающей результаты пятилетней работы, предложили своеобразную классификацию персонажей и героев подобных исследований, разделив их на три категории. Первая – ««выдающиеся личности» (“персоны первой величины”)), «экстраординарность личных качеств которых создавала у современников и потомков впечатление их исключительности». Вторая – «человек второго плана, который «в большей мере интегрирован в социальный контекст и в этом смысле – типичен», он «выделяется из толпы, но в то же время “не дотягивает”... до масштаба “творца истории” и “вершителя судеб”». И, наконец, лица «“третьего плана” (исторического фона, единиц социального ландшафта) – безымянные, вербально и визуально не представленные как индивидуумы»².

В дополнение к этим разработкам можно привести давние рассуждения С. А. Венгерова. В предисловии к своему знаменитому «Критико-биографическому словарю русских писателей и ученых» он обосновывал необходимость включения в него не только «крупных» и «больших» писателей. «Я считаю совершенно ненаучным изучать литературу только в ее крупных представителях, – писал он. – Нет одиноких вершин на равнине, всякая литературная эпоха есть сплошной горный кряж, одного происхождения и одного и того же свойства. А для изучения свойств данной горной породы столь же характерны мелкие отроги, как и венчающие горный кряж вершины»³.

Среди многочисленных офицеров и чиновников Российской империи были выдающиеся деятели администрации – такие, как братья декабрист А. Н. Муравьев, гр. М. Н. Муравьев-Виленский, Н. Н. Муравьев-Карский или их родственник Н. Н. Муравьев-Амурский⁴. Но были и рядовые, служившие и выполнявшие более или менее важные обя-

* Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: nmatkhanova@mail.ru

** Екатерина Николаевна Туманик – канд. ист. наук, ученый секретарь, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: kattum@mail.ru

¹ Человек второго плана в истории. Вып. 1–5. Ростов-на-Дону, 2004–2008.

² Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Пг., 1915. Т. 1. Вып. 1–3. С. XIV–XV.

³ Там же.

⁴ По линии Муравьевых Александр, Михаил и Николай были шестипородными братьями Муравьева-Амурского, но по материнской линии Мордвиновых их родство было ближе: мать Муравьева-Амурского приходилась племянницей их матери (Муравьев М. В. Муравьевы. Родословная. Ревель, 1893.).

занности. Без них огромная машина государственного аппарата просто не могла бы функционировать. Как это было принято в окраинных регионах, офицеры и чиновники нередко выполняли схожие обязанности. Одним из таких офицеров был сын М. Н. Муравьева Василий Михайлович.

Эпоха гр. Н. Н. Муравьева-Амурского традиционно привлекает пристальное внимание исследователей, а многоплановая разработка данной темы, пожалуй, еще на долгие годы останется актуальной для истории России. Очень важно изучение окружения самого выдающегося генерал-губернатора Восточной Сибири – круга тех лиц, на кого он опирался в своей служебной деятельности, работавших под его руководством и сопричастных великому делу освоения Амура. Рассказывая о соратниках Н. Н. Муравьева, воссоздавая на исторической основе их биографии, правомерно строить исследование именно на базе современного направления науки, изучающего роль и место «человека второго плана» в истории. Василий Михайлович Муравьев как раз является классическим примером подобного «человека второго плана», у которого, правда, были все перспективы и возможности со временем стать «персоной первой величины», если бы ему суждена была долгая жизнь. В. М. Муравьев недолго прослужил в Восточной Сибири: он приехал вместе с новым генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым его адъютантом в феврале 1848 г., а 13 апреля 1849 г. уже скончался. В. М. Муравьев был любимым адъютантом генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, оказавшим своему начальнику огромную помощь в управлении краем на первом этапе его служебной деятельности. Известно, что В. М. Муравьев принадлежал к числу самых близких подчиненных начальника, жил (вместе с еще несколькими ближайшими сотрудниками генерал-губернатора) в его доме, пользовался его абсолютным доверием и даже привязанностью. В. М. Муравьев относился к числу «молодых, образованных и проникнутых идейными устремлениями» приезжих чиновников, входивших в «ближайшее окружение Муравьева в первые годы его генерал-губернаторства»⁵. Это был, пожалуй, лучший адъютант и очень способный молодой чиновник в свите генерал-губернатора в 1848 г. Можно сказать, что опора на таких помощников, как В. М. Муравьев, очень помогла Н. Н. Муравьеву войти в должность, крепко взять в свои руки управление краем и определиться с направлениями административной политики.

От последнего периода жизни В. М. Муравьева остались письменные свидетельства как его собственные, так и его сослуживцев, друзей, родных и знакомых. Они позволяют судить о взглядах молодого человека на многие проблемы эпохи, его административной карьере, личных и служебных качествах, нравственном облике. В данной статье на базе, в основном, эпистолярных источников мы постараемся охарактеризовать личность, а также основные вехи жизненного пути В. М. Муравьева, уделив особое внимание сибирскому периоду. Биография Василия Муравьева, прожившего очень короткую, но яркую, активную и насыщенную жизнь, специально не разрабатывалась.

Василий Михайлович Муравьев (9 июня 1824 – 13 апреля 1849), третий сын гр. М. Н. Муравьева-Виленского, безусловно, принадлежал к числу передовых молодых людей своей эпохи – и по морально-нравственным качествам, и по образованию и карьере, и по политическим убеждениям. Выйдя из семейного круга, который по полному праву можно считать, следуя разработкам Н. К. Пиксанова и Ю. В. Манна, одним из истинных «гнезд русской культуры»⁶, он был воспитан в рамках своей большой семьи и в соответствии с ее ценностями, а прежде всего своими родителями, уделявшими огромное внимание детям. Поколение, предшествовавшее в семейной истории Василию Муравьеву, было блистательным. Его отец, герой 1812 года, основатель «Московского общества математиков», декабрист и один из авторов устава Союза благоденствия, преподаватель

⁵ Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 127; Она же. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 148.

⁶ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. Введение в изучение. М.; Л., 1928; Манн Ю. В. Гнезда русской культуры. Кружок и семья. М., 2016. С. 3.

московского учебного заведения для колонновожатых, в 1827 г. начал административную карьеру (вице-губернатор в Витебске, губернатор в Могилеве, губернатор в Гродно, губернатор в Курске). С 1842 г. М. Н. Муравьев занимал должность управляющего Межевым корпусом; это время совпало с началом военной службы Василия. Дядя Василия Муравьева – один из самых известных декабристов Александр Николаевич Муравьев, «первый декабрист», основатель Союза спасения и Союза благоденствия, к середине 1840-х гг. успевший послужить на двух губернаторских постах – в Тобольске и Архангельске⁷. Мать В. М. Муравьева – Пелагея Васильевна Шереметева, родная сестра жены декабриста И. Д. Якушкина Анастасии. Таким образом, по материнской линии Василий Муравьев был также связан с декабристами близким родством – Якушкин был его дядей; самые тесные родственные и дружеские отношения связывали В. Муравьева и с двоюродными братьями Вячеславом и Евгением Якушкиными, сыновьями декабриста.

Дедом Василия Муравьева был выдающийся военный педагог генерал-майор Н. Н. Муравьев, основатель и руководитель упомянутой школы колонновожатых. После своей отставки и вплоть до кончины в 1840 г. Н. Н. Муравьев принимал самое деятельное участие в воспитании внуков. Но особенное влияние на молодежь семейного клана Муравьевых-Шереметевых оказывала бабушка – Надежда Николаевна Шереметева (1775–1850). Н. Н. Шереметева, урожденная Тютчева, по праву считается одной из выдающихся русских женщин своего времени. Прекрасно известно, какое мировоззренческое и нравственное влияние она оказала на творчество Н. В. Гоголя. Эмоциональность, искренность, сильные чувства, деятельный характер, простота в обращении, страстность натуры – вот отличительные черты ее характера и личности; именно эти качества привлекали к ней людей. Н. Н. Шереметева имела достаточно глубокие для своей эпохи христианские убеждения и много занималась благотворительностью. Она горячо любила всех своих внуков, принимала деятельное участие в судьбе каждого из них, но к Василию была привязана особо. Василий Муравьев также питал к бабушке доверительное почтение и любовь, она была очень близка ему, что отразилось в его письмах к ней за то время, когда он жил с ней в разлуке, вступив на поприще службы. Сохранилось более 30-ти писем В. М. Муравьева к Н. Н. Шереметевой за 1843–1848 гг., написанных с Кавказа, из Курска, Риги, Иркутска.

Обратим отдельное внимание на то, что воспитанию подрастающего поколения уделялось основополагающее внимание в декабристской системе ценностей, восходящей еще к Уставу Союза благоденствия, который был разработан А. Н. и М. Н. Муравьевыми. В собственных детях они, конечно же, хотели вырастить достойную себе смену, своеобразный идеал «слуги Отечества», воспитанный, в том числе, и на собственных переоценках пути в тайном политическом обществе⁸. Личность Василия Муравьева выковывалась совершенно сознательно, став ярким образцом декабристского воспитания. Собственно говоря, именно этим во многом и интересен данный исторический персонаж.

Показательно, что среди выявленных отзывов о Василии Муравьеве нет ни одного отрицательного, что относится даже к оценкам декабриста Д. И. Завалишина, занимавшего крайне критическую позицию по отношению к Н. Н. Муравьеву-Амурскому и его окружению. Приехавший вместе с В. М. Муравьевым в Сибирь и принадлежавший к тому же «нашему кругу» близких соратников генерал-губернатора Б. В. Струве вспоминал о знакомстве с ним: «С этого часа начинается то близкое знакомство мое с Василием Михайловичем, которое кончилось бы тесною дружбою, если бы смерть не похитила прежде времени этого славного юношу, про которого Головин писал Муравьеву, что он приобретает в нем хорошего офицера, усердного к службе, при том дельного, основательного и скромного. Я от себя прибавлю, что это была душа теплая, чистая, светлая, благоговевшая перед сердцем и умом своей матери Пелаг[еи] Вас[ильевны] Муравьевой, урожденной Шереме-

⁷ Туманик Е. Н. Декабрист Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск, 2006.

⁸ Там же. С. 291–296.

тевой. “Она чует сердцем и понимает умом многое, что другим невдомек”, – говаривал про нее Василий Михайлович, читая получаемые им от нее за шесть тысяч верст задушевные письма⁹. Упомянутый Головин – это Е. А. Головин, командир Отдельного Кавказского корпуса, под началом которого служили и Николай Николаевич Муравьев, и его молодой родственник и подчиненный.

Важным источником, ярко рисующим личность В. М. Муравьева, является комплекс его писем к Н. Н. Шереметевой, о котором было сказано выше. Прежде всего, Василий Муравьев – человек стойких патриотических убеждений, преданный присяге и добросовестный молодой офицер, не щадящий жизни в военных походах, которых за его плечами было несколько в период службы на Кавказе. В. М. Муравьев вступил в военную службу около 1843 г. и оставался на передовой военных действий вплоть до середины ноября 1846-го. Незаурядное мужество и личная храбрость, стойкость духа читаются в его кавказских письмах к Н. Н. Шереметевой. 12 декабря 1843 г. Василий пишет из станицы Кавказской: «Поход наш кончился, и мы пришли сюда на зиму отдохнуть месяца на два, а там опять в путешествие до следующего октября или ноября месяца: славная жизнь! Чего лучше можно желать в мои лета и по моему характеру!»¹⁰ А вот описание летней кампании 1845 года (письмо от конца июля из станицы Червленной), во время которой Василию исполнился только 21 год: «Благодарю Вас, любезная бабушка, за поздравление и за письмо Ваше, которое я получил тот час же по приходе из похода. Но еще больше благодарю за молитвы Ваши обо мне, грешном, видно, они были услышаны Господом, и ради [н]их я вышел невредим; а было время, когда я мало надеялся на такую благодать Божию, так что следующий день не считал более своим и ежеминутно был готов отдать душу Всевышнему. В том месяце мы забрели в такие места, что никак не чаяли вынести живота своего; но, благодарение Богу, я выбрался благополучно и до будущего года думаю, не придется мне больше воевать. В письме своем, любезная бабушка, Вы спрашиваете, где-то я в день своего рождения? И вспомнил ли я об нем? Вспомнить-то вспомнил, а был в это время в таких местах, в которых у нас в отряде 9 июня положено было человек 100 солдат! Трудно и поверить, но это действительно так было; 9 выпал снег на пол-аршина, и я в тулупе едва мог согреться; вот в какой земле мы обретались [с] 7 июня. Итак, если не получали давно от меня, то винить меня нельзя, из этих стран сообщения в продолжении почти полутора месяца почти никакого не имели. [...] ...Я... делал верст по 25 в день, по камням и по горам пешком, ибо у меня за экспедицию пропали две лошади; ходил не на богомолье, но бить себе ближних и чуть сам побит не был»¹¹. Спустя менее чем через месяц Василий с особым чувством констатировал: «...В последнем письме моем от 27 июля ... я писал о спасении нашем, в котором явно была видна рука Всевышнего, выведшая нас из ужаснейших мест; и вот, не прошло еще и месяца как мы отдыхаем, и я опять готов идти на прежние опасности, так уж создано сердце человеческое; едва начинают изглаживаться из памяти минувшие ужасы и кровавые сцены, которых были свидетелями, опять готовы идти на новые опасности, находя в них особенное какое-то удовольствие»¹². За этот поход В. М. Муравьев получил «Анненский крест с бантом» (Орден Св. Анны 3-й ст. за боевые заслуги) и был представлен к Ордену Св. Владимира (по всей видимости, 4-й ст. с бантом, который тогда очень ценился в разряде военных наград и уступал только Ордену Св. Георгия 4-й ст.).

После участия в Кавказских войнах В. М. Муравьев был переведен в Ригу адъютантом к лифляндскому, эстляндскому и курляндскому генерал-губернатору Е. А. Головину, также переведенному с Кавказа, и попробовал свои силы на административном поприще, впрочем, не снимая военного мундира. Только «по платью военный», он занимался

⁹ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4. С. 163.

¹⁰ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 349. Карт. 34. Д. 13. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 15–15 об., 16 об.

¹² Там же. Л. 17 об.

«письменными делами», как писал в своем послании к бабушке от 24 декабря 1846 года¹³. В первые дни 1848 г. ротмистр Василий Муравьев по личному желанию был назначен адъютантом к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, который приходился ему родственником, и в начале февраля выехал из Москвы к новому месту службы. Н. Н. Шереметева, душевно радуясь за внука, собирала в своем архиве отзывы «о Васе от его начальников» – отрывки из писем третьих лиц, устные свидетельства. Она, отметив, что «Вася объяснился с генералом (Головиным. – *Н.М., Е.Т.*), и тот нашел весьма основательным и дельным желание его служить в Сибири», сохранила выписку из написанного на имя М. Н. Муравьева послания от Е. А. Головина, скрепя сердце отпустившего способного молодого человека к другому начальнику: «При этом случае я не могу не уделить Вам как отцу, что я не без сожаления расстаюсь с вашим сыном, которого хорошие качества подают много надежд, он будет весьма полезен для службы и способен к исполнению обязанностей, требующих деятельности рассудка и основательного постоянства, что он показал и на опыте. Я поздравляю Ни[колая] Ни[колаевича] с таким адъютантом, а для сердца родителей приятен будет сей искренний и по справедливости заслуженный мой об нем отзыв»¹⁴.

По пути в Иркутск к новому месту службы В. М. Муравьев по разрешению Н. Н. Муравьева навестил в Ялуторовске своего дядю декабриста И. Д. Якушкина, специально сделав крюк в 160 верст, направляясь в Тобольск из Тюмени. В письме В. М. Муравьева из Иркутска от 15 апреля 1848 г. есть подробное и эмоциональное, сильное и трогательное описание этой встречи, состоявшейся приблизительно в конце февраля-начале марта: «...Когда он вошел в комнату, то мы стояли молча несколько минут друг перед другом, он узнавал меня, и я – его по портрету, но признаться не решались. Ив[ан] Дм[итриевич] обнял меня первый, и с той же минуты мы считали себя уже как бы давно знакомыми. Несколько часов, которые мне можно было уделить ему, мы проговорили об родных, в особенности же об Вас, любезная бабушка, и детях, и тут-то я вполне оценил эту прекрасную душу, но для полноты этой оценки надо видеть, впрочем, и жилище его, а также и школу, и тогда всякому нетрудно убедиться в высокой добродетели и редких качествах этого человека. Сознаюсь, что время пребывания моего в Ялуторовске было весьма приятно, и тут я увидел, что все похвалы, слышанные мною об Ив[ане] Дми[триевиче] слишком слабы, чтобы по ним можно было верно заключить об его достоинствах. Положением своим он доволен и так привык к нему, что не предполагает возможности перемены его. Ивана Дм[итриевича] беспокоит только то, что он слишком много проживает денег! И через это отнимает у своих родных, при этом я не мог с сокрушенным сердцем н[е] подумать о детях, которые слишком много тратят на свои прихоти, между тем, как могли бы очень легко увеличить содержание своего отца, весьма незначительное, что я мог легко видеть из образа его жизни»¹⁵. После этой встречи 23 марта 1848 г. И. Д. Якушкин написал сыну Евгению, что «хотя не вдоволь, но все-таки с истинным наслаждением поговорил о вас, милых»¹⁶.

Отличительной чертой воспитания Василия Муравьева было его безусловное уважение и даже пиетет к декабристскому прошлому своей семьи, что ярко проявилось, в частности, в его отношении к дяде-декабристу, с которым он встретился в Ялуторовске, а также даже в общении с Д. И. Завалишиным, человеком непростого и в определенной степени строптивного характера. Итак, на основании писем В. М. Муравьева, можно сделать определенные выводы о том, что глорификация декабристского фактора была серьезнейшей компонентой его воспитания. Безусловно, все это было свойственно и другим молодым представителям семейного родственного круга Муравьевых-Шереметевых-Якушкиных. И в этом явлении огромная и неоценимая заслуга бабушки Надежды Никола-

¹³ НИОР РГБ. Ф. 349. Карт. 34. Д. 13. Л. 40–41 об.

¹⁴ Там же. Ф. 340. Карт. 35. Д. 12. Л. 49–49 об.

¹⁵ Там же. Ф. 340. Карт. 34. Д. 13. Л. 59–59 об.

¹⁶ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Редакция и комментарии С. Я. Штрайха. М., 1951. С. 308.

евны Шереметевой, вокруг которой и под духовным авторитетом которой концентрировался фамильный клан, сформированный семьями ее дочерей.

Для В. М. Муравьева не существовало тех проблем относительно восприятия статуса и общественного положения ссыльных декабристов, которые были свойственны, например, Б. В. Струве и другим молодым людям, приехавшим в Сибирь на службу. По словам Струве, они были «в некотором недоумении, как держаться по отношению к государственным преступникам, декабристам. Недоумение это немедленно было разрешено генерал-губернатором: он позволил нам смотреть на них как на равноправных членов местного общества»¹⁷. Все они стали бывать в домах Волконских и Трубецких, встречаться, в том числе в доме Н. Н. Муравьева, с П. А. Мухановым и другими. В. М. Муравьев и сам невольно помогал Н. Н. Муравьеву ломать эти нежелательные стереотипы – в силу семейного воспитания декабристы были для него не государственными преступниками, а лучшими представителями дворянской элиты. Также свободно В. М. Муравьев общался и со ссыльными участниками польского национально-освободительного движения. Вот что о знакомстве с ним записал в своем дневнике 7 августа 1848 г. политический ссыльный Юлиан Сабиньский: это человек «еще очень молодой, служил на Кавказе, где был близко знаком с Михальским Вильгельмом»¹⁸, о котором отзывается с дружелюбием и уважением»¹⁹.

На базе имеющихся источников можно охарактеризовать два важнейших аспекта, составляющих основу сформировавшегося к концу 1840-х гг. мировоззрения В. М. Муравьева. Прежде всего, важным и определяющим штрихом к его портрету является глубокая вера, которой проникнуты практически все его письма – он христианин в полном смысле этого слова, что в первую очередь формирует его моральный облик. В Иркутске по рекомендации брата Леонида Василий Муравьев нашел прекрасного духовника «необыкновенного ума и отлично хороших свойств», узнавшего, пожалуй, лучше всех душу молодого человека, который «любил его беседу»²⁰. Второй момент – политические убеждения В. М. Муравьева, отличающиеся консервативно-охранительными государственно-церковными чертами и неприятием революционных идей. Показательно его высказывание из письма к М. С. Корсакову от 27 мая 1848 г., где он иронизирует относительно «прелестной гвардии, которая стремглав стоит на месте для справедливой кары врагов отечества»²¹. Речь идет о походе для подавления восстания в Венгрии. В. М. Муравьев высказывает досаду относительно промедления в пресечении распространения европейской революции, которая представляет несомненную опасность и для России. В этом высказывании интересна и типичная для поколения Муравьевых-декабристов категория «Отечества», сформированная еще в переписке Священной артели. Весьма вероятно, что это понятие было глубоко усвоено Василием именно на базе семейного воспитания. Как видно, в оценке политических реалий 1848 г. он был полностью солидарен со своим дядей-декабристом Александром Николаевичем Муравьевым, написавшим проект действий против революционной опасности и подавшим записку на имя Николая I²².

Сибирские письма В. М. Муравьева отражают тот деятельный и напряженный ритм, которым жила администрация нового генерал-губернатора, в центре которой он находился как адъютант. Помимо писем к бабушке Н. Н. Шереметевой²³, к этому комплексу относятся послания к родственнику и приятелю М. С. Корсакову, одно из которых уже проци-

¹⁷ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири... С. 169.

¹⁸ Участник польского революционного движения, сосланный рядовым на Кавказ.

¹⁹ Сабиньский Ю. Сибирский дневник. Т. 2. Иркутск, 2015. С. 589.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 340. Карт. 34. Д. 14. Л. 41 об.

²¹ Там же. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 3.

²² Туманик Е. Н. Заслон революции: проект А. Н. Муравьева о создании царской дружины // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. 2016. № 2 (7). С. 95–99.

²³ См. публикацию сибирских писем В. М. Муравьева к Н. Н. Шереметевой: Туманик Е. Н. Письма Василия Михайловича Муравьева к Н. Н. Шереметевой из Сибири за 1848 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 38–43.

тировано выше²⁴. Они охватывают самый начальный период генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева, становления его политики в крае, которое во многом предопределило его дальнейшие преобразования, и могут служить важным источником как вышедшие из-под пера его любимого адъютанта – ближайшего помощника, полностью разделявшего его политику, молодого человека, близкого ему родственно и духовно. Едва прибыв в Иркутск, 25 марта Василий Муравьев был командирован на десять дней в Кяхту «на китайскую границу» для детального негласного и по возможности точного исследования русско-китайской торговли²⁵. Молодому боевому офицеру, пусть даже хорошо знакомому по прежней службе с принципами делопроизводства, приходилось в самые сжатые сроки на практике осваивать новую для себя административную науку. В письме от 27 мая 1848 г. к М. С. Корсакову В. М. Муравьев, сообщая о своей занятости, замечает: «У меня мало опыта в судебных делах», поэтому приходится трудно²⁶.

Преданный своему начальнику, «несравненному Николаю Николаевичу»²⁷, он оставил в письмах несколько восторженных отзывов как о нем, так и о начале его управления (например, письма от 15 апреля и 14 июня 1848 г. к Н. Н. Шереметевой). Эти оценки представляются достаточно типичными для молодого окружения Н.Н. Муравьева, и можно считать их вполне объективными. 15 апреля 1848 г. В. М. Муравьев писал из Иркутска: «...6000 верст отделяют ото всего родного, впрочем, и это горе вознаграждается Николаем Николаевичем, которого чем больше знаешь, тем больше начинаешь его любить и уважать. И привязываешься всю душою, и я нисколько не удивлюсь, если это возрастет до такой степени, что я буду дорожить службою при нем так, что не захочу выехать из Сибири раньше его. Давно желал я встретить такого человека, но, не имевши в том удачи, потерял было и надежду. Богу угодно было навести меня на Николая Николаевича, и в нем нашел я такого начальника, с которым службу можно считать за великое счастье»²⁸. Слова «не имевши в том удачи» важны для понимания причин переходов В. М. Муравьева с одного места службы на другое до перевода в Сибирь.

В весьма примечательном письме от 27 апреля 1848 г. к М. С. Корсакову, также написанном вскоре после приезда, В. М. Муравьев пишет: «Ты ищешь службы, она есть здесь, разумная, полезная и в высочайшей степени приятная, надо признаться, любезный Михайло, что ты счастлив как немногие, только что начинаешь службу и попадаешь к такому начальнику, как Николай Николаевич; я седьмой год шляюсь по Руси православной, видал всякого народу много, и во все это время постоянным и самым пламенным желанием моим было найти такого начальника, которого я мог бы любить и уважать. Последнее время я уже было отказался от этой надежды, считая ее несбыточной, но Богу угодно было свести меня с Николаем Николаевичем, который, обладая всеми этими качествами, умеет вселять к себе неограниченную привязанность, так что, узнавши его хорошенько, едва ли захочешь когда с ним разлучиться. Ко всему этому надо еще прибавить, что край здешний в высочайшей степени интересен и так как он еще юн, то работы на пользу его предстоит много, людей, которым Н[иколай] Н[иколаевич] мог бы довериться, очень мало, почему ты можешь ожидать, что сложа руки сидеть не будешь в Иркутске, следовательно, не нужно и общество, а нужны добрая воля и изрядное здоровье, у тебя, кажется, за этим дело не станет, и я уверен, что приехавши сюда, ты точно так же будешь судьбой своей доволен, как и я, смотри только, не мешкай. Зная тебя, хоть и не много, уверен, что будешь доволен и службой новою, и жизнью сибирскою, и увидишь на опыте, как полезна здешняя школа и все в ней приобретаемое достается легко и радостно»²⁹.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 1–6 об.

²⁵ Там же. Ф. 340. Карт. 34. Д. 13. Л. 56, 58; *Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири... С. 126.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 3 об.

²⁷ Там же. Ф. 340. Карт. 34. Д. 13. Л. 62 об.

²⁸ Там же. Л. 58–58 об.

²⁹ Там же. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 1 об. – 2 об.

Через полтора месяца энтузиазм не остыл, и в письме от 14 июня к бабушке переданы те же впечатления и оценки: «Я же в Иркутске существую как нельзя лучше и никогда мне так хорошо не было, это истинное мое счастье, что мне удалось попасть под начальство такого человека как Николай Николаевич, все мы, т[о] е[сть] приехавшие с ним, от него в восторге, зато здешние чиновники с нечистой совестью не очень-то его возлюбили, они никогда и не воображали, что может стрястись такая беда над ихними головами, и было уже время, а то они уже дошли до такой наглости, что и поверить трудно. Много работает Ник[олай] Никол[аевич], да и впереди еще трудов предстоит немало, но с его способностями, желанием добра и рвением все пойдет хорошо, лишь бы хватило силы и здоровья, а народ уже стал чувствовать благодетельную перемену, и везде благословляют имя нового генерал-губернатора»³⁰. Это доверие, эту веру в благие намерения и возможность перемен разделяли и некоторые другие подчиненные Муравьева-Амурского, особенно из числа окружавших его в первый период управления. Интересно, что эта риторика вошла в самые первые биографические очерки о генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве – как видим, она исходила от его ближайшего окружения, причем молодого и искреннего, чему служит доказательством данное письмо.

Василий Михайлович находился в курсе сокровенных планов своего начальника и общался о намерении его отправиться за Байкал и «в те заповедные страны, которые прилегают к общей нашей зазнобушке Амуру». Его отзыв о Сибири, очевидно, близок к мнению генерала Муравьева: «По твоим вопросам, чем запастись, – пишет он Корсакову, – вижу, что имеешь жалкое представление о великолепной Сибири и разумной нашей службе. [...] Приедешь сюда, также невлюбишь северной Пальмиры и согласишься, что она единственная причина, мешающая полному развитию Сибири, которая обладает всеми нужными элементами, чтобы стать наряду счастливейших стран земного шара»³¹.

Но вот как отзывается сам генерал-губернатор Н. Н. Муравьев о своем адъютанте (из письма к Н. Н. Шереметевой от 23 июня 1848 г.): «...Он славный помощник и славный человек»³². И другие свидетельства, собранные Н. Н. Шереметевой: «Николай Никол[аевич] благодарит за Васю очень, говорит, что это не адъютант, а клад для него, что он и не предполагал в нем найти столько знания по службе, сколько нашел, не говоря о прочих достоинствах. Точно, он очень деловой молодой человек, он же во все это время один при генерале. [...] Николай Никол[аевич] пишет, что по совести должен сказать, что всякое письмо следует мне начать благодарностью за вашего сына. Такого благонамеренного, трудолюбивого, усердного и делового адъютанта я никогда не могу иметь»³³. Не удивительно, что со временем Н. Н. Муравьев и его супруга очень привязались к молодому родственнику и полюбили его практически как родители³⁴.

Честный и прекрасно образованный и В. М. Муравьев старался не только как можно более добросовестно и ревниво исполнять свои обязанности, но в нем не было ни малейшего желания «выслужиться», сделать карьеру ради карьеры – это замечательное семейное «муравьевское» качество-принцип вполне запечатлелось в его жизненных правилах. Искренность, скромность и доброжелательность позволяли ему успешно решать многие конфликтные и сложные вопросы, с которыми он сталкивался во время адъютантской службы, как это было, к примеру, в отношениях с декабристом Д. И. Завалишиным, человеком непростого характера (тем не менее оставивший хороший отзыв о молодом Муравьеве), с искусством дипломата организовав его первую встречу с новым генерал-губернатором³⁵. При этом Д. И. Завалишин впоследствии очень негативно отзывался о Н. Н. Муравьеве и в искаженном свете вспоминал о своей встрече в Нерчинске с Васили-

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 349. Карт. 34. Д. 13. Л. 61–61 об.

³¹ Там же. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 5 об., 6 об.

³² Там же. Ф. 340. Карт. 34. Д. 14. Л. 63 об.

³³ Там же. Ф. 340. Карт. 35. Д. 12. Л. 50, 52.

³⁴ Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири... С. 236.

³⁵ Завалишин Д. И. Воспоминания. М., 2003. С. 503–504.

ем Михайловичем, который будто бы говорил ему, что генерал-губернатор «не всегда рассудителен ... он горяч и увлекается в необдуманные действия, а остановить, сказать ему правду никто не посмеет, да он ни от кого и не примет. Одни только вы будете в состоянии удерживать и подчас образумить его; вас, я уверен, он послушает... Мы и пытались было, да он нас не слушает»³⁶. Завалишин даже утверждал, что Василий Михайлович был одним из тех, кто разочаровался в генерале³⁷. Конечно, эти оценки навеяны исключительно субъективизмом мемуариста, не выдерживают проверки по другим источникам и не являются достоверными.

Впрочем, тот же Д. И. Завалишин донес до нас преданность делу, ревность и добросовестность В. М. Муравьева. Свою вторую поездку в Кяхту и Забайкалье, уже более длительную, чем весной, В. М. Муравьев совершил в свите генерал-губернатора во второй половине лета – начале осени 1848 г., возвратившись в Иркутск в середине сентября. Новая встреча с Д. И. Завалишиным в Чите произошла в начале сентября 1848 г. при возвращении Василия из Забайкалья немного раньше самого генерал-губернатора. Сам В. Муравьев написал бабушке, что был отправлен Н. Н. Муравьевым в Иркутск с поручением потому, что надо было непременно кого-то послать, а он как раз немного приболел, что и стало поводом. Но Д. И. Завалишин свидетельствовал, что В. М. Муравьев, остановившись в Чите, не мог даже прийти к нему лично, был «очень болен и не в состоянии одеться ... это было начало его предсмертной болезни!» Тем не менее, он настоятельно просил навестить его, чтобы поделиться своими переживаниями о службе – даже в столь серьезном положении служебные обязанности были для него на первом месте (столь типичное «муравьевское» служебное рвение, свойственное как отцу Василия, так и его дяде Александру Николаевичу!)³⁸. В письме от 1 ноября 1848 г. к М. С. Корсакову Василий Михайлович с досадой сообщает о своем самочувствии, становящемся помехой для активной служебной деятельности: «...Кровь приливает к голове, вот уже другая неделя, как я страдаю этою скверною болезнью, и если бы не она, то в настоящее время я был бы уже в Енисейской губернии, куда мне предстоит командировка»³⁹.

11 апреля 1849 г., будучи «опять сильно болен», Василий Муравьев писал своим родным, что, тем не менее, «ему гораздо лучше», и он «собирается в Камчатку»⁴⁰. Именно на способного и компетентного адъютанта Н. Н. Муравьевым возлагалось ответственнейшее поручение, но через два дня Василия Михайловича не стало... Миссию выполнил М. С. Корсаков; это была та самая поездка, в ходе которой посланцу генерал-губернатора надлежало встретиться с Г. И. Невельским⁴¹. Б. В. Струве подробно описал болезнь и смерть В. М. Муравьева, с которым жил в одной квартире и к которому привязался на чужбине «со всею пылкостью юной души»: «Еще с осени 1848 г. В. М. Муравьев стал прихварывать, вследствие хронической перемежающейся лихорадки обнаружилось общее расслабление организма, которое, в свою очередь, преимущественно отозвалось на деятельности мозга, раньше вероятно уже пораженного контузией, полученною на Кавказе. 13-го апреля искренне любимый и уважаемый всеми знавшими его Василий Михайлович скончался в страшных конвульсиях ... Он умер у меня на руках»⁴².

Прощание и похороны описаны в Иркутской летописи: «16 апреля 1849 г. совершено погребение чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, ротмистра Василия Михайловича Муравьева, родного племянника генерал-губернатора

³⁶ Завалишин Д. И. Воспоминания... С. 503–504.

³⁷ Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом), Рукописный отдел (ИРЛИ РО). Ф. 265. Оп 2. Д. 1068. Л. 3 об.

³⁸ Завалишин Д. И. Воспоминания... С. 512–513.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 11 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 340. Карт. 35. Д. 12. Л. 17.

⁴¹ Корсаков М. С. Дневные заметки. Пребывание в Иркутске и Путешествие в Охотск. 13 марта – 24 апреля 1849 г. // НИОР РГБ. Ф. 137. Карт. 41. Д. 6. Л. 25 об., 27 об.; Струве Б. В. Воспоминания о Сибири... С. 33.

⁴² Струве Б. В. Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 5. С. 34.

Муравьева, проживавшего с генералом в одном доме⁴³. Приглашения были по билетам в дом генерал-губернатора к выносу тела. В 9 часов утра прибыл в дом генерал-губернатора Муравьева преосвященный Нил, архиепископ, с духовенством; из дома следовал за гробом по Большой улице до Благовещенской церкви ... процессия ... последовала в Знаменский монастырь; гроб был поставлен на катафалк, играла музыка и пели два хора певчих. По прибытии процессии в монастырь приехал преосвященный Нил и совершил литургию и отпевание в присутствии генерал-губернатора Муравьева с супругой и прочих чиновников. Преосвященный проводил гроб до могилы, приготовленной в ограде Знаменского монастыря⁴⁴. 29 октября 1849 г. Пелагея Васильевна, мать В. М. Муравьева, писала Н. Н. Шереметевой: «Посылаю Вам описание погребения Васи и Слово, говоренное его духовником, которое всякий раз, что читаю, лишь более и более трогает ... Проповедь такое на меня произвела впечатление, что я тотчас же написала к духовнику и надеюсь, что не в последний раз»⁴⁵.

Кончина Василия Муравьева произвела ошеломляющее впечатление не только на его родных, но и на Н. Н. Муравьева-Амурского. 22 мая 1849 г. П. В. Муравьева сообщала брату А. В. Шереметеву: «Не знаю, как начать... Вчера получили от Васи от 11 апреля ... вчерась же Леонид получил от Нико[лая] Нико[лаевича], что 13 апреля в час скончался. Знаю, сколько тебя огорчит его смерть, но что делать, видно Богу так угодно, а жаль, мочи нет как жаль, славный был человек, плачу я очень, и все мы плачем, крепко всякий его пожалует. Приготовь матушку, ее сильно поразит, она его так любила. Также и Николая [старшего брата В. М. Муравьева. – Н. М., Е. Т.], он будет огорчаться и об нем, и об нас ... Обнимаю всех вас от души, которая, признаюсь, глубоко потрясена. Подробностей никаких не имеем, только пишут, что Нико[лай] Ни[колаевич] ... в отчаянии»⁴⁶. Сам Н. Н. Муравьев в письме к брату Валериану назвал смерть Василия Муравьева поразившим его «жестоким горем», признавался, что они с женой «любили его как сына»: «...Сердце невольно страдает, и мы долго не утешимся от этой потери»⁴⁷.

Итак, Василий Муравьев, способный, скромный, деятельный, отличных человеческих качеств и образования – один из лучших представителей молодого поколения 1840-х гг.; его образ, думается, во многом достаточно типичный, несколько не вписывается в общие представления о молодежи той эпохи, сформированные, в первую очередь, литературными «печоринскими» стереотипами лишнего человека. По сути дела, В. М. Муравьев ничем не отличается от молодежи эпохи декабристов, к которым, кстати, питает безграничное уважение, за исключением того, что воплощает в жизнь свои убеждения не через деятельность тайного общества, а целиком и полностью на государственной службе. В окружающих социуме и государстве он находит вполне отвечающие потребностям его личности условия для реализации своих общественных, корпоративных и гражданско-политических запросов. У него нет противоречий с властью, и он находит полные возможности, не вступая в конфликт с государством и обществом, для реализации своих способностей и интересов на поприще государственной службы. Кстати, в один ряд с В. М. Муравьевым вполне можно поставить и его молодых сослуживцев М. С. Корсакова и Б. В. Струве. Думается, вполне правомерно на этом частном примере сделать вывод о том, что атмосфера 1840-х гг. часто способствовала формированию именно таких личностей, предоставляла им свободу выбора и давала прекрасные возможности для самореализации на уровне офици-

⁴³ На самом деле Василий Муравьев был адъютантом своего дальнего родственника, но иркутяне, как и вообще сибиряки, не склонны были различать военные и гражданские должности подчиненных главного местного начальника.

⁴⁴ Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). С предисл., добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова. Иркутск, 1911 / Труды Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. 5. С. 297.

⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 340. Карт. 34. Д. 14. Л. 41–42.

⁴⁶ Там же. Ф. 340. Карт. 35. Д. 12. Л. 17–17 об.

⁴⁷ Цит. по: *Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири... С. 236.

альной общественно-полезной деятельности, что и такие молодые люди, как Василий Муравьев, были востребованы временем.

Список литературы

- Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд., Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1915. Т. 1. . Вып. 1–3. 436 с.
- Завалишин Д. И.* Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 608 с.
- Иркутская летопись (Летописи *П. И. Пежемского* и *В. А. Кротова*). С предисл., добавлениями и примечаниями *И. И. Серебренникова*. Иркутск, 1911 / Труды Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. 5. 418 с.
- Манн Ю. В.* Гнезда русской культуры. Кружок и семья. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 608 с.
- Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: *В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков*. Новосибирск: Издательство СО РАН, 1998. 428 с.
- Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
- Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. Введение в изучение. М.; Ленинград : Государственное издательство, 1928. 148 с.
- Сабиньский Ю.* Сибирский дневник. Т. 2. Иркутск: Артиздат, 2015. 838 с.
- Струве Б. В.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4. С. 145–184; № 5. С. 27–70.
- Туманик Е. Н.* Декабрист Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск: Институт Истории СО РАН, Параллель, 2006. 372 с.
- Туманик Е. Н.* Письма Василия Михайловича Муравьева к Н. Н. Шереметевой из Сибири за 1848 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 38–43.
- Туманик Е. Н.* Заслон революции: проект А.Н. Муравьева о создании царской дружины // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. 2016. № 2 (7). С. 95–99.
- Человек второго плана в истории. Вып. 1. Ростов-на-Дону: РГУ, 2004. 192 с.
- Человек второго плана в истории. Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону: РГУ, 2005. 328 с.
- Человек второго плана в истории. Сборник научных статей. Вып. 3. Ростов-на-Дону: РГУ, 2006. 292 с.
- Человек второго плана в истории. Сборник научных статей. Вып. 4. Ростов-на-Дону: РГУ, 2007. 374 с.
- Человек второго плана в истории. Сборник научных статей. Вып. 4. Ростов-на-Дону: РГУ, 2008. 300 с.
- Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма декабриста *И.Д. Якушкина*. Редакция и комментарии *С. Я. Штрайха*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 740 с.

Natalya P. Matkhanova, Ekaterina N. Tumanik***

Vasily Mikhailovich Muravyov: the Experience of Biographical Review Based on the Epistolary Heritage

The article is devoted to the most important aspects of biography of Vasily Mikhailovich Muravyov, who was aide-to-camp to the governor-general of Eastern Siberia N.N. Muravyev-Amursky. The authors characterize the events of V. M. Muravyov's life and his personality on the basis of a set of personal sources, mainly epistolary, and within the framework of the historical concept of «a second person». The article creates an image of a young man in public service in the middle years of the reign of Nicholas I.

Keywords: Siberia, administration, N.N. Muravyev-Amursky, V.M. Muravyev, historical biography, personal history

Статья поступила в редакцию 5.09.2018

* **Matkhanova Natalya P.** – Doctor of Sciences (History), Professor, chief researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: nmatkhanova@mail.ru

** **Tumanik Ekaterina N.** – Candidate of Sciences (History), academic Secretary, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: kattum@mail.ru

Военный министр Российского правительства генерал-лейтенант Н. А. Степанов

В статье рассматривается биография генерала Николая Александровича Степанова применительно к его службе в старой Русской армии и в рядах антибольшевистских вооруженных формирований в период гражданской войны. Проанализирована его деятельность на посту военного министра Российского правительства адмирала А. В. Колчака. Выявлены объективные и субъективные факторы, обусловившие провал деятельности генерала Степанова по подготовке в тылу пополнений для действовавшей на фронте армии.

Ключевые слова: генерал Николай Александрович Степанов, армия, Сибирь, военное министерство

Период гражданской войны является уникальным в истории Сибири. Общественно-политические процессы, протекавшие здесь в эти годы, имели общероссийское значение. В Сибири было организовано Российское правительство и под его эгидой создана самая крупная в России группировка антибольшевистских вооруженных сил.

Организация борьбы с советской властью являлась главной задачей Российского правительства, в силу чего деятельность военного министерства, входившего в его состав, приобретала особо важное значение. Многое зависело и от фигуры военного министра. За год существования правительства этот пост занимали последовательно семь человек: вице-адмирал А. В. Колчак (ноябрь 1918 г.), генерал-майор В. И. Сурин (временно исправлял должность в ноябре-декабре 1918 г.), генерал-майор Н. А. Степанов (январь-май 1919 г.), генерал-майор Д. А. Лебедев (май-август 1919 г.), генерал-лейтенант М. К. Дитерихс (август 1919), генерал-лейтенант А. П. Будберг (август-октябрь 1919 г.) и генерал от артиллерии М. В. Ханжин (октябрь-декабрь 1919 г.).

В данном списке военных деятелей выделяется генерал Н. А. Степанов. Он занимал кресло военного министра самый продолжительный отрезок времени. Именно в период его деятельности на Восточном фронте произошли события, предопределившие поражение антибольшевистских вооруженных сил на востоке России. Основные вехи военной карьеры Н. А. Степанова нашли отражение в ряде биографических справочников¹.

Николай Александрович Степанов родился 2(14) мая 1869 г. Он окончил 1-й кадетский корпус (1886) и Михайловское артиллерийское училище (1889), после чего был выпущен подпоручиком в 5-ю конно-артиллерийскую батарею. Позднее с небольшим перерывом² служил в 6-й батарее 3-й резервной артиллерийской бригады, в 1-й запасной пешей и 17-й конно-артиллерийской батареях.

После успешного окончания Николаевской академии Генерального штаба в 1900 г. капитан Н. А. Степанов отправился для дальнейшего прохождения службы на Дальний Восток, получив назначение на должность помощника старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа. Он принимал участие в Китайском походе русской армии, состоял начальником одной из партий военно-статистической экспедиции в Монголии. С ноября

* **Симонов Дмитрий Геннадьевич** – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Институт истории Сибирского Отделения РАН; доцент кафедры Отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: simonov_dg@mail.ru

¹ *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения М., 2002. С. 229–230; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.-М., 2002. С. 542–543; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Куццов И. В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003. С. 197–198; *Куццов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. С. 524–525; *Русская армия в Великой войне.* URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons> (дата обращения: 04.06.2018 г.).

² С 16 апреля 1895 г. по 24 февраля 1896 г. поручик Н. А. Степанов состоял в запасе полевой конной артиллерии на учете в Петербургском уезде (Разведчик. 1895. № 237 (25 апр.); 1896. № 282 (5 марта)).

1901 г. Степанов занимал должность старшего адъютанта штаба 36-й пехотной дивизии, с сентября 1902 г. состоял в прикомандировании к Офицерской кавалерийской школе, а в октябре 1903 г. назначен старшим адъютантом в штаб 2-й гренадерской дивизии.

Вскоре после начала Русско-японской войны (1904–1905) Степанов был назначен старшим адъютантом управления 2-й отдельной кавалерийской бригады, отправлявшейся на Маньчжурский фронт. В составе этой бригады он принимал участие в боях под Ляояном, Шахэ, Инкоу, Мукденом, отбывал цензовое командование эскадроном в 51-м драгунском Черниговском полку и в 1904 г. был произведен в следующий чин. В августе 1905 г., незадолго до окончания войны, подполковник Степанов занял пост штаб-офицера для поручений управления начальника военных сообщений при Главнокомандующем на Дальнем Востоке, а с января 1906 г. – штаб-офицера для поручений при штабе Казанского военного округа³.

В 1907–1912 гг. Н. А. Степанов, произведенный в 1908 г. в полковники, состоял в прикомандировании к Алексеевскому военному училищу для преподавания военных наук. В этот период деятельности он выпустил ряд печатных трудов, в том числе «Что необходимо нашей коннице» (СПб., 1910), «Наставление для ведения практических занятий по тактике в поле с юнкерами младших классов» (М., 1912), «Сборник военно-исторических примеров к курсу тактики военных училищ» (М., 1912)⁴.

В 1912 г. полковник Степанов вернулся в строй на должность начальника штаба 2-й кавалерийской дивизии, а в 1913 г. переведен на аналогичную должность в 6-ю кавалерийскую дивизию, дислоцировавшейся на территории Варшавского военного округа. На следующий день после объявления Германией войны России 6-я кавалерийская дивизия, входившая в состав 2-й армии генерала А. В. Самсонова, приступила к боевым операциям в Восточной Пруссии. В связи с успешными действиями дивизии против вышедшего во фланг армии 1-го германского корпуса генерала Х. фон Франсуа Степанов был удостоен Георгиевского оружия. Согласно Высочайшего приказа от 11 марта 1915 г. он был награжден «за то, что во время боев 11 и 13 авг[уста] 1914 г. и 17 сент[ября] 1914 г., принимая участие в этих боях и подвергая жизнь свою явной опасности, верной оценкой обстановки и своевременным принятием надлежащих мер вполне способствовал успешному выполнению поставленных дивизии задач»⁵.

С декабря 1914 г. полковник Степанов успешно командовал 19-м драгунским Архангелогородским полком. В октябре 1915 г. он был назначен исправляющим должность генерала для делопроизводства и поручений управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем, а Высочайшим приказом от 6 декабря 1915 г. «за отличие по службе» произведен в генерал-майоры с утверждением в занимаемой должности⁶. Служивший в то время в Ставке штабс-капитан М. К. Лемке вспоминал о Степанове как об умном и деловом человеке, простом и приветливом в общении, много и серьезно читающем, а в качестве отрицательных черт его характера отметил суетливость, горячность и рассеянность⁷. С конца декабря 1916 г. генерал Степанов являлся начальником Военно-сухопутного управления штаба командующего флотом Балтийского моря, а в сентябре 1917 г. был назначен начальником штаба 4-го кавалерийского корпуса⁸. Это была его последняя должность в старой русской армии.

За время службы в русской армии Н. А. Степанов был награжден орденами Св. Станислава III ст. (1895), Св. Анны III ст. с мечами и бантом (1905), Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1906), Св. Станислава II ст. с мечами (1906), Св. Анны II ст. и мечами к

³ Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июля 1914 года. Петроград, 1914. С. 363; Правительственный вестник (Омск). 1919. 21 янв.

⁴ Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет... С. 525.

⁵ Разведчик. 1915. № 1276 (21 апр.).

⁶ Высочайшие приказы. 1915. 17 окт. С. 14; 7 дек. С. 7.

⁷ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1914–1915. Минск, 2003. С. 192.

⁸ Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 836.

этому ордену (1906), орденом Св. Владимира III ст. (1914), мечами к ордену Св. Владимира (1915) и орденом Св. Станислава I ст. мечами (1916)⁹. Последней награды он был удостоен за успешную конную атаку 19-го драгунского Архангелогородского полка против немцев, занимавших три линии окопов¹⁰.

В начале января 1918 г. штаб 4-го конного корпуса, «случайно почти в полном составе застрявший» по пути на Кавказский фронт в Ростове, был по приказу атамана Донского казачьего войска генерала А. М. Каледина подчинен командующему войсками Ростовского района генералу А. П. Богаевскому. В середине января в Ростове расположились штаб Добровольческой армии и ее руководители генералы Л. Г. Корнилов и М. В. Алексеев. Штаб и войска Ростовского района не входили в состав Добровольческой армии, хотя генерал Корнилов и ставил вопрос об их официальном подчинении себе во всех отношениях. На посту начальника штаба войск Ростовского района генерал Степанов пробыл лишь один месяц, но успел зарекомендовать себя, по характеристике генерала А. П. Богаевского, «отличным офицером генерального штаба»¹¹. В Ростове Степанов имел возможность близко познакомиться с начальником гражданского управления города полковником Д. А. Лебедевым. Не исключено, что уже в это время между ними возникли какие-то трения, усилившиеся спустя год в период их совместной деятельности в Омске.

8 февраля Добровольческая армия под натиском красных оставила Ростов, чтобы проделать ставший позднее легендарным Ледяной поход. Генерал Степанов не стал испытывать судьбу и использовал представившуюся ему возможность в качестве представителя генерала М. В. Алексева перебраться на Дальний Восток. Обосновавшись в Харбине, он некоторое время оставался не у дел, по крайней мере его имя не встречается среди офицеров, игравших активную роль в создании антибольшевистских вооруженных формирований в полосе отчуждения КВЖД. В это время он вошел в ближайшее окружение адмирала А. В. Колчака, занимавшего в мае - июне 1918 г. пост командующего русскими войсками в полосе отчуждения. Интерес будущего Верховного правителя к Степанову проявился, видимо, в связи с прежней службой генерала в штабе командующего Балтийским флотом, где у них было много общих знакомых. Кроме того, Степанов являлся своего рода представителем генерала М. В. Алексева, которого Колчак воспринимал как наиболее авторитетного лидера антибольшевистского движения в России. Когда после неудачного опыта по организации вооруженных сил в полосе отчуждения КВЖД Колчак в июне 1918 г. выехал в Японию, Степанов находился вместе с ним. Вместе они прибыли в Омск в октябре того же года.

Возвращение Н. А. Степанова к активной деятельности состоялось 4 ноября 1918 г., когда А. В. Колчак, ставший военным и морским министром Временного Всероссийского правительства, назначил его своим помощником по организационно-инспекторской части. Однако уже 7 ноября с поездом английского генерала А. Нокса Степанов отбыл на Дальний Восток. В нашем распоряжении нет точных инструкций, которые он получил в преддверии данной командировки. Но следует предположить, что в его задачу входило урегулирование системы военного управления на Дальнем Востоке, являвшейся крайне запутанной в политическом отношении, а также, в качестве личного представителя Колчака, — установление взаимодействия с представителями иностранных держав. Симптоматично, что Степанов выехал на Дальний Восток за десять дней до государственного переворота в Омске, в результате которого Колчак был провозглашен Верховным правителем и Верховным главнокомандующим.

16 ноября Степанов прибыл в Харбин. В этот день генерал барон А. П. Будберг, однокашник Степанова по Михайловскому артиллерийскому училищу, в своем дневнике сде-

⁹ Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июля 1914 года. Петроград, 1914. С. 363; Разведчик. 1915. № 1296 (8 сент.); Русский инвалид. 1916. № 138 (23 мая).

¹⁰ Правительственный вестник (Омск). 1919. 21 янв.

¹¹ *Богаевский А. П.* 1918 год // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Ледяной поход. М., 1993. С. 14–15.

лал весьма критическую запись по поводу его назначения помощником военного и морского министра, назвав эту комбинацию «малоутешительной». По словам Будберга, Колчак «абсолютно ничего не понимает в военно-сухопутном деле», а Степанов – «очень милый, но бесцветный и малоодаренный человек, с очень ограниченным служебным стажем, абсолютно негодный к такой должности, да еще в такое время, когда все надо создавать заново». Не понравился Будбергу и приезд Степанова из Омска в Харбин – «работа там, а не здесь; такие никчемущие поездки – это только отлынивание»¹².

Действительно, по занимаемой должности Степанов должен был решать широкий круг безотлагательных вопросов, связанных с организацией антибольшевистских вооруженных сил в масштабах востока России. Его двухмесячная командировка на Дальний Восток не позволила принимать непосредственное участие в работе военного министерства и обусловила потерю драгоценного времени для решения этих вопросов. Отметим, что с 18 ноября 1918 г. министерский пост, который занимал Колчак во Временном Всероссийском правительстве, оставался вакантным. 20 ноября из военно-морского министерства было выделено самостоятельное морское министерство во главе с контр-адмиралом М. И. Смирновым, но новый военный министр при этом назначен не был. Вероятно, Колчак ожидал возвращения Степанова, чтобы подписать соответствующий указ о назначении.

Степанов вернулся в Омск лишь в начале января 1919 г. 3 января 1919 г. указом А. В. Колчака он был назначен на должность военного министра Российского правительства с предоставлением ему в отношении личного состава всех войск, военных управлений, учреждений и заведений, находившихся вне театра военных действий, прав командующего отдельной армией¹³. Помощником военного министра по организационно-инспекторской части и начальником Главного штаба был назначен генерал-майор В. И. Марковский, привезенный Степановым с Дальнего Востока.

За неполные пять месяцев, проведенные на посту военного министра, генерал Степанов зарекомендовал себя далеко не с лучшей стороны. «Несомненно, способный человек, хороший военный бюрократ, Степанов оказался лишенным всяких созидательных дарований, а главное, был весь проникнут духом старых военных учреждений, где все планы могли выполняться исподволь, и были рассчитаны на долгие периоды», – писал о нем управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин¹⁴. Столь же критически отзывался о Степанове управляющий делами Совета министров Г. К. Гинс: «...Степанов, человек с хорошим военным образованием, обнаруживал, однако, много бюрократизма. Военное министерство он раздул невероятно, а вся постановка снабжения и формирования носила у него характер мертвой, бездушной системы. Стаж Степанова – чисто кабинетный. Даже во время войны он был большей частью в штабах. Но самоуверенности в нем было хоть отбавляй. Он считал себя компетентным во всех вопросах...»¹⁵

По оценке генерала К. В. Сахарова, занимавшего весной 1919 г. должность генерала для поручений при адмирале Колчаке, в бытность генерала Степанова Военное министерство и его Главный штаб «распухли до чудовищных по величине размеров; вышли к жизни все прежние отделы, отделения, столоначальники»¹⁶. По сути, в Омске была предпринята попытка воссоздать существовавшую до революции структуру российского военного министерства. Но прежние органы управления, обслуживавшие в 1917 г. 12-миллионную армию, были явно неуместны и более чем обременительны для вооруженных сил, насчитывавших весной 1919 г. лишь около 400 тыс. человек. К тому же график работы военного министерства совершенно не соответствовал тем задачам, которые призван был решать

¹² Будберг А. Дневник. 1917–1919. М., 2016. С. 318.

¹³ Правительственный вестник. 1919. 5 янв.

¹⁴ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 419–420.

¹⁵ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М., 2007. С. 375.

¹⁶ Сахаров К. В. Белая Сибирь // Гражданская война в Сибири и Северной области. М.-Л., 1927. С. 80.

этот высший государственный орган военного управления. По свидетельству генерала К. В. Сахарова, работа в военном министерстве продолжалась с 10 до 17 часов с перерывом на завтрак, а затем его сотрудники «расходились по домам»¹⁷.

По характеристике К. В. Сахарова, с самого первого дня деятельность Степанова на посту военного министра выражалась в том, что были «вытащены из пыли 24 тома свода военных законов, все прежние штаты и положения... Как только жизнь выдвигала какой-либо вопрос – а это было на каждом шагу, – доставался соответствующий том и искалось готовое решение, «старый испытанный рецепт», но, увы, зачастую испытанный и забракованный жизнью, а в условиях разрухи гражданской войны прямо нелепый»¹⁸.

Генерал Степанов не сумел наладить тесных деловых отношений и со своими коллегами по Совету министров Российского правительства. В немалой степени этому способствовала конфликтность натуры самого военного министра. Так, например, причиной его затяжной ссоры с министром внутренних дел А. Н. Гаттенбергером послужили разногласия, связанные с распределением квартир в Омске. Для большинства министров Степанов был чужим человеком, не связанным с организацией антибольшевистского движения в Сибири летом 1918 г. Данный фактор оказал первостепенное влияние на формирование отрицательного отношения к Степанову и со стороны фронтовых генералов.

3 марта к председателю Совета министров П. В. Вологодскому явилась группа в составе министров И. А. Михайлова, Н. И. Петрова, Н. С. Зефирова, М. И. Смирнова, И. И. Сукина и управляющего делами Совмина Г. К. Гинса, которые высказали общее мнение о необходимости замены генерала Н. А. Степанова другим лицом. И. А. Михайлов при этом отметил, что «на фронте крайне возбуждены против Степанова, считая его человеком бумажным, зарывшимся в законопроекты, инструкции и т. п. но без организаторских и распорядительных способностей, вследствие чего фронт плохо обслуживается и это создает раздражение на фронте против тыла настолько резкое, что назревало желание отправить в тыл для расправы полки с фронта»¹⁹. 7 марта П. В. Вологодский довел до сведения адмирала А. В. Колчака мнение министров, но Верховный правитель решительно отверг возможность увольнения Н. А. Степанова, выразив убежденность, что недостатки в работе военного министерства вызваны объективными факторами²⁰.

Главным оппонентом Н. А. Степанова в военных кругах стал начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-майор Д. А. Лебедев. Неприязнь, существовавшая между двумя генералами, вышла далеко за рамки их личных отношений и распространилась на возглавляемые ими органы. Результатом стали «самые враждебные»²¹, по словам генерала А. П. Будберга, отношения между Ставкой и военным министерством. Все это, в свою очередь, оказывало негативное воздействие на общее руководство колчаковской армии – делало невозможной координацию организационных мероприятий между Ставкой и военным министерством.

Справедливости ради следует отметить, что претензии к деятельности Степанова носили объективный характер. Фронт требовал от тыла пополнений, но военное министерство, ответственное за их подготовку, работало крайне медленно. Еще в феврале 1919 г. министерство разработало план формирования в тыловых округах пяти новых дивизий. Однако его реализация затянулась на весьма продолжительное время. По словам полковника Г. И. Клерже, являвшегося в то время помощником начальника Главного штаба, «ни Степанова, ни Марковского этот важнейший вопрос несколько не волновал, ибо они увлечены были в это время разработкой штатов всех центральных учреждений военного ведомства, в том числе, на первом месте, Главного штаба, с тем, чтобы придать этим

¹⁷ Сахаров К. В. Белая Сибирь... С. 79.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Дневник П. В. Вологодского (Из хроники антибольшевистского движения в Сибири) // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 152–153.

²⁰ Там же.

²¹ Будберг А. Дневник... С. 415.

учреждениям более «импозантный», по сравнению со Ставкой вид». Г. И. Клерже вспоминает характерный случай, когда военный министр много раз возвращал на переработку штат строевого отделения Главного штаба, в котором должны были переиздаваться воинские уставы. В составе этого отделения должно было состоять не более двух-трех офицеров. «Так вот, решению вопроса о том, два или три офицера должны быть в этом отделении, которому судьба так и не дала возможности развернуть своей деятельности, военный министр жестокой эпохи гражданской войны придавал более важное значение, чем подаче на изнывающий в неравной борьбе фронт сильных войсковых подкреплений»²².

Лишь 15 марта 1919 г. были окончательно утверждены штаты новых соединений, а 18 марта генерал Степанов подписал приказ о формировании в Омском военном округе 11-й, 12-й и 13-й, в Иркутском военном округе – 8-й и 14-й Сибирских стрелковых дивизий²³. Для укомплектования дивизий личным составом был осуществлен ряд призывов и мобилизаций.

По представлению военного министерства 4 марта 1919 г. Совет министров Российского правительства постановил призвать в войска мужское городское население в возрасте от 18 до 35 лет с образованием не ниже четырех классов средних учебных заведений. Для родившихся в 1887 и 1897–1900 гг. первым днем мобилизации назначалось 21 марта, для родившихся в 1888–1896 гг. – 5 апреля. Однако призыв оказался на грани срыва из-за массового сокрытия призывниками своего образования. Поэтому 3 апреля требования к образовательному цензу призывников были существенно снижены и первым днем явки на сборные пункты устанавливалось 25 апреля.

Генерал Степанов настоял на призыве «цензовиков» вопреки мнению некоторых членов Совета министров. Военным министр не принял во внимание того, что призыв в армию лиц с образовательным цензом неизбежно дезорганизует всю систему органов власти и управления на местах. Приведем несколько примеров такого рода в отношении Енисейской губернии. В канцелярии управляющего Красноярским уездом после призыва остались только две женщины – машинистка и писец, которые, естественно, не могли обеспечить всю совокупность дел, связанных с управлением уезда. Призыв в армию служащих Красноярского окружного суда привел к перспективе «почти полного прекращения на местах деятельности судебной власти». Енисейский губернский союз кооперативов лишился более 40 своих сотрудников, что поставило кооперацию в губернии на грань «прямой катастрофы»²⁴.

Следующий призыв, объявленный 8 апреля 1919 г., распространялся на лиц, родившихся в 1897, 1898, 1899, 1900 гг. и в январе, феврале и марте 1901 г. Первым днем мобилизации для родившихся в 1900 г. и в январе, феврале и марте 1901 г., назначалось 5 мая, для родившихся в 1898 и 1899 гг. – 25 мая, для родившихся в 1897 г. – 2 июня 1919 г. В результате этих призывов в строй было поставлено всего около 125 тыс. человек²⁵.

Таким образом, формировавшиеся в тылу дивизии лишь в мае начали укомплектовываться личным составом, причем, обратим на это внимание – молодежью в возрасте 18–20 лет, ранее не служившей в армии. На приведение данного контингента в относительно боеспособное состояние требовалось еще как минимум два месяца. Между тем, именно в мае 1919 г. на фронте начала скрадываться кризисная ситуация, обострение которой в последующие несколько месяцев обусловило крах антибольшевистских вооруженных сил востока России и режима адмирала Колчака.

Некоторым оправданием генералу Степанову может служить то, что вплоть до мая 1919 г. в распоряжении Военного министерства отсутствовали необходимые запасы вооружения и обмундирования. Мобилизации же были приурочены к их поставкам в Сибирь

²² Клерже Г. И. Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С 311–312.

²³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 176. Оп. 2. Д. 32. Л. 10–11.

²⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 24. Оп. 2. Д. 78. Л. 152, 197, 219.

²⁵ Симонов Д. Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на Востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 67–69.

из США и Англии. Но и в рамках данной логики Степанов допустил серьезную ошибку. Большая часть 200 тыс. комплектов обмундирования и амуниции, доставленных из Англии, пошла на обеспечение тыловых частей, в то время как действовавшие на фронте войска были раздеты и разуты.

Как бы хорошо Колчак ни относился к Н. А. Степанову, все же он вынужден был считаться с отрицательным отношением к военному министру большинства членов правительства, руководителей Ставки и фронтовых начальников. Кроме того, когда колчаковская армия начала терпеть поражение на фронте, генерал Н. А. Степанов оказался фигурой, на которую удобно было возложить часть ответственности за военные неудачи. 23 мая по настоянию генерала Д. А. Лебедева Верховный правитель осуществил коренную реорганизацию высших органов военного управления, в результате которой произошло слияние Ставки и военного министерства в один орган под общим руководством Д. А. Лебедева. В связи с данной реорганизацией Н. А. Степанов был снят с должности военного министра «ввиду нового назначения». Приказом А. В. Колчака от 24 мая 1919 г. «за труды, понесенные по обстоятельствам текущего времени», он был произведен в генерал-лейтенанты²⁶.

Н. А. Степанов не получил какой-либо новой должности в колчаковской армии и, покинув пределы Сибири, перебрался на юг России в армию генерала А. И. Деникина. После поражения антибольшевистских вооруженных сил юга России Н. А. Степанов оказался в эмиграции. С 1922 г. он проживал в городе Селие в Сербии, во время Второй мировой войны переехал во Францию и скончался в парижском предместье Шелл 19 января 1949 г. Сколько-нибудь заметной роли в жизни российской эмиграции он не играл.

Список литературы

- Богаевский А. П.* 1918 год // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. М.: Голос, 1993. С. 5–112.
- Будберг А.* Дневник. 1917–1919. М.: Захаров, 2016. 816 с.
- Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта гражданской войны. М.: Русский путь, 2003. 240 с.
- Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 268 с.
- Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.: Крафт+, 2007. 704 с.
- Дневник П. В. Вологодского (Из хроники антибольшевистского движения в Сибири) // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 121–253.*
- Залесский К. А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М.: ООО «Издательство АСТ» и ООО «Издательство Астрель», 2003. 894 с.
- Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 325–510.*
- Клерже Г. И.* Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 262–325.
- Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы гражданской войны. Биографический справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2011. 672 с.
- Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке. 1914–1915. Минск: Харвест, 2003. 448 с.
- Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М.: Российский архив, 2002. 296 с.
- Сахаров К. В.* Белая Сибирь // Гражданская война в Сибири и Северной области. М. - Л., 1927. С. 78–114.
- Симонов Д. Г.* К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на Востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 67–86.

²⁶ ГА РФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 138. Л. 147.

D. G. Simonov*

Minister of War in the Russian Government Lieutenant-General N. A. Stepanov

The article deals with the biography of General Nikolai Alexandrovich Stepanov in relation to his service in the old Russian army and in the ranks of anti-Bolshevik armed formations during the civil war. The author analyzes N.A. Stepanov's work as a Military Minister in the Russian government of Admiral A. V. Kolchak; identifies the objective and subjective factors that led to the failure of General Stepanov's activities in training the recruits in the rear for the army operating on the front line.

Keywords: General Nikolai Aleksandrovich Stepanov, army, Siberia, Military Ministry.

Статья поступила в редакцию 27.08.2018

* **Simonov Dmitry G.** – Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research, Institute of History of the Siberian Branch of RAS, Associate Professor, Novosibirsk State University. E-mail: simonov_dg@mail.ru

А. Г. Тепляков*

К портрету Нестора Каландаришвили (1876–1922): уголовник-авантюрист, партизан и красный командир

Статья посвящена актуальным проблемам биографии видного исторического деятеля советской Сибири и Дальнего Востока – партизана и военачальника Н. А. Каландаришвили. Жизнеописание этой харизматической личности до сих пор опирается на живучие исторические мифы и далеко от реальности. На основе выявленных в центральных и местных архивах документов автором реконструирована основная канва подлинной биографии Каландаришвили. Доказана фальсификация многих сведений о жизненном пути этого революционера и партизана, скрывавшего криминальные аспекты своей как дореволюционной, так и послереволюционной биографии. Отдельно показана роль Каландаришвили в деятельности Коминтерна на Дальнем Востоке. Жизнеописание Н. А. Каландаришвили дает обширный материал о практиках выживания и адаптации лиц с уголовными наклонностями, позволявшими им в обстановке гражданской войны делать примечательные карьеры.

Ключевые слова: Каландаришвили, Шумяцкий, криминал, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Красная гвардия, анархисты, партизаны, красный террор, белый террор, корейцы

Формально биография известнейшего восточносибирского революционера и партизана Нестора Александровича Каландаришвили (1876–1922) известна¹, но при изучении архивных документов и мемуаров в ней обнаруживается слишком много эпизодов, которых советские авторы не касались или излагали предвзято. Между тем истинный облик легендарного революционера и партизана Каландаришвили весьма далек от того благообразия, которое было создано в советское время. Ряд новейших публикаций обратил внимание на непарадные эпизоды биографии «Дедушки», как звали своего вожака партизаны². Опираясь на мнение еще С. П. Мельгунова³, некоторые современные авторы, говоря об избытке во многих партизанских отрядах анархических деклассированных элементов бандитского типа, деятельность которых носила откровенно погромный характер, относят главарей склада Н. А. Каландаришвили, Г. Ф. Рогова, В. П. Шевелева-Лубкова к «типичным бандитам»⁴. Задача настоящей статьи – обратить внимание на неизвестные в литературе факты, которые показывают истинный облик авантюриста периода гражданской войны и снимают покров мифологизации с давно канонизированной исторической личности.

Первый биограф Каландаришвили – краевед В. Е. Кожевин – собрал ценные свидетельства о своем герое, в том числе мемуарные, но его книга носит апологетический характер. В частности, многие эпизоды Кожевин толкует на основании автобиографии Каландаришвили из РГАСПИ, в которой тот, расписывая свои революционные и боевые подвиги, весьма мало заботился об исторической правде. Между тем известные факты рисуют молодого Нестора человеком, который долго искал свое место в жизни, сделав в итоге выбор в пользу преимущественно криминального существования. Вообще о фигуре типичного русского революционера современные историки говорят без пиетета, подчеркивая специфическую маргинальность этого распространенного в России начала XX в.

* **Тепляков Алексей Георгиевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН; доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления. E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

¹ См.: *Церетели М. В.* Народный герой Нестор Каландаришвили: Воспоминания соратника. Тбилиси, 1965; *Кожевин В. Е.* Легендарный партизан Сибири. Улан-Удэ, 1967.

² *Сысоев А. А.* Уголовный сыск в Восточной Сибири в 1730–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004; *Тепляков А. Г.* Каландаришвили Нестор Александрович // *Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы* / Сост. и ред. А. В. Посадский. М., 2017. С. 410–413.

³ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Т. 2. М., 2004. С. 159.

⁴ *Циндик А. А.* Историк С. П. Мельгунов о репрессивной политике адмирала А. В. Колчака // *Гражданская война в Сибири: Материалы Всерос. заочн. научно-практич. конф.* Омск, 2013. С. 155.

типа: «Подполье было цинично, довольно безразлично к людским судьбам и жизням, широко пользовалось манипуляциями, провокацией, ложью, демагогией. За всем этим стояли специфические корыстные корпоративные интересы профессиональных революционеров»⁵. Наш герой относился к тому типу бунтарей, который бравировал беспринципностью и в периоды затухания революционных беспорядков использовал свои незаурядные способности в чисто криминальных занятиях.

Нестор Каландаришвили родился в дворянской грузинской семье, учился в гимназии и семинарии, служил в армии, с 1900 г. был эсером, пять лет спустя стал социал-демократом, а в 1907 г. примкнул к анархистам. Он участвовал в нападениях на полицию и экспроприациях, не раз арестовывался, совершал побег. Сначала ему пришлось покинуть Грузию, бросив жену и дочерей, а потом обменять Украину и Крым на Восточную Сибирь. Примечательно, что в Иркутске, где Каландаришвили жил с конца 1908 г., он поселился легально, под своей фамилией, поскольку его товарищи выкупили у грузинских жандармов дело с обвинительными материалами. В итоге после поражения Первой русской революции грузинский боевик осел в Иркутске, занимаясь актерским ремеслом и фотографией, одновременно найдя себя в роли «крестного отца» многочисленной грузинской диаспоры, тесно связанной с местным криминальным миром. Периодически его арестовывали по уголовным обвинениям, за «буйный характер» переводя в карцер, но Каландаришвили, благодаря круговой поруке товарищей-арестантов, неизменно оказывался на свободе за недостатком улик. В общей сложности он провел в заключении в 1910, 1911–1912 и 1913–1914 гг. около двух с половиной лет по чисто уголовным обвинениям, позднее приписав себе попытку организовать убийство иркутского губернатора. Однако, как сообщал Кожевину будущий глава правительства ДВР П. М. Никифоров, Каландаришвили вел с ним о покушении только разговоры⁶.

Большевистские авторы деликатно писали, что «кристаллически честный» Каландаришвили «как идеалист, всегда носился с к[акой]-н[ибудь] “моральной идеей” в роде проекта “договора чести” с иркутскими ворами “на предмет перехода их к честному труду”»⁷. Однако в полицейских архивах сохранились сведения не о его революционной работе и «морализации» уголовников, а о мошеннических подлогах и о том, как в конце 1913 г. авторитетный Каландаришвили получил заказ на устранение местного купца Я. Е. Метелева. «Гурийская шайка» кавказцев, которой досталась толика от полученных Каландаришвили 5 тыс. руб., провалила поручение: тяжело раненый купец выжил. Покушавшиеся оказались в тюрьме, но не выдали своего предводителя. Затем была большая работа по организации чеканки низкопробных серебряных монет и поиску граверов. Создание подпольной фабрики фальшивомонетчиков сорвала полиция, но главного организатора вновь никто не выдал⁸. Выйдя из иркутской тюрьмы осенью 1914 г., Каландаришвили, даже по признанию официального биографа, не занимался никакой революционной борьбой. Но когда наступил 1917 год, а с ним – грандиозные возможности для всех, кого увлекло переустройство общества на новых началах, анархист Каландаришвили вспомнил о своих ультрареволюционных идеях и нашел массу единомышленников.

Нестор Александрович не участвовал в событиях Февраля, но массовая амнистия и атмосфера безграничной свободы дали возможность анархисту проявить лидерские качества уже совершенно легально. В декабре 1917 г. он создал красногвардейский отряд из 60 бойцов, ядром которого стал десяток земляков во главе с особо приближенным к «Деду» его родственником М. П. Асатиани. Отряд сразу же после формирования участвовал в кровавом подавлении юнкерского мятежа. Кожевину признавал, что Каландаришвили не слушал приказов вышестоящих инстанций и самовольно «экспроприировал» имущество

⁵ Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М., 2016. С. 118–119.

⁶ Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири... С. 16, 20–23.

⁷ Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Ст. 454.

⁸ Сысоев А. А. Уголовная преступность в Восточной Сибири в начале XX века: становление организованных структур // Силловые структуры России: страницы истории. Иркутск, 2006. С. 98.

«буржуев». Его мародерский отряд быстро рос, включив часть шахтеров-анархистов из Черемхово. Как еще в середине 1970-х гг. отмечала И. В. Павлова, в черемховском отряде оказалось «много уголовных элементов», а во время подавления мятежа юнкеров в Иркутске черемховские и иркутские красногвардейцы допустили случаи мародерства⁹. В феврале 1918 г. по указанию Иркутского Совета Каландаришвили сделал свой отряд кавалерийским и вскоре под давлением властей был вынужден удалить из него часть уголовников¹⁰. Однако в целом дивизион «Деда» остался криминализированным (командиром одного из эскадронов был кавказский террорист-грабитель Амзор Караев), что честно признавали его участники. Характеризуя свой отряд черемховских рабочих, один из его командиров, П. Ф. Попов, в 1934 г. признавал: «Правда, была часть уголовников. Я считаю, что мы не найдем ни одного отряда красногвардейцев, в котором не было бы уголовного элемента, [который] шел в отряды для приобретения оружия ... легкого обогащения, легкой наживы»¹¹. Попов, отвечая на обвинения в адрес Нестора Александровича, тогда же приводил такие неотразимые аргументы: «Говорят – бандит, грабитель. Если бы Каландаришвили¹² был грабителем, то он был бы уголовником, и тогда он не был бы назначен советским правительством инспектором кавалерии на Дальнем Востоке. Что же, разве бандитов назначает у нас советское правительство на ответственные посты, на ответственные операции?»¹³.

Возглавляемый «Дедом» 1-й Иркутский кавдивизион анархистов-коммунистов-интернационалистов имел знамя, украшенное ленинским лозунгом: «Грабь награбленное». С 1920 г. Каландаришвили воевал под официально признанным большевистской властью черно-красным знаменем, на верхней красной части которого была надпись: «Весь мир насилия мы разрушим», а на нижней черной красовались белые череп со скрещенными костями¹⁴.

В апреле 1918 г. дивизион «Деда» из 600–700 всадников был отправлен на восток для борьбы с атаманом Г. М. Семеновым. Нанеся серьезные потери семеновцам, анархисты «Деда» разграбили Цугульский дацан, и в итоге их численность из-за боевых потерь и дезертирства уменьшилась до 400 человек. Дальнейшие события, связанные с мятежом чехословацкого легиона и согласованными действиями легионеров, поддержанных белыми частями, быстро организовавшимися из офицерских заговорщиков-повстанцев, застали сибирских большевиков врасплох. В Иркутске перед оставлением города царил паника. Один из красногвардейских командиров вспоминал: «Все бегали, все суетились, сталкивались лбами, как бараны, звенели шпоры и раздувались галифе, но толку ... не было ни на грош»¹⁵.

В этой нервной атмосфере родилась идея уничтожения Иркутска, и в июле 1918 г. власти Центросибири перед отступлением решили взорвать основные сооружения и здания города, поручив это подрывникам отряда Каландаришвили. Но в итоге иркутские большевики настояли «в интересах трудящихся города не производить разрушений в Иркутске ...»¹⁶ Каландаришвили руководил одной из двух дивизий, отступавших из Иркутска, войдя в штаб Прибайкальского фронта, который возглавил П. К. Голиков. Его анархическая самостоятельность здесь достигла предела: «Дед» мог нецензурной бранью и угрозой расправы ответить на распоряжение начштаба Забайкальского фронта, а его воинство отли-

⁹ Павлова И. В. Красная гвардия в период установления советской власти в Сибири // Рабочие Сибири в борьбе за социалистическую революцию и построение социализма: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1976. Вып. 2. С. 40.

¹⁰ Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири... С. 32–33.

¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 63.

¹² Здесь и ниже: сохранены грамматические и стилистические особенности цитируемых текстов.

¹³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 68. Между тем пример Г. И. Котовского наглядно свидетельствовал о назначении видных уголовников на не менее видные военные посты.

¹⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 221. Оп. 1. Д. 369. Л. 125–125 об.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 776. Л. 108.

¹⁶ Рябиков В. В. Иркутск – столица революционной Сибири. Иркутск, 1957. С. 159.

чалось такой склонностью к мародерству¹⁷, что, как отмечал П. Ф. Попов, при приближении красногвардейцев к селам крестьяне обычно «бежали от нас, как от банды»¹⁸. Понеся огромные потери в боях под станциями Култук и Слюдянка, Каландаришвили, командуя конниками, быстро отступал и вскоре настоял на организации глубоко в тылу Троицкосавского фронта, наскоро слепленного из анархических частей «Деда», Д. М. Третьякова, Ф. П. Лаврова и других вожаков, которые в июле 1919 г. поняли бесперспективность сопротивления белочешским войскам и не соглашались идти к Чите, чтобы там организовать крепкую оборону.

Есть версия, что в первой половине августа 1918 г. анархисты во главе с Ф. Лавровым, А. Караевым, Е. Пережогиным планировали арестовать коммунистов и захватить золотой запас Центросибири. В ответственный момент главком П. К. Голиков оказался пьян и руководил подавлением мятежа сам глава Центросибири Н. Н. Яковлев¹⁹. Верные ему части арестовали бунтовщиков (Пережогин смог бежать и вскоре был убит за неподчинение). После этого отряды Лаврова и Караева были перемещены в район Троицкосавска. К Селенгинску выдвинулись отряды Каландаришвили и Третьякова, которые оттуда также направились к Троицкосавску. Таким образом, анархистская половина красногвардейских войск фактически была убрана либо дезертировала с фронта, что полностью отвечало интересам этой вольницы, образовавшей на линии Селенгинск–Троицкосавск свой собственный фронт, не ведший активных действий²⁰.

Спешно отступив к Троицкосавску, каландаришвили и лавровцы избавили себя от опасности: в то время войска Центросибири откатывались на восток со скоростью 50 верст в сутки. Анархистское воинство не желало складывать в боях свои головы, стремилось побольше наградить и скрыться за границу. Так, А. Караев предпочел сдать свой эскадрон Семенову и выкупить свободу, отдав атаману часть награбленного золота Центросибири. Подобным образом поступил и Троицкосавский совет, сбежав со всеми немалыми ценностями в Монголию.

На пути к Троицкосавску Н. А. Каландаришвили (отметим, что и свои, и белые обычно называли его сокращенно-упрощенной фамилией Карандашвили; среди белых и крестьянского населения была также в ходу кличка «Карандаш»)²¹ активно мародерствовал, награбив у бурят и казаков массу золота, серебра и царских ассигнаций. Мемуарист из отряда «Карандаша», живописуя его рывки по забайкальским степям, обвинял во всех проблемах именно криминальную часть остатков красного войска: «...Настроение здесь резко изменилось ... появилось мародерство. Это было влияние уголовников ... они стремились пойти назад, попасть к белым, это влияние уголовников выражается также в недоверии руководству. Были течения уйти из отряда, что неправильно нас ведут и т. д. Возьмите вы [временный] арест, если можно так выразиться, Третьякова, Третьяковой²², Блюменфельда ... Говорили, что [С. С.] Блюменфельд забрал деньги и решил бежать из отряда ... Получилась волынка в ночь: я был на заставе с пулеметом “Кольт”. Появилась группа всадников ... это были свои. Они сообщили, что Блюменфельд забрал деньги и хотел бежать. Побежали туда. Там шум, гам, крики – здесь уже появилось желание отобрать деньги и разделить. Некоторым были розданы облигации. На почве этих облигаций поднялась буза: а

¹⁷ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советской Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 246, 143–146.

¹⁸ ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 72.

¹⁹ Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1957. С. 24.

²⁰ Познанский В. С. Очерки истории... С. 245; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Омск, 1996. С. 15.

²¹ Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008. С. 305–306.

²² Жена Д. Третьякова; была начальницей саперной команды (РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 43. Л. 22).

Николаевские [ассигнации] кому? А з[о]лото кому? Вот каково было влияние уголовников»²³.

Аналогично действовали, торгуясь друг другом и думая лишь о разделе награбленного, в соседнем отряде Ф. П. Лаврова. По пути к Селенгинску Лавров похитил у бурят (вероятно, в каком-либо дацане – по сообщениям прессы, 26 августа Лавров ограбил на два млн рублей Гусиноозерский дацан²⁴) шесть пудов золота и смертельно рассорился с «Калрандашом», который рассчитывал на свою долю, но остался ни с чем. Как вспоминал Витман, один из мажар отряда Лаврова, «Калрандашвили сказал, что он нам отомстит за золото, а потому мы сняли [орудийные] замки с [пушек] парохода, на котором он уехал. Первый наш пароход прибыл на пристань Кяхта, но [каландаришвилицы] нам не дают подойти к берегу. Видим, что делать нечего, мы посылаем четыре человека на берег, где их и арестовали ... В 5 часов утра мы подошли за 5 верст к пристани Кяхта, где нам наш патруль сообщил, что Калрандашвили строит фронт против нас ... У нас было 32 пулемета и мы решили драться до конца. Когда мы стали наступать на Калрандашвили, то он стал отступать, но на 450 шагов мы остановились. Мы не знали, как быть: стрелять или нет. Ну, мы повели мирные переговоры и решили идти вместе ... в Троицко-Сяск, но Калрандашвили решил не идти в Троицко-Сяск, но просил, чтобы мы ему отдали замки, [но] так как мы ему не верили, что он нас не предаст, то мы отказали»²⁵.

В итоге отряд Лаврова, где преобладали мажары, решил поделить награбленное золото, а оружие сдать китайцам, контролировавшим границу с Монголией у Кяхты, и так уйти от белых: «У нас были такие ребята, которые говорили, что нужно разделить золото и каждый получит по 10 фунтов. Лавров устроил собрание, и [видный мажарский командир] Форбат его арестовал. Форбат говорил, что нужно отдать оружие, а Лавров говорит, что не нужно, к нам скоро придут наши товарищи и мы продвинемся вместе с ними. Но оказалось, что приближается Семенов ... Сами мы тоже не соображали. Мы думали, что нужно разделить золото». В итоге большой отряд сдался семеновцам, которых было всего 70 человек с одним пулеметом²⁶. Лавров бежал из-под ареста, но был вскоре, 16 сентября, схвачен отрядниками Калрандашвили, которые сначала, согласно приказу своего командира, планировали судить его трибуналом. Однако почти сразу один из артиллеристов, мстивший за снятые лавровцами замки пушек своего парохода, пристрелил пленника: «отомстил ему, когда переходили речку, то он убил Лаврова». Как подытожил мажар-мемуарист, «с Лавровым некогда было возиться»²⁷.

С 27 августа 1918 г. начался поход отряда Калрандашвили от Усть-Кяхты к Тунке. Поскольку в Тункинской долине обитали враждебные красным казаки (мемуары партизан говорят, что офицеров в казачьих станицах они расстреливали²⁸), то «Дед» решил пробиваться оттуда в Монголию, а несогласные с этим Блюменфельд и Лебедев увели свои подразделения к Иркутску и были быстро ликвидированы белыми. Затем часть партизан не решилась идти через ущелья Саянского хребта и тоже отделилась. Когда 400 партизан из отряда Калрандашвили в октябре 1918 г. вышли из тайги в Голуметской волости на юге Черемховского уезда и сдались, они за многочисленные «насилия над мирным населением» подлежали военному суду, но управляющий Иркутской губернии П. Д. Яковлев передал их дела в следственную комиссию, которая освободила молодежь и тех, за кого были формальные ручательства. Только когда Яковлева в августе 1919 г. вызвали в Омск, военным удалось взять реванш и казнить 27 наиболее отъявленных разбойников из партизан

²³ ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 64–65.

²⁴ Штырбул А. А. Пережогин, Караев, Лавров и другие: анархо-партизанщина в Сибири в начальный период Гражданской войны (весна-лето 1918 г.) // «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов. М., 2015. С. 73.

²⁵ РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 6. Л. 4.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 43. Л. 23; Д. 6. Л. 9.

²⁸ Там же. Д. 43. Л. 24.

Каландаришвили²⁹, включая несколько командиров. К исходу ноября у села Инга близ Усолья-Сибирского отряд есаула И. Н. Красильникова разбил последнюю крупную группу отряда «Карандаша», пленив около 100 бойцов³⁰. От примерно двухтысячного отряда Каландаришвили осталось 70 человек, остальные разбежались, сдались, погибли или были выловлены казаками и белыми. 26 ноября «Дедушка» распустил свой отряд, выдав каждому по 9 тыс. еще весомых царских рублей.

Через белые заслоны к Иркутску пробрались только сам Каландаришвили и несколько его ближайших соратников. На ст. Иннокентьевская Каландаришвили купил двухэтажный дом, играя роль обывателя и принимая личины священника, купца либо землемера. Версии о его огромной армии, действовавшей в тайге, усердно распространялись иркутским подпольем, которое, впрочем, имело с «Дедом» минимум контактов. В своей автобиографии «Дед» рассказывал, как смог после окончательного разгрома разбросать мелкие отряды по всей Иркутской губернии³¹, что было выдумкой. Весной 1919 г., как убедился один из интернационалистов-связников, отряд Каландаришвили насчитывал семь человек, в то время как в Иркутске говорили, что у «Деда» воюют две тысячи бойцов³². По общепринятой версии, к апрелю 1919 г. «Карандаш» вновь собрал небольшой партизанский отряд в 60–100 человек. Летом партизаны Каландаришвили якобы взорвали несколько мостов, пустили под откос восемь эшелонов, что представляется большим преувеличением. В сентябре они попытались поддержать восстание заключенных пересыльной тюрьмы Александровского централа, не выдержавших голодного пайка и тифозной эпидемии. В ходе восстания 12 сентября 1919 г. из централа вырвалось 420 арестантов (по другим данным, 580 и 109 солдат-охранников), однако уже в ближайшие дни многие беглецы, действовавшие разрозненными группами, были перебиты белыми, а до 150 оказались в плену³³. Возможно, в отместку за этот налет в октябре 1919 г. в Иркутской тюрьме и были расстреляны вышеупомянутые 27 партизан «Карандаша», включая командиров эскадрона, роты и пулеметной команды, ранее осужденных к вечной каторге.

В сентябре того же 1919 г. отряд Каландаришвили, не сумевший получить существенного пополнения за счет беглецов централа и отступивший в Ангарский район, был разбит и ушел на 500 километров в тайгу, до самой Лены, сохранив к декабрю лишь примерно сотню бойцов. Однако катастрофа Белого движения к этому времени позволила отряду стремительно разрастись и начать успешное наступление на Иркутск, образовав Иркутский партизанский фронт в составе отрядов Н. А. Каландаришвили, К. К. Байкалова и Мишарина, имевших до 2000 бойцов. С момента захвата власти на заметной части Иркутской губернии Каландаришвили немедленно вступил в конфликт с другими партизанскими вожаками. Чрезвычайное заседание пленума Временного Центрального Военно-Революционного Совета Северо-Восточного края Сибири (председатель – В. К. Брум) 28 декабря 1919 г. по телеграмме главкома Северо-Восточного фронта Д. Е. Зверева о самочинном провозглашении Каландаришвили себя верховным главнокомандующим всеми вооруженными красноармейскими силами Сибири, взимании им контрибуций с населения, бесконтрольном расходовании «захваченных народных богатств и достояний» постановило считать действия его анархизмом и приказало главкому Звереву срочно и решительно разоружить Каландаришвили³⁴.

²⁹ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ). Д. Р-45369. Т. 1. С. 37, 95, 100; Т. 2. Л. 27.

³⁰ Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири... С. 56–75.

³¹ Там же. С. 76.

³² РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 6. Л. 7.

³³ Звягин С. П. Освобождение из мест заключения во время гражданской войны: практика антибольшевистских режимов на территории Восточной Сибири (середина 1918 – 1919 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: Сб. науч. статей. Новосибирск, 2013. Вып. 2. С. 158; Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири... С. 93.

³⁴ ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1291. Л. 1–2.

Однако Верхотенский уездный совет уже 3 января 1920 г., зная о значительных силах «Карандаша», заявил, что такое разоружение «недопустимо с точки зрения стратегических и политических соображений» и потребовал отменить приказ, так как армия Каландаришвили уже подходит к Иркутску: «Просим не вносить раздора в единую советскую семью накануне образования советского правительства в Иркутске». Одновременно уездный совет, не желая двоевластия, попросил партизанский Центросовет и Зверева «воздержаться от всяких организационных реформ по созданию административных районных органов[,] предоставив это право местным военно-революционным Советам, которые учтут положение, так как этого требует местная особенность; распоряжения Центросовета вносит такой сумбур в организационную местную работу, в котором трудно разобраться...» А Качугский ревком примерно тогда же отписал Центросовету, что обвинения в адрес Каландаришвили неправильны, поэтому его разоружение и будет «анархическим действием»³⁵.

Безобразия партизан в отношении аборигенного населения, а также иностранцев вызвали у советских властей большие претензии. В январе 1920 г. представители бурятских ревкомов жаловались на незаконные реквизиции партизан Каландаришвили в Хоготском хошуне. А один из бандитов «Карандаша» в Иркутске прямо на улице убил адъютанта официального представителя Чехословакии, каковой эпизод глава ревкома А. А. Ширямов назвал в мемуарах «дикой выходкой»³⁶. Бесконтрольные анархистские действия и насилия по отношению к крестьянам привели к тому, что в феврале 1920 г. Сибревком выдал мандат военному следователю трибунала 5-й армии при 30-й дивизии Н. Фельдману для «расследования по делу отряда Каландаришвили»³⁷, но «Дедушке», который формально признал подчинение вышестоящим инстанциям, все сошло с рук, поскольку его многочисленное войско было остро необходимо большевикам для военно-полицейских функций.

Зато «анархические действия» бойцов «Карандаша» в отношении пленных белых совершенно не волновали большевиков. Генерал Н. Храбров в мемуарах «Судьба или случайность» писал о событиях начала 1920 г.: «Ехать на станцию [Нижнеудинск], где “Каландаришвили вешает всех генералов”, было жутко»³⁸. Незавидной была судьба и добровольно сдавшихся. А. Ф. Пучков писал, как от его соединения неожиданно откололась и «ушла [сдаваться] в Нижне-Удинск конно-разведческая команда 30-го Аксинского полка, во главе с прапорщиком Н ... Впоследствии один из стрелков ... случайно застрявший в Нижне-Удинске, догнав свою часть, рассказал, что несчастных обезоруженных разведчиков водили раздетыми до белья по улицам города для общего посмеяния и издевательства. Не трудно себе представить, какая судьба постигла их в дальнейшем»³⁹.

В следующие недели отряд Каландаришвили успешно преследовал каппелевцев, затем вернулся в Иркутск. Партизанские самостоятельные отряды «Деда» и Н. А. Бурлова в марте 1920 г. были переброшены, вместе с 1-й Иркутской дивизией, в Забайкалье на борьбу с Г. М. Семеновым, став основой (несмотря на скорый полный разгром бригады Бурлова) будущей Народно-Революционной армии (НРА) ДВР⁴⁰. В тяжелом Гонготском бою семеновцы вместе с японцами нанесли красным большие потери, а сам «Карандаш» получил тяжелое ранение и надолго выбыл из строя. В начале сентября 1920 г. он прибыл в Москву в качестве начальника караула китайской делегации и получил аудиенцию у Ленина, чем укрепил свое положение.

Вернувшись в Сибирь, в октябре 1920 г. Каландаришвили участвовал в захвате Читы и ликвидации так называемой «семеновской пробки», в ходе чего его отряд привычно об-

³⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1291. Л. 3, 4.

³⁶ Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилкой и колчаковской контрреволюцией. М.-Л., 1926. С. 297.

³⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1390. Л. 3.

³⁸ Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006. С. 253, 261.

³⁹ Пучков Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Вестник первоходника. Май 1965 – январь 1966. № 44–52.

⁴⁰ Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины (апрель-ноябрь 1920 г.). Новосибирск, 1966. С. 98.

рушился на бурятское население, активно поддерживавшее белых. Например, Хамниган-Бурятский хошун Агинского аймака осенью 1920 г. был жесточайшим образом разгромлен партизанами: три его сомона полностью опустели, в двух других из 6 тыс. жителей осталось менее 200. Остальные бежали в Монголию, но многие оказались убиты, и их тела валялись непогребенными еще в марте 1921 г. В Бырцинском дацане и вокруг было подобрано более 70 трупов, в основном монахов, женщин и детей⁴¹. В конце 1920 г. каландаришвилицы не только грабили аборигенное население, но и насиловали бурятских женщин и девушек⁴². Командование наступавшей на Читу 5-й армии Восточного фронта обвиняло бывших партизан в подрыве Советской власти, ибо криминогенная обстановка в рядах участников этой герильи все время угрожала мирному населению⁴³. Тем не менее каких-либо официальных претензий к «Карандашу» военные власти выдвигать не стали. А в 1921 г. он был принят в ряды РКП(б) со стажем с 1917 г.

Вскоре Каландаришвили оказался в центре особенно крупного конфликта с международным оттенком. Когда осенью 1920 г. до четырех тысяч корейских партизан, воевавших с японскими колонизаторами, перешли из Северной Маньчжурии в Амурскую область, у лидера Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. З. Шумяцкого созрел авантюрный план подготовки в Иркутске Корейской революционной армии и организации ее победоносного похода из Сибири через Маньчжурию в Корею. Он приступил к формированию в Иркутске центра корейского революционного движения под военным руководством Каландаришвили.

Основная часть перешедших в Россию мятежных корейцев ориентировалась на Иркутск, остальные – на свою революционную фракцию в Шанхае. При этом сепаратно настроенные «прошанхайские» партизанские вожаки особого Сахалинского партизанского отряда были активными участниками дикой резни населения в Сахалинской области и Николаевске-на-Амуре в 1919–1920 гг., являясь важным ударным отрядом террористической армии анархиста Я. И. Тряпицына. Вполне естественно, что, уйдя под натиском японской армии летом 1920 г. с низовьев Амура и расположившись в окрестностях Благовещенска, они привычным образом с помощью оружия решали и вопросы снабжения, и личные конфликты. Еще в конце июля 1920 г. главком НРА Г. Х. Эйхе и его помощник по политчасти В. Г. Бисярин приказали провести чистку корейско-китайского полка, среди бойцов и комсостава которого была отмечена «масса преступлений служебного и политического характера»⁴⁴. Эффективность подобных мер оказалась невелика. И попытки переподчинить корейцев мирным путем, как свидетельствует переписка советских военных и партийных властей, оказались безуспешными.

Главком Эйхе в январе 1921 г. выдал мандат члену корейской секции при Дальбюро ЦК РКП(б) и представителю Амурского обкома Корейской компартии Ивану Даниловичу Пак-Чан-Ыну для разрешения военных вопросов в корейских партизанских отрядах и по делам созыва в феврале партизанского съезда в Чите или Хабаровске – с правом отстранения командиров отрядов и «ареста лиц, оказывающих препятствие при разрешении им означенных вопросов»⁴⁵. Тогда же все члены корейской секции Дальбюро, а также командиры особого Сахалинского отряда Иннокентий Ким и Илья Пак «за их недисциплинированность в партийных работах» постановлением Дальне-Восточного секретариата ИККИ были лишены полномочий, причем Пак и Ким оказались на короткое время под следствием Амурского облотдела Госполитохраны (И. Пак обвинялся как ярый сторонник «авантюриста Тряпицына» и колчаковский контрразведчик, а И. Ким, бывший прапорщик рус-

⁴¹ Тумунов Ж. Хамниганы степной Аги // Забайкальский рабочий. 2006. 27 июня.

⁴² Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М., 2011. С. 85.

⁴³ Исповедников Д. Ю. Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): источниковедческий и археографический аспекты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 19.

⁴⁴ РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 601.

⁴⁵ Там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 376. Л. 4.

ской армии, ранее, в 1920 г. в Иркутске Особым отделом 5-й армии арестовывался за уклонение от службы в НРА и был освобожден на поруки⁴⁶).

Чрезвычайная Корейская военная конференция, прошедшая 11 марта 1921 г. в Чите под председательством Цой-Кван-Юна, представителя Кандонского партизанского отряда Ким-Квана и других, постановила отстранить командира особого Сахалинского отряда И. Кима и его военкома И. Пака с преданием их военно-полевому суду «за разложение полка». Им вменялись внесение сепаратизма в Николаевские роты и ссоры командования полка с рядовыми бойцами, а также доносы; они «не приостановили убийства самосудом Василия Пака, бывшего командира корейского отряда Николаевского района, совершенное партизанами-николаевцами». Ким и Пак, переходя с отрядом из г. Свободного в сельскую местность, «позволили стрелкам мародерничать и чинить насилия над мирными русскими крестьянами», которые в ответ озлобились, требуя разоружения корейских партизан и вооружения их, крестьян, для отпора корейцам. Также Ким и Пак, «создав группу безответственных террористов из числа николаевцев, наводили панику на солдат и лиц командного состава Корейского отдельного стрелкового батальона»⁴⁷.

Безвластие окончательно разложило дисциплину партизан, привыкших грабить и убивать мирное население при диктатуре Я. И. Тряпицына. В телеграмме Г. Х. Эйхе 23 апреля 1921 г., адресованной Б. З. Шумяцкому, главком НРА сообщал, что Сахалинский отряд из-за недостатка продуктов и «отсутствия соответствующего начальника отряда» восстал против себя местное население, «что грозит вылиться в открытое столкновение крестьян с корейцами». Отряд планировалось перевести в один из соседних районов. Эйхе просил ускорить выезд Каландаришвили «для урегулирования положения»⁴⁸. Однако «Дед» смог выехать только через месяц. Между тем, 8 мая 1921 г. комсостав Сахалинского отряда сообщал главкому НРА, что назначенный командующим корейскими частями О. Хамук неприемлем, поскольку в свое время, будучи комбатом, «порол народоармейцев». Подписавшие обращение начальник отряда Григорьев (бывший офицер, беспартийный), помощник начальника отряда Ким, военком Пак (бывший начальник Николаевского отряда), начштаба Цой (бывший начштаба 2-го летучего отряда), комбат-1 Лим, комбат-2 Анму, комбат-3 Хезаук и ряд командиров рот заявили о неподчинении О. Хамуку⁴⁹.

На следующий день Шумяцкий при переговорах с новым главкомом НРА А. Я. Лапиным сказал, что для успеха объединения корейских революционеров «необходимо убрать с дороги самых мерзких врагов». Тот ответил согласием: «Изъятие лиц будет произведено. Однако допускаю возможность некоторых неприятностей в отряде, подпавшим под влияние самовольного военного совета, как средство противоядия полагал бы уместным скорейшую присылку т. Каландарашвили, дабы не подвергать опасности распространить влияние разагитированного отряда на прибывающих от Вас»⁵⁰. А 10 мая Шумяцкий написал Лапину, что задача Каландаришвили и Ревсовета корейских частей – решить, каким образом «дисциплинировать эти разнузданные преступной демагогией Пак-Ая и других лишившихся денежных подачек авантюристов корейских частей или [все это] бесполезно и [их следует] распустить». Шумяцкий выражал уверенность, что «Дед» должен справиться, а Лапину в ближайшие дни пришлось разбираться с новыми жалобами населения на партизан особого Сахалинского отряда⁵¹.

Каландаришвили со своим штабом выехал из Иркутска 19 мая, получив назначение председателем Корейского Военно-Революционного Совета и пост главкома корейскими частями (О. Хамук стал заместителем главкома). Шумяцкий ставил ему широкие задачи:

⁴⁶ РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 376. Л. 41.

⁴⁷ Там же. Л. 51.

⁴⁸ Там же. Л. 62.

⁴⁹ Там же. Л. 69.

⁵⁰ Там же. Л. 70.

⁵¹ Там же. Л. 71, 76.

«Общая задача Карандашвили как можно скорей оторваться от буфера и сделать движение в сторону Кореи[,] актуально вовлекая и силы хунхузов. Руководство организацией последних ... возложено на Охолу[,] который будет его делать при посредстве Кит[айской] компартии. Задача хунхузских отрядов создать для кор[ейских] отрядов хоть некоторый тыл тогда[,] когда они оторвутся и перейдут за границу буфера». Эта интервенционистская операция планировалась в контексте закордонной борьбы с армией барона Р. Унгерна: Шумяцкий тогда же направил в Монголию для борьбы с Унгерном полутысячный отряд П. Е. Щетинкина⁵².

Главком Лапин представил 21 мая 1921 г. председателю правительства ДВР А. М. Краснощекову доклад о партизанских корейских частях, которые в селах Краснояроро и Мазаново под Свободным насчитывали до 1500 чел. Их начсостав состоял из главварей отрядов, бывших офицеров-корейцев японской и китайской службы, действовавших в Корее и ушедших в ДВР после разгрома японцами. Они продолжали проявлять «настойчивую склонность к неповиновению и не признанию руководителей, назначаемых Дальвостсекретариатом Коминтерна». В апреле-мае отряд в Краснояроро был усилен Корейским полком из Иркутска (свыше 500 штыков, комсостав из корейцев-офицеров русской службы был «политически высоко благонадежен, как и весь полк»). Лапин писал, что усиление Сахалинского отряда этим полком придаст «моральную крепость» остальным частям. Однако Каландаришвили, снабженный от главкома увесистым мандатом с правом на аресты, 9 июня 1921 г. сообщил из Свободного, что «кор[ейские] части не подчиняются [ему в] никаком отношении»⁵³.

Получивший должные полномочия амбициозный Каландаришвили, в ответ на неподчинение и опираясь на благонадежный иркутский полк, быстро расправился с сахалинцами как с «контриками». В результате последовавшей июньской «Амурской бойни» в с. Суражевка под Благовещенском, учиненной под руководством грузинского «авторитета» и санкционированной очередным главкомом НРА В. К. Блюхером, убитых, утонувших и пропавших без вести среди мятежников оказалось, по преувеличенным данным современного исследователя, проигнорировавшего криминальность корейских партизан-триапынцев, до 400, а разоруженных и отданных русским частям в качестве военнопленных с ярлыком «контрреволюционера» – 900⁵⁴. С мест в адрес Ленина также сообщалось, что при инциденте погибли сотни партизан, и «корейское население негодует» по поводу расправы над сахалинским отрядом⁵⁵.

Между тем сводка Главного управления Госполитохраны ДВР за 16–19 июля 1921 г., сообщая об инциденте, приводила значительно меньшие цифры потерь корейцев: «В Свободненском районе произошло столкновение Сахалинского отряда, который не подчинился приказу командующего карвойсками о разоружении. Приказ был дан на основании того, что в отряде был контр-революционный элемент. В результате столкновения – из общей численности отряда 1026 человек, сдались 830, остальные [–] часть убита, ранена, часть разбежалась»⁵⁶. Данные НРА ДВР были близки к чекистским и утверждали, что погибло 36 корейцев, утонули в Зее – до 60, пропали без вести – 60, разоружены – 860⁵⁷. Не исключено, что среди «пропавших без вести» преобладали разбежавшиеся и дезертировавшие (И. Пак с 70 бойцами бежал в Маньчжурию, где партизанил вместе с хунхузами). Но также возможно, что официальные сводки не учитывали вероятных расправ над уже разоруженными корейцами, командиры которых попали под следствие трибунала 5-й ар-

⁵² РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 376. Л. 86.

⁵³ Там же. Л. 88, 95.

⁵⁴ Пак Б. Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х гг.). М.; Иркутск; СПб., 1993. С. 73–91.

⁵⁵ Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 601.

⁵⁶ Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 68.

⁵⁷ Торкунов А. В. История Кореи (Новое прочтение). М., 2003. С. 303–304.

мии. «Амурский инцидент» значительно усугубил и без того глубокий и многолетний раскол в корейском национально-освободительном движении.

Каландаришвили выполнил частную задачу по дисциплинированию корейской вольницы, по-прежнему являвшейся объектом интереса со стороны большевиков. Дальбюро ЦК РКП(б), которое еще в середине января 1921 г. потребовало «тщательно просеивать на предмет проникновения японских шпионов» всех корейских партизан, проходящих через границу, заслушав 29 июня 1921 г. информацию о вооруженном столкновении корейских отрядов с частями НРА, предложило главкому Блюхеру продолжить работу по использованию корейских отрядов⁵⁸. В этом же смысле высказался и НКВД. В начале июля 1921 г. Г. В. Чичерин отправил в Дальбюро ЦК телеграмму с просьбой сообщить подробности о происшествии с корейскими отрядами: «Очевидно [в] отношении к ним были допущены какие нибудь неосторожные или безтактные действия, дайте подробный обзор всего хода дела. Присутствие корейцев в ДВР неудобно, но не надо распускать их, а надо перевести в Иркутск, где ими будут систематически заниматься и позаботятся о том, чтобы их пребывание там послужило им на пользу»⁵⁹. Между тем корейские части вели себя так же разнузданно, как и ранее: в июле 1921 г. они издевались над населением волостного села Черниговки Амурской области, требуя съестных припасов, отбирая телеги, избивая прикладами и выгоняя из домов за малейшее возражение. В ответ крестьяне называли корейцев «вторыми самураями»⁶⁰.

Разгромом анархичного сахалинского отряда подвиги «Деда» и ограничились, хотя он всерьез намеревался идти в Корею, чтобы разжечь там пламя мировой революции. Однако руководство ДВР смогло пресечь авантюру Шумяцкого, апеллируя к руководству Советской России. Глава правительства ДВР А. М. Краснощеков, получив мнение главкома НРА ДВР А. Я. Лапина⁶¹ и боясь спровоцировать Японию, в июне 1921 г. отправил Г. В. Чичерину и В. И. Ленину телеграмму с протестом против намечавшейся авантюры: «...Категорически протестую против затеи Шумяцкого с корейцами, затеи, которая несет с собой крупнейшую провокацию японцев, тем более что он поставил во главе “похода на Корею” выжившего из ума, известного на всем Востоке партизана Каландаришвили, который с видом и шумом Наполеона уже проехал всю ДВР командовать корейцами. Возмутительные факты: 1) 4000 корейцев сконцентрированы на глазах у японцев у Благовещенска, творят безобразия, грабят, насилуют население, подчиняются только выборному из своей среды командованию; [...] переход старика [Каландаришвили] с корейцами на китайскую территорию для двухтысячеверстного похода на Корею мог зародиться в голове, мягко говоря, поэта, но может вызвать японское наступление, вполне оправданное в глазах Антанты». В ответ НКВД заявил, что эту «авантюру надо ликвидировать и возможно скорее»⁶².

Командуя корейской армией, Каландаришвили везде вел себя как завоеватель и арестовывал кого хотел: так, министр юстиции ДВР Е. А. Трупп 5 октября 1921 г. обращался к Блюхеру с просьбой ускорить ответ на запрос месячной давности относительно сведений по делу ареста партизанами Каландаришвили заведующего корейским отделом Забайкальского облсовета Пак-Маярни. Тот был арестован в середине августа при следовании отряда «деда» через Читку и отправлен в Иркутск. В связи с этим инцидентом Миннац просило Минюст вмешаться ради возвращения только что назначенного и единственного

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 288. Л. 6, 100 об.

⁵⁹ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 87. Л. 153.

⁶⁰ РГВА. Ф. 221. Оп. 2. Д. 44. Л. 207, 213.

⁶¹ Лапин писал: «Насколько я знаю, даже сама Корея не подготовлена к приходу отрядов их сородичей извне. Эту работу имеют [возможность] проделать отправляющиеся в Корею делегаты съезда корейских коммунистов в Иркутске. На благополучное достижение сил Каландаришвили пределов Кореи я лично смотрю отрицательно» (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 376. Л. 86, 89.)

⁶² Пак Б. Д. Корейцы в Советской России... С. 73–91.

работника корейского отдела, «добытого с большим трудом». Военный Совет НРА ограничился обещанием Группу «сделать запрос»⁶³.

После снятия вопроса о прямом экспорте революции в Корею Каландаришвили освободили от командования корейцами и решили использовать по чисто карательной линии. Благодаря инициативе все того же могущественного покровителя Каландаришвили Б. З. Шумяцкого, «Дедушка» в начале 1922 г. был отправлен с небольшим отрядом в Якутию, почти целиком захваченную повстанцами, возмущенными грубо-террористической и великодержавной политикой руководства автономии. О том, как чувствовали себя большевики на этой территории, говорит тот факт, что красный отряд Когуевского, прорвавшийся в Вилюйск 5 февраля 1922 г., был вынужден идти под «маской белых, пользуясь симпатией населения»⁶⁴. А «Дедушка» явно недооценил это обстоятельство и поплатился: немного не дойдя до Якутска, штаб Каландаришвили 6 марта 1922 г. попал в засаду и был почти целиком перебит мятежниками. И уже 7 марта 1922 г. харбинский «Русский голос» опубликовал информацию об уничтожении Каландаришвили – со ссылкой на сведения японской военной миссии. По мнению И. Я. Строда, нападение на штаб «Деда» оказалось удачным благодаря информации о времени перехода и силах его отряда, переданной мятежникам телеграфистом Тит-Аринского отделения М. Виноградовым; руководил же этой операцией подпоручик Николаев⁶⁵. Из сведений Строда становится понятно, откуда у японцев появилась мгновенная информация об уничтожении штаба Каландаришвили.

Гибель «Деда», его ближайшего помощника М. П. Асатиани, а также военкома Киселева, начальника штаба Бухвалова, начальника разведки Адамского произошла, по мнению руководства Особого отдела Восточно-Сибирского военного округа, вследствие халатного отношения к «основным принципам походного движения войск»: из-за отсутствия дозоров отряд был зажат повстанцами в протоке с двух сторон и после короткого боя потерял 47 человек и обоз. Чекисты отмечали: «Смерть Каландарашвилли вызвала частичный подъем среди партизан его отряда, выразившийся в клятвенных обещаниях отомстить за смерть Деда. С другой стороны, она дала почву для провокационных слухов – о гибели тов. Каландарашвилли, якобы, по вине Якутского отдела ГПУ, что подавляюще действует на сотрудников ГПУ и сильно тормозит работу их среди воинчастей, особенно осведомительную»⁶⁶. Трупы «Дедушки» и его соратников нашли только месяц спустя. Каландаришвили был сначала погребен в Якутске, а осенью 1922 г. перезахоронен в Иркутске.

Нестор Каландаришвили в советское время занял почетное место в пантеоне героев. В его честь названы улицы в ряде сибирских городов, поставлены памятники. Однако на деле в долгой криминально-террористической и военной деятельности «Деда» нет ничего героического. Типичный авантюрист эпохи великой смуты, Каландаришвили до революции, занимая высокое положение в криминальном синдикате кавказцев Иркутска, интересовал полицию только как устроитель афер, организатор заказных убийств, грабитель и производитель фальшивой монеты⁶⁷. Метания между радикальными социалистическими течениями привели «Деда» в ряды большевиков. В годы гражданской войны он выступил на стороне красных как выдающийся и харизматичный полевой командир, организатор крупного отряда, действовавшего прежде всего в корыстных целях и беспощадного как к пленным, так и к мирному населению. Приняв в течение своей карьеры непосредственное участие в трагическом финале жизни тысяч людей, Н. А. Каландаришвили, подобно Г. И. Котовскому, мог рассчитывать на большую военно-политическую карьеру, однако бесславно погиб от руки якутских повстанцев, видевших в нем пришлого носителя военно-коммунистических порядков и кровожадного карателя.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 15. Л. 389, 390, 394.

⁶⁴ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 297. Л. 28.

⁶⁵ Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921). Иркутск, 1987. С. 152.

⁶⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 684а. Л. 60.

⁶⁷ Сысоев А. «Золото и серебро для чеканки предполагает получать посредством грабежей» // Земля Иркутская. 2008. № 2 (35). С. 98–100.

Список литературы

- Балмасов С. С.* Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М.: Посев, 2006. 384 с.
- Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921) / Под ред. В. Т. Агалакова, С. Ф. Коваля. Иркутск: ИГУ, 1987. 168 с.
- Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилкой и колчаковской контрреволюцией / Под ред. И. Н. Смирнова, И. П. Флеровского и Я. Я. Грунта. М.-Л.: Госиздат, 1926. 368 с.
- Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
- Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. 434 с.
- Звягин С. П.* Освобождение из мест заключения во время гражданской войны: практика антибольшевистских режимов на территории Восточной Сибири (середина 1918 – 1919 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Сб. науч. статей / ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, , 2013. Вып. 2. С. 46–160.
- Исповедников Д. Ю.* Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): источниковедческий и археографический аспекты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 28 с.
- Торкунов А. В.* История Кореи (Новое прочтение). М.: РОССПЭН, 2003. 430 с.
- Кожевин В. Е.* Легендарный партизан Сибири. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1967. 208 с.
- Кузьмин С. Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2011. 659 с.
- Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Т. 2. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.
- Павлова И. В.* Красная гвардия в период установления советской власти в Сибири // Рабочие Сибири в борьбе за социалистическую революцию и построение социализма: сб. науч. трудов. Новосибирск: новосибирский государственный университет, 1976. Вып. 2. С. 28–44.
- Пак Б. Д.* Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х гг.). М.: Иркутск: СПб.: ИГПИ, 1995. 259 с.
- Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1957. 269 с.
- Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советской Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 307 с.
- Пучков Ф. А.* 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Вестник первопоходника. Май 1965 – январь 1966. № 44–52.
- Рябиков В. В.* Иркутск – столица революционной Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 199 с.
- Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: Огиз, Зап.-Сиб. отд-ние, 1931. Т. 2. 1152 стб.
- Сысоев А. А.* Уголовная преступность в Восточной Сибири в начале XX века: становление организованных структур // Силовые структуры России: страницы истории. Иркутск: ВСИ МВД России, 2006. С. 82–99.
- Сысоев А. А.* «Золото и серебро для чеканки предполагает получать посредством грабежей» // Земля Иркутская. 2008. № 2 (35). С. 98–100.
- Сысоев А. А.* Уголовный сыск в Восточной Сибири в 1730–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. – 246 с.
- Тепляков А. Г.* Каландаришвили Нестор Александрович // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 410–413.
- Тумунов Ж.* Хамниганы степной Аги // Забайкальский рабочий. 2006. 27 июня. С. 3.
- Церетели М. В.* Народный герой Нестор Каландаришвили: Воспоминания соратника. Тбилиси, 1965. 143 с.
- Циндик А. А.* Историк С. П. Мельгунов о репрессивной политике адмирала А. В. Колчака // Гражданская война в Сибири: мат-лы Всерос. заоч. научно-практ. конф. Омск, 2013. С. 155.
- Шерешевский Б. М.* Разгром семеновщины (апрель – ноябрь 1920 г.). Новосибирск: Наука, 1966. 238 с.
- Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Омск: ОмГПУ, 1996. 203 с.
- Штырбул А. А.* Пережогин, Караев, Лавров и другие: анархо-партизанщина в Сибири в начальный период гражданской войны (весна – лето 1918 г. // «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. М.: АИРО-XXI. 2015. С. 61–81.
- Эдельман О.* Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2016. 128 с.

*A. G. Teplyakov*⁶⁸

**To the Portrait of Nestor Kalandarishvili (1876–1922):
the Criminal-Adventurer, Partisan and Red Commander**

The article is devoted to the actual problems of the biography of the prominent historical figure of Soviet Siberia and Far East, the partisan and military leader N. A. Kalandarishvili. The life story of this charismatic personality is still based on persistent historical myths and far from reality. Based on the documents found in the central and local archives, the author reconstructs the main outline of the genuine biography of Kalandarishvili; proves that much of the information about the life of this partisan and revolutionary was false as he was hiding criminal aspects of his life both before and after the Revolution. Another aspect shown in the article is Kalandarishvili's role in the activities of the Comintern in the Far East. The life story of N. A. Kalandarishvili provides extensive material about the practices of adaptation and survival of people with criminal inclinations, which enabled them to make remarkable careers during the Civil War.

Keywords: Kalandarishvili, Shumyatsky, crime, East Siberia, Far East, Red Guard, anarchists, partisans, Red terror, white terror, Koreans.

Статья поступила в редакцию 10.08.2018

⁶⁸ **Тепляков Алексей Георгиевич** – Candidate of Sciences (History), researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS; associate professor (History), Novosibirsk State University of Economics and Management. E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

История одной защиты: кандидатская диссертация Я. С. Лурье как этап становления историка

Я. С. Лурье – видный советский историк, исследователь летописей, источниковед и публикатор источников по истории средневековой России. Практически неизвестным остается время становления его как специалиста, пришедшее в значительной части на годы Великой Отечественной войны. В Томске в 1942 г., в эвакуации, через год после окончания университета Лурье защитил кандидатскую диссертацию. Уже здесь он в полной мере проявил склонность к изучению российской истории в контексте европейских событий, что позволило ему внести существенный вклад в изучение англо-русских отношений XVI в.

В диссертации Лурье ясно видно стремление сохранить интеллектуальную независимость. Приспособление к официальной идеологии происходит по «мягкому» варианту. Автор минимально использует цитаты из К. Маркса и Ф. Энгельса, лишь по совету консультантов добавляет ссылку на выступление В.М. Молотова.

Защита исторической диссертации Яковом Лурье в Томске была явлением отнюдь не провинциальным. Его оппонентами выступали эвакуированные из столиц профессор, заведующие кафедрами ТГУ; благожелательный и заинтересованный отзыв дал классик отечественной медиевистики А.И. Неусыхин. Работая в Енисейске и защищаясь в Томске, Лурье оставался на переднем крае российской исторической науки. Чтобы защитить диссертацию в 1942 г., Якову Лурье требовалось проявить значительную работоспособность и целеустремленность. Ему удалось достичь успеха, используя самые скудные возможности для достижения самостоятельно выбранной цели.

Ключевые слова: история исторической науки, Лурье Яков Соломонович, Томский университет, эвакуация науки в годы Великой Отечественной войны, англо-русские отношения XVI в.

От Александровой слободы до Томска

Работа над этой темой начиналась со случайно попавшего в наши руки сборника документов Юрия Васильевича Толстого по русско-английским отношениям XVI в. Не очень известный ныне «дилетант» (чиновник по должности, но историк по сути)¹, он издал документы из архивов двух стран на двух языках, выполнив при этом сложнейшие переводы косноязычных средневековых записей.

Заслышав о русско-английских отношениях при Иване Грозном, многие вспомнят о бранном письме русского царя к английской королеве, которую он в официальном документе назвал «пошлой девицей». Алексей Николаевич Крылов, мастер прикладного использования истории, в одном из своих колоритных публичных выступлений так пересказывал этот сюжет: «Иван Грозный, опасаясь, что бояре его низложат и вынудят отказать от престола, писал Елизавете о своих государевых нуждах ... Елизавета отвечала, умолчав о приюте, о нуждах и условиях торгового договора. Иван Грозный на это ей отписал: “Я тебе писал о своих государевых нуждах, а ты мне отвечаешь о нуждах твоих мужиков торговых, и вышла ты как есть “пошлая дура”». Немец Мартенс, издавший собрание всех наших дипломатических сношений, поясняет, что слова «пошлая дура» при Иване Грозном имели смысл: «простая девица». Но я думаю, что это немецкое измышление силы не имеет»².

* Демидова Лариса Денисовна – кандидат исторических наук, Специализированный учебно-научный центр Новосибирского государственного университета (СУНЦ НГУ). E-mail: lardem.nsk@gmail.com

** Кириллов Алексей Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН; доцент, Новосибирский государственный университет. E-mail: alkir.nsk@gmail.com

¹ «Воспитанник царскосельского лицея, крупный бюрократ и церковный деятель» – так аттестует его Я. С. Лурье на с. 3–4 своей диссертации, уточняя, что Ю. В. Толстому доводилось бывать и вице-губернатором в Твери, и товарищем обер-прокурора Синода (См.: Лурье Я. С. Русско-английские дипломатические отношения во второй половине XVI века. Дис. ... канд. ист. наук. Енисейск, 1942; Более подробные биографические данные Ю.В. Толстого приведены у Брокгауза и Ефрона).

² Крылов А. Н. Из истории дипломатии // Крылов А. Н. Мои воспоминания. М., 1945. С. 328.

Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею (Русский музей). Александр Литовченко создал свою знаменитую картину в тот же год, когда Юрий Толстой издал свой выдающийся сборник документов (1875).

Академику-математику простительны и искаженная цитата, и неверное понимание смысла происходившего обмена. Не для того Иван Грозный грыз и выметал "крамолу" собачьими головами и метлами опричников, чтобы доживать век изгнанником в Англии. Между тем, стремление явить читателю наглядную иллюстрацию буйной несдержанности грозного царя даже авторитетных историков подталкивало к повторению версии, идущей со времен Н. М. Карамзина. Вадим Борисович Кобрин в великолепной научно-популярной книге, подытожившей труды его жизни, объяснял гнев Ивана Грозного в адрес Елизаветы отказом ее участвовать в Ливонской войне³. Однако документы ясно показывают, что камнем преткновения действительно стала просьба об убежище. А именно – то, что Елизавета, хотя и согласилась в случае необходимости приютить Ивана IV, отказалась высказать симметричную просьбу в его адрес («она не решается высказать просьбу, подобную нашей»). Русскому же царю такой обоюдный договор был важен, чтобы создать систему противодействия «непокорливым подданным», включающую и пункт о выдворении из континентальной Европы тех англичан, через которых доходили на запад сведения из России о диких расправах, чинимых Иваном⁴.

Этот мотив не подчеркивается Иваном IV. Ожидая отрицательной реакции партнера на предложение об ограничении политических свобод, он маскирует действительную причину своей просьбы доводом, важным для «царских величеств». Увидеть в документе то, что маскируется его автором – одна из задач, ради которых и существует историческое источниковедение. Вот почему краткое википедийное упоминание о том, что классик отечественного источниковедения Яков Соломонович Лурье защищал кандидатскую диссертацию по истории русско-английских отношений в XVI в., вызвало желание с этой диссертацией познакомиться.

³ Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/GROZNY/GROZNY_3.HTM (дата обращения: 01.08.2018 г.).

⁴ Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. Грамоты собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875. С. 164–188.

Это желание подстегивалось тем, что диссертация человека, почти вся жизнь которого связана с Петроградом – Ленинградом – Петербургом, была защищена в Томске. Не «Ленинка»-РГБ, не «Салтыковка»-РНБ, а библиотека Томского университета оказалась единственной из всех библиотек страны, хранящей экземпляр этой диссертации. Сибирские версты затруднили доступ к этой работе столичных исследователей. Особенность каталога, не позволяющая найти диссертацию через электронный поиск библиотеки ТГУ, надежно укрыла текст от случайных читателей. Но великодушная помощь отлично знающих свое дело библиографов (спасибо Веронике Дмитриевне Шуберт) позволила нам все-таки получить в свои руки том, прошедший, судя по следам на бумаге, хотя и не огонь, но воду.

«Слова не мальчика, но мужа»

Томская диссертация Я. С. Лурье – раритет: ее не читали авторы полудюжины диссертаций и монографий, посвященных англо-русским отношениям XVI в. И даже автор самого тщательного историографического обзора по этой теме лишь кратко говорит о наличии диссертации Лурье (со ссылкой на мимолетное упоминание в мемориальной статье И. Е. Ганелиной), не касаясь ее существования⁵.

Уже оформление диссертации вызывает великое изумление. Англоязычные названия в сносках, дописанные от руки в пропуски, оставленные машинисткой; полностью рукописный список литературы; чернильные исправления ошибок машинистки; отдельные слова и целые страницы, зачеркнутые и замененные вставками между строк либо дополнительными страницами! Разительное противоречие с оформительским буквоедством нашей эпохи. Выражение "на правах рукописи", хорошо знакомое авторам и читателям современных диссертаций, вряд ли когда воплощалось так буквально, как в диссертации Лурье.

Простота оформления нимало не сказалась на качестве исследования. Диссертация, защищенная всего через год после оставления автором студенческой скамьи, производит вполне взрослое впечатление. Между тем, дипломная работа Лурье (выполненная в семинаре источниковеда М. Д. Приселкова), была посвящена совсем другой теме – политическим процессам XV в., и две публикации «вундеркинда», которому «казалось... с юных лет... предназначена судьбою светлая дорога... к звездам»⁶ в Ученых записках ЛГУ (в 1939 и 1941 гг.) связаны с этой тематикой. Только последняя из трех студенческих публикаций (тоже 1941 г.) посвящена письмам Джерома Горсея. По всей видимости, работа над русско-английскими отношениями началась в последний год учебы в университете; если так, то диссертация была подготовлена не более чем за два года, из которых второй – в отрыве от столичных архивов и библиотек.

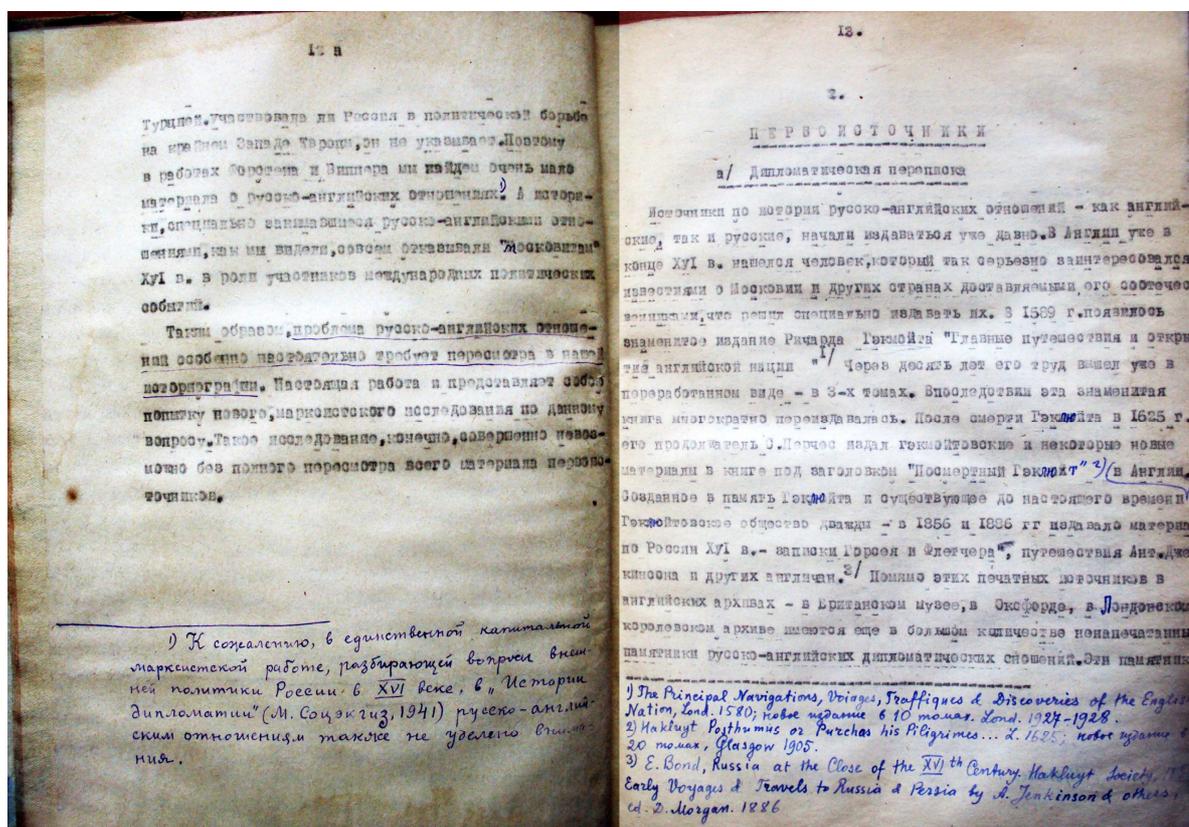
И обзор литературы, и обзор источников могут считаться классическими: отдельные сюжеты в них выходят на общий смысл работы и увязаны с ее новизной. Историю русско-английских отношений автор вписывает в контекст общеевропейской борьбы государств, а деятельность тех или иных английских послов в отношении России увязывает с их политическими взглядами, с наличием в английских высших кругах разных позиций по русскому вопросу.

Обозревая работы предшественников, автор далек от школярского перечисления, кто про что писал. Лурье описывает именно суть работы, особенности подхода, оценивает вклад каждого автора в изучение темы, не боясь при этом высказываться снисходительно-критически в адрес людей, много старших и по возрасту, и по общественному положению (положению, впрочем, в том старом обществе, разрыв с которым так настойчиво подчеркивался в советские десятилетия). В источниковедческом разделе Лурье тщательно опи-

⁵ Солодкина Е. Н. Англо-русские отношения второй половины XVI – начала XVII вв. в отечественной историографии 1920-х – 2000-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. Литература по теме перечислена здесь же; автору неизвестно лишь самое свежее исследование: Костриков М. С. Русско-английские отношения во второй половине XVI – XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁶ Зимин А. А. Мой добрый и старинный друг // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 186.

сывает источники, в том числе хранящиеся в РГАДА (тогдашнем ГАФКЭ) и в архиве Ленинградского отделения Института истории, а также изданные англичанами (начиная с XVII в.) и русскими; при этом дает уничтожающую критику специального тома "Сборников РИО" – критику прежде всего с точки зрения принципов издания источников.

Диссертация Я. С. Лурье. Фрагмент введения.
(Библиотека Томского гос. университета)

Объемный труд в 176 страниц удачно дополняют "Тезисы к диссертации" – прототип нынешнего автореферата⁷. Концентрированно излагая самую суть, автор ясно показывает, что он не просто описывает явление недостаточно известное и использует источники недостаточно исследованные; он показывает, что полученные выводы существенно меняют представления о XVI веке – о том, что у России и Англии не было взаимных политических интересов.

Какова судьба этого научного результата? Е. Н. Солодкина, обобщая изучение ранних русско-английских связей на протяжении целого столетия, определенно связывает начало обсуждения политических (а не только экономических) интересов Англии и России XVI века с именем Лурье⁸: работа, значит, не пропала даром. С другой стороны, сам Лурье, частично изложив результаты диссертации в статье 1947 г. в Ученых записках ЛГПИ им. Герцена⁹, возвращался к этой теме статьями 1957 и 1961 гг. Последняя из них, наиболее полно соответствующая названию и содержанию диссертации, построена как ответ, возражение на новейшие исследования (диссертация Н. Ф. Прончатова 1955 г., монография Н. Т. Накашидзе 1956 г.), специально посвященные русско-английским отношениям второй половины XVI в. Радуюсь тому, что историки отошли наконец от представления о

⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 19–20 об.

⁸ Солодкина Е. Н. Англо-русские отношения второй половины XVI - начала XVII вв. в отечественной историографии 1920-х - 2000-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 13.

⁹ Лурье Я. С. Английская политика на Руси в конце XVI в. // ЛГПИ им. Герцена. Ученые записки. Л., 1947. Т. 61. С. 121–145.

чисто экономической сущности русско-английских отношений, Лурье пеняет им за недооценку общей системы международных отношений как фактора, определяющего ход русско-английских переговоров¹⁰. А ведь именно этот подход, именно включение двусторонних переговоров в контекст отношений каждой из стран с другими (с Испанией, Швецией, Голландией, с папой римским) составляло изюминку его работы двадцатилетней давности. Все-таки диссертация Лурье не оказала того воздействия, какое она могла бы оказать, не будь она заперта в Томске, не будь автор ее после развертывания борьбы с "безродными космополитами" ограничен в возможности публикаций.

Впрочем, наше внимание сейчас обращено не на историографию русско-английских отношений XVI в., но на личность Я. С. Лурье. С этой точки зрения важнее не научное значение текста, важнее история его создания. Чтобы читатель диссертации мог видеть процесс создания ее текста – это совершенно необычно. Но эта исключительная возможность у нас есть. Чтобы понять, как она появилась, надо теперь познакомиться с условиями, в которых диссертация готовилась к защите. Сделать это мы можем благодаря любезной помощи сотрудников Гос. архива Томской области, и прежде всего – Анастасии Геннадьевны Караваевой.

Вдали от цивилизации

Поворотным месяцем 1941 года для Якова Лурье стал не июнь, как у многих его ровесников, но август. Слабое зрение избавило его от призыва в армию. В книге об отце, почти полвека спустя, Яков Соломонович вспоминал, что «Все студенты, не взятые в армию и в ополчение, находились в июне-августе на рытье окопов... Во второй половине августа многих из этих землекопов прогнали отступающие части»¹¹. Выполнение оборонных заданий каким-то образом удалось сочетать с завершением учебных мероприятий хотя бы для части студентов. Как видно из копии диплома, 4 августа решением государственной экзаменационной комиссии Якову Лурье была «присвоена квалификация историка»¹².

Девятнадцатого августа декан В.В. Мавродин подписал благожелательную официальную характеристику Лурье с рекомендацией «на педагогическую работу в Педагогический Институт»¹³ – с больших букв, но без точного указания, в какой именно. «В 1941 г. кончил ун-т с отличием и получил путевку в распоряжение Красноярского Крайона» – так сообщает сам Лурье в официальной автобиографии 1942 года¹⁴. Возможно, в августе еще не было точно известно, в какой именно институт его отправят, однако в общем виде путь на ближайшее время был определен: эвакуация, Восточная Сибирь, преподавание. В книге об отце Яков Соломонович тщательно избегает упоминания собственной персоны. Но поскольку еще 19-го числа он в ЛГУ получал характеристику, похоже, что выехал на восток он одним поездом с отцом в двадцатых числах августа, и это был «один из последних поездов, выехавших из Ленинграда до окружения города»¹⁵.

Удивительно, что и подписи (декан и секретарь), и печать на характеристике, сохранившейся в деле Томского университета, подлинны. Был ли то второй экземпляр документа – свидетельство житейской предусмотрительности молодого историка? Или характеристика, данная в единственном экземпляре, не пригодилась?

Последнее не исключено, потому что енисейская карьера Я.С. Лурье началась не в пединституте, который ему прочил В.В. Мавродин, а в педучилище, готовящем воспитателей детских садов и учителей начальной школы. На истории трудоустройства Лурье в

¹⁰ Лурье Я. С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 419–443.

¹¹ Копржива-Лурье Б. Я. (Лурье Я. С.) История одной жизни. Париж, 1987. С. 175. Книга, опубликованная в обход советской цензуры, издана от имени умершей уже тети Якова Соломоновича.

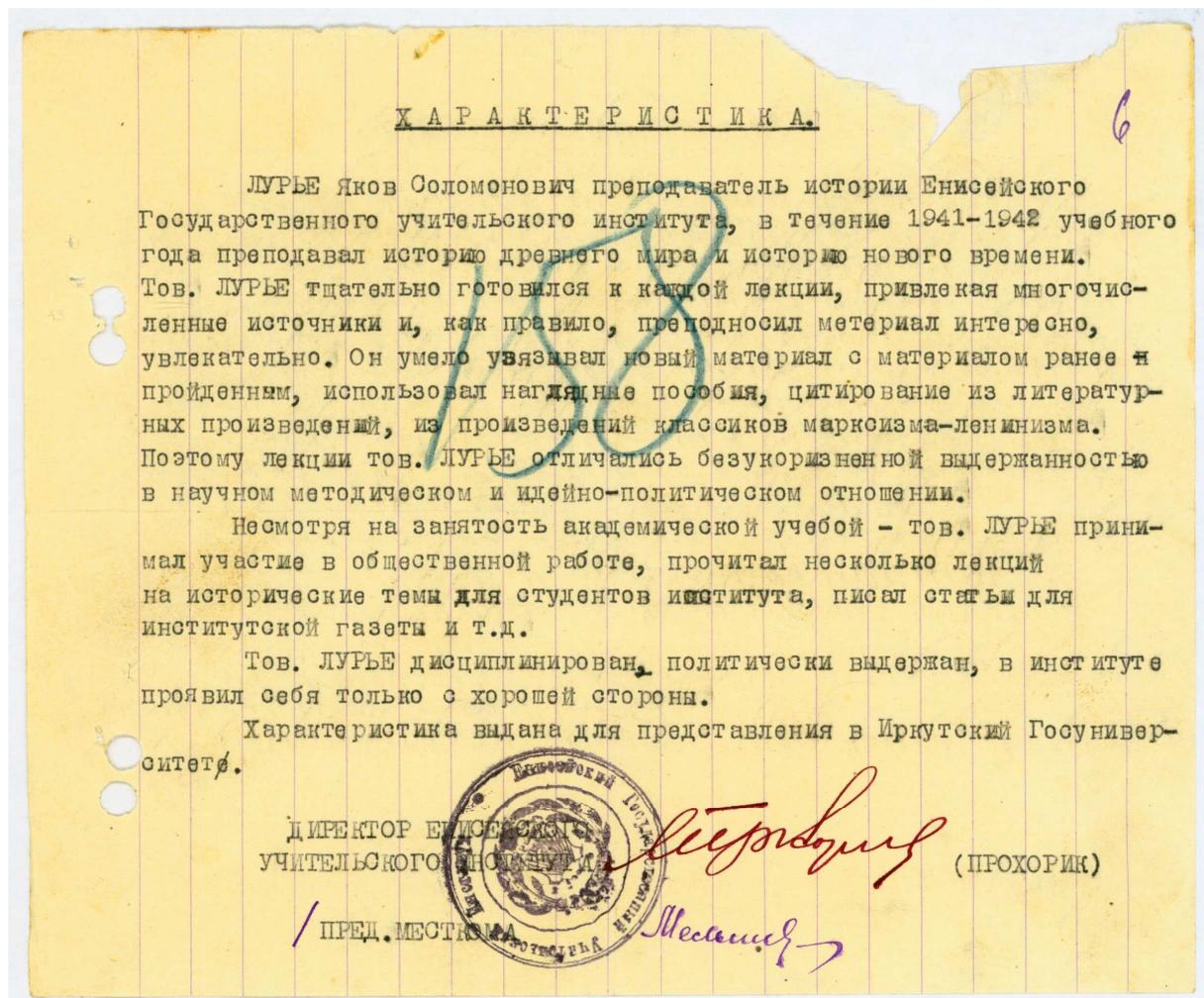
¹² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Копржива-Лурье Б. Я. (Лурье Я. С.) История одной жизни... С. 175.

городе Енисейске придется остановиться подробнее, поскольку этот сюжет создает основу для путаницы, и даже дважды.

Характеристика с места работы – обязательная часть пакета документов для защиты диссертации в советское время.
(Государственный архив Томской области)

Путаница в датах возникает из сопоставления автобиографии и личного листка по учету кадров¹⁶ – заверенного руководством Енисейского учительского института, но заполненного самим Лурье¹⁷. Листок по учету кадров содержит полный послужной список Лурье. Первая строка в нем вполне согласуется с автобиографией: работа в Эрмитаже в 1938–39 гг. Удивляют вторая и третья: поступление на работу в педучилище и пединститут относятся к 1940 году. Поскольку сразу несколько других документов из дела, включая написанную собственноручно Лурье автобиографию, ясно указывают на 1941-й и как год окончания университета, и как год начала работы в Енисейске, в данном случае мы несомненно имеем дело с опiskой. Это немного удивительно, ведь дата «1940» упоминается на двух строках три раза; и все прочие даты (и 1937, и 1938, и 1942) указаны без ошибок. Но другое объяснение, кроме механической ошибки, невозможно: даже в этой же самой учетной карточке, на первой ее странице, в рубрике «педагогический стаж» Лурье пишет: «начал работу с 15/X 1941».

¹⁶ Соответственно, л. 2–2 об. и 4–4 об.

¹⁷ «На каких иностранных языках говорит» – вопросал бланк. Ответ: «Английский (плохо)». Ясно, что написать такое про человека, приложением к диссертации представившего собственный перевод нескольких документов со староанглийского языка, мог только сам этот человек.

Вторая путаница связана с местом работы в этом старинном, но к 1940-м годам отнюдь не крупном городке. В учетном листке четко сказано, что первые три месяца (сентябрь – ноябрь) Лурье проработал в Енисейском педагогическом училище им. А. М. Горького, а с декабря работал в Енисейском государственном учительском институте. С чем связана перемена места работы?

Авторы специальной статьи¹⁸ сообщают, что в 1941 г. Енисейское педучилище повысилось в статусе до учительского института. Это позволяет предположить, что перемена произошла только формальная, фактически же Лурье весь учебный год проработал в одном месте. Но сам Яков Соломонович в автобиографии подчеркнуто разделяет два этапа: «был направлен на работу в г. Енисейск, сперва (до декабря 1941 г.) в Педучилище им. Горького, затем – в Гос. учительский институт). И на официальной Интернет-странице Лесосибирского пединститута (преемник Енисейского) сообщается о том, что превращение училища в институт состоялось еще летом: "На основании постановления Совета Народных комиссаров (СНК) РСФСР от 22 июня 1940 года № 463 и в соответствии с приказом Народного Комиссара Просвещения РСФСР от 29 июня 1940 года № 1011 Енисейское педагогическое училище было реорганизовано в двухгодичный Енисейский учительский институт"¹⁹. Важное уточнение находим чуть ниже на этой же странице: «К началу приемных экзаменов преподавательский состав не был полностью укомплектован. Часть преподавателей совмещали работу в институте с работой в педучилище, имели недельную нагрузку до 42 часов» – значит, педучилище и учительский институт все же не одно учреждение.

Загадка разъясняется воспоминаниями Генриетты Евгеньевны Гасец (Степановой) – одной из учениц того самого педучилища (ныне – Енисейский педагогический колледж). Она сообщает, что «Педучилище им. А. М. Горького из Красноярска перевели в Енисейск в августе 1941 г.». И далее: «В 1942–1943 г., когда я училась на II курсе педучилища, на втором этаже занимали 2–3 аудитории студенты историко-филологического факультета Енисейского учительского института»²⁰.

Вопрос, таким образом, разрешается вполне определенно: местное Енисейское педучилище было в июне 1941 г. повышено до учительского института, но одновременно (в августе 1941 г.) из Красноярска в Енисейск было переведено тамошнее педучилище. В каждом из заведений училось по несколько десятков человек. Вероятно, объединение имело целью более экономное использование преподавательских ресурсов. Почему объединение произошло не на базе краевого центра, крупного и быстро растущего Красноярска, а на базе «уездного города» Енисейска? Может быть, как раз поэтому: в Красноярск эвакуировались заводы, здания наверняка были в дефиците.

Еще один вопрос порождает сопоставление первой и второй страниц уже цитированной учетной карточки. Как совместить «IX.1941» в качестве даты начала в педучилище и педагогический стаж «с 15/X 1941»? Ответ на этот вопрос возвращает нас к явлению, пережитки которого памятливы всем, кто успел застать Советский Союз. Во время Войны это еще не называлось «ездить на картошку», потому что задачи ставились гораздо шире. Весь первый месяц учебы студенты провели на сельскохозяйственных работах в «близлежащем» (56 км!) колхозе – об этом мы тоже знаем из воспоминаний Г. Е. Гасец.

Неизвестно, работал ли в колхозе Лурье. Может быть, ему и удалось избежать этого неучебного мероприятия. Но он точно не мог избежать жизни в Енисейске. Процитируем еще раз упомянутые воспоминания о том, как жили студенты педколледжа и их наставники: «Летом учителя возглавляли работу по выращиванию овощей (капуста, свекла, морковь) на огороде, который был за речкой Мельничная за домами. Учащиеся, в основном

¹⁸ Румянцев М. В., Семенова Е. В., Семенов В. И. История Енисейского педагогического института как фактологическая основа изучения культурно-исторического наследия Енисейска // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25498> (дата обращения: 30.07.2018 г.).

¹⁹ URL: <http://ipi.sfu-kras.ru/2017-07-10-03-47-39/2012-01-16-15-23-06> (дата обращения: 01.08.2018 г.).

²⁰ URL: http://epk.ucoz.ru/Coll/myz/40/0_peduchilishhe.pdf (дата обращения: 01.08.2018 г.).

местные, ходили на прополку, поливали и удобряли коровяком, фекалией, золой. Поливали в 5 часов утра». Питались студенты в школьной столовой. «Весной особенно было трудно. Организм слабел, не было сил. Некоторые не ходили на занятия. Лежали в постели. Постоянно преследовало ощущение голода. Печи топили сырыми дровами. Поэтому они плохо нагревались. В аудиториях было холодно. В общежитии тоже было холодно, негде было согреться. На уроках постоянно сидели в верхней одежде и в головных уборах. В зимние месяцы писали карандашом, т.к. замерзали чернила». Так было не только в Енисейске, и не только в педучилище: картина типичная для военных лет. Но цитаты из воспоминаний не оставляют места сомнениям: типичная картина в Енисейском педучилище была налицо.

Горше бытовых неурядиц должна была тяготить столичного обывателя культурная обстановка. Самая красноречивая характеристика атмосферы, в которой оказался вчерашний отличник Ленинградского университета, печатавший свои научные работы наравне с профессорами – это строчка из листка учета кадров. Первое место работы: «Эрмитаж» – пишет Лурье, и ниже поясняет: «истор. музей в г. Ленинграде». Едва ли его специально просили сделать уточнение именно в этом листке. Видимо, он сам почувствовал такую необходимость по опыту общения в Енисейске.

На официальной Интернет-странице Лесосибирского пединститута²¹ дан краткий исторический очерк, опирающийся, как видно по тексту, на официальные отчеты былых времен. Между прочим сообщается, что «В кабинете самостоятельной подготовки была сосредоточена необходимая литература, проводились индивидуальные и групповые консультации. Через стенную печать и производственные совещания был организован обмен опытом самостоятельной работы. Особенно много времени уделяла этим вопросам кафедра всеобщей истории, и ее руководитель кандидат исторических наук Я.С. Лурье. В результате проделанной работы повысилось качество семинарских занятий, которые ранее носили форму школьного опроса».

Как видно, начальство ценило Лурье. Получив степень, он в 21 год уже заведовал кафедрой; дирекция выставляла его работу образцом для подражания – но ни это, ни богатое историческое прошлое города не прельстило его, и при первой возможности он вернулся за запад.

Выездная сессия столичной науки

В эпоху, когда едва ли не в каждом областном центре Сибири есть свой совет по защите исторических диссертаций, трудно представить, что поиск совета для защиты мог составить отдельную трудность. Но именно с такой трудностью столкнулся молодой преподаватель.

Один из документов защитного дела Лурье – характеристика на него как высоко квалифицированного, ответственного, общественно активного и политически выдержанного преподавателя, подписанная директором Енисейского учительского института Прохориком²². Выдана она «для представления в Иркутский госуниверситет». Дата не стоит (и мы не можем датировать по аналогии: и цвет чернил подписи Прохорика, и цвет чернил печати Енисейского государственного учительского института отличаются от чернил на листке учета кадров, датированном 23 марта 1942 г.), но похоже, что защита предполагалась изначально в Иркутске. Это не удивительно: именно в Иркутском университете работал в это время эвакуированный из Ленинграда Лурье-старший, здесь же Яков Соломонович сдавал с 13 по 16 февраля кандидатские экзамены (справка об этом датирована 17 февраля 1942 г.)²³.

Как сообщают сами иркутяне, «Работа Ученого совета по историческим и философским наукам началась в 1942 г. под руководством ректора университета, профессора Ни-

²¹ URL: <http://ipi.sfu-kras.ru/2017-07-10-03-47-39/2012-01-16-15-23-06> (дата обращения: 01.08.2018 г.).

²² ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 6.

²³ Там же. Л. 8

колая Степановича Шевцова»²⁴. Месяц, как видим, не указан, а это могло бы быть важно. Не исключено, что в начале года у Лурье были надежды на скорое открытие совета в Иркутске, но дело затянулось, и Лурье переориентировались на Томск.

Томский университет – хранитель благородной старины
(Дореволюционная открытка)

Не исключено и влияние местных иркутских распрей. Как сказано в «Истории одной жизни», Иркутский университет «возбудил против [С. Я.] Лурье обвинение в сочувствии гитлеровскому фашизму и в стремлении его популяризировать. Оргвыводы, однако, не успели сделать, так как Лурье был вызван телеграммой президента Академии наук в Москву»²⁵. Яков Соломонович цитирует здесь «Автонекролог» своего отца, выдержанный в сатирическом стиле и потому, возможно, не лишенный преувеличений. К тому же «возбуждение обвинения» относится к декабрю 1942 г. (через полгода после защиты Якова). Но не исключено, что уже весной этого года «король бестактности»²⁶ успел достаточно испортить отношения с местным сообществом, чтобы ожидать со стороны коллег отместки на защите сына.

За исключением Иркутска выбор был невелик: либо далекий Ташкент, где собралось целое созвездие эвакуированных историков; либо старейший сибирский университет в Томске. Закрытый в эпоху ниспровержения устоев Истфак был восстановлен в Томске позже, чем в столичных университетах: до войны он успел проработать лишь один учебный год. Ушедшего на фронт декана заменила Зоя Яковлевна Бояршинова, сама лишь годом ранее получившая высшее образование и не имевшая даже кандидатской степени.

Эвакуация позволила в 1941 г. не просто расширить факультет и создать новые кафедры, запланированные еще до начала войны, но поставить во главе их остепененных и авторитетных специалистов. Кафедру истории средних веков возглавил профессор МГУ видный медиевист А. И. Неусыхин, кафедру новой истории – специалист по Великой французской революции, сотрудница академического Института истории Ф. А. Хейфец, во главе кафедры истории народов СССР встал еще один московский профессор Э. Н. Ярошевский.

²⁴ Логунова Г. В. Диссертационный совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете как организатор историко-политических исследований в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 14. С. 9–17.

²⁵ Копржива-Лурье Б. Я. (Лурье Я. С.) История одной жизни... С. 177.

²⁶ Там же. С. 11–13.

Такое обилие остепененных историков дало основание томичам добиваться права защищать у себя исторические диссертации. Через полтора месяца после сдачи Яковом Лурье кандидатских экзаменов, 4 апреля 1942 г., Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ) разрешил Томскому университету, начиная с 1 июля 1942 г., принимать к защите кандидатские диссертации по истории и филологии. Сколь важную роль в этом сыграло появление эвакуированных профессоров, показывает такой факт: после их отъезда на запад в 1943 г. ученый совет ТГУ утратил право рассматривать историко-филологические диссертации²⁷. Пока было открыто это «окно в науку», в него успели проскочить всего девять историков. В первой паре из этих девяти был и Лурье.

Состав перечисленных профессоров позволяет предположить ответ еще на один вопрос: почему оппонентами Лурье, со студенческой скамьи изучавшего русскую историю (хотя и в европейском контексте), стали зарубежники А. И. Неусыхин и Ф. А. Хейфец? Чтобы понять это, надо знать об атмосфере, сложившейся среди «томских москвичей». А. И. Неусыхин 15 марта 1942 г. в письме своему корреспонденту жаловался, что находится в Томске «в положении травимого зверя». Заводчиком травли был, по выражению Александра Иосифовича, «некий «историк-профессор» в кавычках Э. Н. Ярошевский», которому он посвятил целый абзац отборной интеллигентской брани, кое-где даже задрапированной ради приличия латынью: «Этот “канис филиус”, представляющий собой своеобразную помесь Чичикова и Ноздрева с Репетиловым, женат на КВШ (его жена – зав. отделом Пед. институтов и Университетов Липкина) и творит всякие гнусности именем этого почтенного учреждения, на беду находящегося в Томске. Он так живо напомнил мне Фридлянда и Пионтковского, что я не удержался и публично объявил ему, что он – клеветник и лжец (поверьте мне, что я при этом ни на йоту не отступил от истины). После этого он стал заявлять, что я в военное время призываю к академизму и действую так, как в Москве действовали в 1918 г. либеральные профессора, высланные впоследствии за границу»²⁸. В частности, Неусыхину вменялось обвинение в том, что руководимая им кафедра пединститута не перестроила свою тематику на оборонный лад. Всего десять дней спустя это закончилось слиянием «не перестроившейся» кафедры всеобщей истории ТГПИ с кафедрой истории СССР. Объединенная кафедра была дана под командование Ярошевскому, который одновременно стал и заместителем ректора ТГПИ, причем он же до середины ноября 1942 г. заведовал и кафедрой истории народов СССР ТГУ²⁹. Борец за «усиление политико-воспитательной работы среди молодежи» был, очевидно, хватким человеком: вся отечественная история в Томске оказалась в 1942 г. под его контролем.

Довольно очевидно в таком случае, что оппонентами надо было брать не отечественников, а всеобщников (благо диссертацию по русско-английским отношениям можно повернуть в любую сторону). Как узнал об этом молодой Лурье, не состоявший в переписке с Неусыхиным? Похоже, что Лурье-старший все-таки имел то ли источники для уяснения положения дел в Томске, то ли опыт общения с кем-либо из участников томского противоборства. Во всяком случае, главным помощником соискателя кандидатской степени стал тот из эвакуированных профессоров, кто оставил по себе добрую память в академическом сообществе.

Предзащитная лихорадка

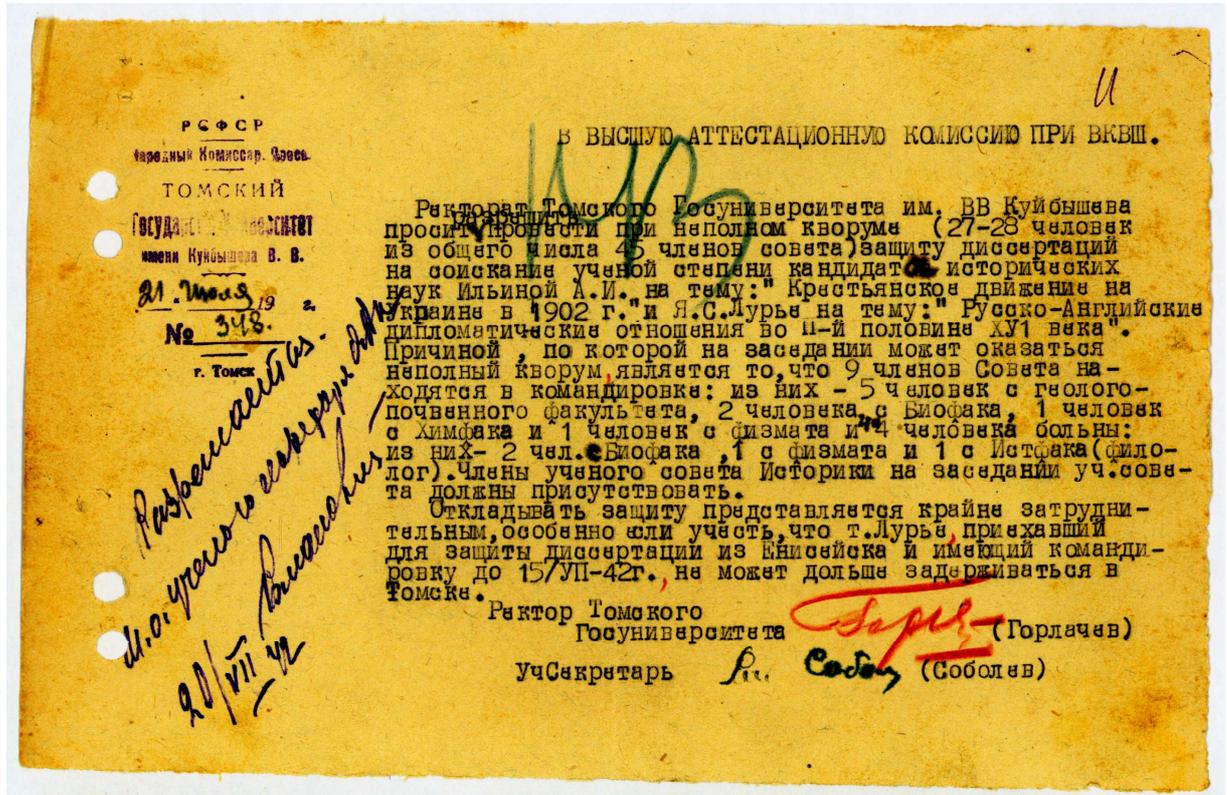
Слово «помощник» из предыдущего абзаца требует пояснения. Обратимся к объявлению о защите. Сейчас такие выставляются на Интернет-странице диссертационного совета, томские вузы военной поры печатали их в газете «Красное знамя». Томский универси-

²⁷ Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск, 2011. С. 57.

²⁸ Письма А. И. Неусыхина к Е. Е. Слуцкому, А. И. Рубину, Е. А. Неусыхиной (1942–1948) // Путь. Международный философский журнал. 1993. № 4. С. 342. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/05/22/1213970567/013_Neusyhin_Pisma_328-372.pdf (дата обращения: 01.08.2018 г.).

²⁹ Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. С. 495.

тет лаконично сообщает, что 22 июля 1942 г. состоятся две защиты диссертаций, в т.ч. – Я. С. Лурье³⁰. Названы место и время действия; названа тема; названы официальные оппоненты – А. И. Неусыхин и Ф. А. Хейфец. О научном руководителе – ни слова. Не говорится о нем и в других документах, не сказано на титульном листе диссертации. У этой диссертации не было научного руководителя.

Присуждение степени зависело не только от историков
(Государственный архив Томской области)

Вообще-то Положения об аспирантуре, принятые в 1930-е гг., подразумевали наличие оплачиваемых государством научных руководителей³¹. Но, по-видимому, статус Лурье был иным. Говоря языком позднейшего времени, Яков Соломонович был соискателем: в аспирантуре не состоял, но диссертацию принес. В похожем положении, и как раз в Томске, оказалась Евгения Владимировна Гутнова – в будущем видный медиевист, а тогда молодой преподаватель. В своих воспоминаниях она рассказывает о том, как писала диссертацию летом 1942 г. «К осени она была в основном готова, и я отнесла ее А. И. Неусыхину как своему будущему оппоненту». После этого она приходила к нему «на консультации»³². Таким образом, роль оппонента (по крайней мере, одного из оппонентов) у «соискателей» не ограничивалась оценкой работы, оппонент оказывался сродни научному руководителю. «Неусыхин был прежде всего педагог, затем уже исследователь. Педагог он был великолепный, возился с нашим семинаром, с каждым из нас, у нас про-

³⁰ Красное знамя (Томск). 1942. № 67 (12 июля). С. 2.

³¹ Цеховой Н. П. Организационно-правовое оформление системы советской аспирантуры: основные этапы и особенности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 111–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovoe-oformlenie-sistemy-sovetskoy-aspirantury-osnovnyye-etapy-i-osobennosti> (дата обращения: 14.08.2018 г.).

³² Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. URL: <https://biography.wikireading.ru/194283> (дата обращения: 14.08.2018 г.).

исходили регулярные встречи. [...] Он любил нас, любил это дело, работал с нами бесконечно много» – так напишет много позже про своего учителя Арон Яковлевич Гуревич³³.

Итак: у молодого претендента на звание кандидата наук не было научного руководителя. Текст он писал по собственному разумению, ни с кем в подробностях не обсуждая. Лишь после установления официальных отношений с ТГУ он получил консультанта, задача которого – гарантировать соответствие работы существующим представлениям о диссертации. Таков первый вывод, который важно учитывать для понимания особенностей диссертации.

Еще один касается сроков. Самый ранний из документов, отражающих появление Лурье в Томске – это уже не раз упомянутая его автобиография, датирована 10-ми числами июня (часть второй цифры в дате уничтожена дыроколом; судя по оставшейся части, это не раньше 13-го и не позже 19-го июня). Через полторы-две недели, 28 июня 1942 г. Я. С. Лурье подал заявление ректору, писаное на четвертушке желтой бумаги, с просьбой допустить до защиты диссертации³⁴. В числе приложенных документов указана и диссертация в трех экземплярах. По всей видимости, Неусыхин за истекшие полторы-две недели прочитал диссертацию, обсудил с Лурье и сообщил секретарям свое принципиальное одобрение. Еще пять дней спустя, 3 июля, он поспешной рукой набросал краткий формализованный отзыв о том, что диссертация Лурье «представляет собою самостоятельное исследование, которое вполне может быть допущено к защите»³⁵ – надо полагать, к этому времени была завершена и доработка рукописи по замечаниям Неусыхина. Имея такой отзыв, можно назначать дату защиты. Двенадцатого июля читатели «Красного знамени», не ленившиеся разбирать петит в подвале второй полосы, уже знали, что 22 июля состоится защита историков А. И. Ильиной и С. Я. Лурье³⁶.

В последний момент эта дата оказалась поставлена под сомнение: выяснилось, что из 45 человек членов ученого совета ТГУ на защите смогут присутствовать лишь 27–28, то есть кворум в 2/3 не будет набран. Задержка ставила дело на грань срыва: «т. Лурье, приехавший для защиты диссертации из Енисейска и имеющий командировку до 15/VII-1942г., не может дольше задерживаться в Томске» – сообщал ректор в специальном ходатайстве. Объясняя уважительные причины отсутствия членов Совета (командировки и болезни), ректор подчеркнул, что все отсутствующие – представители иных специальностей (геологи, биологи, физики), историки же будут присутствовать в полном составе. ВАК разрешил проводить защиту без кворума.

История с кворумом известна из документа, сохранившегося в архивном деле ТГУ³⁷ и являющего собой любопытную источниковедческую задачку. Это полностью оформленное отношение ректора ТГУ (бланк, подписи ученого секретаря и ректора, исходящий номер), датированное 21-м июля: накануне уже назначенной защиты. Надпись синими чернилами по диагонали на левом поле гласит: «Разрешается. И.о. ученого секретаря ВАК Романовец [?] 20/VII/1942». Как положено резолюции, размашисто написанные буквы частично перекрывают машинописный текст документа. Но ведь резолюция не может быть проставлена раньше, чем составлен документ. Объяснение этому странному явлению удалось найти не сразу. Даже если предположить механическую ошибку секретаря ВАК, поставившего 20-е число вместо 21-го, то каким образом документ, адресованный в столичное ведомство, успел еще до защиты 22-го числа вернуться в ТГУ? Ответ дают чрезвычайные обстоятельства военного времени: Комитет по делам высшей школы еще в 1941 г.

³³ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 22.

³⁴ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 1.

³⁵ Там же. Л. 10.

³⁶ В деле сохранился не датированный отпуск заявки из ТГУ в редакцию газеты о публикации объявления (Л. 13). В качестве желаемой даты публикации указано 12 июня 1942 г. Но поскольку объявление о защите не могло быть послано на публикацию раньше, чем автор диссертации подал заявление о ее защите, очевидно, что это случайная ошибка. Университет имел в виду 12 июля, и это пожелание было выполнено газетой.

³⁷ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 11.

был эвакуирован в Томск³⁸. ВАК как подразделение ВКВШ, конечно, тоже размещался в Томске. Защита Лурье происходила в диссертационной столице СССР 1942 года.

Чем июньско-июльская череда дат важна для нас? Мы видим, что енисейский гость томского университета был весьма ограничен во времени. В тот момент, когда он выполнял ритуал составления автобиографии в отделе кадров ТГУ, у него оставался месяц на все про все: и обсудить со специалистами, и поставить на защиту, и защитить диссертацию.

Замечания специалистов, требующие исправления – необходимая стадия работы над диссертацией. Обычно такая доработка завершается внесением исправлений и перепечаткой диссертации заново; корзина для бумаг отрезает возможность текстологического изучения. Но у Якова Лурье не было времени на переработку текста по итогам обсуждения: можно было лишь сделать исправления в уже отпечатанных экземплярах диссертации.

Свою лепту в определение облика диссертации внес бумажный голод военных лет. Выбрасывать лист, хотя бы одна сторона которого занята полезным текстом – непозволительная роскошь. Диссертация Лурье была отпечатана с двух сторон каждого листа. Мелкие исправления вносились от руки между строк. Ради крупных исправлений зачеркивался абзац, зачеркивалась даже вся страница (но не выбрасывалась: ведь есть текст на обороте!), рядом вставлялся литературный лист.

Вот почему мы имеем редкостную возможность видеть не только текст, но и его изменение, доработку уже после того, как диссертация была представлена в ученый совет, выбранный для защиты. Несколько исправлений, даже довольно крупных, связаны с техническими погрешностями (пропуск кусков текста машинисткой и т.п.) и не представляют особого интереса, другие не имеют однозначного объяснения. Но три правки несомненно обусловлены советами, полученными молодым человеком от старших товарищей. Эти правки дают полезные штрихи для личной характеристики автора диссертации.

Вдоль стенки коридора возможностей

Советские историки хорошо знали, что цензор подобен нерадивому студенту: его первостепенное внимание привлекают введение и заключение. Обе эти части подверглись существенным правкам в диссертации Лурье. Во введении правка коснулась концовки историографического обзора. Первая его версия (зачеркнутая) завершалась словами о необходимости полного пересмотра всех источников по данному вопросу, после чего как раз и следовал обзор этих самых источников. Во второй (конечной) версии эта мысль была, во-первых, сформулирована короче (что можно считать стилистической доработкой), а главное, предварена высказыванием о том, что настоящая работа «представляет собою попытку нового, марксистского[,] исследования по данному вопросу»³⁹.

Только здесь читатель впервые наталкивается на «марксизм-ленинизм» и осознает, что этого обязательного атрибута эпохи не было на предыдущих 12 страницах. В изначальном тексте только на с. 35 встречается имя Энгельса (и то не просто так, а для подкрепления тезиса о роли католическо-протестантских противоречий в мировой политике – тезиса, с помощью которого молодой автор показывает несостоятельность предыдущей историографии по своей теме).

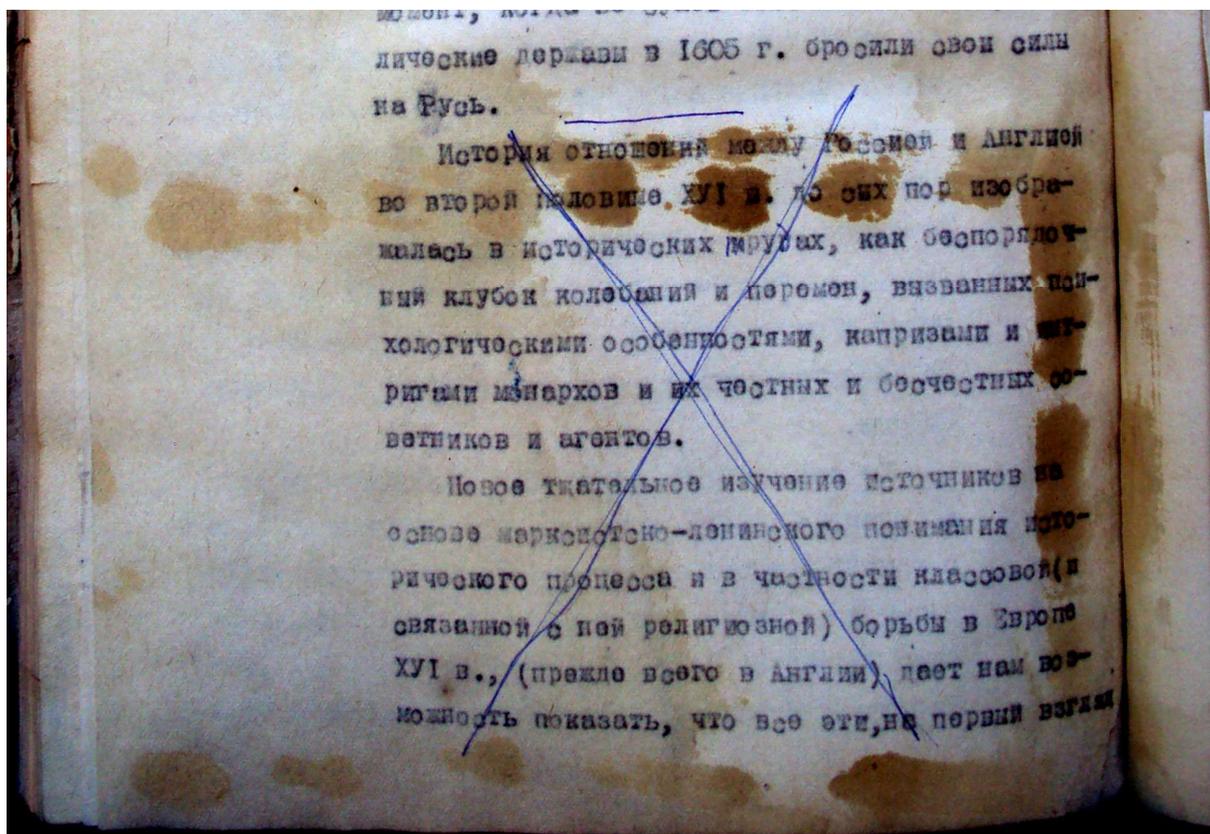
Единственная отсылка к новейшей идеологической политике во введении – язвительная аттестация сочинений одного из дореволюционных авторов, касавшихся эпохи Ивана Грозного. «"Политика, опрокинутая в прошлое", чувствуется и в писаниях о русско-английских отношениях о XVI в. врагов "Современника"»⁴⁰. Имя М. Н. Покровского не

³⁸ Зиновьев В. П., Фоминых С. Ф., Хаминов Д. В., Некрылов С. А. Краткий очерк истории Исторического факультета ТГУ // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / Сост. Д. В. Хаминов, С. А. Некрылов. Томск, 2008. С. 18.

³⁹ Лурье Я. С. Русско-английские дипломатические отношения во второй половине XVI века. Дис. ... канд. ист. наук. Енисейск, 1942. С. 12а.

⁴⁰ Там же. С. 6.

было названо, но излюбленное его определение истории, поставленное в кавычки, несомненно указывает, в чей огород пущен камень. Сын историка-профессионала дореволюционной закалки не преминул язвительно пройтись по отступнику, сделавшему карьеру на отрицании дореволюционной исторической науки. В начале 1940-х М. Н. Покровского, посмертно осужденного за «антимарксистские извращения и вульгаризаторство», уже можно (и даже нужно) было упоминать иронически; однако в устах Лурье это явно не признак «идеологической дисциплинированности».

Самая крамольная часть диссертации: этот текст был не только зачеркнут, но и заклеен (Библиотека Томского государственного университета)

Получалось, что во всем введении в диссертации по истории (!), выполненной в Советском Союзе в разгар эпохи «Краткого курса истории ВКП(б)», нет ни одной отсылки к «классикам марксизма-ленинизма». О степени тяжести этого прегрешения свидетельствует А. Я. Гуревич. Он вспоминает упрек, предъявленный ему в конце 1940-х гг. одним бдительным сотрудником кафедры истории Средних веков МГУ: «Беру я недавно защищенную дипломную работу тов. Гуревича и что я вижу в ней? Там подробная библиография, но нет упоминания ни одной работы Маркса». «Я оторопел, – продолжает Гуревич. – Я был тогда в должной мере марксист, и в тексте работы у меня были ссылки на соответствующие главы «Капитала». Но черт меня дернул пропустить Маркса в библиографии!»⁴¹

Очевидно, старшие товарищи по ходу предварительного обсуждения работы указали юноше на его политическую неосторожность – и при подведении итогов историографии на с. 12а была сделана процитированная выше вставка начет марксистской сущности диссертации⁴². Еще одна «правоверная» вставка сделана на с. 50–51: параллель между Ива-

⁴¹ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 39.

⁴² От руки (по-видимому тогда, когда уже сделанный переплет не позволял допечатывать текст), на все той же странице 12а, аккуратным почерком дописана сноска: «К сожалению, в единственной капитальной марксистской работе, разбирающей вопросы внешней политики России в XVI веке ... русско-английским отношениям также не уделено внимания». Для чего понадобилась эта вставка? То ли это еще один реверанс в

ном Грозным и современными ему английскими монархами подытожена вписанной от руки цитатой из Маркса на ту же тему. В отличие от упомянутой ссылки на Энгельса, эта не имела содержательной ценности и была в чистом виде данью кумирам: теперь нельзя было упрекнуть автора в том, что диссертация не содержит ни одной ссылки на основоположника марксизма.

Наконец, самую значительную переделку претерпело заключение. Именно здесь автора наконец заставили показать «правильную актуальность» диссертации. Первые полторы страницы заключения – это научный текст: основные результаты диссертации в кратком изложении (они не вызвали возражений читателей). Затем автор попробовал сделать привязку к идеологии. В одном абзаце он сказал и о «марксистско-ленинском понимании исторического процесса», конечно же, давшем ему возможность получить качественно новый результат. И о классовой борьбе «и связанной с ней религиозной» борьбе в Европе, учет которой, опять-таки, дал новое понимание.

По-видимому, автор считал сразу два ритуальных поклона вполне достаточным обоснованием значимости. Но более опытные товарищи решительно отвергли столь застенчивую попытку продать научно-исторический товар ваковским чиновникам. Последние полстраницы первого листа «заключения» пришлось не только зачеркнуть (как в других случаях), но и заклеить (судя по коричневому цвету клеевых пятен, с помощью столярного клея). На наше счастье, клей со временем утратил силу, и приклеенная половина листа стала обычной вставкой. Она уже не скрывает напечатанного под ней текста, пересказанного выше.

Текст, приклеенный поверх зачеркнутого, выполнен – в отличие от всей остальной диссертации – под фиолетовую (а не черную) копиру и разительно отличается от зачеркнутого смелыми (поверхностными) аналогиями, а также бойким (газетным) стилем. История русско-английских отношений XVI века поставлена в контекст «трех попыток агрессивных держав подчинить себе всю остальную Европу». Второй из таких попыток названы Наполеоновские войны, третьей – «безумная авантюра Гитлера». Осторожно оговариваясь, что «какие-либо параллели между нашим временем, началом XIX и концом XVI века были бы натяжкой», автор, однако, тут же ссылается на речь В. М. Молотова о тесном союзе с Англией (фамилия Молотова при этом, в отличие от упоминаемого его английского коллеги А. Идена, предусмотрительно набрана заглавными буквами, согласно обычаям советского делопроизводства).

Впрочем, автор опять не укладывается в канон. Ясно, что цитата из Молотова должна дополняться апелляцией к Высшему Авторитету. Даже простой смертный, не следящий пристально за газетой «Правда», мог бы припомнить речь председателя ГКО 3 июля 1941 г. – ту самую, что открывалась знаменитым обращением к «братьям и сестрам». В ней вождь между прочим специально отмечал известное выступление Черчилля 22 июня, называя его историческим и могущим вызвать «лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза». Вместо этой или подобной отсылки Лурье самым ценным результатом своей работы называет выяснение того, что «самые передовые люди тогдашней Англии» «искали в русском народе силы, способные бороться против феодальной реакции». И завершает, вместо хвалы «великому Сталину» или хотя бы коммунистической партии, таким заявлением: «Пусть же эта работа будет одним из многочисленных выражений любви и уважения свободолюбивым традициям английского народа – народа, уже в течение трех лет противостоящего напору самой мрачной реакции, когда-либо существовавшей в истории»⁴³.

Лурье не собирался бодаться с дубом. Уже в изначальный текст он заложил ритуальные поклоны; проявил умение прикрывать «марксизмом-ленинизмом» не очевидные идеи; не отказался и от огрубления идеологических реверансов по совету (или по требованию)

сторону обязательной идеологии; то ли просто стремление продемонстрировать исчерпывающее знание литературы за счет добавления книги, которую поначалу автор не знал или не считал существенной. Сноска написана не таким почерком, как большинство авторских вставок: то ли Лурье обратился к обладателю более аккуратного почерка, то ли сам постарался дописать нарочито каллиграфически.

⁴³ Лурье Я. С. Русско-английские дипломатические отношения... С. 150.

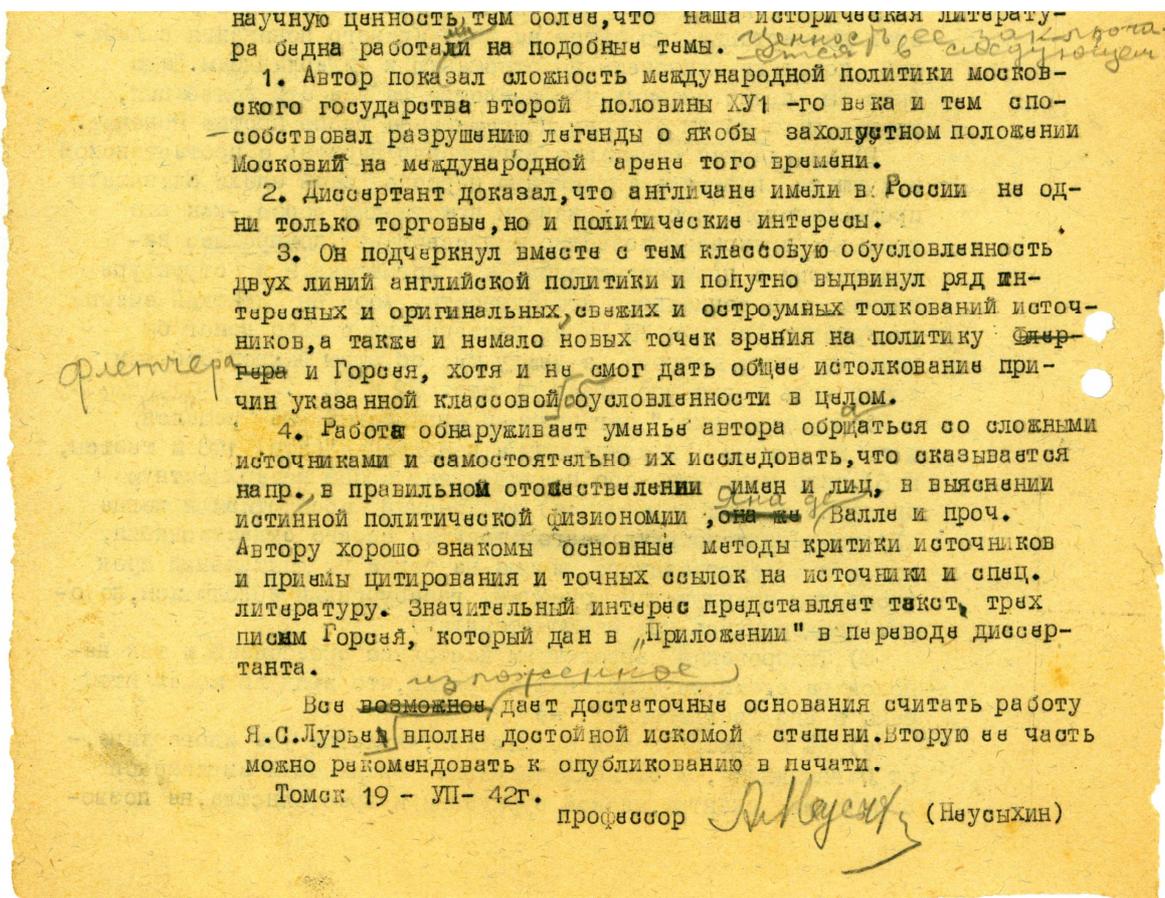
коллег. Но и в изначальном тексте, и даже в исправленном проявил стремление сохранить, насколько возможно, интеллектуальную автономию.

Много лет спустя размышления над судьбой и творчеством И. Ильфа и Е. Петрова он подытожит такими словами: «Интеллигенция никогда (даже если бы она была едина) не могла сама по себе переменить ход истории в ту или иную сторону. Но каждый интеллигент может выбрать свой путь в обществе. Он может быть с «подлецами» или против них, он может быть порядочным человеком или же «помогать злодеям в их деле». «...Таких эпох, когда люди не могут хотя бы уйти от соучастия в смертельных преступлениях, нет», – писал Аркадий Белинков. Интеллигент может, наконец, думать самостоятельно, а не быть «непуганым идиотом» и не усматривать «великую сермяжную правду» во всем, что бы ни происходило вокруг него»⁴⁴.

Диспут с оппонентом и с самим собой

Судя по воспоминаниям Е. В. Гутновой, защита диссертации была не пустой формальностью. Тон на заседаниях ученого совета ТГУ, говорит она, задавали «ученые-естественники, весьма скептически относившиеся к истории». Гутнова защищалась лишь немногим позже Лурье (в начале ноября 1942 г.). Получив «несколько голосов против» (учитывая численность Совета – не менее 10 процентов), она этому не огорчилась, но обрадовалась.

Впрочем, возможность ожесточенного обсуждения была ограничена объективным показателем. Две защиты историков 22 июля начинались в 19 часов (таковы были порядки в эпоху борьбы за трудовую дисциплину). Даже если предположить, что участники заседания готовы были вернуться домой к полуночи, на каждую защиту приходилось никак не больше двух часов.

Отзыв А. И. Неусыхина: правленный, но подписанный
(Государственный архив Томской области)

⁴⁴ Курдюмов А. А. (Лурье Я. С.) В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Париж, 1983. С. 293.

Защита Лурье состоялась в назначенный день. Выписка из протокола от 22 июля 1942 г. лаконично сообщает: «Постановили: На основании доклада Я. С. Лурье о его диссертационной работе и отзывов официальных оппонентов присвоить Лурье Якову Соломоновичу ученую степень кандидата исторических наук»⁴⁵. Скорее всего, эта стандартная формула не означает отсутствия живого обсуждения за рамками официальных отзывов. Но пространный 10-страничный отзыв А. И. Неусыхина⁴⁶, действительно, мог стать предпосылкой для того, чтобы отказаться от долгих прений.

Нет сомнений, что и автор отзыва, и его слушатели воспринимали отзыв как положительный. В начале документа Неусыхин утверждает новизну работы и ее основательность, специально подчеркивая использование автором диссертации англоязычных источников и литературы. В конце – сдержанно, но весомо сообщает, что диссертация «представляет несомненную научную ценность» и перечисляет доводы в пользу этого, соглашаясь между прочим с главным тезисом автора (о том, что англичане имели в России не только торговые, но и политические интересы). Удовольствие Неусыхина выдают и отнюдь не клишированные похвалы за «ряд интересных и оригинальных, свежих и остроумных толкований источников», не говоря уже об «умении автора обращаться со сложными источниками и самостоятельно их исследовать» и о том, что автору «хорошо знакомы основные методы критики источников»⁴⁷.

Тем не менее, 9 из 10 страниц этого доброжелательного и уважительного отзыва – это критика диссертации, риторически довольно ярко поданная. Первую из двух частей диссертации Неусыхин назвал «анализом, страдающим излишней суммарностью, схематичностью и не отличающимся самостоятельностью»⁴⁸. Переходя к подробной критике этого раздела, оппонент пеняет автору именно за те псевдомарксистские клише, которыми тот, вероятно, пытался снискать благосклонность идеологически бдительных читателей. Одобряя включение действий английских дипломатов в контекст внутрианглийской политической борьбы (а это одна из главных мыслей Лурье: неудача в заключении союза в начале 1590-х гг. немало зависела от того, что посланный с этой миссией дипломат не хотел союза, принадлежа к противной партии), Неусыхин издевается над ярлыками, посредством которых эта борьба описывается в диссертации: «Следовало бы подробно показать, как именно связана дипломатия Уолсингема, Горсея и Флетчера с их пуританизмом и радикальным буржуазным мировоззрением»⁴⁹. Правда, в заключительных строках Неусыхин называет тезис о буржуазных тенденциях внешней политики Уолсингема «в общем правильным», но зато выше вполне определенно высказывается насчет «неубедительной гипотезы о наличии "международной буржуазной солидарности уже в XVI в., хотя бы в извращенной форме протестантской солидарности"»⁵⁰. Оппонент, таким образом, признает авторитет формационного подхода, но определенно высказывает недовольство декларативным использованием охранных клише.

Вызвала критику и вторая часть диссертации (хотя и достаточно хорошая, по мнению оппонента, чтобы издать ее печатно). Автор сочинения, по мнению Неусыхина, так и не дал «всецело убеждающего объяснения» того, почему русско-английские переговоры не удались ни на одном из этапов. Причина этой неудачи – «то, что диссертант слишком увлекся идеей противопоставления "мирового католицизма" и "мирового протестантизма"», тогда как корень дела – в «реальных интересах отдельных стран и различных общественных группировок внутри этих стран»⁵¹. Эту мысль Неусыхин иллюстрирует целым рядом примеров из диссертации, когда, по его представлению, несправедливость этой тенденции Лурье явно себя обнаруживает. Например, он цитирует слова о том, что

⁴⁵ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 12.

⁴⁶ Там же. Л. 14–18 об.

⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 18 об.

⁴⁸ Там же. Л. 14

⁴⁹ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 17

⁵⁰ Там же. Л. 17 об.

⁵¹ Там же. Л. 14 об. – 15

враждебное отношение России к будущему Сигизмунду III как претенденту на польский престол в 1586 г. определялось опасностью объединения под его рукой двух российских врагов – Швеции и Польши. «Это совершенно реалистическое объяснение» – хвалит оппонент автора диссертации: Россия поддерживает своего кандидата из прагматических соображений (и дальнейшее противопоставление протестантизма с католицизмом излишне). Таким образом, опытный историк действительно дает молодому автору возможное объяснение, которое, не отвергая столь важного для Лурье включения в международный контекст, позволяет избавиться от схоластических схем и сделать изображение более реалистичным. Единственный недостаток совета Неусыхина в случае с Сигизмундом – то, что указанная оппонентом трактовка уже существовала до Лурье, о чем автор диссертации добросовестно сообщил читателям.

Весь этот спор не затрагивает, очевидно, ключевых выводов Лурье, основанных на тщательном разборе документов и касающихся хода русско-английских переговоров. Все это – лишь вопрос подачи сделанного автором результата, его вписывания в контекст. Тем не менее, именно этому вопросу посвящена львиная доля дотошного отзыва Неусыхина. Оппонент, как видно, подошел к своей задаче в лучших научных традициях. Десять страниц – далеко не предел оппонентской щедрости Александра Иосифовича. А. Я. Гуревич вспоминал о защите собственной (докторской) диссертации двадцатью годами позже: «Когда председатель совета объявил, что отзыв проф. Неусыхина содержит 44 страницы, напечатанных через один интервал, в зале закричали: "Огласите выводы!"»⁵².

Прошло двадцать лет. Миновало десятилетие преподавания в вузах Ленинграда, Мурманска и Петрозаводска; появилась монография по новой тематике (уходящей от Ивана Грозного вглубь по хронологической шкале); удалось устроиться на работу в главную цитадель советских исследований древнерусской литературы – Пушкинский дом. Накануне защиты докторской диссертации (1962 г.) Яков Соломонович в последний раз вернулся к кандидатской. В 1961 г. уже упоминавшаяся нами статья Лурье подытожила не только его попытки донести результат первого капитального исследования до историков, но и собственную эволюцию автора. Мнение ли Неусыхина оказало воздействие на Лурье, или, как это бывает у историков, жизнь помогла ему иначе понять историю и способы существования в современном пространстве, но только эта статья существенно отличается от диссертации по части оценок.

Превращение произошло не в один момент. Уже в статье 1947 г. (первой из послезащитных публикаций) прямо указанный Неусыхиним сюжет об отношении русских правителей к Сигизмунду Вазе был изложен совершенно без упоминания католиков и протестантов. И в целом отношения между религиозными течениями отошли на задний план⁵³. Но все-таки сохранялись тезисы о союзе держав, действующих против России под католическими лозунгами, о противостоянии между католическими державами и Англией⁵⁴. И при переходе к описанию придворных английских группировок опять говорилось о «кругах буржуазии и обуржуазившегося дворянства» и о внешнеполитической программе кальвинистов-пуритан⁵⁵.

В 24-страничной статье 1961 г. «буржуазная солидарность» не встречается ни разу⁵⁶. О противоречиях между католиками и протестантами в общем виде вообще не говорится; они затрагиваются лишь на тех четырех страницах, которые непосредственно посвящены переговорам русских правителей с папой римским, и с конкретными цитатами из доку-

⁵² Гуревич А. Я. История историка... С. 133.

⁵³ Десять лет спустя, в статье 1957 г., "католическая реакция" была вынесена даже в заглавие (см. список литературы); но надо учесть, что это была статья для ежегодника Музея истории религии и атеизма, где Лурье в это время работал.

⁵⁴ Лурье Я. С. Английская политика на Руси в конце XVI в. // ЛГПИ им. Герцена. Ученые записки. Л., 1947. Т. 61. С. 122.

⁵⁵ Там же. С. 129.

⁵⁶ Правда, в этой статье сюжет об английских придворных партиях вообще не разбирается. Это логично, ведь статьи разных лет должны избегать явных повторов.

ментов⁵⁷. Все же прочие упоминания о борьбе между европейскими государствами и их представителями аккуратно ограничены пересказом конкретных фактов. Так сбылось не только доброе напутствие Неусыхина насчет опубликования второй главы, но и совет мастера о желательных исправлениях.

Защита кандидатской диссертации была одной из заранее запланированных ступеней профессионального становления Я. С. Лурье, и он целеустремленно шел к поставленной задаче, вопреки всем возникающим преградам – войне, необходимости работать в глухом Енисейске, невозможности защищаться в Иркутске, в конце концов, просто отсутствию кворума. Защита диссертации в 1942 г. не была Якову Лурье предопределена судьбой; эта защита проявила его умение маневрировать в быстро меняющихся обстоятельствах, обходить препятствия и, добросовестно выполняя свои обязательства, все же «не разминывать крылья на перья».

Список литературы

- Гуревич А. Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
- Гутнова Е. В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. 463 с.
- Зимин А. А. Мой добрый и старинный друг // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 186–188.
- Зиновьев В. П., Фоминых С. Ф., Хаминов Д. В., Некрылов С. А. Краткий очерк истории Исторического факультета ТГУ // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / Сост. Д. В. Хаминов, С. А. Некрылов. – Томск: Изд-во Томского университета, 2008. С. 8–35.
- Кобрин В. Б. Иван Грозный. М.: Московский рабочий, 1989. 175 с.
- Копржива-Лурье Б. Я. (Лурье Я. С.) История одной жизни. Париж: Atheneum, 1987. 267 с.
- Костриков М. С. Русско-английские отношения во второй половине XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 24 с.
- Крылов А. Н. Мои воспоминания. М.: Изд-во АН СССР, 1945. 555 с.
- Курдюмов А. А. (Лурье Я. С.) В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Париж: La Presse Libre, 1983. 296 с.
- Логунова Г. В. Диссертационный совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете как организатор историко-политических исследований в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 14. С. 9–17.
- Лурье Я. С. Английская политика на Руси в конце XVI в. // ЛГПИ им. Герцена. Ученые записки. Л., 1947. Т. 61. С. 121–145
- Лурье Я. С. Католическая реакция и подготовка интервенции против Русского государства (конец XVI – начало XVII в.) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1957. Т. 1. С. 350–361.
- Лурье Я. С. Русско-английские дипломатические отношения во второй половине XVI века. Дис. ... канд. ист. наук. Енисейск, 1942. 176 с.
- Лурье Я. С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI вв. // Международные связи России до XVII в. М.: изд-во АН СССР, 1961. С. 419–443.
- Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. Грамоты собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1875. 50+LII+440+XV с.
- Письма А. И. Неусыхина к Е. Е. Слуцкому, А. И. Рубину, Е. А. Неусыхиной (1942–1948) // Путь. Международный философский журнал. 1993. № 4. С. 328–372.
- Профессора Томского университета: биографический словарь. Т. 2. Томск: изд-во Томского университета, 1998. 544 с.
- Румянцев М. В., Семенова Е. В., Семенов В. И. История Енисейского педагогического института как фактологическая основа изучения культурно-исторического наследия Енисейска // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25498>
- Солодкина Е. Н. Англо-русские отношения второй половины XVI – начала XVII вв. в отечественной историографии 1920-х – 2000-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
- Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: Издательство Томского университета, 2011. 270 с.
- Цеховой Н. П. Организационно-правовое оформление системы советской аспирантуры: основные этапы и особенности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 111–115.

⁵⁷ Лурье Я. С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 432–435.

L. D. Demidova, A K. Kirillov***

The History of One Defense: Candidate's Dissertation of Y.S. Lurye as a Stage in the Historian's Evolution

Yakov S. Lurye was an outstanding Russian historian, an expert in source studies, investigator of Russian chronicles and publisher of different sources concerning the Medieval Russia. The period of his formation as a professional during the Great Patriotic War remains poorly known. It was in the city of Tomsk, in evacuation, one year after his graduation from the Leningrad University that he defended his candidate's dissertation (equivalent of PhD). This early work already reveals Lurye's inclination to study Russian history in the context of European events which let him promote significantly studies of the Russian-English relations at the 16th century.

Lurye's determination to preserve his intellectual independence is evident from the dissertation. It is only moderately that he adopts his research to the official ideology. Quotations from K. Marx and F. Engels are used by minimum; only after the consultant's advice a reference to a speech of V. Molotov was added.

The defense of dissertation by Yakov Lurye in Tomsk was not a provincial event. Leading professors evacuated from the capital cities, chairholders from the Tomsk university became his opponents; a classic of the Russian medieval studies Alexandre Neusykhin showed his interest and positive attitude in the opponent's statement. Teaching at Yeniseysk and defending the dissertation at Tomsk, Lurye remained at the front line of the Russian historical science.

The successful defense of dissertation in 1942 required Yakov Lurye's commitment and hard work. He used the very poor opportunities to reach his own goal and he did succeed.

Keywords: History of historical science, Yakov S. Lurye, Tomsk university, evacuation of science during the Great Patriotic war, English-Russian relations of the XVI century

Статья поступила в редакцию 16.08.2018

* **Demidova Larisa D.** – Candidate of Sciences (History), Specialized Educational and Scientific Center of Novosibirsk State University (SSCC NSU). E-mail: lardem.nsk@gmail.com

** **Kirillov Aleksey K.** – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS; Associate Professor, Novosibirsk State University. E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Человек и государство

DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-6

УДК: 947.065/066(571)

А. В. Дмитриев*

Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика

Статья посвящена рассмотрению деятельности органов военного судопроизводства в частях русской регулярной армии, дислоцированных в Сибири в XVIII в. Выявлены особенности функционирования этих органов в процессе рассмотрения дел обвиняемых и вынесения приговоров. Установлено, что вышестоящие инстанции (командование Сибирского корпуса, генерал-аудиторская экспедиция Военной коллегии) зачастую смягчали приговоры, выносимые полковыми судами тех воинских частей, где служили обвиняемые. В ряде случаев дисциплинарную ответственность за проступки своих подчиненных также несли их командиры, в некоторых эпизодах к участию в процедурах следствия и суда подключались гражданские власти.

Ключевые слова: русская армия, военное судопроизводство, Сибирь, XVIII век

Сфера военного судопроизводства и система специализированных судебных органов, сложившаяся еще при Петре Великом и функционировавшая на всем протяжении XVIII в., до сих пор остается по большей части «белым пятном» в отечественной исторической науке. Среди исследований историко-юридической направленности, в которых уделено внимание данной сфере, можно назвать лишь единичные работы¹. Отдельные вопросы, связанные с ее становлением в первой четверти XVIII века², равно как и некоторые аспекты сложившейся в ее рамках правоприменительной практики³ уже изучались исследователями. Однако конкретные механизмы деятельности военно-судебных органов (в частности, проведение следственных действий, рассмотрение показаний подсудимых, нормы, которыми руководствовались судьи при вынесении приговоров по конкретным делам, и возможности для изменения этих приговоров высшими инстанциями) по-прежнему практически не изучены. Целью настоящей публикации является выявление и краткая характеристика основных параметров функционирования военных судов (кригсрехтов) в частях русской армии, дислоцированных на территории Сибири в послепетровскую эпоху и вплоть до конца XVIII в.

Источниковой базой служат для нас дела из фонда Генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, ф. 8). Из трехсот с лишним судебно-следственных дел, рассматривавшихся в отношении военнослужащих из состава армейских частей в Сибири, мы выделяем около десятка представляющих интерес в силу тематического содержания, либо особенностей

* **Дмитриев Андрей Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет. E-mail: khaldeus@academ.org

¹ *Розенгейм М.П.* Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. 377 с.; *Петухов Н.А.* История военных судов России. М., 2003. 345 с.

² *Серов Д.О.* Судостроительство и судопроизводство в России накануне судебной реформы Петра I: тенденции развития (1696–1716 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 92–138; *Он же.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб». (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Rossica. Февраль 2013. № 2 (Т. LXXV). С. 113–121.

³ *Калашиников Г.В.* Офицеры под судом и следствием. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 80–87; *Азнабаев Б.А.* Правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 494–520; *Проскурякова М.Е.* «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 82–92.

внутренней структуры и сохранности документов. На основании анализа материалов этих дел мы можем получить подробное представление о практической деятельности военно-судебных органов этих воинских частей и тех факторах, которыми обуславлилось вынесение приговоров и их корректировка, зачастую имевшая место в Военной коллегии. В содержательном отношении данные дела подразделяются по двум направлениям: о нанесении материального (финансового или имущественного) ущерба и о тех или иных нарушениях дисциплины и воинского долга, а также связанные с тяжкими преступлениями – убийствами или телесными повреждениями, плюс нарушения господствующей морали и общественной нравственности.

Как и в других частях русской армии XVIII в., в состав полковых судов сибирских подразделений входили президент (презус) – штаб-офицер и несколько асессоров из числа обер-офицеров, включая также полкового аудитора. Так, в 1752 г. при созыве военного суда (кригсрехта) в Новоучрежденном гарнизонном драгунском полку в его состав полковым командиром подполковником И. Кенеманом были включены восемь человек: секунд-майор К. фон Энден (президент), капитан Н. Поляков, поручики Я. Функ и А. Теснинский, прапорщики П. Шишкин, В. Дьяконов, И. Коробейников, по должности – аудитор М. Оболтин⁴. Им предписывалось произвести дознание (фергер) и вынести решение в отношении троих военнотружущих того же полка – поручика Ф. Дмитриева, барабанщика Ф. Ошанина и драгуна И. Лалетина. При этом в обязательном порядке у последних выяснялось, не считают ли они нужным дать отвод кому-либо из судей вследствие личной неприязни или каких-то иных причин: «О подозрении судейском спрашиваны, не имеют ли они из вышеписанных присутствующих и аудитора кого себе подозрительна, на что они ответствовали, что де из вышеписанных судящих подозрительна себе никого не имеют и при суде ими доволны быть имеют, в чем и подписались»⁵.

После этого все члены суда были приведены аудитором к присяге, формула которой звучала следующим образом: «Мы, к настоящему воинскому суду назначенные судии, клянемся всемогущим Богом, что мы в сем суде в прилучающихся делех ни для дружбы или склонности, ни подарков или дачей, ниже страха ради ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитью и ответу по ея императорскаго величества нашей всемилостивейшей государыни императрицы воинским пунктам, правам и уставам приговаривать и осуждать хощем право и нелицемерно так, как нам ответ дать на Страшном суде Христове, в чем да поможет нам Он, нелицемерный судия»⁶. Далее начиналась процедура допросов подсудимых и (при необходимости) свидетелей, причем свидетели также приводились к присяге полковым священником. Вот как приносил ее, например, выступивший свидетелем по упомянутому делу вахмистр П. Фадеев: «Обещаюсь и клянуся всемогущим Богом пред святым его Евангелием о том, что хочу и должен в деле сем, х которому призван во свидетелство от суда, мне в подлежащих вопросах, о чем меня спрашивать будут, ответы свои справедливо самую истинную правдою, ничего не утая и не прибавя и ни на кого не посягая и никому не нарова ни для дружбы или склонности, ни подарков или дачей, ниже страха ради ни для зависти и недружбы, но толь паче по своей чистой христианской совести, что знаю и видел или что сам слышал, во всем право и нелицемерно объявить так, как я пред Богом и судом его Страшным в том всегда ответ дать могу, в чем мне Господь Бог душевно и телесно да поможет, в заключении сей моей клятвы целую слово и крест Спасителя моего имянно»⁷.

О том, каким образом с обвиняемых снимались допросы, можно судить по материалам дела в отношении троих рядовых Ширванского мушкетерского полка, в 1788 г. оказавшихся под следствием за убийство одного и избивание еще нескольких крестьян в Курган-

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1274. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 44 об.

⁶ Там же. Л. 45.

⁷ Там же. Л. 42.

ском уезде после того, как военнотружашие повздорили с последними, столкнувшись на узкой дороге. Солдаты утверждали, что всего лишь нанесли одному из встреченных ими на возах с сеном крестьян несколько ударов хлыстиком, дабы заставить их освободить дорогу для свободного проезда, однако двое крестьян начали с ними драться, так что мушкетеру И. Клинкову пришлось ударить одного из них деревянной вехой по затылку. Удар оказался смертельным, после чего другой крестьянин (Ф. Предеин, родной брат погибшего С. Предеина) бросился бежать. Солдаты попытались догнать его, но безуспешно. Сами подсудимые объяснили попытку погони следующим образом: «Сия погоня была не из злого умыслу, чтоб тово крестьянина умертвить, а толко чтоб ево возвратить к их с сеном возам и не допустить до Утяцкой волости, куда им следовать было должно, дабы оной не дал знать о той драке сказанной волости крестьянам, и чрез бы то не произошло между ними вящей драки»⁸.

Прибыв на квартиры, рядовые не сообщили командиру своей партии, подпрапорщику И. Сосунову, о происшедшем, но уже ночью к последнему пришли с жалобой крестьяне той волости, где проживали пострадавшие, после чего подпрапорщик распорядился взять обвиняемых под караул. Поскольку происшествие касалось не только военнотружаших, но и гражданских лиц, в дело вмешался также Курганский земский суд, определивший произвести «повальный обыск» и снять показания с крестьян – как с пострадавшего, так и с очевидцев и свидетелей – в волостном суде. Их показания доставил в распоряжение Ширванского полка дворянский заседатель земского суда Е. Гартман. Крестьяне, в свою очередь, обвиняли именно солдат в том, что они начали драку, поэтому последовали очные ставки. На них обе стороны продолжали давать разноречивые показания: «Хотя ж вышепомянутым подсудимым мушкетерам, а также крестьянину Предеину в их разногласных показаниях и запираательствах и зделано было судейское увещевание, но оно им подействовать не могло, почему отсыланы были от воинского суда при ведении к священнику для увещевания по правилу святых отец»⁹. В итоге составленный судом генеральный экстракт содержал лишь обвинения мушкетеров в избиении и убийстве, а подпрапорщика Сосунова – в том, что он отпустил их из своей команды вопреки приказу ротного командира. Экстракт этот был им «в присутствии воинского суда по пунктам читан, и на каждой пункт спрашиваны, не имеют ли чего показать в дополнение или принести что к своему оправданию, и в преступлении своем... по силе воинских артикулов винными себя признавают ли, по которому и объявили, что они каждой себя в вышеизъясненных ими преступлениях винными признавают и более в дополнение и ко оправданию показать ничего не имеют, в чем и подписались»¹⁰.

В ряде случаев следственные действия и подготовка экстрактов из допросов для вынесения обвинительного заключения затягивались, когда подсудимые пытались искать поддержки у высшего начальства или старались оговорить неугодных им лиц, дабы отвести от себя внимание следствия. Так, в 1761 г. капитану Енисейского гарнизонного пехотного полка П. Щеголеву было предъявлено сразу несколько обвинений – в двоеженстве (отправляясь на службу в Сибирь, он женился второй раз при живой первой супруге, оставшейся в Белгороде) и в растлении двоих 14-летних девочек, находившихся у него в доме в услужении (одна – вольная прислуга, вторая – из дворовых)¹¹. Однако Щеголев сначала написал целых три челобитных, адресованных в Военную коллегию, Сенат и Синод, в которых утверждал, что его напрасно преследуют сибирский губернатор Ф. И. Соимонов и сибирский митрополит Павел. Когда же командующий Сибирским корпусом генерал-майор И. фон Веймарн не допустил их отправки и обнаружил, вскрыв конверты, что в них содержались обвинения в адрес указанных лиц, Щеголев в январе 1762 г. сочинил слезное

⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1295. Л. 5 об.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 11.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 1356. Л. 3–5 об.

прошение самому Веймарну, в котором молил командующего разрешить ему лично отправиться из расположения полка (на тот момент – в Колыванском заводе) в Тобольск для примирения с губернатором и митрополитом.

Письмо это представляет собой любопытный образчик смешения льстивых унижений с гордыней и тщеславием. В первых же строках автор уверяет, что «хотя я по моему горестному несчастью в свете ныне обиженной и изгнанной ваше превосходительство сим моем прошением утруждать и недостоин, однако уповая на великодушие и милость вашего превосходительства возымел смелость... покорно прошу впредь меня усердно вашею властью отеческою милостию наградить, дабы я, видя вашего превосходительства к себе милость, хотя б мало мог избавитца от печали и от слез»¹². Далее Щеголев напоминает о том, что участвовал в битве при Гросс-Егерсдорфе 1757 г., когда сам Веймарн занимал должность генерал-квартирмейстера при главнокомандующем русской армией С. Ф. Апраксине: «Соизволите ваше превосходительство не погнушатца вспомнить, что по воли Божией я был почти в одном месте с вашим превосходительством». Добиваясь возможности выехать в Тобольск, он просил вернуть ему упомянутые челобитные «для некоторой переправки в них... либо и совсем оныя мне усердно и милостиво отечески возвратить». Более того, Щеголев рассчитывал получить от генерала «милосердную рекомендацию» в его ставку в Омской крепости, а уже оттуда направиться в Тобольск «как к его высокопревосходительству Федору Ивановичу (Соймонову. – А. Д.), так и к его высокопреосвященству»¹³.

Особенно замечательно выглядят последние фразы письма. Капитан буквально молит командующего: «Помилуй, милосердый государь, батюшка, изведи как властно ис темницы душу мою, а в Колыване мне жить весьма скучно, понеже я в свете рожден, а не во тьме...» – и раскрывает свое главное желание: «Авось либо по рекомендации вашего превосходительства его высокопревосходительство Федор Иванович со мною, з бедным, и по прежнему умилосердитца, и перевел бы меня по желанию моему в Тобольской полк»¹⁴. Как видно, Щеголев был чрезвычайно высокого мнения о собственной персоне, хотя выслужил дворянство в обер-офицерских чинах, сам будучи сыном священника. Однако Веймарн не поддался на эти льстивые мольбы и хотя согласился выпроводить капитана в Тобольск, но заметил в письме к губернатору: «Как видно, вышешепянутой господин Щеголев знатно в своем состоянии едва ль воздержан». В Тобольске Щеголева поместили на гауптвахту на все время следствия, но и здесь он попытался избежать невыгодного для него приговора. Сначала он попробовал сбежать из-под караула, дабы уехать в Москву, для чего сговорился с одним из посадских, чтобы тот предоставил ему телегу с тремя лошадьми, а когда его сообщник был задержан солдатами, обратился к обер-коменданту Тобольска генерал-майору фон Фирстенбергу, заявив, «что имеет он объявить... секрет, которой де времени нимало не терпит, и кроме ево... объявить никому не должен». «Секрет» заключался в словах о том, что сибирский митрополит Павел якобы пренебрег некоторым «всевысочайшим именованным повелением» императрицы Екатерины II, «а в какой имянно важности то пренебрежение, о том писменным своим доношением утверждает доказать и точно представить во учрежденной... ныне вновь о церковных имениях комиссии за свидетельством писменное о том доказательство»¹⁵.

Сибирская губернская канцелярия отнеслась к словам Щеголева весьма серьезно и потребовала доказательств митрополичьего «пренебрежения», однако донос этот, как довольно быстро выяснилось, был от начала до конца ложным. На допросе 16 июля 1763 г. Щеголев сначала объявил, что ничего не покажет, «ибо де он имеет на всех присутствующих подозрение» (т. е. считает чиновников канцелярии пристрастными и недоброжела-

¹² РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1356. Л. 46.

¹³ Там же. Л. 46–46 об.

¹⁴ Там же. Л. 46 об. – 47.

¹⁵ Там же. Л. 53–53 об.

тельно к нему настроенными), а далее принялся запугивать собравшихся, уверяя, что документальное свидетельство в подтверждение его доноса «отослано де им еще наперед с приятелем ево в Москву, а по случаю ево уезду и в Санкт Петербург, а с кем оное послано и когда, того в губернской канцелярии... не покажет»¹⁶. Когда же ему было предложено принести в канцелярию запечатанный конверт со своим посланием, которое чиновники обязывались, не раскрывая, сразу отослать в Сенат, Щеголев, разумеется, отказался, заявив, что «такого доношения он не напишет, ибо и оное следственно будет к посылке чрез губернскую канцелярию, и в той посылке он за показанным губернской канцелярии при-судствующих подозрением состоит сумнителен»¹⁷.

Когда же он через несколько дней все-таки отдал караулившему его на гауптвахте поручику Заполеву запечатанный конверт со своим доношением, адресованным в Сенат, то при вскрытии в нем обнаружена была только жалоба на митрополита, который подсудимого якобы «без настоящего следствия развел со второю женою, и согласясь с Сибирскою губернской канцеляриею, купленную им девку отнял без всякой вины и свободил на волю, и что он (митрополит) заключил на пятнадцать лет в Успенском соборе богу молитца, и в сажении в нынешнем году в пустую башню скована в цепь на три дни без даяния пищи, и во отобрании у него ж Щоголева оным митрополитом собственных ево денег золотых червонных и рублевой монеты всего на четыре тысячи рублей, також посуды сребренной и золотой, и часов карманных, и в протчих ево собственных обидах, а важности никакой во оном не изъяснено»¹⁸. Тут у местной администрации лопнуло терпение. Временно правившие делами губернии после отъезда в Москву уволенного в отставку Ф. И. Соймонова до прибытия на смену ему Д. И. Чичерина действительный статский советник А. Колударов и князь М. Чхеидзе квалифицировали все показания Щеголева «как за единозатейныя и никакой справедливости не имеющие» и направили подготовленный экстракт из материалов дела «о всех ево прежних непорядочных поступках» напрямую в Военную коллегию¹⁹. По решению коллегии подсудимый был уволен со службы для исполнения наложенной на него митрополитом епитимьи в продолжение 15 лет. Поднося на утверждение лично императрице принятое решение, губернатор Чичерин даже заметил: «Дерзость капитана Щоголева ясно доказана от нестерпеливости наложеннаго на него так продолжительнаго и мучительнаго штрафа, стараясь избежать, и с того запутался в тягчайшия сети, и тем милости вашего императорскаго величества не заслужил».

Бывали также случаи, когда непосредственное начальство обвиняемых офицеров не спешило давать ход делу по поступающим доносам. Однако если сведения об этом доходили до вышестоящих инстанций, то наряду с назначением расследования, как правило, привлекались к нему и те лица, которых подозревали в утаивании проступков своих подчиненных. В 1775 г., например, двое денщиков капитана 2-го Омского гарнизонного пехотного батальона Н. Селецкого, «явившись из бегов» в Железинскую крепость, объявили командующему 1-м Омским батальоном полковнику Т. фон дер Роопу, «бутто б упомянутой капитан Селецкой принуждал их над собою мужеложствовать», более того, что они уже приносили соответствующую жалобу коменданту Ямышевской крепости, где был расквартирован 2-й Омский батальон, секунд-майору Г. Кашаеву и капитану Н. Курбатову. Информация об этом была подана командующему Сибирским корпусом генерал-майору И. А. Деколону, который выразил удивление тем, что «по справке в канцелярии моей оказалось от господина коменданта Кашаева никогда ко мне доноσιμο не было», и приказал нарядить следствие: «Как тот их, денщиков, донос на капитана Селецкова о столь богомерском и противном государственным и естественным законам поступке, справедливо ль или ложно затеянной, требует строжайшаго испытания ... накрепко и тон-

¹⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1356. Л. 53 об.

¹⁷ Там же. Л. 54.

¹⁸ Там же. Л. 54 об.

¹⁹ Там же. Л. 55 об. Текст этого экстракта содержится на следующих листах архивного дела, см.: Там же. Л. 56–67.

чайше по точному основанию воинского процесса и формы ... исследовать. От господина ж коменданта Кашаева и капитана Курбатова, подлинно ль им от оных денщиков о мужеложстве Селецкого объявляемо было, и для чего ими о том умолчано, и от первого ко мне не донесено ... отобрав объяснении, к тому ж следствию присовокупить»²⁰.

Вынужденный объясниться, комендант Кашаев оправдывался тем, что оба денщика капитана Селецкого выдвинули против последнего это обвинение, будучи «напившись пребезмерно допьяна», а когда их вели под караулом на гауптвахту, «крычали и ругали капитана всячески скверно бранными поносительными словами середнародно»²¹. Комендант велел оставить их там («до утра содержать, пока проспятся»), а потом приступил к допросу, но, вероятно, не считал нужным им верить. По крайней мере, он не принял на веру их слова, так как они «еще они не совсем проспались и еще необычайны были», хотя по-прежнему обвиняли капитана Селецкого. Лишь после того, как оба окончательно протрезвели, Кашаев снова допрашивал их, «за что они капитана Селецкого поносили и употребляли сквернословие, на что они объявляли ... от пребезмерного де пьянства, что они как капитана Селецкого поносили и ругали, не помнят»²². Решив, что не стоит придавать значения такому обвинению, комендант сделал им внушение, что если этот офицер каким-то образом их обидел, тогда «о том бы жалобу они приносили формально, а не так, как будучи весьма без чувства пьяны, середнародно крычать и ругать ево». Кашаев особенно отметил, что на его решение «от них никакой о том жалобы произносимо мне не было ... а что... некуда по команде рапортовано не было, то не ис похлебства и понаровию капитану Селецкому, а единственно показалось мне оное странно, да и они ж сами объявили, что чем капитана Селецкого поносили, в пьянстве не помнят»²³. Тем не менее, назначенный суд под председательством батальонного командира премьер-майора С. Красноперова, заслушав еще нескольких свидетелей, также подтвердивших, что слышали от денщиков капитана о подобных деяниях, вынес обвинительное заключение («сентенцию»), утвержденную в 1777 г. уже новым корпусным командиром генерал-майором А. Скалоном и Военной коллегией²⁴.

Неразграниченность военного и гражданского управления как в административной, так и в судебной сферах, порождала ряд казусов, когда обвинения против военнослужащих выдвигались теми или иными учреждениями в структуре местного (губернского) аппарата власти, иногда в связи с эпизодами, имевшими место минимум за несколько лет перед тем. Таково было, например, дело поручика 1-го Омского батальона Ф. Сединкина, с которого казенная палата Кольванской губернии постаралась взыскать более 1 тыс. руб. в 1793 г. за утечку из бочек и недостаток вина в Ямышевской крепости в период 1783–1784 гг. (т. е. почти десять лет спустя!), когда тот, будучи еще сержантом, исполнял там должность винного пристава²⁵. Расследование тянулось более двух лет, поскольку значительная часть документов о приходе и расходе вина в крепости уже оказались утраченными, а ее комендант Кашаев еще в 1789 г. вышел в отставку и уехал из Сибири. Однако решением батальонного суда, которое поддержал также корпусной командир генерал-поручик Г. фон Штрандман и утвердила Военная коллегия, Сединкин был оправдан, поскольку, даже занимая указанную должность, не имел соответствующих полномочий, а приходом и расходом вина распоряжались сам комендант и его писарь Ефремов (к тому времени умерший). Более того, военный суд предложил взыскивать большую часть этой суммы именно с тех лиц, которые тогда состояли в казенном департаменте Кольванской губернии, поскольку военные власти неоднократно просили разрешения на постройку в крепости каменного магазина для хранения вина, которое содержалось в непригодном

²⁰ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 241. Л. 285–286.

²¹ Там же. Л. 293–293 об.

²² Там же. Л. 293 об. – 294.

²³ Там же. Л. 294.

²⁴ Там же. Л. 442–443 об.

²⁵ Там же. Оп. 10. Д. 2837. Л. 6–7.

амбаре, отчего и возникали потери²⁶. В 1796 г., поскольку военным властям не удалось добиться исполнения этого решения от Колыванского наместнического правления, дело было передано на утверждение Сената.

Необходимо отметить, что далеко не всегда принятое полковым и батальонным судом решение сохранялось неизменным при вынесении даже обвинительного приговора. Сентенция суда поступала сначала к тому из представителей армейского генералитета, под чьим командованием состояла соответствующая воинская часть, который мог как согласиться с ней, так и изменить предложенную меру наказания. В свою очередь, его мнение рассматривалось генерал-аудиторской экспедицией Военной коллегии, также обладавшей полномочиями выносить свой вердикт. Причем в большинстве случаев генерал-аудитор и чиновники Военной коллегии, как правило, предпочитали смягчить наказание и не следовать в точности нормам Артикула Воинского²⁷ [7, с. 84–85, 89–91]. Здесь можно привести целый ряд примеров, иллюстрирующих подобную тенденцию.

В 1761 г. после продолжавшегося несколько лет следствия над капралом Якутского гарнизонного пехотного полка В. Мясниковым последний был признан виновным в грабеже, поборах и взятках с ясачных братских тунгусов, а кроме того, еще и в тяжком преступлении – причинении увечий и телесных повреждений собственной жене, скончавшейся после почти полугодовых побоев и садистских издевательств. Военный суд под председательством премьер-майора А. Белевица вынес обвиняемому смертный приговор, с которым согласился также бригадир и комендант г. Селенгинска В. В. Якоби: «Учинить смертную казнь, повесить, о чем и я мнением моим согласен, а наиболее все то оставляю вышнему соизволению и разсуждению»²⁸. Однако при конфирмации приговора Военная коллегия сочла возможным сохранить Мясникову жизнь, и в окончательной редакции наказание для него выглядело следующим образом: «От приговоренной смертной казни свободить, а учинить наказание, бить кнутом и, поставя указные знаки, послать на Нерчинские заводы в работу вечно, и сверх того учинить ему церковное покаяние»²⁹. Таким образом, даже насильственная смерть супруги при отягчающих обстоятельствах не стала для высшей инстанции достаточной причиной, чтобы утвердить виновному смертный приговор.

В 1755 г. точно так же избежал смертной казни солдат Якутского полка Г. Казанцов, пойманный за кражей вещей в Кяхтинской пограничной таможене и перевозом через границу для сбыта китайцам казенных кож и муки. Поскольку он уже и ранее был уличен в краже казенных денег, за что понес наказание шпицрутенами, бригадир Якоби снова согласился с приговором военного суда. Зато в Военной коллегии было вынесено следующее решение: «Хотя означенному салдату смертную казнь учинить правильно приговорено, однако ж он... лет состоит еще не весьма престарелых, и в казенной работе еще может быть доволное время. Того ради приказали для оных резонов, а паче для многолетнего ея императорского величества и их императорских высочеств здравия и ея ж императорскаго величества благополучного государствования помянутого салдата... от смертной казни избавить, а вместо того в страх другим учинить ему наказание кнутом и, вырезав ноздри, определить в Сибири вечно на казенные заводы в работу»³⁰. И в этом случае, как видим, несмотря на ущерб, понесенный казной, и рецидивистский характер совершенного преступления не привели к точному исполнению норм Артикула, сразу по нескольким статьям предусматривавшего за подобные деяния именно смертную казнь.

Аналогичную схему мы можем проследить и по делам, связанным с теми или иными нарушениями военной дисциплины и государственных законов в материально-имуще-

²⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 10. Д. 2837. Л. 154–162.

²⁷ Проскурякова М. Е. «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 84–85, 89–91.

²⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1605. Л. 72 об.

²⁹ Там же. Л. 74.

³⁰ Там же. Д. 1724. Л. 34 об. – 35.

ственном и финансовом отношении. Так, в 1761 г. на рассмотрение губернатору Ф. И. Соймонову поступила из Сибирской гарнизонной канцелярии от командующего генерал-майора К. Л. фон Фрауендорфа сентенция военного суда, согласно которой секунд-майор Новоучрежденного драгунского полка А. Тарасов подлежал разжалованию на год в солдаты за слабое поддержание дисциплины среди подчиненных ему в Барнаульском заводе солдат и казаков, а также использование их на работах для собственных нужд (заготовка и перевозка для продажи сена, рыбные ловли и т. д.). Сам Фрауендорф попытался смягчить наказание, предложив просто оштрафовать Тарасова вычетом жалования за полгода³¹. Однако губернатор посчитал такую меру все же недостаточной: «Положенного по мнению гарнизонной канцелярии одного из жалованья вычету признаваецца быть недовольно». Вместе с тем, принимая во внимание, что «в означенных ево винах высокому ея императорского величества интересу великаго вреда и убытку не заключаетца, а особливо на пограничных линиях при командах в афицерах всегдашняя и немалая требуетца нужда»³², Соймонов также не настаивал на разжаловании виновного в солдаты, а просто предложил перевести его на полгода из штаб-офицеров в обер-офицеры (в чин капитана) с сохранением на этот период вычета из его жалования.

Свои соображения он отослал в Военную коллегию, где после затянувшегося еще на полтора года рассмотрения дела утвердили и вовсе смехотворный (по действующим нормам Артикула) приговор – наказать Тарасова арестом на три месяца, даже без временного понижения в чине. Самое удивительное, что в данном случае провинившийся офицер даже не был дворянином по происхождению, в его послужном списке значилось «помещичий человек Серпуховского уезда» (т. е. выходец из крепостных или дворовых людей), сумевший достигнуть штаб-офицерского чина. Более того, в 1744 г. он уже находился под следствием по обвинению в присвоении части казенных денег, которые вез в Кузнецк для выдачи жалования в полку, следовательно, его повторный проступок мог быть квалифицирован как рецидивирующее деяние³³. Но ни одно из этих соображений, как видим, Военная коллегия не стала принимать во внимание, фактически определив ему минимальное наказание.

Совершенно вопиющий случай произошел в 1765 г., когда в партии офицеров под командой подполковника К. Пекурина, следовавших из Западной Сибири в Забайкалье для зачисления в состав только что сформированного Селенгинского пехотного полка, прапорщик А. Ерохин нанес в ссоре смертельное ножевое ранение поручику Г. Чичагову, который, проболев три недели после этого, скончался. Шокированный произошедшим, генерал-майор В. В. Якоби распорядился произвести следствие не только над обвиняемым, но и над другими офицерами из состава партии, в том числе и ее командиром «по разным доношениям и показаниям в проследовании с командою чинимых по тракту доволных непорядках». А поскольку штаб-офицеров, превосходящих чином подполковника Пекурина, в Забайкалье на тот момент просто не было, Якоби запросил специальную санкцию на осуществление следствия у командующего Сибирским корпусом генерал-поручика И. фон Шпрингера. В ходе расследования выяснилось, что Пекурин совершенно не умел заставить подчиненных уважать себя как командира и исполнять распоряжения по команде. В частности, Ерохин неоднократно отзывался о командире партии матерной бранью, однажды избил подполковничьего денщика, а Чичагову нанес смертельное ранение, когда тот пытался заставить его исполнить приказ – явиться к командиру. Более того, когда Ерохин уже содержался в Томске в тюремном остроге, к нему явился поручик И. Попов, чтобы показать те рапорты о произошедшем, которые Пекурин адресовал генерал-майору Якоби, после чего уничтожил бумаги³⁴.

³¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 2. Д. 121. Л. 209–209 об.

³² Там же. Л. 210.

³³ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281. Л. 113 об. – 114; Д. 367. Л. 4 об. – 5; Д. 439. Л. 6 об. – 7, 132 об. – 133.

³⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 422–423 об.

К следствию оказались привлечены также поручик А. Дурнов, по сути, поощрявший покойного Чичагова к тому, чтобы попробовать отвести Ерохина к командиру силой, и присутствовавшие в момент их ссоры сержант, капрал и шестеро рядовых. Последним было поставлено в вину то, что никто из них не попытался разнять офицеров и предотвратить роковой удар или хотя бы срочно донести подполковнику о том, что происходит. Впрочем, судьи решили, что их вина не столь значительна, поскольку в нее «впали они не с умыслу, но с простоты и оплошности, а салдаты и от незнания по недавнему их в военную службу из выведенных из Польши определению»³⁵, так что всех их определено было лишь наказывать батогами. Прапорщик Ерохин был приговорен военным судом к смертной казни, да еще и одним из наиболее мучительных способов – колесованием. Тем не менее, Военная коллегия все-таки сочла возможным сохранить ему жизнь, вынеся следующее решение: после отбытия церковного покаяния в течение шести недель отправить Ерохина в каторжные работы на Нерчинские заводы сроком на пять лет, после чего вернуть его на военную службу рядовым с наложением запрета на производство в чины³⁶. Трудно сказать, чем именно руководствовались генерал-аудитор и члены коллегии, вынося такой приговор. Возможно, они посчитали, что подсудимый, будучи еще довольно молодым человеком (не старше 30 лет), в состоянии принести пользу казне и государству, сначала каторжником, потом солдатом. Как бы то ни было, это единственный известный нам пример, когда офицер, совершив убийство одного из своих сослуживцев, не был казнен.

Таким образом, анализируя содержание всех рассмотренных выше судебносудебных дел, мы можем отметить следующие характерные моменты. Во-первых, выносимые полковыми судами (кригсрехтами) приговоры оказывались наиболее суровыми, в полной мере соответствуя нормам Артикула Воинского, а по мере поступления их на рассмотрение вышестоящих инстанций наказания для виновных, как правило, смягчались, иногда даже заменяясь гораздо более легкими. Как правило, военные власти руководствовались, очевидно, соображениями служебной необходимости или практической целесообразности, в зависимости от тяжести преступлений и возможного ущерба, понесенного в результате противоправных действий государством. Это придавало всей системе военного правосудия известную гибкость, хотя с течением времени стало приводить и к определенному падению дисциплины в рядах русской армии к концу XVIII в.

Во-вторых, в целом ряде случаев оказывались привлеченными к следствию командиры тех подразделений, в составе которых служили обвиняемые. Случаи с комендантом Кашаевым и подполковником Пекуриным наглядно иллюстрируют принцип, согласно которому непосредственный начальник несет ответственность за возможные проступки собственных подчиненных, зафиксированный, в частности, в гл. 17 Артикула: «А офицеров, которые к сему повод дали... или рядовых каким-нибудь образом к тому допустили, оных наказывать лишением чести, имения и живота»³⁷. Трудно сказать, до какой степени коллективная ответственность могла способствовать поддержанию дисциплины и порядка среди военнослужащих. Заметим, что в самом Артикуле содержались отчасти противоречащие друг другу положения – так, в толковании к одной из статей гл. 3 заявлено: «Ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушно быть», тогда как в гл. 5 сформулировано: «Команда офицерская более не распространяется над салдатами, токмо сколко его величества и его государства польза требует. А что к его величества службе не касается, то и должность салдатская того не требует чинить»³⁸. Тем не менее, военные суды старались дифференцированно подходить к оценке степени вины каждого из подсудимых, руководствуясь таким взглядом и при вынесении приговоров.

³⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 423 об.

³⁶ Там же. Л. 426–431.

³⁷ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 352.

³⁸ Российское законодательство... Т. 4. С. 333, 338.

В-третьих, еще одной особенностью оказывалось заметное участие гражданских лиц и местных властей в рассмотрении случаев, касавшихся не только военнослужащих, но и представителей разных групп населения. Однако из этого не следует, что военные власти могли ставить себя выше администрации и действовать в обход нее. Рассмотренные выше дела свидетельствуют, что органы военного судопроизводства нередко сотрудничали и прибегали к содействию гражданских властей в ходе того или иного расследования, а ведомственные конфликты в этой среде не были частым явлением. В целом же, пожалуй, можно заключить, что функционирование системы военных судов в армейских частях, расквартированных на востоке империи, отличалось достаточно точным соблюдением формальных правил, регулирующих данную сферу, но вместе с тем носило достаточно гибкий характер, позволявший зачастую отступать от буквального применения чрезвычайно суровых норм действовавшего законодательства.

Список литературы

Розенгейм М.П. Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1878. 377 с.

Петухов Н.А. История военных судов России. М.: НОРМА, 2003. 345 с.

Серов Д.О. Судостроительство и судопроизводство в России накануне судебной реформы Петра I: тенденции развития (1696–1716 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 92–138.

Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб». (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Rossica. № 2 (Т. LXXV). Февраль 2013. С. 113–121.

Калашиников Г.В. Офицеры под судом и следствием. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 80–87.

Азнабаев Б.А. Правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 494–520.

Проскуракова М.Е. «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 82–92.

A. V. Dmitriev*

Military Proceedings in the Army Units at the Territory of Siberia in the 18th Century: Official Mechanism and Real Practice

This article focuses on the functions of military judicial departments in the Russian regular army units stationed in Siberia in 18th century. The author reviews accusatory cases and sentences shedding light on the functioning mechanisms of these departments. It appears that higher military command (Siberian Corps command, general-audit expedition of War Collegium) often reduced sentences rendered by regiment courts, if the accused served in those units. In some cases the commanders bore disciplinary responsibility because of their subordinates' crimes, and sometimes even civil authorities were involved in investigation and court procedures.

Key words: Russian army, military proceedings, Siberia, 18th century

Статья поступила в редакцию 5.07.2018

* **Andrey Vladimirovich Dmitriev** – Candidate of Sciences (History), associate professor, Novosibirsk State University. E-mail: khaldeus@academ.org

Чиновники в разъездах: к вопросу о структурах и действующих лицах имперской бюрократии на закате Российской империи

В статье рассматривается роль высокопоставленных чиновников-эmissаров царского правительства на окраинах – в обеспечении единства Российской империи во второй половине XIX–начале XX веков. В качестве характерной черты имперского управленческого аппарата на периферии исследуется высокая мобильность бюрократов и постоянная ротация управленческих кадров. Основные механизмы и специфика функционирования административной системы управления приграничных регионов империи во главе с «мобильными» чиновниками характеризуются на примере администрации Царства Польского. В заключении оцениваются плюсы и минусы политики управления империей посредством разъездных эmissаров. В целом статья написана в рамках методологии «новой имперской истории», в результате история административных структур поздней Российской империи предстает как история переплетения, взаимовлияния, трансфера и циркуляции коммуникаций, представлений и практик.

Ключевые слова: Российская империя, периферия, Царство Польское, чиновники, бюрократия, мобильность, ротации, new imperial history

«До Бога высоко, до царя далеко» – эта русская пословица, как считал американский путешественник Джордж Кеннан, наиболее точным образом отражала в 1880-е гг. чувство жизни людей в периферийных областях империи Романовых¹. Петербургская метрополия, казалось, существовала в каком-то другом, далеком мире, и периферия обустроивала свою повседневную жизнь по собственным масштабам и представлениям. И действительно, вплоть до второй половины XIX в., азиатские, кавказские и даже европейские пограничные регионы огромной Российской империи обладали широкой культурной и отчасти также правовой автономией. Монарх как формальный глава государства находился за тысячи верст, и местная жизнь определялась не столько лекалами петербургского центра, сколько автохтонным своеобразием. Вплоть до запоздалого формирования имперской бюрократии в конце XIX столетия, центральную власть на периферии представляли почти исключительно прямые ставленники монарха. Эти «вице-короли», генерал-губернаторы и губернаторы, играли ключевую роль в контексте гетерогенной структуры государства. Отправляясь на время в тот или иной окраинный регион, они персонально получали от царей задание, надзирать за органами провинциального управления. Таким образом, они представляли собой чиновников, находившихся в постоянных разъездах, служебные обязанности вели их дорогами множества имперских территорий, где они в лучшем случае проводили лишь несколько лет. Эти мобильные слуги престола были призваны обеспечить единство разнородных частей империи. Их задачей, как делегированных представителей «далекого» монарха, было убедиться в том, что периферийные подсистемы остаются составной частью империи, местные автономии не развили центробежную сепаратистскую динамику, а «покой и порядок» самодержавия обеспечены даже в самых отдаленных уголках страны. Продолжительное время российская государственность существовала на периферии империи только в образе этих «вице-королей», генерал-губернаторов и губернаторов.

В настоящей статье речь идет об этих имперских наместниках и других «мобильных» представителях царской власти в пограничных регионах монархии Романовых. Вопрос, которым в первую очередь задавался автор, состоит в том, каким образом мобильность этих акторов характеризовала царскую администрацию и какие последствия она имела.

* **Рольф Мальте**, доктор исторических наук, профессор университета Отто Фридриха в Бамберге (ФРГ). E-mail: malte.rolf@uni-bamberg.de

¹ *George Kennan: ... und der Zar ist weit: Sibirien 1885. Berlin 1975.*

Необходимо выяснить значение этой мобильности в процессе постепенной унификации административной и правовой системы империи во второй половине XIX века и попытаться идентифицировать границы ее воздействия непосредственно на местах. Также следует реконструировать нежелательные динамики развития имперских структур, которые возникли в последние десятилетия существования монархии Романовых под воздействием этой мобильности царских эмиссаров и их чуждости местным условиям. Что для единства империи значило то обстоятельство, что высшие представители имперского центра представляли собой «чиновников в разъездах»?

В первой части статьи главное место занимает анализ ряда центральных структурных элементов государственного административного аппарата на окраинах империи. При этом в первую очередь внимание уделяется ротации имперских чиновников и следствиям этой ротации в постреформенную эпоху. Для того, чтобы продемонстрировать, как эта общеимперская система управления посредством эмиссаров функционировала в конкретно взятом месте, а также какой свободой действий и полномочиями в локальном контексте обладали представители имперского центра, во второй части статьи в качестве примера приводится имперская администрация Царства Польского. Напряженные отношения между центральными институтами и «висленскими» бюрократами подлежат здесь такому же рассмотрению, как и внутренние структуры системы мобильного управления польских провинций. В третьей части статьи производится разбор некоторых эффектов воздействия «чиновничьей карусели» на представления и ментальные миры «царевых слуг» в конце XIX – начале XX столетия. Иными словами, речь пойдет об обратном влиянии структур имперской чиновничьей мобильности на представления современников о пространствах и собственно империи. Принципиальным намерением автора является попытка, представить историю имперских административных структур поздней Российской империи как историю переплетения, движения и циркуляции коммуникаций, представлений и практик. Тем самым она будет помещена в новый общеимперский сравнительный контекст².

Имперское господство на периферии: к вопросу о ротации чиновников в Российской империи

Российская империя представляла собой сложное мультиконфессиональное и мультиэтническое государственное образование, характеризовавшееся чрезвычайно высокой гетерогенностью. Неизгладимый отпечаток на империю наложили значительная региональная специфика в структурах государственного устройства, существование параллельных правовых систем, разница в уровне развития территорий, а также масштабные культурные и социальные дивергенции различных групп населения. Все это во многом обуславливалось тем, как традиционно осуществлялось расширение романовской империи: вновь присоединенные территории и проживавшие на них люди включались в состав империи как отдельные административные единицы со своим собственным сводом правил. Вплоть до Великих реформ 1860-х гг. Российская империя напоминала лоскутное одеяло, прочность которого гарантировалась сохранением местных сословных иерархий, а также региональных подсистем управления и права. В таком государственном устройстве имперская бю-

² Таким образом, статья следует подходам, выработанным в рамках *new imperial history*. См. наиболее важные методологические публикации на эту тему: Catherine Hall [Hrsg.]: *Cultures of Empire. Colonizers in Britain and the Empire in the 19th and 20th Centuries*. New York 2000; *Catherine Hall: Civilising Subjects. Metropole and Colony in the English Imagination, 1830–1867*. Cambridge 2002; Ann Laura Stoler/ Frederick Cooper [Hrsg.]: *Tensions of Empire. Colonial Cultures in a Bourgeois World*. Berkeley 1997. Новые транснациональные и трансимперские перспективы изучения обсуждаются в том числе здесь: *Jörn Leonhard / Ulrike von Hirschhausen: Empires und Nationalstaaten im 19. Jahrhundert*. Göttingen 2009; *Jörn Leonhard / Ulrike von Hirschhausen: Beyond Rise, Decline and Fall. Comparing Multi-Ethnic Empires in the long Nineteenth Century*. In: *Jörn Leonhard/ Ulrike von Hirschhausen [Hrsg.]: Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century*. Göttingen 2011; *Dominic Lieven: Empire: The Russian Empire and its Rivals*. New Haven 2002; *Dominic Lieven: Empires on Europe's Periphery: Russian and Western Comparison*. In: Alexei Miller/ Alfred J. Rieber [Hrsg.]: *Imperial Rule*. Budapest 2004, P. 133–149.

рократия присутствовала лишь рудиментарно, за исключением военного контроля за периферийными территориями. Здесь центральную роль играли те бюрократы, которые были посланы на периферию из Санкт-Петербурга. Но в первую очередь управление окраинными провинциями осуществлялось местными элитами, которые становились «царевыми слугами» за счет включения в российское дворянское сословие³.

Эта «домодерновая» структура управления империей подверглась трансформации во второй половине XIX века⁴. Свою роль здесь сыграли главным образом государственные устремления Великих реформ 1864–1871 гг., направленные на централизацию и модернизацию страны и стремившиеся более тесной «привязать» провинции к метрополии, а также унифицировать административную систему и юстицию в империи в целом. Образцом для амбициозных реформ Александра II послужило централизованное государство Наполеона III. Целью реформ было объявлено создание единого правового и управленческого пространства. В результате форсированный процесс унификации самобытных периферийных административных и правовых систем зачастую вызывал ожесточенное сопротивление местных элит. В течение следующих лет последние предпринимали попытки защитить свои «прирожденные» права, в результате между ними и центральной властью, которая в свою очередь за счет централизации и русификации все больше ставила под вопрос автономию окраин, развился сильный антагонизм⁵.

Однако и в постреформенное время практика направления чиновников из центра в провинцию, а также их циркуляции по многочисленным периферийным местам службы не утратила для царской бюрократии своего значения. Перманентная ротация, эта неотъемлемая черта «домодерновой» системы государственного управления, оставалась действующим принципом для различных административных сфер вплоть до конца Российской империи. Шла ли речь об управлении губернией, городом или местной системой образования: назначенные Санкт-Петербургом чиновники появлялись извне и, как правило, ненадолго занимали предназначенное им место. Повторюсь, это было общим правилом как для генерал-губернаторов и губернаторов, так и для кураторов народного образования и командующих военных округов. Царский аппарат управления представлял собой большую ротационную машину, которая осуществляла циркуляцию чиновников на кругах карьеры в имперских провинциях. Мобильность бюрократов характеризовалась в первую очередь многолетними разъездами по окраинным и внутренним территориям империи, и только в качестве венца удачной карьеры чиновник мог надеяться оказаться в Санкт-Петербурге и занять свое место в этом сосредоточении имперской власти. Таким образом, геронтократическая логика оказывала неумолимое воздействие на карьеры российских чиновников со всеми вытекающими последствиями для центральных институтов власти:

³ См. например: *Jörg Baberowski*: Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und der Sowjetunion. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1999/47. 3. S. 482–503; *Andreas Kappeler*: Nationsbildung und Nationalbewegungen im Russländischen Reich. In: *Archiv für Sozialgeschichte*, 2000/40, S. 67–90; *Andreas Kappeler*: Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München 1992. S. 134–138.

⁴ Более подробно см. об этом: *Jörn Happel/ Malte Rolf*: Die Durchlässigkeit der Grenze: Einleitende Überlegungen zu Grenzgängern und ihren Lebenswelten in der späten Habsburger- und Romanow-Monarchie. In: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 2011/59. 5. S. 397–404.

⁵ См. об этом также у Йорга Баберовски: *Baberowski, Jorg*: Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und der Sowjetunion, в первую очередь S. 489–490; *Dietrich Beyrau*: Liberaler Adel und Reformbürokratie im Rußland Alexanders II. In: Dieter Langewiesche [Hrsg.]: *Liberalismus im 19. Jh.* Göttingen 1988, S. 499–514; *W. Bruce Lincoln*: The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb 1990, v.a. S. 36–60; *Malte Rolf*: Russifizierung, Depolonisierung oder innerer Staatsaufbau? Konzepte imperialer Herrschaft im Königreich Polen (1863–1915). In: Zaur Gasimov [Hrsg.]: *Kampf um Wort und Schrift: Russifizierung in Osteuropa im 19–20. Jahrhundert.* Göttingen, 2012. P. 51–88; *Dov Yaroshevski*: *Empire and Citizenship.* In: Daniel R. Brower/ Edward J. Lazzerini [Hrsg.]: *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917.* Bloomington, 1997. S. 58–79.

так, в 1904 г. средний возраст российских министров составлял 62 года, а возраст членов Госсовета – даже свыше 69 лет⁶.

Эта система циркуляции имела множество, частично непреднамеренных, последствий. В первую очередь стоит указать на функцию репрезентации, которую имперские чиновники выполняли в локальном контексте. Мобильные эмиссары центральной власти на местах, где они временно отправляли ту или иную должность, представляли империю не только в абстрактном смысле. Напротив, они персонифицировали ее весьма конкретно. Ведь как иначе, если не в образе этих чиновников и офицеров, зримо перешагивавших через пространства, империя включала в свою орбиту множество разрозненных местных сообществ? Это обстоятельство, безусловно, было обусловлено институциональной слабостью имперского правительства в Санкт-Петербурге. Империя оказалась не в состоянии, укоренить на местах структуры, действовавшие в надрегиональном контексте: все ограничивалось различными формами репрезентации монаршей власти, некоторыми институтами, такими как армия или налоговые органы, от случая к случаю – линией железной дороги, парой жандармов, рассеянных по огромной территории или чиновником, ведущим учет населения. Все это, однако, не должно вводить в заблуждение: периферия в царской империи была слишком слабо связана с метрополией. Очевидная слабость государственных структур приводила к тому, что пространство свободы местных акторов имперской администрации было весьма значительным. Что касается имперских окраин, то это были в первую очередь генерал-губернаторы и губернаторы, которые в качестве самых могущественных здешних чиновников имели решающее влияние на местную политику⁷.

Принцип ротации бюрократии регулярно поставлял на места, зачастую с короткими промежутками, новых управленцев, представлявших имперскую власть. Так, (генерал-)губернаторы лишь в редких случаях оставались в той или иной провинции дольше, чем на три года. Это только укрепляло чуждость государственных чиновников высшего звена местным условиям. Они были «варягами», чиновниками, посланными Санкт-Петербургом, не располагавшими какими-либо связями с «туземными» обществами. В течение их короткой службы на периферии эта отчужденность, как правило, оставалась непреодоленной. Тем самым, вольно или невольно, был внесен значительный вклад в то, что империя также рассматривалась как нечто внешнее, в той же мере транслокальное, как и экстралокальное явление. Империя в образе своего мобильного бюрократа приходила извне, оставалась чужой и мало считалась с местными условиями⁸.

Ротация пришлых чиновников в окраинных провинциях также приводила к тому, что периферия все больше подвергалась трансформации под внешним воздействием. Здесь было слишком мало устоявшихся структур коммуникации между властью и обществом. Зато «чиновники в разъездах» привозили с собой с предыдущего места работы на новое свое восприятие проблем и способы их решения. Так, неоднократно отмечалось, что неко-

⁶ *Dominic Lieven*: *Russia's Rulers Under the Old Regime*. New Haven, 1989. S. 147; *Stephen M. Norris/ Willard Sunderland*: Introduction. *Russia's People of Empire*. In: Stephen M. Norris/ Willard Sunderland [Hrsg.]: *Russia's People of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present*. Bloomington 2012; *Willard Sunderland*: *The Emperor's Men at the Empire's Edges*. In: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004/5. 3. P. 515–525; см. в целом: John Randolph/ Eugene M. Avrutin [Hrsg.]: *Russia in Motion. Cultures of Human Mobility since 1850*. Champaign/Ill. 2012. Ряд новых исследований подтвердил важность образчиков такой мобильности для других великих империй. См. например: *Tony Ballantyne/ Antoinette Burton* [Hrsg.]: *Moving Subjects: Gender, Mobility and Intimacy in an Age of Global Empire*. Champaign/Ill. 2009; *Simon Schaffer/ Lissa Roberts/ Kapil Raj/ James Delbourgo* [Hrsg.]: *The Brokered World: Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820*. Sagamore Beach 2009.

⁷ См. в том числе: *Jörg Baberowski*: *Vertrauen durch Anwesenheit. Vormoderne Herrschaft im späten Zarenreich*. In: *Jörg Baberowski/ David Feest/ Christoph Gumb* [Hrsg.]: *Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich*. Frankfurt/Main 2008. S. 17–37; *Sunderland*: *The Emperor's Men at the Empire's Edges*; *Stephen Velychenko*: *Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands?* In: *Russian Review*, 1995/54. 2. S. 188–208.

⁸ См.: *Richard G. Robbins*: *The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Ithaca 1987, в первую очередь главы 2 и 3.

торые имперские бюрократы, занимавшие государственные посты в Царстве Польском и знакомые не понаслышке с польско-русскими конфликтами, становились активными проводниками политики русификации в других окраинных регионах империи, таких как северо-западные области или балтийские провинции. «Польский опыт» этих царских сановников приводил к тому, что они привозили с собой на следующее место службы категории и практики, сформированные под воздействием соответствующего контекста, с его специфической историей, насыщенной конфликтами⁹.

Принцип ротации произвел целую плеяду «экспертов по периферии», использование которых на других окраинах империи казалось центральным инстанциям логичным. Подчеркнем – имела место мобильность не только самих акторов, вместе с ними в имперском пространстве перемещались их представления о проблемах и опциях решения этих проблем. То, что к началу XX века все конфликты на окраинах империи выглядели в определенной мере сопоставимыми друг с другом, объясняется также имперскими биографиями царских бюрократов¹⁰.

Некоторые из них декларировали свое особое видение проблем в рамках дебатов об устройстве империи, ссылаясь при этом на свой многолетний опыт службы в различных регионах. Отчасти они делали это во внутренней переписке с конкурирующими силовыми министерствами в Санкт-Петербурге, отчасти это проявилось в результате их живого участия в публичных дискуссиях вокруг обустройства империи. Некоторые из этих самопровозглашенных «экспертов по периферии» не сочли трудом взять на себя освещение национального вопроса на имперских окраинах, и в целом выступали против автономистских требований местной общественности. Имперские бюрократы такого рода, претендующие

⁹ В качестве примера здесь можно привести ученых и чиновников министерства народного просвещения Н. А. Лавровского и А. С. Будиловича. Лавровский после своей деятельности в качестве ректора Варшавского университета (1883–1890) являлся куратором Рижского учебного округа (1890–1899). А. С. Будилович поднялся с должности декана исторического факультета Варшавского университета (1890) до ректора Юрьевского (Дерптского) университета. Оба они выступали за масштабную русификацию, в том числе в Прибалтике, ссылаясь при этом все снова и снова на свой «варшавский» опыт. См. *Будилович А. С. Памяти Н. А. Лавровского*. Юрьев, 1899; *Гром К. А. Поминки по профессору И. И. Перфольф // Варшавские университетские известия*. 1892. № 3. С. 1–34; *Гром К. А. Н. А. Лавровский (некролог)*. СПб, 1900; *Гром К. А. Братья П. А. и Н. А. Лавровские как деятели науки и просвещения*. Ленинград, 1927; *Иванов Н. И. Педагогические труды Н. А. Лавровского. Посвящается его памяти*. Юрьев, 1900. Об этих двух мобильных имперских деятелях см. Также: *Michael H. Haltzel: Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Russlands. Ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855-1905*. Marburg 1977. S. 130f; *Edward C. Thaden: The Russian Government*. In: Edward C. Thaden [Hrsg.]: *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914*. Princeton, 1981. S. 15–110, здесь S. 71–74; а также: *Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen und das Russische Imperium (1864–1915)*. München, 2014.

¹⁰ Исследовательский проект, разработанный Тимом Бухеном (Tim Buchen) и автором настоящей статьи, посвящен феномену имперских биографий, а также динамикам развития, источником которых были имперские бюрократы. См.: *Malte Rolf/ Tim Buchen [Hrsg.]: Imperiale Biographien in Vielvölkerreichen. Elitekarrieren im Britischen, Deutschen, Habsburger, Osmanischen und Russischen Reich (1850–1918)*. Göttingen 2014 (Themenheft Geschichte und Gesellschaft); *Tim Buchen/ Malte Rolf [Hrsg.]: Imperiale Biographien: Lebensläufe, Karrieremuster und Selbstbilder der Reichseliten in der Romanow- und der Habsburger Monarchie*. Köln 2014. Давид Ламберт продемонстрировал, как протекали такого рода процессы в Британской империи на основании ряда биографий британских губернаторов. См.: *David Lambert/ Alan Lester: Introduction. Imperial Spaces, Imperial Subjects*. In: David Lambert/ Alan Lester [Hrsg.]: *Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006. S. 1–31; см. Также следующие статьи: *Laurence Brown: Inter-colonial migration and the refashioning of indentured labour: Arthur Gordon in Trinidad, Mauritius and Fiji (1866–1880)*. In: David Lambert/ Alan Lester [Hrsg.]: *Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006. S. 204–227; *Philip Howell/ David Lambert: Sir John Pope Hennessy and colonial government: humanitarianism and the translation of slavery in the imperial network*. In: David Lambert/ Alan Lester [Hrsg.]: *Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006. S. 228–256; *Zol Laidlaw: Richard Bourke: Irish liberalism tempered by empire*. In: David Lambert/ Alan Lester [Hrsg.]: *Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006. S. 113–144.

на право экспертизы, совмещали свои должностные функции с публицистикой, стремясь преподнести себя в качестве знатоков насущных вопросов имперской реформы и, в первую очередь, реализации политики царизма в пограничных областях. В итоге в горячих дебатах, которые российская общественность вела на рубеже веков о государственном устройстве империи, они стали обладать весомым голосом¹¹.

Итак, в качестве основополагающих принципов имперского господства в империи Романовых можно идентифицировать ротацию «мобильных» бюрократов и их чуждость в отношении местных сообществ. Данные принципы оказывали существенное влияние на периферийные пространства, подведомственные этим имперским акторам и служившие сценой для их выступления. Ниже речь пойдет о том, чтобы на конкретном примере Царства Польского показать внутренние структуры царской администрации приграничного региона, а также осветить полномочия и степень влияния петербургских эmissаров. В случае с «конгрессовой Польшей» также станет очевидным, насколько сильно характеризовались напряжением и спором компетенций взаимоотношения между имперскими институтами, сосредоточенными в столичном центре, и мобильными бюрократами провинциальной администрации.

Сила и бессилие генерал-губернаторов: царская администрация Польши в 1864-1915 гг.

Десять польских провинций выступают ниже в качестве квинтэссенции многочисленных окраин царской империи. И все же как Конгрессовая Польша, так и откомандированные сюда чиновники отличались особым статусом. Чтобы внести ясность, необходимо совершить короткий экскурс в историю имперского господства Санкт-Петербурга над большей частью польско-литовской «дворянской республики». В результате разделов 1772, 1793 и 1795 Екатерина II поначалу добилась включения в состав Российской империи большей части польской территории¹². После победы над Наполеоном Александру I не только удалось получить на Венском конгрессе международное признание этих территориальных «приращений». Наряду с этим он добился провозглашения формально независимого, однако связанного персональной унией с царским тронном Царства Польского, охватывавшего земли герцогства Варшавского, созданного Наполеоном в 1807 г. Эта «Конгрессовая Польша» вначале управлялась практически автономно, имея собственную конституцию, парламент, правительство, бюрократию и армию¹³. Но после польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. Петербург лишил ее всех особых прав и форсировал военно-административное овладение беспокойной страной. Бывшее «королевство» должно было быть теперь превращено в обычную, прочно интегрированную имперскую провинцию. Этот коренной перелом отразился даже в официальном названии: начиная с 1864 г.,

¹¹ См. в том числе: Будилович А. С. Вопрос об окраинах России в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства. СПб, 1906. См. также памятную записку В. И. Гурко, сына Варшавского генерал-губернатора И. В. Гурко (занимал эту должность в 1883–1894): Очерки Привислинья. М., 1897. Записка была опубликована под псевдонимом В.Р.

¹² О разделах Польши см.: Michael G. Müller: Die Teilungen Polens 1772, 1793, 1795. München 1984; Michael G. Müller: Hegemonialpolitik und imperiale Expansion: Die Teilungen Polens. In: Eckhard Hübner/ Jan Kusber/ Peter Nitsche [Hrsg.]: Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus - Aufklärung - Pragmatismus. Köln 1998. S. 397–410; Klaus Zernack: Negative Polenpolitik als Grundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtepolitik des 18. Jh.s. In: Uwe Liskowski [Hrsg.]: Rußland und Deutschland. Festschrift für Georg von Rauch. Stuttgart 1974. Восточные территории Польши, отошедшие к России в результате разделов 1772–1795 гг., рассматривались Санкт-Петербургом как «исконно русские» земли, чье объединение с Россией наконец-то свершилось. В качестве «северо-западных» или «юго-западных» губерний их намного раньше и гораздо сильнее адаптировали к внутрирусским управленческим реалиям. Более подробно об этих областях см.: Theodore R. Weeks: Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb 1996, в первую очередь главу 4.

¹³ См.: Jarosław Czuby: Księstwo Warszawskie (1807–1815). Warszawa 2011; Ekkehard Völkl: Zar Alexander I. und die "polnische Frage". In: Saeculum, 1973/24. S. 112–132; W. H. Zawadzki: Russia and the Re-opening of the Polish Question, 1801–1814. In: The International History Review, 1985/7. 1. S. 19–44.

территория официально называлась Привисленский край. Царские органы власти избегали любого упоминания самостоятельной польской государственной традиции¹⁴.

После январского восстания 1863–1864 гг. польские провинции также управлялись царской администрацией, назначавшейся из Санкт-Петербурга¹⁵. Вес петербургских эмиссаров на западной периферии империи был весьма значительным, особенно если учесть, что они заполняли не только верхние ступени государственного управления, но также доминировали в полицейском аппарате, органах муниципальной администрации и образования¹⁶, а также контролировали страну в военном отношении¹⁷. Напротив, органы сельского и городского самоуправления, которые были учреждены в ходе «Великих реформ» во внутрироссийских губерниях, не были разрешены в Привисленском крае. «Конгрессовая Польша» со своим административным центром, Варшавой, оказалась после 1864 г. в подчинении у пришлого чиновничества, импортированного из центра империи и, как правило, русского по национальности и православного по вере. Военное и административное умиротворение десяти польских губерний выглядело, таким образом, из перспективы петербургской метрополии, чрезвычайно успешным. Учитывая стабильность царского диктата над Польшей, продлившегося после 1864 г. еще свыше половины столетия, потрясения, которые принесла с собой революция 1905 г., можно трактовать как временное волнение. Лишь с утратой Царства Польского в результате военных поражений 1915 г. российскому господству в Привисленском крае пришел конец.

Ниже мы обратим систематическое внимание на управленческие структуры, введенные после 1864 г. и просуществовавшие до 1915 г., а также на имперских «мобильных» чиновников, населявших их. Центральной фигурой имперской администрации в Польше был, начиная с 1864 г., наместник. Наместник назначался непосредственно императором и был в своих действиях подотчетен только ему. Резиденция наместника располагалась в Варшаве, он располагал собственной канцелярией, его власть распространялась на десять польских губерний. Одновременно наместник занимал должность верховного главнокомандующего вооруженных сил Варшавского военного округа и был наделен на время войны и чрезвычайного положения значительными особыми полномочиями¹⁸. Так, в це-

¹⁴ Тем не менее, сами правительственные учреждения продолжали использовать название «Царство Польское». Привисленский край и Царство Польское используются ниже как синонимы. Привисленский край включал в себя 10 губерний: Калишскую, Келецкую, Ломжинскую, Люблинскую, Петроковскую, Плоцкую, Радомскую, Седлецкую, Сувалкскую и Варшавскую.

¹⁵ См.: *Jukasz Chimiak: Gubernatorzy rosyjscy w Krylestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego.* Wrocław 1999. S. 70–87; *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 157–185; *Malte Rolf: Russifizierung, Depolonisierung oder innerer Staatsaufbau? Konzepte imperialer Herrschaft im Königreich Polen (1863–1915); Katya Vladimirov: The World of Provincial Bureaucracy in Late 19th and 20th Century Russian Poland.* Lewiston 2004, S. 54–61 и S. 107–112; *Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen und das Russische Imperium (1864–1915).*

¹⁶ *Jyżef Miłzso: Szkolnictwo zawodowe w Krylestwie Polskim w latach 1815–1915.* Wrocław, 1966; *Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im städtischen Raum. Zarische Beamte und urbane Öffentlichkeit in Warschau (1870–1914).* In: *Bianka Pietrow-Ennker [Hrsg.]: Russlands imperiale Macht. Integrationsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive.* Kulln, 2012, S. 123–153; *Malte Rolf: “Approved by the censor”: Tsarist censorship and the public sphere in Imperial Russia and the Kingdom of Poland (1860–1914).* In: *Jan Claas Behrends/ Thomas Lindenberger [Hrsg.]: Underground Publishing and the Public Sphere. Comparative and Transnational Perspectives.* Palgrave 2014; *Leonard Szymanski: Zarys polityki caratu wobec szkolnictwa ogylnoksztaicNecego w Krylestwie Polskim w latach 1815–1915.* Wrocław, 1983.

¹⁷ См.: *Werner Benecke: Militär, Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland 1874–1914.* Paderborn 2006, Kap. 4.1; *Dietrich Beyrau: Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland.* Köln, 1984, S. 238–249; *Malte Rolf: Revolution, Repression und Reform: 1905 im Königreich Polen.* In: *Lilia Antipow/ Matthias Stadelmann [Hrsg.]: Schlüsseljahre. Zentrale Konstellationen der mittel- und osteuropäischen Geschichte.* Festschrift für Helmut Altrichter zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 2011. S. 219–232.

¹⁸ В качестве верховного главнокомандующего Варшавского военного округа в подчинении наместника, а позднее генерал-губернатора находилось около 240 тыс. солдат, только в одной Варшаве размещалось после 1900 г. более 40 тыс. солдат. Иногда это число достигало даже 65 тыс. С показателем 43 солдата на 1 тыс. жителей Варшавский военный округ имел самую высокую плотность войск во всей империи. См. об этом:

лях обеспечения государственной и общественной безопасности наместник мог издавать обязательные постановления. Нарушение этих постановлений каралось наместником в административном порядке. Кроме того, наместник имел право, в случаях, которые он расценивал как угрозу государственному порядку, отдавать виновных под военный суд¹⁹.

После смерти генерал-фельдмаршала Берга в январе 1874 г. пост наместника не был занят, и большинство его полномочий были переданы генерал-губернатору²⁰. Но это понижение статуса первого лица Привисленского края мало что изменило в общем устройстве административной структуры Польши. Варшавский генерал-губернатор по-прежнему оставался главным чиновником имперской системы управления и самой влиятельной инстанцией, если речь шла о конкретном претворении в жизнь имперской политики. Он также напрямую назначался императором и был в своих делах подотчетен только ему²¹.

Это не значит, что полнота власти местных правителей была безграничной и неоспоримой. Как ранее наместник, так и Варшавский генерал-губернатор был обязан контактировать с чиновниками межминистерского Комитета по делам Царства Польского. В состав этого комитета, кроме генерал-губернатора, входил министр внутренних дел, военный министр, министр образования и министр финансов. Инстанция была вызвана к жизни указом императора от 25 февраля 1864 г. с целью гарантировать, что различные министерства будут проводить в польских провинциях единую политику²². Как это часто бывало в поликратической имперской государственной машине, Комитет превратился в «площадку», на которой сталкивались конкурировавшие ведомственные интересы, а проблемы решались крайне долго. Комитет предлагал свои решения на одобрение царю, однако в многочисленных конфликтных ситуациях вокруг обсуждавшихся проектов реформ, законов и процедурных вопросов, как правило, возвращал документы тому или иному министерству для «дальнейшей доработки»²³.

Как наместник, так и генерал-губернатор были обязаны поддерживать регулярный контакт с Комитетом, поскольку даже сам царь зачастую отправлял ему «для дальнейшего обсуждения» те предложения варшавских бюрократов, которые адресовались непосред-

Benecke: Militär, Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland 1874–1914, S. 63 и S. 66–68. См. также: *Christoph Gumb*: Die Festung. Repräsentationen von Herrschaft und die Präsenz der Gewalt, Warschau (1904–1906). In: Jörg Baberowski/ David Feest/ Christoph Gumb [Hrsg.]: Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich. Frankfurt/Main, 2008. S. 271–302; *Гумб К.* Угрожать и наказывать: Русская армия в Варшаве в 1904–1906 гг. // *Ab Imperio*, 2008. № 3. С. 157–194.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 254. Д. 1, Л. 1–12 [Обозрение мер Правительства, принятых по Царству Польскому после 1863 года. Отчет МВД, 1880]. См. также: Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел. Том 1, Варшава, 1866; Сборник циркуляров военно-полицейского управления в Царстве Польском 1863–1866 годов. Варшава, 1867. Также см.: *Блинов И. А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб, 1905, прежде всего С. 238–245; *Истомин В. А.* Военное положение в Царстве Польском во время мятежа 1863 года и его последовательные изменения. М., 1903, С. 15. См. также: *Malte Rolf*: A Continuum of Crisis? The Kingdom of Poland in the Shadow of Revolution (1905–1915). In: Frank Grüner/ Raphael Utz/ Felicitas Fischer v. Weikersthal [Hrsg.]: Rethinking the Russian Revolution of 1905. Transcultural Perspectives. Bloomington, 2014.

²⁰ ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 97, Л. 30–45 (письмо канцелярии Варшавского генерал-губернатора Черткова министру внутренних дел Плеве).

²¹ Отчеты генерал-губернатора о положении «вверенной» ему провинции («Всепопданнейшие отчеты» или «Всепопданнейшие записки») представляют собой объемное изложение политического, экономического или культурного положения в Привисленском крае и его губерниях. Их дополняло всегда приложение со статистическими данными (обзор). Кроме того, генерал-губернатор и его канцелярия регулярно готовили так называемые «справки» по отдельным вопросам, с которыми петербургский центр обращался к варшавским чиновникам. Отчеты с приложениями практически без изъятий находятся в библиотеке (читальный зал) РГИА, оп. 1.

²² О деятельности комитета см. объемные дела, хранящиеся в РГИА, ф. 1270, оп. 1 [Комитет по делам Царства Польского]. См. также: Новодворский В. Царство Польское // Энциклопедический словарь под редакцией Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб, 1903. Т. 37; *Рейнке Н. М.* Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881 г.). СПб. 1902. С. 116–117.

²³ ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 72–75об. (Постановления Комитета по делам Царства Польского, 12 марта 1881).

ственно ему. В первую очередь это касалось масштабных проектов реформ, затрагивавших интересы целого ряда министерств²⁴. Конфликты между представителями центрального правительства и местной администрацией были, таким образом, запрограммированы заранее и, соответственно, многочисленными. Тем не менее Варшавскому генерал-губернатору как правило удавалось удерживать влияние центральных министерств в деле решения местных «польских» проблем в определенных границах²⁵. В бесконечном торге вокруг властных полномочий внутри административного аппарата, сильные генерал-губернаторы были, по меньшей мере, в состоянии добиться значительной свободы в деле принятия решений по поводу «их» провинций.

Вызывает удивление, но абсолютная прерогатива принятий решений, принадлежавшая самодержавию, мало что могла здесь изменить. Без всякого сомнения, монарх был высшей инстанцией. Своими указами и своей монаршей волей он определял направленность политики в Привисленском крае. Царь лично направлял генерал-губернаторов и губернаторов в Польшу, ему адресовались их ежегодные отчеты, ему докладывали ревизоры, отправленные для контроля за местной бюрократией²⁶. И все же в случае с императором, как и в случае с межминистерским комитетом, трудно говорить о последовательной «польской» политике. Тот в целом лабирующий, реактивный характер, который отличал имперское господство в Царстве Польском, базировался в тоже время на факте, что монарх и его ближайшие советники так и не выработали концепции обращения с имперской провинцией. Ситуация не изменилась вплоть до Первой мировой войны.

С полным правом следует подчеркнуть, что отсутствие такого рода концепции было главной чертой имперского господства в многонациональном государстве. Господствующие государственные резоны не носили на себе отпечатка идеи интервенционистского государства²⁷. Определенные элементы устаревшего подхода, согласно которому завоеванные окраины инкорпорировались в империю, сохраняя свое национальное и правовое своеобразие, не утратили своего значения также в ходе модернизации, предпринятой царским режимом после 1860 г. Даже административно-правовая унификация империи, к которой стремился Александр II и гомогенизация, его преемники пытались осуществить на окраинах, во многом оставались непоследовательными. Те мероприятия, которые воспринимались поляками, прибалтийскими немцами или финнами как скоординированная политика русификации, оставались отдельными мероприятиями на уровне административной, правовой и образовательной систем. Что же касается последовательной национальной политики, которая трактовала бы себя саму как форму социального инжиниринга (*social engineering*), то имперские бюрократы даже не помышляли о ней. Исходя из этого, не вызывает удивления, что мероприятия поселенческой политики оставались в таком же зачаточном состоянии, как и рефлексия на тему, можно ли использовать в качестве рычага управления многонациональной империей нацеленное управление экономикой. Напротив, для «национальной политики» образца *avant la lettre* было характерным реактивное обра-

²⁴ ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–43 (Отчет Варшавского генерал-губернатора Альбединского Александру II, 27 декабря 1880); ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 45–75 об. (Письмо председателя Комитета по делам Царства Польского Михаила Горлова Варшавскому генерал-губернатору Альбединскому, 12 марта 1881).

²⁵ Так, Варшавский генерал-губернатор Скалон одержал верх над министром внутренних дел Дурново в дискуссии о порядке выборов в Польшу в первую Государственную Думу. См.: РГИА. Ф. 1327 (1905–1915 гг.). Оп. 2. Д. 21. Л. 122–125 (Отчет Варшавского генерал-губернатора Скалона, 22 марта 1906).

²⁶ О том, что император регулярно читал годовые отчеты генерал-губернатора, свидетельствуют многочисленные заметки на полях, оставленные его рукой. Эти заметки тщательно обсуждались Комитетом по делам Царства Польского или также Комитетом министров и документировались в так называемых справках. См. например: ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 43а–43г (Заметки императора к отчету Варшавского генерал-губернатора Альбединского, 6 января 1881).

²⁷ Под интервенционизмом подразумевается готовность государства, вмешиваться в частную экономику или общественные процессы политическими методами (прим. переводчика).

щение с острыми вызовами во многих отдельных случаях, связанных с такими разными по уровню развития имперскими окраинами²⁸.

Конкретно это относительное отсутствие концептов у центральных органов власти и самодержавного монарха означало для управленческой практики провинций значительную свободу рук для эмиссаров на местах. Для генерал-губернаторов был характерным домодерновый образ мышления, согласно которому государственные инстанции были обязаны в первую очередь сконцентрироваться на обеспечении общественного «спокойствия и порядка», что в случае с Польшей, кроме всего прочего, означало пресечение любых сепаратистских устремлений. Тем не менее, повседневная управленческая рутинна на местах требовала вмешательства высокопоставленных чиновников во множество обстоятельств. Именно влияние на повседневные практики имперского управления диктовало полноту власти генерал-губернатора. Царь, его министры и «польский комитет» были далеко от Вислы. Генерал-губернатор и его политические предпочтения – вот что в значительной степени определяло сосуществование народов и конфессий в Царстве Польском и регулировало объемы конфликтности внутри польских провинций²⁹.

Стремясь помешать тому, чтобы эта самостоятельность местной бюрократии приобрела характер неподконтрольного самоуправления, Санкт-Петербург использовал проверенные инструменты инспекций и ревизий. В результате центр отправлял особых уполномоченных, задачей которых было «вскрыть» нарушения в провинции. В свою очередь бюрократы на периферии с полным основанием воспринимали эти ревизионные поездки как серьезную угрозу своей карьере и потенциальные пострадавшие развивали бешеную активность, чтобы избежать царской кары³⁰.

То, что Варшавский генерал-губернатор, несмотря на эти инструменты контроля, мог широко использовать свою власть на местах, объясняется в том числе его влиянием на губернаторов польских губерний. Эти десять высокопоставленных чиновников, хотя и были включены в структуру министерства внутренних дел, в своем большинстве были зависимы от генерал-губернатора как от самой важной местной инстанции³¹. Ведь генерал-губернатор обладал решающим влиянием на ротацию чиновников Царства Польского и их назначение на службу в более или менее престижные подразделения³². Траектории чинов-

²⁸ Принципиально по этому вопросу см. Weeks: *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. S. 12–16 und S. 103. В последнее десятилетие XIX столетия тем не менее наметился постепенный переход: с 1890-х годов, под воздействием индустриализации, роста городов (и низших слоев городского населения), а также в результате других вызовов даже имперские чиновники провинциального аппарата все чаще стали демонстрировать интервенционистское самосознание.

²⁹ Этот вывод совпадает с оценками, выказанными в историографии по поводу других окраин Российской империи. См. например в отношении западных областей и Финляндии: *Mikhail Dolbilov: Russian Nationalism and the Nineteenth-Century Policy of Russification in the Russian Empire's Western Region*. In: Kimitaka Matsuzato [Hrsg.]: *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. Sapporo, 2007. 141–158; *Robert Schweitzer: Die "Baltische Parallele": Gemeinsame Konzeption oder zufällige Koinzidenz in der russischen Finnland- und Baltikumspolitik des 19. Jahrhunderts?* In: *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 1984/33 551–576, в первую очередь S. 575–576; *Darius Staliunas: The Pole in the Policy of the Russian Government: Semantics and Praxis in the Mid-Nineteenth Century*. In: *Lithuanian Historical Studies*, 2000/5. S. 45–67; *Darius Staliunas: Between Russification and Divide and Rule: Russian Nationality Policy in the Western Borderlands in the mid-19th Century*. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2007/55. 3. S. 357–373; *Theodore R. Weeks: A National Triangle: Lithuanians, Poles and the Russian Imperial Government*. In: Catherine Evtuhov/ Boris Gasparov/ Alexander Ospovat/ Mark von Hagen [Hrsg.]: *Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire*. Moskau 1997. S. 365–380.

³⁰ Архив главных актов древних (АГАД), Канцелярия генерал-губернатора Варшавы, отметка 9068, карточка 156-156в (Письмо Столыпина Варшавскому генерал-губернатору Скалону, 19 июня 1908); ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 156. Л. 15–15 об., 28 (Письмо Харламова, вице-директора канцелярии Варшавского генерал-губернатора, Варшавскому генерал-губернатору Скалону, 1909–1910).

³¹ Губернаторы составляли собственные годовые отчеты о развитии подопечных территорий, адресованные Санкт-Петербургу, однако Варшавский генерал-губернатор выступал здесь промежуточной инстанцией, которая собирала эти отчеты вместе и направляла в Санкт-Петербург. Подробные отчеты Варшавского губернатора см.: РГИА, библиотека (читальный зал), оп. 1. Д. 9–10, 121–130.

³² ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–12 (Протокол комиссии при Варшавском генерал-губернаторе по переустройству Калишской губернии, 12 мая 1893). Генерал-губернатор был также обязан вмешиваться в де-

ничьих карьер нередко протекали в течение определенного времени внутри административных границ Царства Польского, зачастую генерал-губернаторы обладали значительным влиянием, чтобы поспособствовать продвижению того или иного подчиненного вверх по служебной лестнице или по табели о рангах. Локальная система ротации внутри польских территорий, а также карьерные аппетиты чиновников, ожидавших рекомендации свыше, которая позволила бы им перевестись на службу в другую провинцию империи и, тем самым, получить повышение, наделяли генерал-губернатора значительной властью. Свою роль играл также испытанный принцип абсолютистского двора, который привязывал губернаторов к персоне генерал-губернатора смесью конкуренции, интриг и доносов, обязанности представлять рапорты и отчеты, званными приглашениями по торжественным случаям и личными аудиенциями³³.

Но в остальном именно губернаторы были центральными фигурами для местных органов власти Царства Польского. Варшавский генерал-губернатор отстаивал свою автономию перед Санкт-Петербургом, таким же образом поступали десять провинциальных губернаторов и их канцелярии, стремясь действовать независимо в рамках своих губерний³⁴. Учитываемая значительное влияние, которым тот или иной губернатор обладал в отношении местных интересов, во многом от его личной власти зависело, как на местах будут складываться отношения между царской бюрократией и местным населением. Спектр действующих лиц и бюрократических стилей, которым они отдавали предпочтение, был большим. Он простирался от пресловутых «ненавистников поляков», которые отчасти сознательно искали конфликта с местным обществом, и вплоть до сторонников *modus vivendi*, которые своей толерантностью и поддержкой местных интересов завоевали в регионе добрую славу³⁵.

Таким образом, имперский режим в Царстве Польском был представлен не только сторонниками широкомасштабной русификации. Но и для умеренных представителей царской администрации было само собой разумеющимся то, что польские провинции являются составной частью империи, и они рассматривали самих себя как присланных из Санкт-Петербурга гарантов «спокойствия и порядка» на местах. Еще одной общей чертой, которая их объединяла, было то, что все они были чужаками, присланными извне, которые проводили на местах «командировки» весьма ограниченное время. Чиновники – представители монарха на окраинах – находились в постоянном движении. Интенсивный контакт с коренным населением не был желательным, тем более что его не так-то просто было установить, учитывая внешний характер и короткое время пребывания «слуг государевых». Высшие должностные лица царской администрации как мобильные актеры оставались чуждыми представителями далекого царя и петербургской метрополии.

В этом контексте снова возникает спор о том, допустимо ли описывать царское господство в польских провинциях как колониальную властную структуру. Как бы однозначно имперские чиновники не выступали на местах в качестве чуждых господ и не воспринимались именно таковыми, тем не менее эта терминология ведет нас в случае с Царством Польским к заблуждению. При всей критике, которую современная историография выска-

тальные вопросы местной кадровой политики. АГАД, Канцелярия генерал-губернатора Варшавы, отметка 6399, карточка 1 (Письмо Плоцкого губернатора Варшавскому генерал-губернатору Скалону, 4 января 1913).

³³ См.: *Chimiak: Gubernatorzy rosyjscy w Krylestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego*, S. 276–279. Это же утверждение верно в отношении местных варшавских чиновников. См.: описание приема у генерал-губернатора в дневнике Аполлона Бенкевича, помощника государственного прокурора Варшавского окружного суда (ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 371. Л. 3, 1 января 1907).

³⁴ В Царстве Польском также имелись примеры раздутаго самовластия губернаторов, вызывавшие контрмеры со стороны МВД. Так, министерство запретило в 1891 г. губернаторам, проводить по собственной инициативе сбор пожертвований, давать новые названия или проводить переименования, а также производить несанкционированные награждения. АГАД, Канцелярия генерал-губернатора Варшавы, отметка 7160, карточка 1-2в (Циркуляр Министерства внутренних дел всем губернаторам, 10 апреля 1891); АГАД, Канцелярия генерал-губернатора Варшавы, отметка 7160, карточка 1–14 (Материалы по учреждению стипендии от имени барона фон Корфа для учащихся мужской Ломжинской гимназии, 1907–1908).

³⁵ См. об этом: *Chimiak: Gubernatorzy rosyjscy w Krylestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego*. S. 229–265.

зывает в адрес строгой дихотомии метрополии и провинции, термин «колония» по-прежнему служит для описания заморских владений европейских империй. И даже если в случае с «Привисленским краем» доминирование властного аппарата или выделение имперской административной элиты в качестве господствующей группы указывают в «колониальном» направлении, тем не менее существуют весомые аргументы против употребления этой терминологии. Так, колониальный нарратив не являлся важной величиной в самоописании имперских акторов романовской монархии. И хотя Российская империя *de facto* представляла собой множество территорий со своим особым правовым статусом, притязания самодержца на абсолютизм и на полное включение этих территорий в империю противоречило самой возможности существования поступенчатой зависимости областей, находящихся под протекторатом. Для самодержавия все территории империи были в равной мере подчинены властителю³⁶. Эта концепция имперской интеграции имела далеко идущие последствия для проникновения государства на периферию. И какими бы слабыми из-за дефицита ресурсов и персонала не были административные структуры, притязания центра на единство империи как государственного объединения были бесспорными. Самое позднее со времени Великих реформ Санкт-Петербург задался целью, ликвидировать особый статус провинций и требовал повсеместной стандартизации управления и права. Этот проект унификации распространялся также на Царство Польское и наглядно демонстрировал, что в случае с Привисленским краем с точки зрения центра речь идет об имперской провинции, но ни в коем случае пусть о зависимой, тем не менее, иностранной территории.

Не в последнюю очередь против применения термина «колония» в отношении польских территорий, вошедших в состав империи, говорит также то обстоятельство, что отношения доминирования метрополии в отношении провинции во многих областях оставались неясными. Если военная гегемония Петербурга, которая обеспечивалась армией, была несомненной, то в экономической и культурной областях зачастую все выглядело, даже с точки зрения имперских чиновников, наоборот. Это также объясняет, почему применительно к польским провинциям проблематично говорить о некоей цивилизационной миссии, свойственной европейскому империализму, не говоря уже о том, чтобы убедить в этом широкую публику. Все попытки русского империализма, заявить о некоей *mission civilisatrice* на западной периферии были вынуждены конкурировать со встречным антагонистическим проектом польской стороны, сила которого была следствием не только долгой традиции, но также и тоски по европейским ценностям.³⁷

³⁶ На отсутствие «колониального» дискурса в Российской империи указывают Андреас Каппелер и Виллард Зундерланд. См.: *Kappeler: Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall*, S. 138; *Willard Sunderland: Empire Without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia*. In: *Ab Imperio*, 2000/2. S. 101–114. Призыв, серьезно воспринимать «язык самоописания» империи и имперских акторов, см.: П'я В. Gerasimov/ Sergej V. Glebov/ Aleksandr P. Kaplunovskij/ Marina B. Mogil'ner/ Aleksandr M. Semyonov: In Search of New Imperial History. In: *Ab Imperio*, 2005/1. S. 33–56; *Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М.* Язык и самоописания империи как исследовательская проблема и политическая дилемма // *Ab Imperio*, 2005. № 1. С. 1–12; *Ilya Gerasimov/ Sergey Glebov/ Jan Kusber/ Marina Mogilner/ Alexander Semyonov: New Imperial History and the Challenges of Empire*. In: *Ilya Gerasimov/ Jan Kusber/ Alexander Semyonov [Hrsg.]: Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden 2009. P. 3–32.

³⁷ Касательно представлений о цивилизационной миссии России см.: *Raphael Utz: Rußlands unbrauchbare Vergangenheit. Nationalismus und Außenpolitik im Zarenreich*. Wiesbaden 2008, прежде всего S. 82–84 и 216–245; *Theodore R. Weeks: Slavdom, Civilization, Russification: Comments on Russia's World-Historical Mission, 1861–1878*. In: *Ab Imperio*, 2001/2. S. 223–248. В ходе русско-польской конфронтации польская сторона ожесточенно отстаивала собственное монопольное притязание на «европейскость». См. *Andrzej Chwalba: Polen und der Osten. Tausend Jahre Nachbarschaft*. In: *Andrzej Chwalba [Hrsg.]: Polen und der Osten. Texte zu einem spannungsreichen Verhältnis*. Frankfurt/Main, 1994. S. 12–75; *Stanislaw Eile: Literature and Nationalism in Partitioned Poland, 1795–1918*. Houndmills 2000, S. 46–83; *Alix Landgrebe: "Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden"*. Die Entwicklung des polnischen Nationalbewusstseins im europäischen Kontext von 1830 bis in die 1880er Jahre. Wiesbaden 2003. S. 112–227. О мифе Польши как авангарде латинской Европы

Итак, термин «колония» применительно к Царству Польскому во многих отношениях является дезориентирующим. Не стоит также говорить о каком-то разделении властных полномочий в сфере управления с польскими элитами. После январского восстания, Петербург в этой стратегически важной провинции был готов меньше, чем где-либо еще, разделить полномочия в ключевой области государственного управления с представителями автохтонного общества. Все реформы, нацеленные на определенное участие местных элит Российской империи в органах самоуправления, не затронули Царство Польское. Зато в Привисленском крае последовательней, чем где бы то ни было еще, применялся принцип ротации «внешних», командированных Петербургом чиновников, при сохранении в полном объеме административных полномочий царских эмиссаров. В целом же имперская система управления, которая шаг за шагом была введена в Привисленском крае в течение двух десятилетий после январского восстания, зарекомендовала себя поразительно стабильной³⁸. Конец имперских структур наступил здесь только в 1915 г., став следствием воздействия извне, следствием войны и захвата Польши немецкими войсками.

Ротация на периферии и иерархизация имперского пространства: к вопросу о дуализме «коренной русской земли» и пограничных территорий Российской империи

Описанная здесь административная система, посредством которой в Российской империи управлялся и удерживался в подчинении как Привисленский край, так и другие окраинные регионы, имела многочисленные последствия для восприятия имперскими чиновниками как самой империи, так и проводимых реформ, а также для взаимодействия чиновников с местным населением. Это будет показано на примере феномена, который в значительной степени наложил свой отпечаток на рубеже веков как на российскую общественность, так и на коммуникацию имперских бюрократов. Речь идет о генезисе принципиального дуализма, посредством которого сложное и многообразное имперское пространство было, начиная с 1900 г., структурировано как якобы ясная дихотомия «коренной русской земли» и пограничья.

Ротационная система, обязывавшая имперских чиновников нести службу в сменяемой чередой окраинных областей, привела, начиная с конца XIX в. к тому, что эти весьма различные регионы с точки зрения царских бюрократов все больше и больше сливались друг с другом. Путешествия «по казенной надобности» с одной окраины империи на другую оказывали на имперских чиновников глубокое воздействие. Для многих из этих бюрократов с их биографиями, сложившимися на имперских окраинах, собственное житейское отношение к периферии способствовало выработке совокупного образа окраин. Вопреки всей местной специфике, в восприятии пространства мобильных акторов все сильнее укоренились параллели, объединявшие окраины в единое целое. В результате относительное единство пограничных областей, обобщенных и унифицированных как «окраина», вытекало из их противопоставления «коренной русской земле»³⁹.

против «схизматической» Азии см. в первую очередь: *Alix Landgrebe*: "Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden". Die Entwicklung des polnischen Nationalbewusstseins im europäischen Kontext von 1830 bis in die 1880er Jahre. Wiesbaden 2003, S. 124–133; *Steffi Marung*: Zivilisierungsmissionen a la polonaise. Polen, Europa und der Osten. In: Frank Hadler/ Matthias Middell [Hrsg.]: Verflochtene Geschichten: Ostmitteleuropa. Leipzig 2010, S. 100–123.

³⁸ О выборах и «польской фракции» (*koio polskie*) в Думе см.: *Edward Chmielewski*: The Polish Question in the Russian Duma. Knoxville 1970; *Glenn Janus*: The Polish Koio, the Russian Duma, and the Question of Polish Autonomy. Ann Arbor 1974; *Pascal Trees*: Wahlen im Weichselland. Die Nationaldemokraten in Russisch-Polen und die Dumawahlen 1905–1912. Stuttgart. 2007.

³⁹ Это высказывалось, начиная с рубежа XIX–XX веков, в многочисленных публикациях. См. например: *Будилович А. С.* Вопрос об окраинах России в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства. СПб, 1906; *Дружинин А. Н., Точинцкий А. И.* «Царство Польское» на русском рынке. Опыт подсчета товарного обмена окраины с центром в связи с ее производительными силами. Варшава, 1900. Вып. 1.; *Евреинов Г. А.* Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема поли-

Это восприятие окраины как якобы единой общности было в существенной степени обусловлено циркуляцией бюрократов на имперской периферии. Отдельные персоны конечно же были в состоянии делать совершенно разные выводы в отношении требуемых и возможных стратегий господства в пограничных областях. Однако в целом многие из них руководствовались представлением о внутренней иерархической системе империи, которая якобы характеризовалась дуализмом окраины и «коренной» земли.

Этот дуализм играл центральную роль в движении русских националистов, усилившемся на рубеже XIX–XX веков. То, что в их рядах оказался целый ряд персон с «периферийными имперскими биографиями», отнюдь не является исключением⁴⁰. Однако имеются многочисленные примеры, которые свидетельствуют, что в среде имперского чиновничества были представлены не только русские националисты. Тем не менее, всех бюрократов объединяло принципиальное предположение о внутренней иерархии имперского пространства. Те чиновники, которые действовали за рамками русского националистического лагеря, также исповедовали дихотомию «коренной русской земли» и окраины, которая якобы ясно структурировала для них труднообозримое пространство многонациональной империи⁴¹.

Собственный опыт знакомства с имперским многообразием, которое было особенно большим именно на окраинах, произвел на рубеже веков в чиновничьих кругах парадоксальное воздействие: этот опыт не обязательно обострял восприятие той или иной специфики разных провинций. Скорее он стимулировал обобщенное гомогенное восприятие данных регионов, сосредоточенное в сингулярном понятии «окраина». Без сомнения, именно принцип ротации и чуждость местным условиям сделали имперских бюрократов восприимчивыми именно к такому восприятию пространства. Таким образом, существовавшая в Российской империи система управления способствовала, формированию мысленной географической карты, которая приписывала империи новую внутреннюю иерархию.

В целом же можно сделать следующий вывод: в Российской империи наблюдались процессы, которые часто идентифицируются в новейших дебатах историков, посвященных «колониальному модерну»⁴². Также и в романовской монархии циркулировали представления, концепты и практики, чей генезис нередко протекал в провинции, прежде чем они попадали в общеимперскую сеть коммуникаций и трансфера. Именно в отношении Царства Польского подтверждаются размышления, согласно которым провинциям, как

тической программы. СПб., 1908; *Привислинец, Туткевич Д., Дружинин А. Н.* Россия и ее окраина. Киев, 1903. В этом же контексте следует рассматривать издававшуюся Н. Д. Сергеевским «Библиотеку окраин России», а также еженедельник «Окраины России» под редакцией П. А. Кулаковского. О Кулаковском см.: *Frank Golczewski/ Gertrud Pickhan: Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte.* Göttingen 1998, 61–62; *Лантева Л. П.* Славянский вопрос в мировоззрении П. А. Кулаковского (по архивным материалам) // *Славянская идея: история и современность* / под ред. В. А. Дьякова. М., 1998. С. 111–126; *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия. М., 2011. С. 30–37, 149–151; *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 53–54.

⁴⁰ См. об этом: *Manfred Hagen: Das Nationalitätenproblem Russlands in den Verhandlungen der III. Duma 1907–1911.* Göttingen 1962; *Manfred Hagen: Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Rußland 1906–1914.* Wiesbaden 1982, S. 227–245; *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия; *Alexei Miller: The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism.* In: *Alexei Miller/ Alfred J. Rieber [Hrsg.]: Imperial Rule.* Budapest, 2004. S. 9–45.

⁴¹ Имеются многочисленные примеры, когда царские бюрократы критически высказывались в рамках российского публичного пространства в отношении националистических тенденций. См., например, записи президента (городского головы) Варшавы Сократа Ивановича Старынкевича: *Sokrates Starynkiewicz: Mój Dziennik.* In: *Rocznik Warszawski, 2002/XXXI.* S. 191–222; *Sokrates Starynkiewicz: Dziennik 1887–1897.* Warschau, 2005, здесь в первую очередь S. 162–164.

⁴² К вопросу о понятии «колониального модерн» см.: *Andreas Eckert: Kolonialismus, Moderne und koloniale Moderne in Afrika.* In: *Jörg Baberowski/ Hartmut Kaelble/ Jürgen Schriewer [Hrsg.]: Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentationen sozialer Ordnungen im Wandel.* Frankfurt/Main 2008, S. 53–66; *Timo Heiler: Laboratorien für die Moderne? Die deutschen Kolonien als Versuchsfeld einer urbanen und gesellschaftlichen Neugestaltung.* In: *Journal of New Frontiers in Spatial Concepts, 2010. 2. S. 57–68, в первую очередь S. 59–68.*

экспериментальному полю «колониального модерна», приписывается определенный инновационный потенциал. Причем об этом следует говорить в двойном смысле: Привисленский край также являлся лабораторией для современных управленческих практик, уклавывавших в направлении «интервенционистской» государственной бюрократии, причем эти практики зачастую выходили за рамки действий самодержавия во внутренних областях империи. Также, как и в других колониальных европейских империях, техники, накопленные знания и нарратив, возникшие на периферии, оказывали в свою очередь воздействие на метрополию⁴³.

Новейшие исследования Габсбургской монархии показали, что циркуляционное воздействие такого рода было характерно не только для европейских метрополий, обладавших заморскими колониями, но и для континентальных империй⁴⁴. Таким образом, историю имперской администрации Российской империи следует рассказывать, как историю взаимных переплетений, мобильности, круговорота и ротации. В результате историография сможет отказаться от традиционной фиксации исключительно на имперском центре. Соответствующим образом, царские чиновники «в разъездах» были центральными мобильными акторами, соединявшими как центр и периферию, так и окраины между собой. Они же являлись источником динамик, зарождавшихся в пограничных регионах и в свою очередь оказывавших обратное воздействие на столичные пространства и способствовавших их «провинциализации». ⁴⁵ Мобильность высших представителей самодержавия являлась главной чертой имперского управления на окраинах Российской империи. Эта мобильность делала имперскую администрацию более гибкой и обеспечивала фиксацию царских эмиссаров исключительно на центре. Однако в то же время она обуславливала чуждость государственной бюрократии по отношению к локальным контекстам и способствовала складыванию противоречий между местным населением и петербургской верховной властью. В конечном итоге имперская система ротации бюрократов внесла существенный вклад в чреватый последствиями антагонизм власти и общества, характерный

⁴³ Этот «лабораторный» характер колоний изучается в историографии на различных исследовательских площадках. Колонии как экспериментальные поля с обратным воздействием на Европу вызывают интерес в первую очередь применительно к расовой теории, медицинским практикам и накопленным знаниям. См. в том числе: *Simon A. Cole: Suspect Identities. A History of Fingerprinting and Criminal Identification.* Cambridge 2001; *Harald Fischer-Tini: Low and Licentious Europeans. Race, Class and 'White Subalternity' in Colonial India.* New Delhi 2009; *Pascal Grosse: Kolonialismus, Eugenik und bürgerliche Gesellschaft in Deutschland 1850–1918.* Frankfurt/Main 2000; *Wolfgang Eckart: Medizin und Kolonialimperialismus. Deutschland 1884–1945.* München 1997. Кроме того, в фокусе исследования *истории трансферов* (Transfargeschichte) оказались организационные принципы бюрократического аппарата и административные практики. См.: *Andreas Eckert: Verwaltung, Recht und koloniale Praxis in Kamerun, 1884–1914.* In: Rüdiger Voigt/ Peter Sack [Hrsg.]: *Kolonialisierung des Rechts. Zur kolonialen Rechts -und Verwaltungsordnung.* Baden Baden 2001. S. 167–182; *Andreas Eckert/ Michael Pesek: Bürokratische Ordnung und koloniale Praxis. Herrschaft und Verwaltung in Preußen und Afrika.* In: Sebastian Conrad/ Jürgen Osterhammel [Hrsg.]: *Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914.* Göttingen 2004. S. 87–106. Применительно к Российской империи см.: *Marina Mogilner: Russian Physical Anthropology of the Nineteenth-Early Twentieth Centuries. Imperial Race, Colonial Other, Degenerate Types, and the Russian Racial Body.* In: Ilya Gerasimov/ Jan Kusber/ Alexander Semyonov [Hrsg.]: *Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire.* Leiden 2009. S. 155–190; *Jeff Sahadeo: Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and "Civilization" in the 1892 Tashkent Cholera Riot.* In: *Slavic Review*, 2005/64. S. 1, 117–139.

⁴⁴ Новейшие исследования занимаются комплексным взаимодействием акторов на окраинах империи и теоретиков и практиков в центре. См.: *Harald Binder: Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik.* Wien 2005; Endre Hórs/ Wolfgang Müller-Funk/ Ursula Reber/ Clemens Ruthner [Hrsg.]: *Zentren, Peripherien und kollektive Identitäten in Österreich-Ungarn.* Tübingen 2006; Hans-Christian Maner [Hrsg.]: *Grenzregionen der Habsburgermonarchie im 18. und 19. Jahrhundert. Ihre Bedeutung und Funktion aus der Perspektive Wiens.* Münster 2005; *Anna Veronika Wendland: Imperiale, koloniale und postkoloniale Blicke auf die Peripherien des Habsburgerreiches.* In: Claudia Kraft/ Alf Lüdtke/ Jürgen Martschukat [Hrsg.]: *Kolonialgeschichten. Regionale Perspektiven auf ein globales Phänomen.* Frankfurt/Main, 2010. S. 211–235.

⁴⁵ См. об этой динамике взаимодействия и взаимовлияния имперского центра и периферии: *Dipesh Chakrabarty: Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference.* Princeton 2000.

для заката Российской империи. Во второй половине XX столетия гегемония Петербурга на имперских окраинах была в том числе подорвана внешним характером власти мобильного чиновничьего аппарата.

Список литературы

- Baberowski, Jörg* Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und der Sowjetunion. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1999/47. № 3. S. 482–503
- Baberowski, Jörg* Vertrauen durch Anwesenheit. Vormoderne Herrschaft im späten Zarenreich. // *Baberowski, Jörg/ Feest, David/ Gumb, Christoph* [Hrsg.] Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich. Frankfurt/Main, 2008. S. 17–37.
- Ballantyne, Tony/ Burton, Antoinette* [Hrsg.] Moving Subjects: Gender, Mobility and Intimacy in an Age of Global Empire. Champaign/Ill., 2009.
- Benecke, Werner* Militär, Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland 1874–1914. Paderborn, 2006.
- Beyrau, Dietrich* Liberaler Adel und Reformbürokratie im Rußland Alexanders II. // *Langewiesche, Dieter* [Hrsg.] Liberalismus im 19. Jh. Göttingen, 1988, S. 499–514.
- Beyrau, Dietrich* Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Kuhn, 1984.
- Binder, Harald* Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien, 2005.
- Brown, Laurence* Inter-colonial migration and the refashioning of indentured labour: Arthur Gordon in Trinidad, Mauritius and Fiji (1866–1880). // *Lambert, David/ Lester, Alan* [Hrsg.] Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careerism in the Long Nineteenth Century. Cambridge, 2006, S. 204–227.
- Buchen, Tim / Rolf, Malte* [Hrsg.] Imperiale Biographien: Lebensläufe, Karrieremuster und Selbstbilder der Reichseliten in der Romanow- und der Habsburger Monarchie. Köln, 2014.
- Chakrabarty, Dipesh* Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton, 2000
- Chimiak, Jukasz* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999.
- Chmielewski, Edward* The Polish Question in the Russian Duma. Knoxville, 1970.
- Chwalba, Andrzej* Polen und der Osten. Tausend Jahre Nachbarschaft // *Chwalba, Andrzej* [Hrsg.] Polen und der Osten. Texte zu einem spannungsreichen Verhältnis. Frankfurt/Main, 1994, S. 12–75.
- Cole, Simon A.* Suspect Identities. A History of Fingerprinting and Criminal Identification. Cambridge, 2001
- Czubaty, Jarosław* Ksiekstwo Warszawskie (1807–1815). Warszawa, 2011.
- Dolbilov, Mikhail* Russian Nationalism and the Nineteenth-Century Policy of Russification in the Russian Empire's Western Region // *Matsuzato, Kimitaka* [Hrsg.] Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire. Sapporo, 2007. P. 141–158.
- Eckart, Wolfgang* Medizin und Kolonialimperialismus. Deutschland 1884–1945. München, 1997.
- Eckert, Andreas* Kolonialismus, Moderne und koloniale Moderne in Afrika // *Baberowski, Jörg/ Kaelble, Hartmut/ Schriewer, Jürgen* [Hrsg.] Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentationen sozialer Ordnungen im Wandel. Frankfurt/Main, 2008. S. 53–66.
- Eckert, Andreas* Verwaltung, Recht und koloniale Praxis in Kamerun, 1884–1914. // *Voigt, Rüdiger / Sack, Peter* [Hrsg.] Kolonialisierung des Rechts. Zur kolonialen Rechts -und Verwaltungsordnung. Baden Baden, 2001. S. 167–182.
- Eckert, Andreas / Pesek, Michael* Bürokratische Ordnung und koloniale Praxis. Herrschaft und Verwaltung in Preußen und Afrika. // *Conrad, Sebastian/ Osterhammel, Jürgen* [Hrsg.] Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914. Göttingen, 2004. S. 87–106.
- Eile, Stanislaw* Literature and Nationalism in Partitioned Poland, 1795–1918. Houndmills, 2000.
- Fischer-Tinij, Harald* Low and Licentious Europeans. Race, Class and 'White Subalternity' in Colonial India. New Delhi, 2009.
- Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М.* Язык и самоописания империи как исследовательская проблема и политическая дилемма // *Ab Imperio*. 2005. № 1, С. 1–12.
- Gerasimov, Il'ja V. / Glebov, Sergej V./ Kaplunovskij, Aleksandr P./ Mogil'ner, Marina B./ Semyonov, Aleksandr M.* In Search of New Imperial History. // *Ab Imperio*, 2005, № 1. С. 33–56.
- Gerasimov I. / Glebov S. / Kusber J./ Mogilner M. / Semyonov A.* New Imperial History and the Challenges of Empire. // *Gerasimov, Ilya/ Kusber, Jan/ Semyonov, Alexander* [Hrsg.] Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire. Leiden, 2009. P. 3–32.
- Golczewski, Frank / Pickhan, Gertrud* Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte. Göttingen, 1998.
- Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.

- Grosse, Pascal Kolonialismus, Eugenik und bürgerliche Gesellschaft in Deutschland 1850–1918. Frankfurt/Main, 200.
- Gumb, Christoph Die Festung. Repräsentationen von Herrschaft und die Präsenz der Gewalt, Warschau (1904–1906). // Baberowski, Jörg/ Feest, David/ Gumb, Christoph [Hrsg.] Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich. Frankfurt/Main, 2008, S. 271–302.
- Гумб К. Угрожать и наказывать: Русская армия в Варшаве в 1904–1906 гг. // Ab Imperio, 2008. № 3. С. 157–194.
- Hagen, Manfred Das Nationalitätenproblem Russlands in den Verhandlungen der III. Duma 1907–1911. Göttingen, 1962.
- Hagen, Manfred Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Rußland 1906–1914. Wiesbaden, 1982.
- Hall, Catherine Civilising Subjects. Metropole and Colony in the English Imagination, 1830–1867. Cambridge, 2002.
- Hall, Catherine [Hrsg.] Cultures of Empire. Colonizers in Britain and the Empire in the 19th and 20th Centuries. New York, 2000.
- Haltzel, Michael H. Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Russlands. Ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855–1905. Marburg, 1977.
- Happel, Jörn / Rolf, Malte Die Durchlässigkeit der Grenze: Einleitende Überlegungen zu Grenzgängern und ihren Lebenswelten in der späten Habsburger- und Romanow-Monarchie. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2011/59, № 5, S. 397–404.
- Hörs, Endre / Müller-Funk, Wolfgang / Reber, Ursula / Ruthner, Clemens [Hrsg.] Zentren, Peripherien und kollektive Identitäten in Österreich-Ungarn. Tübingen, 2006.
- Heiler, Timo Laboratorien für die Moderne? Die deutschen Kolonien als Versuchsfeld einer urbanen und gesellschaftlichen Neugestaltung. // Journal of New Frontiers in Spatial Concepts, 2010. № 2. S. 57–68.
- Howell, Philip / Lambert, David Sir John Pope Hennessy and colonial government: humanitarianism and the translation of slavery in the imperial network. // Lambert, David/ Lester, Alan [Hrsg.] Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century. Cambridge, 2006. P. 228–256.
- Janus, Glenn The Polish Koio, the Russian Duma, and the Question of Polish Autonomy. Ann Arbor, 1974
- Kappeler, Andreas Nationsbildung und Nationalbewegungen im Russländischen Reich. // Archiv für Sozialgeschichte, 2000/40. S. 67–90.
- Kappeler, Andreas Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992.
- Kennan, George ... und der Zar ist weit: Sibirien 1885. Berlin, 1975.
- Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003.
- Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М., 2011.
- Laidlaw, Zol Richard Bourke Irishliberalism tempered by empire // Lambert, David/ Lester, Alan [Hrsg.] ColonialLivesAcross the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century. Cambridge, 2006. P. 113–144
- Lambert, David / Lester, Alan Introduction. Imperial Spaces, Imperial Subjects. // Lambert, David/ Lester, Alan [Hrsg.] Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century. Cambridge, 2006. P. 1–31
- Landgrebe, Alex "Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden". Die Entwicklung des polnischen Nationalbewusstseins im europäischen Kontext von 1830 bis in die 1880er Jahre. Wiesbaden, 2003
- Лантева Л. П. Славянский вопрос в мировоззрении П. А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: история и современность / под редакцией В. А. Дьякова. М., 1998. С 111–126
- Leonhard, Jörn / Hirschhausen, Ulrike von Beyond Rise, Decline and Fall. Comparing Multi-Ethnic Empires in the long Nineteenth Century // Leonhard, Jörn/ Hirschhausen, Ulrike von [Hrsg.] Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century. Göttingen, 2011.
- Leonhard, Jörn / Hirschhausen, Ulrike von Empires and Nationalstaaten im 19. Jahrhundert. Göttingen 2009
- Lieven, Dominic Empire: The Russian Empire and its Rivals. New Haven, 2002.
- Lieven, Dominic Empires on Europe's Periphery: Russian and Western Comparison. // Miller, Alexei/ Rieber, Alfred J. [Hrsg.] Imperial Rule. Budapest, 2004. P. 133–149.
- Lieven, Dominic Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven, 1989.
- Lincoln, W. Bruce The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb, 1990.
- Maner, Hans-Christian [Hrsg.] Grenzregionen der Habsburgermonarchie im 18. und 19. Jahrhundert. Ihre Bedeutung und Funktion aus der Perspektive Wiens. Münster, 2005.
- Marung, Steffi Zivilisierungsmissionen a la polonaise. Polen, Europa und der Osten. // Hadler, Frank/ Middell, Matthias [Hrsg.] Verflochtene Geschichten: Ostmitteleuropa. Leipzig 2010, S. 100–123.
- Mińsko, Jyżef Szkolnictwo zawodowe w Krylestwie Polskim w latach 1815–1915. Wrociaw, 1966.
- Miller, Alexei The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism. // Miller, Alexei/ Rieber, Alfred J. [Hrsg.] Imperial Rule. Budapest, 2004. P. 9–45.
- Mogilner, Marina Russian Physical Anthropology of the Nineteenth–Early Twentieth Centuries. Imperial Race, Colonial Other, Degenerate Types, and the Russian Racial Body. // Gerasimov, Ilya/ Kusber, Jan/ Semyonov, Alex-

ander [Hrsg.] *Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden, 2009. P. 155–190.

Müller, Michael G. Die Teilungen Polens 1772, 1793, 1795. München, 1984.

Müller, Michael G. Hegemonial Politik und imperiale Expansion: Die Teilungen Polens. // Hübner, Eckhard/ Kusber, Jan/ Nitsche, Peter [Hrsg.] *Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus - Aufklärung - Pragmatismus*. Köln, 1998. S. 397–410.

Norris, Stephen M. / Sunderland, Willard Introduction. *Russia's People of Empire*. // Norris, Stephen M./ Sunderland, Willard [Hrsg.] *Russia's People of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present*. Bloomington, 2012.

Randolph, John / Avrutin, Eugene M. [Hrsg.] *Russia in Motion. Cultures of Human Mobility since 1850*. Champaign/Ill. 2012.

Robbins, Richard G. *The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Ithaca, 1987.

Rolf, Malte "Approved by the censor": Tsarist censorship and the public sphere in Imperial Russia and the Kingdom of Poland (1860–1914). // Behrends, Jan Claas/ Lindenberger, Thomas [Hrsg.] *Underground Publishing and the Public Sphere. Comparative and Transnational Perspectives*. Palgrave, 2014.

Rolf, Malte A Continuum of Crisis? The Kingdom of Poland in the Shadow of Revolution (1905–1915). // Grüner, Frank/ Utz, Raphael/ Fischer v. Weikersthal, Felicitas [Hrsg.] *Rethinking the Russian Revolution of 1905. Transcultural Perspectives*. Bloomington 2014.

Rolf, Malte Imperiale Herrschaft im städtischen Raum. Zarische Beamte und urbane Öffentlichkeit in Warschau (1870–1914). // Pietrow-Ennker, Bianka [Hrsg.] *Russlands imperiale Macht. Integrationsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive*. Köln 2012, S. 123–153.

Rolf, Malte Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen und das Russische Imperium (1864–1915). München, 2014.

Rolf, Malte Revolution, Repression und Reform: 1905 im Königreich Polen. // Antipow, Lilia/ Stadelmann, Matthias [Hrsg.] *Schlüsseljahre. Zentrale Konstellationen der mittel- und osteuropäischen Geschichte. Festschrift für Helmut Altrichter zum 65. Geburtstag*. Stuttgart 2011, S. 219–232.

Rolf, Malte Russifizierung, Depolonisierung oder innerer Staatsaufbau? Konzepte imperialer Herrschaft im Königreich Polen (1863–1915). // Gasimov, Zaur [Hrsg.] *Kampf um Wort und Schrift: Russifizierung in Osteuropa im 19.-20. Jahrhundert*. Göttingen, 2012. S. 51–88

Rolf, Malte / Buchen, Tim [Hrsg.] *Imperiale Biographien in Vielvölkerreichen. Elitekarrieren im Britischen, Deutschen, Habsburger, Osmanischen und Russischen Reich (1850–1918)*. Göttingen, 2014

Sahadeo, Jeff Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and "Civilization" in the 1892 Tashkent Cholera Riot. // *Slavic Review*, 2005/64. № 1. P. 117–139.

Schaffer, Simon / Roberts, Lissa / Raj, Kapil / Delbourgo, James [Hrsg.] *The Brokered World: Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820*. Sagamore Beach 2009.

Schweitzer, Robert Die "Baltische Parallele": Gemeinsame Konzeption oder zufällige Koinzidenz in der russischen Finnland- und Baltikumspolitik des 19. Jahrhunderts? // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 1984/33. S. 551–576.

Staliunas, Darius Between Russification and Divide and Rule: Russian Nationality Policy in the Western Borderlands in the mid-19th Century. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2007/55. № 3. S. 357–373.

Staliunas, Darius The Pole in the Policy of the Russian Government: Semantics and Praxis in the Mid-Nineteenth Century. // *Lithuanian Historical Studies*, 2000. № 5. P. 45–67.

Starynkiewicz, Sokrates *Dziennik 1887–1897*. Warschau. 2005.

Starynkiewicz, Sokrates *MyjDziennik*. // *Rocznik Warszawski*, 2002/XXXI. P. 191–222.

Stoler, Ann Laura/ Cooper, Frederick [Hrsg.] *Tensions of Empire. Colonial Cultures in a Bourgeois World*. Berkeley, 1997.

Sunderland, Willard The Emperor's Men at the Empire's Edges // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004/5. № 3. P. 515–525.

Sunderland, Willard Empire Without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia. // *Ab Imperio*, 2000. № 2. C. 101–114.

Szymanski, Leonard *Zarys polityki caratu wobec szkolnictwa ogólnokształcącego w Królestwie Polskim w latach 1815–1915*. Wrocław. 1983.

Thaden, Edward C. *The Russian Government*. // Thaden, Edward C. [Hrsg.] *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914*. Princeton, 1981. P. 15–110.

Trees, Pascal *Wahlen im Weichselland. Die Nationaldemokraten in Russisch-Polen und die Dumawahlen 1905–1912*. Stuttgart, 2007.

Utz, Raphael *Rußlands unbrauchbare Vergangenheit. Nationalismus und Außenpolitik im Zarenreich*. Wiesbaden. 2008.

Velychenko, Stephen Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // *Russian Review*, 1995/54. № 2. P. 188–208.

Vladimirov, Katya The World of Provincial Bureaucracy in Late 19th and 20th Century Russian Poland. Lewiston. 2004.

Vökl, Ekkehard Zar Alexander I. und die "polnische Frage". // *Saeculum*, 1973/24. S. 112–132.

Weeks, Theodore R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb. 1996.

Weeks, Theodore R. A National Triangle: Lithuanians, Poles and the Russian Imperial Government. // *Evtuhov, Catherine/ Gasparov, Boris/ Ospovat, Alexander/ Hagen, Mark von* [Hrsg.] *Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire*. Moskau, 1997. P. 365–380.

Weeks, Theodore R. Slavdom, Civilization, Russification: Comments on Russia's World-Historical Mission, 1861–1878. // *Ab Imperio*, 2001. № 2. С. 223–248.

Wendland, Anna Veronika Imperiale, koloniale und postkoloniale Blicke auf die Peripherien des Habsburgerreiches. // *Kraft, Claudia/ Lüdtkke, Alf/ Martschukat, Jürgen* [Hrsg.] *Kolonialgeschichten. Regionale Perspektiven auf ein globales Phänomen*. Frankfurt/Main 2010. S. 211–235.

Yaroshevski, Dov Empire and Citizenship. // *Brower, Daniel R./ Lazzerini, Edward J.* [Hrsg.] *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington, 1997. P. 58–79.

Zawadzki, W.H. Russia and the Re-opening of the Polish Question, 1801–1814. // *The International History Review*, 1985/7. № 1. P. 19–44.

Zernack, Klaus Negative Polenpolitik als Grundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtepolitik des 18. Jh.s. // *Liszkowski, Uwe* [Hrsg.] *Rußland und Deutschland. Festschrift für Georg von Rauch*. Stuttgart. 1974.

Rolf Malte*

Officials Travelling: to the Question of Structure and Characters of Imperial Bureaucracy during Final Years of the Russian Empire

The article reviews the role of high-ranking officials – emissaries of imperial government on the outskirts – in securing the unity of Russian Empire during second half of 19th century-beginning of 20th century. The article views high mobility and constant rotation of the officials as a phenomenon of imperial government apparatus. Basic mechanisms and specifics of administrative system managing the border regions of the Empire and headed by “mobile” officials are characterized using the example of the Kingdom of Poland. In the closing part of the article the author considers advantages and disadvantages of managing an Empire with the help of traveling emissaries. The article is written using the methodology of “new imperial history”, and as such, history of administrative structures in the late imperial Russia appears as history of intertwining, mutual influences, transferring and circulating communications, ideas and practices.

Keywords: Russian Empire, outskirts, Kingdom of Poland, officials, bureaucracy, mobility, rotation, new imperial history

Статья принята редакцией 5.07.2018

* **Rolf Malte** – PhD in history, professor of Otto Frederick University in Bamberg. E-mail: malte.rolf@uni-bamberg.de

«Рим горит, а христиане виноваты»¹: жизнь и судьба трезвенника Ивана Колоскова

Статья посвящена Ивану Николаевичу Колоскову (1876–1932), одному из основателей и лидеров трезвеннического движения в России. Главным источником для написания статьи послужили материалы следственных дел трезвенников, в первую очередь их «письма во власть» 1920-х годов. Биография И. Н. Колоскова вписана здесь в широкий исторический контекст, в первую очередь речь идет об антирелигиозной политике большевиков в отношении так называемых «сектантов». Также в статье рассматриваются религиозный пацифизм, вегетарианство и хозяйственная деятельность трезвенников, их неконформизм во взаимоотношениях со властью.

Ключевые слова: Иван Колосков, трезвенники, Российская империя, Советский Союз, ОГПУ, неконформизм, репрессии

Александр Солженицын в первом томе «Архипелага ГУЛАГа», рассуждая о девальвации в 1930-е годы такого способа политической борьбы заключенных за свои права как голодовка, мельком упомянул некоего «сектанта Колоскова»: «А в общем победа — ничтожная, слишком дорого оплачена ... чтобы добиться выдачи посылки или смены товарищей по прогулке, голодали по 20 дней. Стоило ли того? Ведь в Тюрьме Нового Типа утраченных сил не восстановишь. Сектант Колосков так вот голодал — и на 25-е сутки умер»². Мало кто из читателей Солженицына догадывался тогда и знает сейчас, что в 1932 г. в Ярославском политизоляторе умер, протестуя голодовкой против запрета переписки и свиданий с родными, настоящий русский самородок, один из основателей трезвеннического движения в России, почетный председатель коммуны и кооператива «Трезвая жизнь» Иван Николаевич Колосков (октябрь 1876 – 1932).

Настоящий биографический очерк основывается преимущественно на материалах архивно-следственного дела И. Н. Колоскова³, а также архивно-следственного дела девяти трезвенников⁴. Дела хранятся в Центральном архиве ФСБ. За любезно предоставленные фотокопии дел автор благодарит А. В. Синичкина, бывшего архивариуса Российского союза евангельских христиан-баптистов, приложившего в свое время максимум усилий, чтобы получить доступ к этим документам. Кроме того, существенный вклад в источниковую базу публикации внесли протоколы Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) – Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) (1922–1929), неоднократно рассматривавшей на своих заседаниях вопросы, связанные с последователями Колоскова – «трезвенниками-колосковцами».

О дореволюционном периоде жизни И. Н. Колоскова известно не так уж и много. Он родился в октябре 1876 г. в крестьянской семье в деревне Пронино Варфоломеевской во-

* Савин Андрей Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: a_savin_2004@mail.ru

¹ Так называлась декларация о преследовании религии и верующих в СССР, поданная трезвенниками во главе с И. Н. Колосковым во ВЦИК 15 января 1929 г. Документ хранится в Центральном архиве ФСБ (ЦА ФСБ) в архивно-следственном деле Д. Р-32621 по обвинению И. М. Чудаева, В. Н. Свиричева, Н. В. Александрова, Е. Д. Соколовой, Е. А. Колосковой, Е. М. Харитоновой, Ф. С. Кузнецовой, Е. Д. Федотовой и З. Я. Бельмер в качестве приложения. Отпечатан на кальке, объем – 39 листов, а также два листа без нумерации, на которых приведены содержание и список адресатов. Ниже при цитировании этой декларации указывается ее название и номер листа документа.

² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. (Любое издание). Гл. 12 «Тюрзак».

³ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ), Д. Р-44885 по обвинению И. Н. Колоскова и М. Я. Захаровой.

⁴ Там же. Д. Р-32621 по обвинению И. М. Чудаева, В. Н. Свиричева, Н. В. Александрова, Е. Д. Соколовой, Е. А. Колосковой, Е. М. Харитоновой, Ф. С. Кузнецовой, Е. Д. Федотовой и З. Я. Бельмер.

лости Алексинского уезда Тульской губернии. Систематического образования не получил, самоучка. Во всех анкетах и протоколах допросов Колосков указывал, что до 1907 г. он был ремесленником – чеканщиком церковной утвари. Примерно на рубеже веков Колосков женился на Екатерине Андриановне Колосковой (1879 г.р.), в будущем своей верной последовательнице. Около 1899 г. родился их первый сын, потом в течение пяти лет родились еще двое сыновей, все они впоследствии приобрели самую что ни на есть пролетарскую профессию типографского рабочего.

Московская община трезвенников. 1920-е годы.

И. Н. Колосков – в левом верхнем углу снимка (держит раскрытую книгу).

В 1907 г., как рассказывал сам Колосков, он организовал и возглавил в Москве общину народных трезвенников. Колосков почему-то не упоминал ни в своих декларациях, ни в показаниях, данных на следствии, имени «братца Иоанна» – Ивана Алексеевича Чурикова (1861–1933), православного мирянина и основателя движения народных трезвенников в Санкт-Петербурге в конце XIX в. Чуриков оказал серьезное влияние на Колоскова. Деятельность «братца Иоанна» среди городской бедноты, в первую очередь его проповеди о вреде алкоголя и пользе вегетарианства, была широко известна в дореволюционной России⁵. В 1911 г. в свет вышел сборник его нравоучительных бесед, у Чурикова были тысячи последователей. Возможно, нежелание Колоскова называть «братца Иоанна» в числе своих духовных учителей и наставников было связано с тем, что Чуриков так и не порвал с РПЦ, несмотря на гонения на трезвенников и на него лично со стороны церковных и светских властей Российской империи.

Проповедь трезвенничества, духовного возрождения морально павших людей и нравственного самоусовершенствования как единственного средства улучшить свою жизнь обеспечила вскоре Колоскову в Москве тысячи, если не десятки тысяч, последователей. В 1908 г. Колоскова в административном порядке выслали из Москвы, но ненадолго. 4 января 1909 г. московский градоначальник официально объявил о разрешении бесед трезвенников. Поддержка со стороны светских властей была обеспечена благодаря позиции П. А. Столыпина, признававшего деятельность «братцев» крайне полезной, а также

⁵ См.: Апостол трезвости: Иоанн Алексеевич Чуриков / Сост. Комков М. П., Плотникова В. В. СПб, 2014.

депутата третьей Государственной думы П. В. Каменского⁶. Церковные власти Москвы крайне отрицательно относились к деятельности «колосковцев» как к сектантской и приложили максимум усилий, чтобы доказать ложность позиции, занятой властью светской. В конце 1909 г. в «Московских Церковных Ведомостях» и черносотенной газете «Вече» была опубликована статья о трезвенниках за подписью «Православного Москвича», прямо обвинявшая колосковцев в хлыстовстве. Вслед за официальным органом московской епархии это же обвинение стало звучать с церковных кафедр, а соответствующий доклад был направлен Св. Синоду. 7 марта 1910 г. в трех московских храмах была торжественно провозглашена анафема, последовало отлучение от церкви Колоскова и его единомышленника, колпинского мещанина Дмитрия Григорьева⁷.

После отлучения последователи Колоскова, по его словам, «приспособлялись, создавали артели и другие организации». Но одним отлучением от церкви дело не ограничилось, духовные власти предприняли попытку доказать наличие в действиях трезвенников уголовно-наказуемых деяний, в частности «явно безнравственных действий», караемых по ст. 96 Уголовного уложения Российской империи. Позднее, в 1921 г., Колосков писал в своем открытом письме следователю ВЧК И. А. Шпицбергу, сравнивая методы работы царской и советской тайных полиций: «Тогда господствующая церковь подслала к нам, трезвенникам, своего шпиона, слушателя миссионерских курсов, который наклеветал на нас и показал, что он будто бы присутствовал при нашем радении и свальном грехе. Я тогда вместе с шестью единомышленниками был заключен в тюрьму и только через 15 месяцев, когда следствие установило факт ложного доноса, все мы были освобождены»⁸. В тюрьму в конце 1911 г. вместе с Колосковым были заключены Д. Григорьев, Г. Михалев и четыре девушки. Дело трезвенников рассматривалось на процессе во Владимирском окружном суде, состоявшемся в начале 1913 г., а также Московской судебной палатой⁹. Колосков позднее писал об этом так: «Господа Саблеры, Победоносцевы не боролись с нами открыто и честно, как с сектантами, а всегда применяли провокационные приемы: они подсылали к нам своих чиновников, которые создавали против нас дутые обвинения в несовершенных нами уголовных преступлениях и преследовали нас по суду за них, а не за то, что мы сектанты. А на суде не было никакого доверия ни к нашим показаниям, ни показаниям наших свидетелей. С нами, сектантами, вообще совершенно не считались и смотрели на нас, как на какое-то вредное растение, какую-то заразу, которая может быть и должна быть уничтожена всеми средствами, какими только располагает государственная власть»¹⁰.

Лишь благодаря тому, что колосковцев судил суд присяжных, в составе которых оказались в том числе последователи учения Л. Н. Толстого, обвинение в совершении уголовного преступления в конечном итоге было снято. Тогда же произошло судьбоносное знакомство колосковцев с В. Д. Бонч-Бруевичем. 1 марта 1913 г. будущий управделами

⁶ Громогласов И. М. Московские трезвенники. Речь, произнесенная в Москве 6 мая в Политехническом музее в открытом собрании Союза 17 октября. М., 1913. С. 7. Отрывок из выступления П. В. Каменского в защиту трезвенников см.: Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект. М., 1935. С. 60.

⁷ Громогласов И. М. Московские трезвенники... С. 17; Зарембо Н. Г. Духовные власти Санкт-Петербурга и народное трезвенническое движение чуриковцев (1907–1914 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 126. СПб., 2010. С. 31–32 (Всю подготовительную работу по шельмованию московских трезвенников и отлучению их от церкви провел известный православный миссионер И. Г. Айвазов).

⁸ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 31–32. Интересно, что Малая советская энциклопедия выпуска 1930 г. характеризовала трезвенников как «одно из разветвлений умеренного хлыстовства», тем самым фактически воспроизведя ложные обвинения церковных властей Российской империи. См.: Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 8. Ст. 916.

⁹ Исследователь истории пятидесятничества в России В. И. Франчук ошибочно писал о судебном процессе над Колосковым и Григорьевым, проходившем якобы в 1904–1905 гг. во Владимире. См.: Франчук В. И. Просила Россия дождя у господ. Киев, 2002. Т. 2. С. 207.

¹⁰ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 6.

СНК РСФСР, близкий соратник В.И. Ленина и знаток русского сектантства писал историку и лингвисту А. А. Шахматову о том, что находится во Владимире в суде «в качестве эксперта по делу московских трезвенников»¹¹. Знакомство с толстовцами и воздействие толстовского учения на трезвенников трудно переоценить. С момента отлучения и уголовного преследования колосковцы все дальше дрейфовали в сторону от официального православия. Колосков на допросе от 3 января 1930 г. представил канву событий так: «Затем [после отлучения от церкви. – А.С.] в 1912 г. примкнули к учению Толстого Л. Н., но года через 4–5 мы разошлись по вопросу о Христе, так как толстовцы Христа как Спасителя Мира, сына Божия, не признают»¹². Тем не менее, несмотря на формальный разрыв, трезвенники навсегда усвоили от толстовцев вегетарианство и религиозный пацифизм.

Следующей «остановкой» трезвенников-колосковцев на пути поиска своей идентичности в бурные годы Первой мировой войны и революций стал Всероссийский союз евангельских христиан во главе с И. С. Прохановым. В январе 1922 г. Колосков вместе со 106 своими последователями принял водное крещение в Московской общине евангельских христиан и был рукоположен в пресвитеры. В октябре 1922 г. колосковцы официально вошли в Союз евангельских христиан на автономных правах¹³. Но после того, как Проханов под давлением ареста подписал в августе 1923 г. воззвание о признании верующими пацифистами военной службы в Красной Армии с оружием в руках¹⁴, колосковцы порвали также и с прохановцами, выделившись в самостоятельную общину. Колосков рассказывал об этом так: «Оставаясь в основном евангельскими христианами, мы не признаем для себя обязанности служить в рядах Красной Армии, в тоже время проповедовали свое основное убеждение – трезвость. Кроме того, наша община восприняла от христиан евангельской веры крещение духом, что мы проводим, т. е. признаем. И евангельские христиане, и баптисты это отрицают. Мы отрицательно относимся вообще к войне и военной службе. Мы являемся антимилитаристами»¹⁵.

Трезвенники в целом позитивно восприняли приход большевиков к власти. Первые несколько лет между ними и большевиками существовал даже определенный альянс. В литературе есть сведения о личной встрече Колоскова с Лениным и Троцким, состоявшейся 16 ноября 1917 года¹⁶. Этот альянс возник во многом как результат утопических представлений о «сектантах-коммунистах» ряда большевистских лидеров во главе с В. Д. Бонч-Бруевичем, которого активно поддерживал В. И. Ленин. В рамках своих теоретических дореволюционных построений они рассматривали «сектантство» как форму социального недовольства и эскапистского протеста крестьянства против царизма. Гонения со стороны православной церкви также делали «сектантов» союзниками в их глазах. Привлекала советских лидеров и «общественно-коммунистическая» сторона «сектантских» вероучений, наличие в них идей социального и экономического равенства. Именно «сектанты – коммунисты», этот якобы многомиллионный «народ внутри народа», должны были послужить для большевиков доказательством того, что извечная народническая мечта о коммунистическом характере русского крестьянства имела под собой реальные основания. Таким образом возник миф о «сектантах – коммунистах» как о верных сторонниках советской власти, который получил в начале 1920-х годов большое распространение¹⁷. Одним из важнейших следствий этого мифа стал

¹¹ Франчук В. И. Просила Россия дождя у господ... С. 207–208.

¹² ЦА ФСБ, Д. Р-44885. Л. 43.

¹³ Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб., 2003. С. 244.

¹⁴ См. подробнее: Савин А. И. «Разделяй и властвуй». Религиозная политика советского государства и евангельские церкви в 1920-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008, № 15 (75). С. 3–23.

¹⁵ ЦА ФСБ, Д. Р-44885. Л. 43. Протокол допроса от 3 января 1930 г.

¹⁶ Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Г. Судьбы... С. 243.

¹⁷ См. Müller, Eberhard: Opportunismus oder Utopie? V. D. Bonc-Bruevitsch und die russischen Sekten vor und nach der Revolution. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 35 (1987), S. 509–533; Эткин А. Русские секты и совет-

подписанный В. И. Лениным декрет от 4 января 1919 г., который предоставлял «сектантам» привилегию освобождения от военной службы.

В свою очередь трудовая община-коммуна московских народных трезвенников «Трезвая жизнь», официально зарегистрированная 19 апреля 1918 г., позиционировала себя как «одну из первых общественных народных организаций, безоговорочно признавших советскую власть»¹⁸. Быстро усвоив нарратив большевиков, трезвенники утверждали, что стремились к «братской трудовой коммунистической жизни еще при царском режиме». Члены общины работали, «не покладая рук, в тех областях общегосударственного строительства, участие и работа в которых не противоречила их совести и религиозным убеждениям: в деле народного образования, в продовольственных органах, в области здравоохранения»¹⁹. Уже в 1918 г. трезвенниками было организовано несколько земледельческих колоний, открыты вегетарианские столовые в Москве, Твери, Тамбове и других городах, устроены «трезвеннические» больницы, типографии, издательство, школы детские дома, в которых воспитывалось около 400 детей. 15 февраля 1919 г. трезвенники выступили с воззванием «К союзникам и ко всем идущим войной на Россию», в котором защищали завоевания новой власти. Обращение передавалось по радио и получило широкий резонанс²⁰.

Со своей стороны, «отец сектантской утопии» В. Д. Бонч-Бруевич делал все, чтобы укрепить альянс. Управление делами СНК РСФСР 1 августа 1918 г. выдало общине-коммуне удостоверение, в котором отмечалась «плодотворная и полезная деятельность» трезвенников и всем представителям власти на местах предлагалось «бережно относиться к этой общине – коммуне и отнюдь не преследовать, а помогать ее развитию как рассаднику дорогого нам коммунизма»²¹. 8 марта 1919 г. В. Д. Бонч-Бруевич оформил очередной документ, адресованный народному комиссару государственного контроля К. И. Ландеру, в котором отмечал, что «организации трезвенников общепользны для нашей советской социалистической республики», в частности трезвенники активно работали в кооперативе «Коммунист» при управлении делами СНК РСФСР, а также сделали «большую закупку ненормированных продуктов (180 вагонов)»²². 24 апреля 1920 г. московская община трезвенников получила удостоверение Президиума Моссовета за подписью Л. Б. Каменева, в котором было написано следующее: «Сим удостоверяется, что московская трудовая община-коммуна "Трезвая жизнь", состоящая из тружеников – рабочих, крестьян и ремесленников и заключающая в себе такие общественно полезные учреждения как вегетарианские столовые, мастерские, общежития, ... склады, огороды, сады, больница, прачечная, типографии, книгоиздательство, библиотека, книжные склады, школа, детские колонии и земледельческие поселения в Московской, Тверской и Тамбовской губерниях, пользуется нашим покровительством, и поэтому Президиум Московского Совета Р. и К. Д. предписывает органам Московского Совета Р. и К. Д. не допускать по отношению к этой коммуне и ее учреждениям никаких мер иначе, как по предварительному соглашению с президиумом»²³. Аналогичные положительные отзывы трезвенники получили в 1920 г. от Тамбовского губернского земельного отдела и Коломенского уездного земельного управления.

Однако полюбовные отношения трезвенников с большевиками продлились недолго. Лояльное отношение к «сектам» никогда не было единственной доминирующей линией в большевистской политике. Значительная часть членов партии и органы политической полиции априори бескомпромиссно выступали против «сект». Резко негативно по отношению к неортодоксальным конфессиям было настроено большинство членов секретной партийно-чекистской

ский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. Исторический альманах. М.-СПб, 1996, Т. 19, С. 275–319; Он же: Хлыст. Секты, литература и революция. М, 1998.

¹⁸ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 24–26.

²¹ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 2–3.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же.

комиссии при ЦК РКП(б) – ВКП(б), отвечавшей в 1922–1929 гг. за выработку и осуществление «церковной» политики советского государства. Четкой разделительной линией здесь стал религиозный пацифизм, проповедуемый трезвенниками. «Исповедуя учение Иисуса Христа о братстве всех людей», трезвенники еще в ходе Первой мировой войны отказывались от службы в императорской армии. Казалось бы, декрет СНК РСФСР от 4 января 1919 г., провозглашавший освобождение от военной службы по религиозным убеждениям, отвечал всем чаяниям религиозных пацифистов, однако уже «в период гражданской войны бывали случаи притеснений сектантских общин и жесткой расправы с отдельными лицами за отказ от военной службы по религиозным убеждениям (вплоть до расстрела)»²⁴. Тем не менее, трезвенники «объясняли себе все это условиями переживаемого момента и полагали, что установлением мирного уклада жизни все это минует». Но с течением времени ситуация для религиозных пацифистов только ухудшалась: большевики предприняли в 1920-е годы максимум усилий, чтобы добиться от верующих «добровольного» признания военной службы с оружием в руках. В свою очередь вопрос о «добровольном» признании военной службы был использован в качестве яблока раздора для раскола изнутри неортодоксального христианства²⁵.

Первая провокация против трезвенников была предпринята чекистами в марте 1920 г. Сотрудник ВЧК Христофор Климентов был «внедрен» в общину под видом религиозного человека, отказывавшегося по своим убеждениям от военной службы. После получения удостоверения об освобождении он был отправлен Колосковым воспитателем в детскую колонию трезвенников в Тверскую губернию. 15 мая 1920 г. агенты ВЧК арестовали четверых человек (заведующего колонией, инструктора по сельскому хозяйству, одного из воспитанников и женщину – члена общины), новым заведующим был назначен никто иной как Климентов. В результате колония была разгромлена, живой и мертвый инвентарь разбазарен, на квартире И. Н. Колоскова произведены обыски²⁶. Инициатором провокации трезвенники не без оснований считали сотрудника СО ВЧК Ивана Анатольевича Шпицберга²⁷, фактического предшественника известного деятеля ЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД Евгения Александровича Тучкова²⁸ на посту «главного специалиста» органов тайной полиции по борьбе с религиозными организациями.

Следующим, более сильным, хотя и косвенным, ударом по трезвенникам стал судебный процесс над тремя руководителями Объединенного Совета религиозных общин и групп (ОСРОГ)²⁹, организованный ВЧК во исполнение постановления Оргбюро ЦК РКП(б). 3 марта 1921 г. Н. Н. Крестинский, Л. П. Серебряков, И. В. Сталин, М. П. Томский и другие члены Оргбюро санкционировали проведение суда «против ОСРОИГ в лице тов[арища] председателя его Шохор-Троцкого и др[угих] за злоупотребления при выдаче

²⁴ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 4.

²⁵ Савин А. И. Разделяй и властвуй... С. 3–23.

²⁶ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 6–7.

²⁷ С января 1921 г. И. А. Шпицберг возглавлял 7-е отделение СО ВЧК, задачей которого была «работа против разных партий». См.: Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 17.

²⁸ Тучков Евгений Александрович (1892–1957), на службе в ЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД с 1918 г., с 1922 г. по 1929 г. – начальник 6-го отделения СО ГПУ–ОГПУ, к компетенции которого относилась борьба с религиозными организациями в СССР. С октября 1922 г. по ноябрь 1929 г. – секретарь Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозная комиссия). В 1930 г. – помощник начальника СО ОГПУ, в марте 1931 г. назначен помощником начальника Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ, сохранив за собой пост начальника 3-го (церковного) отделения СПО. До марта 1932 г. – член Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК. С сентября 1932 г. непродолжительное время – заместитель Полномочного Представителя ОГПУ по Уралу. В середине 1930-х годов – на работе в аппарате Особоуполномоченного НКВД СССР, на октябрь 1939 г. – зам. Особоуполномоченного НКВД СССР. 10 октября 1939 г. уволен из НКВД со снятием с учета в звании майора ГБ (9.12.1935). Дважды награждался знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ».

²⁹ Колосков входил непосредственно в состав руководства ОСРОГ. См., например: Марцинковский В. Записки верующего. Новосибирск, 1994. С. 87.

удостоверений, освобождающих от военной службы»³⁰. Оргбюро также одобрило решение ВЧК о придании широкого политического характера судебному разбирательству. 11 марта 1921 г. всем губчека было направлен циркуляр ВЧК о выемке документов ОСРОГ за подписью Ф. Э. Держинского. Как отмечалось в тексте, «циркуляр имеет целью борьбу с обществами, под флагом религии открыто ведущими агитацию, способствующую разложению Красной Армии, против исполнения продовольственных разверсток и трудовых повинностей»³¹. Суд над деятелями ОСРОГ был оперативно организован и проведен в марте 1921 года³². Колосков писал позднее с горечью: «Тогда же всем стало ясно, что в сущности судят не трех членов Объединенного совета, а все сектантство»³³. Шпицберг был позднее по настоянию Ленина исключен из партии и уволен из ВЧК, очевидно свою роль здесь сыграло также открытое письмо Колоскова «следователю ВЧК Шпицбергу [...] как лицу, непосредственно ведущему борьбу с русским сектантством». Копии письма были также отправлены Ленину, Калинину и Ярославскому в 1921 г. «Но увы – писал Колосков – на смену Шпицберга первого явились многие другие “шпицберги”, которые и продолжали “помогать” общине трезвенников в духе Шпицберга 1-го»³⁴.

В 1923 г. «колосковцы» впервые попали непосредственно в поле зрения Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б). 31 октября 1923 г. Комиссия заслушала первым пунктом повестки сообщение «О запросе прокурора Республики о мнении комиссии по вопросу об отобрании помещения у колосковцев, предназначенного для их молитвенных собраний», и приняла решение, «оставить помещение за колосковцами»³⁵. Речь шла о доме (общежитии-коммуне) общины по ул. Малая Бронная, приобретенном трезвенниками в собственность еще в 1915 г. Дом в сентябре 1923 г. решением губернского суда был передан в распоряжение завода ДУКС. Борьба за дом шла два года, трезвенников активно поддерживал П. Г. Смидович, еще один старый большевик и член Антирелигиозной комиссии. Возможно, либеральное решение Комиссии было продиктовано именно под его влиянием, но в итоге дом все же отобрали. Трезвенники видели здесь только один мотив – «надо было уничтожить молитвенный дом сектантов, этот рассадник суеверий и темноты»³⁶. Когда в ноябре 1925 г. вновь возник вопрос об отобрании у трезвенников очередного помещения, члены Антирелигиозной комиссии высказались уже более радикально, хотя и здесь попытались сделать хорошую мину при плохой игре. 11 ноября 1925 г. Комиссия приняла решение передать решение вопроса «Об отобрании помещения от обва “Трезвая жизнь”» по адресу Петровка, дом № 10, на усмотрение Президиума Моссовета. Но поскольку отобранное здание предполагалось передать редакции журнала «Безбожник у станка», Комиссия во избежание лишней критики высказалась против передачи помещения именно антирелигиозному журналу³⁷.

Постепенное вытеснение трезвенников шло не только в Москве, но и в провинции. В 1924 г. у колонии трезвенников близ деревни Борзцево Коломенского уезда Московской губернии за якобы не сдачу сельхозналога был конфискован весь скот – 18 голов коров, семь лошадей и 40 овец, а также фураж. Когда действия местных властей были признаны СНК РСФСР незаконными, Коломенское уездное земельное управление тем не менее саботировало выполнение постановления вышестоящей власти и не вернуло скот и фураж.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 132. Л. 5. Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП(б) № 101, п. 34.

³¹ Ф. Э. Держинский – председатель ВЧК – ОГПУ 1917–1926 / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 266–267.

³² Павлова Т. А. Исторические судьбы российского пацифизма // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 34.

³³ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 30.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 36. Протокол № 37.

³⁶ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 8.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 41. Протокол № 66 Б.

И.Н. Колосков. Январь 1929 г.

В 1925 г. на московскую общину колосковцев обрушилась новая напасть, как писал Колосков, «гнусное и нелепое дело». Душевнобольная женщина, некая Потапова, являлась на молитвенные собрания, устраивала скандалы и дебоши, избивала лиц, пытавшихся выпроводить ее из квартиры. Трезвенники не без основания считали Потапову «слепым орудием в руках органов советской власти для преследования общины»: милиция, которую вызывали верующие, составляла протоколы, «в которых изображалось все дело так, что ... сами пострадавшие трезвенники буйнили и били бедную беззащитную Потапову»³⁸. Трезвенникам пришлось пережить несколько судов, когда же Потапову наконец поместили в психиатрическую лечебницу, в столичной прессе была развязана целенаправленная кампания травли И. Н. Колоскова и лидера толстовцев В. Г. Черткова. Все газетные заметки содержали угрозы, «что-то раскрыть, что-то обнаружить и разоблачить». Под влиянием газетной кампании Потапову выпустили из лечебницы, и она продолжила свой крестовый поход против трезвенников, на этот раз при поддержке «Бюро расследований

³⁸ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 9.

при газете «Правда» и сотрудника Бюро некоего Зорина. Судебные разбирательства грозили затянуться до бесконечности, если бы Потапова лично не явилась в кабинет одного из прокуроров Верховного Суда СССР и не стала обвинять его в продажности и получении взятки от трезвенников. После этого Потапову в 1927 г. вновь поместили в Преображенскую психическую больницу, а Верховный Суд РСФСР прекратил дело в отношении трезвенников.

«Потаповское дело» сорвалось, как писал Колосков, потому что был подобран «совершенно гнилой материал». Но дальнейшие события приняли для трезвенников еще более худший оборот. Совершенно секретное постановление ЦК ВКП(б) «О сектантстве» от 7 апреля 1927 г. наложило фактическое вето на право освобождения от военной службы с оружием в руках. Кроме того, постановление запрещало функционирование «сектантских кооперативов», действующие кооперативные организации верующих предписывалось включить в общекооперативную сеть, полностью подконтрольную государству³⁹. В результате объектом нападок стал кооператив «Трезвая жизнь». Новая газетная кампания была развязана на этот раз в 1927–1928 гг. на страницах журнала «Безбожник», где появилась статья «Липовая кооперация». Автором статьи выступал некто Сакро, бывший директор кооператива «Трезвая жизнь», уволенный за несоответствие занимаемой должности и растрату в вегетарианской столовой на Арбате. К расследованию «сигнала» тут же подключилась РКИ, «было устроено общее собрание, на котором представителями М[осковский] РКИ и другими представителями контроля вся трезвенническая организация была ошельмована как лжекооперация, о чем и было вынесено соответствующее постановление, а также и постановление о реорганизации кооператива трезвенников»⁴⁰. В результате реорганизации на место ответственных работников, выбранных в свое время из числа трезвенников, были назначены «новые люди, люди партийные, честные», но вскоре, как с сарказмом отмечал Колосков, оказалось, что «и среди этих высоко и особо честных людей имеются люди нечестные», в течение первого года проворовались сразу шесть новых управленцев. «Во всей этой истории, – говорилось в обращении трезвенников во ВЦИК – совершенно не были учтены те труды, которые были положены нами на организацию сети хорошо оборудованных, гигиенически организованных вегетарианских столовых, доставлявших полезное питание городскому населению. Наше общинное имущество мановением пера было отнято и у нас и передано в чужие руки. Мы еще раз пострадали только за то, что являемся людьми религиозными»⁴¹.

То, что кампания оздоровления «лжекооператива» дирижировалась с самого верху, свидетельствует протокол заседания Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) от 21 мая 1927 г. В этот день комиссия заслушала первым пунктом повестки сообщение Е. А. Тучкова «О сектантах-трезвенниках (Колосков и др.)». На заседании присутствовали Ем. Ярославский, К. А. Попов, П. Г. Смидович, С. М. Диманштейн и Ф. М. Путинцев. Было принято решение, «поручить т. Тучкову с представителями МК ВКП(б), Админотдела Моссовета и Наркомзема принять меры к переводу существующих религ[иозных] коммун “трезвенников” на советские рельсы». Для реализации этого решения комиссия считала необходимым «дать в общую и антрелиг[иозную] прессу ряд статей, в которых вскрыть религ[иозную] и эконо[мическую] эксплуатацию, существующую в этих коммунах. Принять меры к разложению этих коммун как религиозных организаций путем ввода в них соответ[ствующих] лиц». Знатоку сектантства и «красному профессору» Ф. М. Путинцеву было дано задание, «организовать посылку для ведения пропаганды в коммунах нескольких комсомольцев», а также «провести через адм[инистративные] органы обследование (реви-

³⁹ Текст постановления опубликован: Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. / Составление, вступительная статья и комментарии А. И. Савина. Новосибирск, 2004. С. 217–219.

⁴⁰ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 13.

⁴¹ Там же. Л. 14.

зию) коммун и при обнаружении несоблюдения существ[ующего] Устава о коммунах потребовать его выполнения»⁴².

Колосков и его последователи, несмотря на совершенно недвусмысленные знаки со стороны власти, не желали смириться и заявить вслед за остальными «сектантскими» конфессиями о своем отказе от религиозного пацифизма. 25 апреля 1928 г. Антираионозная комиссия при ЦК ВКП(б) заслушала третьим пунктом повестки сообщение Е. А. Тучкова «О евангелистах-колосковцах» и приняла решение, «ввиду непрекращающейся антивоенной пропаганды колосковцев, а также вызывающего поведения Колоскова, который совсем не желает считаться с законами страны и распоряжениями правительства, поручить ОГПУ принять меры к ликвидации общины колосковцев и высылки Колоскова из Москвы»⁴³. Очевидно, во исполнение этого постановления в конце апреля 1928 г. Колосков был «приглашен» для беседы в ОГПУ. «В один прекрасный день, – писали трезвенники – подкатил автомобиль к квартире нашего руководителя И. Н. Колоскова и забрав его, увез в вышеуказанное учреждение». На Лубянке после допроса чекисты предложили Колоскову подписать от имени общины заявление о признании военной службы. Колосков отказался решать вопрос единолично, пообещав «лишь доложить всей общине о сделанном ему предложении». После обмена мнениями члены общины подали заявление в ОГПУ, в котором писали, что просят «не принуждать их изменять взгляды общины на этот вопрос и в случае невозможности применения к общине параграфа 13 конституции СССР, просим отпустить нашего руководителя И. Н. Колоскова за границу для приискания места для переселения всей общины»⁴⁴.

В конце 1928 г. власти предприняли меры, призванные выбить почву из-под ног строптивых трезвенников: местные районные советы приняли решения о ликвидации двух последних помещений, служивших колосковцам местом собраний. Решение о расторжении договоров на аренду молитвенных помещений было принято Замоскворецким райсоветом 10 декабря и подтверждено 31 декабря 1928 г.: согласно первому решению властей трезвенники должны были очистить помещение по адресу Большая Якиманка, 26 к 15 февраля 1929 г., потом срок ужесточили и перенесли дату на 1 февраля 1929 г. В свою очередь Бауманский райсовет требовал очистить помещение по адресу Почтовая, 28 к 15 января 1929 года⁴⁵.

13 января 1929 г. в Москве прошло общее собрание общины христиан-трезвенников, на котором присутствовало 480 человек членов общины и 125 кандидатов, под председательством И. М. Чудаева. На собрании выступил председатель общины Н. Н. Смирнов, который описал ситуацию с церквями. Собрание приняло решение подать докладную записку во ВЦИК, а копии в разные государственные учреждения, «о всех пережитых притеснениях за религиозные убеждения, как вообще сектантов, а в частности нашей общины». Кроме того, были избраны пять делегатов во главе с Чудаевым И. М. и Захаровой М. Я., которым поручалось подписать записку во ВЦИК и выступать с ходатайствами в правительственные учреждения⁴⁶.

Это решение было выполнено быстро, уже 15 января 1929 г. во ВЦИК была отправлена записка под названием «Рим горит, а христиане виноваты», с многочисленными приложениями, которая и стала формальным основанием для уголовного преследования руководства общины трезвенников⁴⁷. В записке описывалась вся история взаимоотношений большевиков и трезвенников, требования верующих носили острый, неконформистский

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 353. Л. 39. Протокол № 88.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 11. Протокол № 98.

⁴⁴ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 15.

⁴⁵ Там же. Л. 16–17.

⁴⁶ ЦА ФСБ, Д. Р-32621. Л. 40.

⁴⁷ По своему накалу и степени неконформизма она значительно превзошла программную записку евангельских христиан-трезвенников от 15 мая 1924 г., адресованную в ЦК РКП(б). Пространные выдержки из записки 1924 г. опубликованы. См.: *Нежный А.* Комиссар дьявола. М., 1993. С. 118–130.

характер. Когда речь зашла об отобрании помещений по Большой Якиманке и Почтовой, трезвенники с горечью констатировали: «Итак, круг замыкается: сначала от нас отобраны были все средства к самостоятельному существованию – столовые, мастерские, сельскохозяйственные колонии⁴⁸; потом от нас отобрали дом, наполовину построенный нашими руками, и наконец, нас лишают возможности даже молиться»⁴⁹.

Далее следовало провокационное, с точки зрения большевиков, заявление о ликвидации параграфа 13 Конституции СССР о свободе совести: «С полным сознанием своей моральной ответственности, гражданского мужества мы предлагаем отменить этот злополучный параграф 13 Конституции СССР. С уничтожением его, по крайней мере, мы будем знать, что власть не прикрывается и не вводит в заблуждение трудовой народ, а открыто и официально искореняет религию, преследуя верующих и не обнаруживая при этом трусости перед кем-либо, хотя бы это и возмущало весь остальной культурный мир ... Нас преследуют не за совершенные нами преступления и нарушения законов государства, в котором мы живем, а за нашу веру, за наши убеждения. Религиозный человек сейчас вне закона»⁵⁰.

Завершала записку резкая отповедь: «Вам кажется, что с разрушением церквей и закрытием молитвенных домов сектантов, а также с разгромом сектантских организаций и ссылками религиозных людей в Соловки и другие гиблые места разрушается религия, искореняется вера в людях, но это глубокое заблуждение ... Никогда еще грубое насилие не искореняло в людях потребности в вере и самой веры ... Мы переживаем интересное время, когда церковь отделена от государства и фактически поставлена вне закона, а в то же время учреждается новая религия, новый религиозный культ, который поддерживается и насаждается государственной властью ... современные нам Робеспьеры работают над созданием новой религии ... народ в подавляющей массе своей глубоко религиозен, а власть признает всякую религию контрреволюционной, враждебной государственному строю, ныне существующему в России. Власть, таким образом, опять оторвалась от народа и не видит, чем живет этот народ ... Жизнь руководящей партии и жизнь народа – две несовместимые, ничего общего не имеющие величины, и эта оторванность власти от народа, это непонимание властью нужд и интересов народных создает ненормальные взаимоотношения. С одной стороны – самая грубая и глупая издевка над самым дорогим, что есть для человека – над его святой святых, над его совестью, над его верой, а с другой – затаенная обида или фальшь и притворство. Мы далеки от вражды и ненависти к Советской власти, ибо несмотря на все ненормальности наших взаимоотношений с властью и преследования нас, все наши симпатии на стороне истинно коммунистического строя, для установления которого – мы верим – работает и современная власть. Но мы не можем молча смотреть, когда самое дорогое – права свободного человека и гражданина – свобода совести и вероисповедания – грубо попираются и по величайшему недоразумению религия христианская признана враждебной строительству коммунизма»⁵¹.

⁴⁸ К моменту подачи декларации у трезвенников оставалась только сельскохозяйственная колония близ д. Борзцово Коломенского уезда, которую, как они писали, «по-видимому, ожидает та же участь. Уже дано представители местной власти добиваются до нее». С подачи властей активисты из числа местных жителей приходили на собрания общины, пели там светские песни, курили, без разрешения установили радио, принимали попытку устроить красный уголок. Еще ранее, летом 1927 г. под предлогом нарушения правил регистрации был отнят весь скот, движимое и недвижимое имущество, посеы колонии близ с. Каледино-Коломенского уезда: «Хозяйство трезвенников было с корнем вырвано и разорено, а членам общины, проживавшим в то время там, было предложено немедленно удалиться на все четыре стороны». См. «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 15–17. Подробнее о сельскохозяйственных колониях трезвенников см.: *Редькина О. Ю.* Сельскохозяйственные религиозные трудовые кооперативы в 1917–1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004. С. 657.

⁴⁹ «Рим горит, а христиане виноваты». Л.17.

⁵⁰ Там же. Л. 18.

⁵¹ Там же. Л. 19–21.

В последних строках обращения трезвенники вновь просили дать разрешение выехать из СССР «в какую-либо свободную страну» и напоминали власть имущим о своих общих «коммунистических корнях»: «Просим также, товарищи, не рассматривать настоящее письмо как контрреволюционное выступление, а отнестись к нему как к воплю ... доведенных до отчаяния людей, по-прежнему любящих свою родину, во все времена много-страдальную Россию, которой мы искренне и чистосердечно желаем дальнейшего процветания на поприще строительства новой коммунистической жизни. Мы верим, что и представители современной власти, те, которые гонят нас, тоже хотят блага нашей родине и тоже стремятся к установлению подлинно коммунистического строя жизни. И вот эта вера, эта надежда, что и они – наши гонители – преследуют те же цели, что и мы, дает нам уверенность что мы будем поняты ... что наш вопль будет услышан, наши просьбы будут удовлетворены... Мы ждем... мы надеемся... мы верим...»⁵².

За вторую половину января – начало февраля 1929 г. трезвенники успели еще несколько раз обратиться к высшим органам власти в попытке сохранить институционные основы существования общины. В своей записке в Моссовет от 19 января 1929 г. они заявляли, что «мы не можем рассматривать эти действия райсоветов иначе, как меры грубого насилия над нами, и как акт грубого нарушения наших прав – граждан Советского Союза СР. Ибо община состоит из рабочих и служащих и вообще бедноты». Легитимировать требования трезвенников, с их точки зрения, должна была история помещения по адресу ул. Почтовая, 28 Бауманского района – трезвенники заняли его в 1909 г., переделали «нашими мозолистыми руками» из конюшни в место молитвы, которое дало «возможность тысячам пьяниц сделаться трезвыми членами общества»⁵³. 1 февраля 1929 г. была подана записка в Президиум ЦИК СССР (с приложением записки в Моссовет от 13 января 1929 г.), по сути это был акт отчаяния, так как изъятие помещений было назначено на день подачи записки, т. е. на 1 февраля 1929 года⁵⁴.

Нелицеприятный тон обращений трезвенников не мог не раздражать руководство большевиков. 2 февраля 1929 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) заслушала пятым пунктом повестки сообщение Е. А. Тучкова «О сектантах-колосковцах»: «Считать, что присланный документ за подписью Смирнова, Захаровой и др[угих], датированный 13 января 1929 г. (прот[окол] общего собрания евангелистов) направлен на дискредитацию советской власти и партии. Поручить ОГПУ выяснить авторов документа и в случае распространения последнего привлечь виновных к ответственности. Не препятствовать выезду за границу сектантам-колосковцам в случае их ходатайства об этом»⁵⁵.

На следующий день, 3 февраля 1929 г., вновь собралось общее собрание трезвенников, на котором было сообщено об отказе Моссовета удовлетворить их ходатайство. В свою очередь члены общины приняли самое что ни на есть «контрреволюционное», с точки зрения власти, решение: «Об умножении копии докладной записки, поданной во ВЦИК и разные учреждения о стеснениях за веру, пережитых общиной ев[ангельских] хр[истиан] трезвенников». Постановление гласило: «Общее собрание решило очень желательным всем членам иметь эти копии как исторический документ, так как в них описаны все тяжелые переживания, опыты стеснений за веру как при царе, так и советской власти, а потому постановило их умножить и разослать их и в другие родные общины»⁵⁶.

⁵² Рим горит, а христиане виноваты». Л. 22. Записка была направлена М. И. Калинину, А. И. Рыкову, П. Г. Смидовичу, А. С. Енукидзе, А. С. Киселеву, В. Р. Менжинскому, М. М. Литвинову, Г. В. Чичерину, А. В. Луначарскому, В. Д. Бонч-Бруевичу, А. А. Сольцу, В. Н. Толмачеву, И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, В. В. Куйбышеву и некоему Рогову.

⁵³ ЦА ФСБ. Д. Р-32 621. Л. 41–42.

⁵⁴ Там же. Л. 40.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 29. Протокол № 108.

⁵⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-32 621. Л. 42. В этот же день трезвенники отправили очередную записку в Президиум ВЦИК.

Факт размножения «антисоветского» письма чрезвычайно заинтересовал чекистов. Именно об этом допрашивалась 23 марта 1929 г. арестованная жена Колоскова Екатерина Андриановна. Она подтвердила, что декларация во ВЦИК предварительно обсуждалась на общем собрании и была зачитана секретарем общины М. Я. Захаровой, но категорически отрицала, что ей известен «инициатор и редактор указанной декларации». Точно также она отказалась сообщить, где и каким способом была размножена декларация. Кроме того, Колоскова оспаривала утверждение чекистов о передаче экземпляра декларации за границу, так как «из среды нашей общины никто из членов никакой связи с границей не имеют»⁵⁷.

От диалога с трезвенниками к репрессиям большевики перешли в марте 1929 г. Аресты лидеров общины были произведены 19, 20 и 22 марта 1929 г. Всего было арестовано девять человек, которые содержались в Бутырской тюрьме. Следствие было проведено в течение двух месяцев. В обвинительном заключении, составленном уполномоченным 6-го отделения СО ОГПУ Жикиным, в вину трезвенникам вменялась антимилицаристская пропаганда, отказ от службы в Красной Армии в любой форме, как с оружием, так и без него. Кроме того, им инкриминировалась организация «группы милосердия», которая производила сбор средств и оказывала материальную помощь арестованным и ссыльным сектантам «как невинно пострадавшим от совласти». Вербовку в секту производили обходом квартир, «доказывая, что секта трезвенников осенена святым духом», поэтому многие члены секты говорят на иных языках – эта черта роднила колосковцев с пятидесятниками. Главным основанием к осуждению послужил факт размножения обращения во ВЦИК⁵⁸. Дело было передано на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ, которое своим постановлением от 24 мая 1929 г. осудило Иван Митрофанович Чудаева (1899 г. р., трикотажник Замоскворецкого объединения, бывший секретарь общины трезвенников), Василия Никитича Свиричева (1891 г. р., печатник типографии «Красный пролетарий», проповедник общины) и Никифора Васильевича Александрова (1886 г. р., упаковщик на складе Московско-Казанской железной дороги, проповедник общины) к заключению в концлагерь сроком на три года по ст. 58-10 УК РСФСР. Список осужденных продолжили женщины, в основном персонал и руководство трезвеннических вегетарианских столовых «Гигвигстол»: Екатерина Дмитриевна Соколова (1900 г. р., зам. зав. столовой № 2), Екатерина Андриановна Колоскова (1879 г. р., домохозяйка)⁵⁹, Евдокия Михайловна Харитоновна (1896 г. р., зав. столовой № 1), Фекла Савельевна Кузнецова (1900 г. р., повар столовой № 4) и Елена Дмитриевна Федотова (1904 г. р., повар столовой № 2). Их приговорили к трем годам высылки в Среднюю Азию по ст. 58-10 УК РСФСР. Зоя Яковлевна Бельмер (1880 г. р., образование высшее, машинистка канцелярии Московского отдела евангельских христиан) получила самое мягкое наказание – два месяца лишения свободы по ст. 58-10 УК РСФСР⁶⁰.

И. Н. Колосков и его сподвижница, секретарь московской общины евангельских христиан – трезвенников Мария Яковлевна Захарова, которой в 1930 г. исполнился 31 год, избежали ареста, фактически перейдя на нелегальное положение. По-видимому, мысль о жизни за границей в кругу единомышленников не оставляла Колоскова, и он вместе с Захаровой решил бежать из СССР, нелегально перейдя границу. 19 ноября 1929 г. в 18.30 засада пограничников 43-го Билясуварского погранотряда Погранохраны Закавказского округа задержала при попытке перейти советско-персидскую границу, «согласно имевшихся заранее данных, в 100 метрах от черты границы», Колоскова и его спутницу. Во время задержания ни Колосков, ни Захарова не пытались бежать или оказывать сопротив-

⁵⁷ Там же. Л. 111.

⁵⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-32 621. Л. 129–129 об.

⁵⁹ Вторичным постановлением Особого совещания от 7 марта 1932 г. срок высылки Е. А. Колосковой был продлен еще на три года. 15 июня 1932 г. аналогичное решение было принято в отношении Е. М. Харитоновой с лишением права проживания в 12-ти пунктах Уральской области.

⁶⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-32 621. Л. 130, 146–149, 154–156. Все обвиняемые по делу были реабилитированы в 1967 г., дело пересматривалось по заявлению Е. Д. Федотовой, проживавшей на то время во Владимире.

ление. У Колоскова при обыске было найдено два рубля совзнаками, у Захаровой – 84 доллара и двадцать восемь золотых царских пятирублевиков (деньги общины и личные сбережения Колоскова), а также переписка московской общины трезвенников, в том числе письмо во ВЦИК от 15 января 1929 года⁶¹. На допросе задержанные не скрывали свою принадлежность к общине трезвенников, более того, заявили, что община была закрыта властями 19 марта 1929 г. по неизвестным причинам, часть ее членов была арестована, такая же участь ожидала Колоскова и Захарову, и последние были вынуждены перейти на нелегальное положение. Границу переходили с целью перебраться во Францию, где некая Люси, сотрудница Лиги наций, обещала им материальную поддержку.

Как Колосков, так и Захарова отказывались от дачи показаний в той части, которая больше всего интересовала чекистов: кто оказывал им помощь в их попытке бежать из СССР. Колосков без экивоков объяснял «недачу подробности в показаниях» тем, что «не хочет сделать зла тем людям, которые ему сделали добро»⁶².

После задержания для Колоскова и Захаровой начались «хождения по мукам». 26 ноября 1929 г. как «личности подозрительные, скрывавшиеся от ожидаемого их ареста» они были направлены в распоряжение КРО ГПУ Азербайджана. В начале января 1930 г. Колосков и Захарова были уже в Москве, в Бутырской тюрьме, их делом занималось 6-е (церковное) отделение СО ОГПУ, непосредственно вел дело оперуполномоченный В. Т. Быстров. Колосков дал показания о том, что являлся инициатором написания записки «Рим горит, а христиане виноваты», а также размножил ее на шапирографе и печатной машинке и разослал во все правительственные учреждения и сектантские объединения, но категорически отрицал рассылку записки по иностранным диппредставительствам⁶³. Уже 3 февраля 1930 г. было подготовлено обвинение в отношении Колоскова и Захаровой. Колоскову вменялись преступления по статьям 58-10 и 84 УК РСФСР, Захаровой – 58-10 УК РСФСР. В частности, в обвинительном заключении говорилось: «под флагом религии вели систематическую агитацию против Красной Армии и нелегально издали и распространяли в сотнях экземпляров под названием “докладной записки”, украсив последнюю лозунгом “Рим горит, а христиане виноваты”, где положение религии в СССР сравнивается с гонениями на религию при римском императоре Нероне и Валериане, что верующие подвергаются суровому насилию и преследованию со стороны власти в центре и на местах. Этой докладной запиской снабдили иностранные посольства для антисоветской кампании. 19.III.-29 г. во время операции ОГПУ а[нти]с[оветской] группировки “трезвенников” Колосков И. Н. и Захарова М. Я., чувствуя за собой вину, скрылись от соввласти и перешли на нелегальное положение, откуда 19/XI-29 г. сделали попытку перейти в Закавказье нелегально границу, где и были задержаны. [...] свою виновность не отрицают за исключением передачи докладной записки в иностранное посольство»⁶⁴.

Следствие было закончено в начале февраля 1930 г., Колосков и Захарова были «перечислены содержанием под стражей за Коллегией ОГПУ», но допросы тем не менее продолжались. Как держал себя Колосков в ходе следствия, показывает лаконичный протокол допроса от 17 апреля 1930 г.: «Вновь категорически отказываюсь дать какие-либо показания о моей нелегальной деятельности, лицах, меня окружавших и способствовавших попытке перебраться за границу»⁶⁵.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 мая 1930 г. Колосков был осужден к заключению в политизолятор сроком на 10 лет, Захарова – сроком на 5 лет⁶⁶. Сохранились докладная записка за подписью исполняющей обязанности начальника СО ОГПУ

⁶¹ ЦА ФСБ. Д. Р-44 885. Л. 20–21.

⁶² ЦА ФСБ. Д. Р-44 885. Л. 20–21.

⁶³ Там же. Л. 43–43 об.

⁶⁴ Там же. Л. 51–51 об.

⁶⁵ Там же. Л. 57.

⁶⁶ Там же. Л. 59.

А. А. Андреевой и начальника 6-го (церковного) отделения СО ОГПУ И. В. Полянского⁶⁷ (от 15 или 25 мая 1930 г.) с категорическим протестом против пересмотра дела Колоскова, а также заключение за подписью секретаря Коллегии ОГПУ от 19 июня 1930 г. «о нежелательности удовлетворения ходатайства об изменении Колоскову меры социальной защиты»⁶⁸. Кто был автором ходатайства – сам Колосков или кто-то еще, остается неясным. В докладной записке чекистов упоминается «переписка ЦИК СССР по делу И. Н. Колоскова», возможно за вожака трезвенников пытался заступиться кто-то из сторонников «сектантской утопии» среди большевиков, Смидович, Бонч-Бруевич или кто-то еще.

О дальнейшей судьбе Ивана Колоскова его родственники и потомки узнали благодаря М. Я. Захаровой. Их вместе отправили в Ярославский политизолятор и поместили в камеры по соседству. В 1932 г. Колоскову запретили переписку с женой и сыновьями, а также свидания. В ответ Колосков объявил голодовку. Судя по свидетельству М. Я. Захаровой, администрация тюрьмы предприняла меры с целью воздействовать на строптивого зека (обливание холодной водой из брандспойта, посадка в карцер), которые серьезно ухудшили состояние Колоскова и ускорили его смерть⁶⁹. На выписке из протокола заседания Коллегии ОГПУ от 8 мая 1930 г., хранящейся в архивно-следственном деле Колоскова, поверх его фамилии написано от руки черными чернилами «Помер». В ходе реабилитации органы власти безуспешно пытались выяснить обстоятельства и место смерти лидера русских трезвенников. Что касается Захаровой, то решением ОСО при НКВД СССР от 17 ноября 1934 г. по отбытии срока наказания она была выслана в Казахстан сроком на два года. Очевидно ни Колосков, ни Захарова не знали, что по иронии судьбы, начиная с сентября 1929 г., в Ярославском политизоляторе вместе с ними отбывал трехлетний срок заключения основатель трезвеннического движения И. А. Чуриков. В 1932 г. решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ срок заключения был продлен Чурикову еще на три года, и Иван Алексеевич умер в Ярославском политизоляторе 5 сентября 1933 г., ненадолго пережив своего ученика и последователя⁷⁰.

Дмитрий Философов писал в 1912 г. о том, что русский народ существует вне политической жизни, он весь в религии, и называл «братцев Иванушек» – Ивана Чурикова и Ивана Колоскова, баптистов, хлыстов и штундистов «истинными политическими партиями народа»⁷¹. Трагическая судьба Колоскова и разгром трезвеннического движения не должны удивлять: власть большевиков, подобно легендарному царю Мидасу, который все превращал своим прикосновением в золото, придавала политический характер всему окружающему. Трезвенничество, с его морально-этическим кодексом, религиозной мотивацией, пацифизмом и вегетарианством, неизбежно должно было оказаться в рядах идео-

⁶⁷ Полянский Иван Васильевич (1898–1956), сотрудник органов государственной безопасности, советский и партийный деятель. Член РКП(б) с 1918 г. На февраль 1922 г. нач. отдела Уфимской губЧК, впоследствии работал во Всебашкирском облотделе ГПУ и ПП ОГПУ по ДВО. С января 1926 г. начальник СОЧ и заместитель начальника Бурят-Монгольского облотдела ПП ОГПУ Сибкрая. В июле 1926 г. откомандирован в ПП ОГПУ по Московской обл. С 1926 г. – помощник начальника, с 1930 г. начальник 6-го отделения СО ОГПУ СССР. В 1929 г. короткое время занимал пост секретаря Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б). С 1 апреля 1933 г. начальник 3-го (церковного) отделения СПО ОГПУ–НКВД СССР. В марте 1932 г. введен в состав Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК в качестве замены выбывшего Е.А. Тучкова. С 1934 г. — член Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР. С 1935 г. работал в УНКВД по Ленинградской обл., с февраля 1938 г. – заместитель начальника Оперода УНКВД по Ленинградской обл. В 1942–1944 гг. – начальник Транспортного отдела НКВД–НКГБ Октябрьской железной дороги, с 1944 г. – начальник отдела 2-го управления НКГБ СССР. Полковник ГБ (1944). Уволен из МГБ на пенсию в 1948 г. В 1944–1956 гг. – председатель Совета по делам религиозных культов при СНК (Совете Министров) СССР. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, «Знак Почета», знаком «Почетный работник ВЧК–ОГПУ».

⁶⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-44 885. Л. 55-56.

⁶⁹ Франчук В. И. Просила Россия дождя у господ... С. 209–210.

⁷⁰ Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России... С. 251.

⁷¹ Философов Д. В. Неугасимая лампада. Статьи по церковным и религиозным вопросам... С. 14.

логических противников новых властителей России, а «человек-партия» Иван Колосков – закончить жизнь с клеймом «врага народа».

Список литературы

- Апостол трезвости: Иоанн Алексеевич Чуриков / Сост. Комков М. П., Плотникова В. В. СПб.: Алетей, 2014. 239 с.
- Зарембо Н. Г.* Духовные власти Санкт-Петербурга и народное трезвенническое движение чуриковцев (1907–1914 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 126. СПб., 2010. С. 30–35.
- Громогласов И. М.* Московские трезвенники. Речь, произнесенная в Москве 6 мая в Политехническом музее в открытом собрании Союза 17 октября. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1913. 18 с.
- Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Г.* Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. 308 с.
- Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2003. 768 с.
- Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 8. 990 ст.
- Нежный А.* Комиссар дьявола. М.: Протестант, 1993. 271 с.
- Müller, Eberhard:* Opportunismus oder Utopie? V. D. Bonc-Bruevitsch und die russischen Sekten vor und nach der Revolution. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 35 (1987). S. 509–533.
- Павлова Т. А.* Исторические судьбы российского пацифизма // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 28–42.
- Путинцев Ф. М.* Политическая роль и тактика сект. М., 1935. 480 с.
- Редькина О. Ю.* Сельскохозяйственные религиозные трудовые кооперативы в 1917–1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004. 708 с.
- Савин А. И.* «Разделяй и властвуй». Религиозная политика советского государства и евангельские церкви в 1920-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. № 15 (75). С. 3–23.
- Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. / Сост., вступительная статья и комментарии А.И. Савина. Новосибирск: Посох, 2004. 427 с.
- Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. М.: Время, 2014. Т. 1. 660 с.
- Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ 1917–1926 / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. 872 с.
- Философов Д. В.* Неугасимая лампада. Статьи по церковным и религиозным вопросам. М., 1912. 204 с.
- Франчук В. И.* Просила Россия дождя у господ. Киев, 2002. Т. 2. 652 с.
- Эткинд А.* Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича. // Минувшее. Исторический альманах. М-СПб. 1996. Т.19. С. 275–319.
- Эткинд А.* Хлыст. Секты, литература и революция. М. 1998. 688 с.

*A. I. Savin**

“Rome is burning and Christians are to blame”: Life and Destiny of Teetotaler Ivan Koloskov

The article focuses on Ivan Koloskov (1876–1932), one of the founders and leaders of temperance movement in Russia. Most significant sources for this article were investigation files of the teetotalers, mainly their “letters to authorities” in 1920s. Here the biography of I. N. Koloskov is viewed in broad historical context, and the main focus is on Bolshevik’s anti-religious policy concerning so-called “cultists”. The article also considers religious pacifism, vegetarianism and economic activity of teetotalers, as well as their recusancy when dealing with the government.

Keywords: Ivan Koloskov, teetotaler, Russian Empire, Soviet Union, JSPD, recusancy, repression

Статья поступила в редакцию 5.07.2018

*Savin Andrey I. – Candidate of Sciences (History), senior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: a_savin_2004@mail.ru

**«Выброшенный из общества»:
советский человек о пребывании в сталинском «чистилище»**

В качестве текста, сочетающего в себе черты источника личного происхождения и эго-документа, публикуется фрагмент автобиографических воспоминаний Василия Ивановича Ермоленко (1893–1970). Автор, трудившийся в 1920–1950-х гг. на Алтае в органах статистики, написал свои воспоминания в конце 1960-х гг., выйдя на пенсию и переехав в Новосибирск. Публикуемый фрагмент относится к 1933 г., когда бийский районный инспектор народнохозяйственного учета был арестован по ложному обвинению в анти-советской деятельности и четыре месяца содержался в заключении под следствием. Описываются обстоятельства ареста, допросы с целью добиться самооговора, поведение заключенных в экстремальных условиях. Автор эксплицирует свои мысли и эмоции, пережитые на пороге смерти. Рукопись предоставлена для публикации правнучкой автора Дарьей Ермоленко.

Ключевые слова: 1930-е годы, Барнаул, Бийск, воспоминания, эго-документ, ОГПУ, репрессивная система, досудебное расследование

В современном опыте научно-исследовательской работы историков, так же, как и в практике социально ориентированного историописания, все более значимую роль играет использование мемуарных текстов. Специалисты используют две разные маркировки мемуаров как исторических источников: их относят либо к источникам личного происхождения, либо к эго-документам. Эти две номинации относительно мирно уживаются потому, что они не синонимичны. Источник личного происхождения называется именно так, поскольку создается в приватной сфере его конкретного автора, в отличие от источников официально-коллективного (законодательство, статистика, периодическая печать и пр.) или безавторского (фольклор) происхождения. Эго-источник же выделяется по его содержанию, определяющему его социальную функцию. Это текст, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая, характеризующаяся эгоцентрической формулой: «Я-в-мире»¹, эксплицируется процесс осмысления автором своей персональной или социальной идентичности, рефлексивного соотнесения себя, своей жизни с другими людьми, с обществом и историей, хотя бы и локальной.

Как бы то ни было, отыскание и публикация, введение в научный оборот источников мемуарного характера – одна из насущных задач современной исторической науки, пережившей в XX столетии социальный, культурный, антропологический и лингвистический повороты. Можно назвать немало актуальных для науки и общественно значимых тем, разработка которых существенно облегчается обращением к информации, зафиксированной в эго-источниках, к живым рассказам участников и очевидцев изучаемых исторических коллизий. В то же время, как справедливо пишет историк Н.П. Матханова, опираясь на ранее высказанное мнение А. Г. Тартаковского², специальным объектом исторического исследования становится и сама деятельность людей по созданию и обнародованию мемуарных текстов (воспоминаний, дневников и пр.)³. Можно добавить, что особую ценность для некоторых предметных областей социальной, интеллектуальной, ментальной истории,

* **Владимир Александрович Зверев**, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; главный научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: sosna232@yandex.ru

¹ *Троицкий Ю. Л.* Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 14.

² *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991. С. 220–221.

³ *Матханова Н. П.* Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск, 2010. С. 4.

истории повседневности, истории частной жизни, истории чувств в России XX в. сегодня представляют мемуары «простых» людей, голос которых историки раньше едва слышали – представителей крестьянства, рабочего класса, интеллигенции и служащих, нижних слоев чиновничества, предпринимателей, даже социальных маргиналов и др. Воспоминания участников, наблюдателей или жертв тех исторических катаклизмов, которые неоднократно сотрясали страну в XX столетии, способны помочь глубже разобраться и в объективных обстоятельствах конкретных событий, и в субъективной стороне их восприятия и отражения в мыслях, чувствах и поведении современников.

В настоящей работе мы предлагаем к публикации большой фрагмент из такого яркого источника личного происхождения, который с полным правом может квалифицироваться и как эго-документ – автобиографических воспоминаний Василия Ивановича Ермоленко (1893–1970).

Судя по его автобиографии, В. И. Ермоленко родился в селе Харсики Полтавской губернии в малоземельной семье потомственных запорожских казаков. Эта семья находилась в родстве с фамильным кланом местного уроженца Г. С. Сковороды – странствующего философа, поэта, баснописца и педагога XVIII в., внесшего заметный вклад в культуру восточнославянских народов. В 1894 г. родительская семья переселилась в Сибирь и осела в переселенческом поселке Асинкритовка Локтевской волости Змеиногорского округа Томской губернии (ныне – Локтевский район Алтайского края). Трехлетнее начальное образование Василий приобрел в организованной крестьянами деревенской школе грамоты. С 10 лет по необходимости и в соответствии с традицией он был привлечен родителями к работе на пашне и присмотру за младшими братьями. С 12 лет уже был вынужден зарабатывать на стороне. Побывал учеником приказчика в сельском магазине, батраком у зажиточных односельчан, плотогоном на реке. Встретив однажды на улице благообразного волостного писаря, крепко позавидовал его хорошей одежде и решил, что обязательно станет писарем.

Эта мечта осуществилась, когда он в возрасте 17 лет переехал в Бийский уезд, где работал лесообъездчиком его старший брат. В селе Макарьевском Василий устроился сначала учеником волостного писаря, потом помощником, подрабатывал по совместительству сельским писарем в соседних селениях. В таком статусе он встретил свое совершеннолетие, которое совпадало с возрастом призыва в армию. В 1914–1918 гг., в период своей воинской службы, Василий Ермоленко занимал писарские должности в армейских учреждениях в Бийске и Омске. После демобилизации участвовал в организации управленческой работы в советских, земских и снова советских органах власти в Бийске.

После окончания гражданской войны, в 1920–1926 гг., Василий Иванович служил в Бийском уездном (окружном) статистическом бюро – инструктором, а затем заведующим экономической секции. После упразднения Бийского округа в 1926–1931 гг. он трудится в селе Сростки – экономистом районной плановой комиссии. По-видимому, к этому времени относится его фотография (рис. 1).

Сростинский район просуществовал недолго, и Ермоленко вместе с женой, которая была его коллегой по работе, возвращается в Бийск. С 1931 г. он занимает должность экономиста в Бийском райисполкоме, а в 1932 г. становится районным инспектором народнохозяйственного (статистического) учета. Карьера статистика прерывается в 1933 г. арестом по ложному обвинению в антисоветской деятельности, и более четырех месяцев Ермоленко содержится в заключении под следствием. В 1933 г. чекистами Западно-Сибирского края были сфабрикованы два огромных дела – «белогвардейский заговор» (1759 арестованных бывших белых офицеров, партизан и церковнослужителей) и «заговор в сельском хозяйстве» (2.087 арестованных из числа специалистов-аграрников)⁴. Очевидно арест Ермоленко последовал именно в рамках «заговора в сельском хозяйстве». Об обстоятельствах этого ареста, о незаконных способах допроса с целью добиться самоогово-

⁴ См. подробнее: *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М., 2008.

ра («Сознавайтесь, а в чем – сами знаете»), о поведении товарищей по несчастью в экстремальных условиях, а самое главное – о своих мыслях и чувствах, пережитых на пороге смерти в сталинском «мертвом доме», и повествует Василий Иванович в том фрагменте своих воспоминаний, которые помещаются в нашей публикации.

Рис. 1. Василий Ермоленко в 1920-е гг.

В первой половине 1930-х гг. маховик репрессий еще не был раскручен в полную мощность. В. И. Ермоленко посчастливилось: его освободили из-под следствия, и он возвратился к семье и любимой работе. С 1941 по 1958 г., вплоть до ухода на пенсию, Василий Иванович заведовал Бийской районной инспекцией Центрального статистического управления. Свои воспоминания о прошедшей жизни он написал собственноручно на склоне лет, уже переехав в 1967 г. вместе с женой на жительство в Новосибирск, к сыну Геннадию. Память о событиях прошлого, о сиюминутном восприятии непростых коллизий своей персональной жизни, исторических перипетий своей малой родины и страны в целом подпитывалась у мемуариста записями в тех дневниках, которые он вел в течение многих лет.

Текст воспоминаний В.И. Ермоленко, которые мы цитируем далее, написан аккуратным, уверенным и довольно размашистым почерком почти без ошибок, помарок и исправлений. На качестве текста наверняка сказались многолетний писарский и канцелярский опыт автора, его опора на дневники. Воспоминания размещены на пронумерованных автором 189 страницах общей тетради, разлинованной типографским способом в клеточку. После смерти Василия Ивановича его вдова Людмила Филипповна сделала в той же тетради несколько записей о последних днях жизни супруга и своих посещениях его могилы.

Публикатор узнал о существовании этого интересного исторического источника от правнучки его автора Дарьи Ермоленко. В 2006 г., будучи ученицей 11 класса средней общеобразовательной школы № 136, она выступила на научно-практической конференции Новосибирского научного общества учащихся «Сибирь» с докладом «Судьба человека в судьбе страны в переломный момент истории (по материалам семейного архива)». Доклад и его тезисы были подготовлены под руководством учителя истории Г. С. Сиротиной. В тезисах цитировались некоторые документы из семейного архива, прежде всего воспоминания прадеда. Дарья рассказывала: «В нашей семье бережно хранится все, что оставили предки – письма, дневники, фотографии, воспоминания и записи устных рассказов.

Прадед изучал историю нашей семьи и рода, вывел родословную вплоть до Григория Саввича Сквороды. Он очень подробно описывал происходившие когда-то события, выписывал какие-то факты из газет, записывал анекдоты, ходившие в народе».

Материалы этой теперь уже давней работы школьницы, как и записи из семейного архива Ермоленко, к сожалению, до сих пор не публиковались. По нашей просьбе Д. Ермоленко предоставила нам ксерокопию всего текста воспоминаний прадеда (на рис. 2 представлены две страницы), а также письменный вариант своего доклада, который помог нам в источниковедческом анализе мемуарного источника.

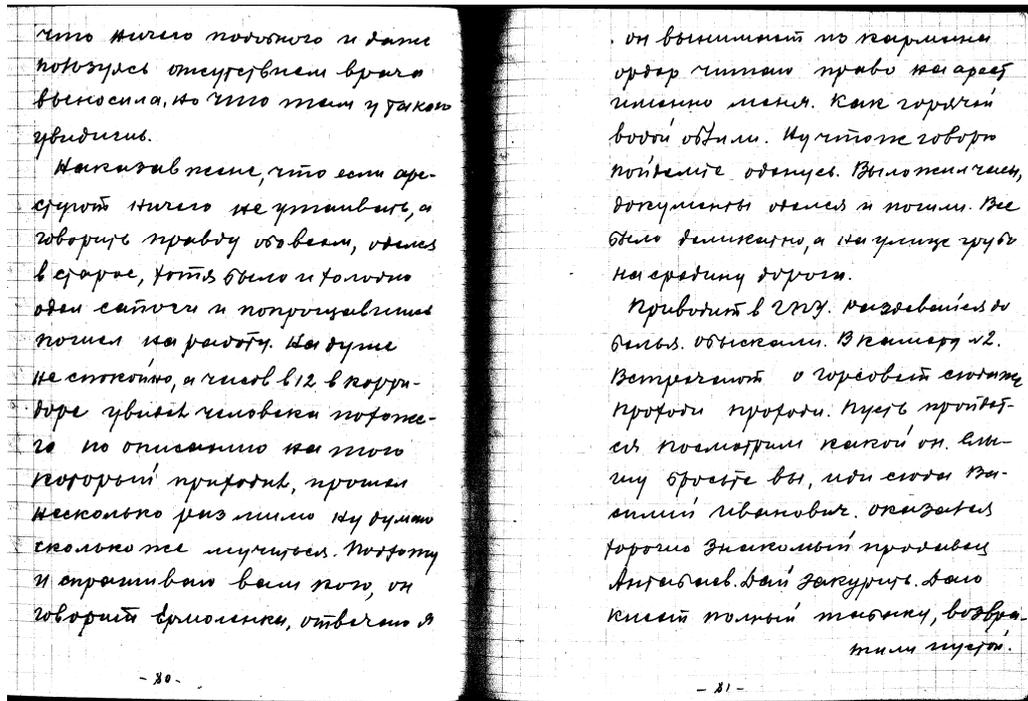

Рис.2. Страницы воспоминаний В. И. Ермоленко

Впервые публикуемый далее фрагмент воспоминаний В. И. Ермоленко помещается на страницах 77–106 рукописного первоисточника. При подготовке текста к изданию мы полностью сохранили содержание публикуемого фрагмента. Проведенная осторожная правка заключалась только в том, что использованы кавычки для выделения прямой речи, местами введено новое разделение текста на абзацы, в прямых скобках вставлены уместные дополнения и расшифровки нестандартных сокращений. В подстрочных примечаниях нами сделаны пояснения, необходимые для лучшего понимания читателями исторических реалий описываемого времени.

Практически одновременно с данной публикацией в коллективной монографии ««История в человеке, попавшемся на ее дороге»: историческая биография в Сибири XIX–XXI вв.» нами обнаружится еще один фрагмент воспоминаний В. И. Ермоленко, относящийся ко времени бурных политических событий 1914–1920 годов⁵. Воспоминания старого статистика, содержащие интересный пласт информации и о «событийной» истории бурного XX столетия на юге Западной Сибири, и об отражении коллизий времени в субъективной сфере мыслей и эмоций «простого» сибиряка – крестьянского сына, солдата царской армии, служащего низового звена советских органов статистики – заслуживают публикации

⁵ «История в человеке, попавшемся на ее дороге»: историческая биография в Сибири XIX–XXI вв. (историографический, источниковедческий и методический аспекты): коллективная монография, посвященная памяти В. Ф. Цыбы / под ред. В. А. Зверева, Н. Н. Родиной, О. М. Хлытиной. Новосибирск, 2018. С. 270–284

в полном объеме и последующего активного использования в работе историка – исследователя, публициста, педагога.

Фрагмент из воспоминаний В.И. Ермоленко

[...] В феврале 1931 г. Сростинский район ликвидировали, и мы вернулись в Бийск. Я поступил на работу экономистом отдела труда [Бийского районного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов], а в сентябре 1932 г. по распоряжению Западно-Сибирского крайисполкома в соответствии с реш[ением] СНК⁶ был отозван на работу в органы государственной статистики и назначен бийским районным инспектором народнохозяйственного учета. Работая на этой должности, я пользовался поддержкой и уважением со стороны руководящих работников райисполкома и райкома партии, и я решил вступить в члены ее и начал готовиться, но этому сбыться не суждено было.

В начале 1933 г. пошли аресты специалистов, врачей, инженеров и др. Был арестован и [мой] свояк, муж сестры жены. Рассказывали подробно, кто приходил арестовывать и как был одет, а 12 февраля прихожу домой с работы, говорят: «Приходил человек и спрашивал тебя». Расспрашиваю и узнаю, что этот человек по внешним признакам похож на того, который арестовал свояка. Возникло подозрение: похоже, приходили за мной. А дома жена несколько дней как пришла из родильного дома. Думаю: ведь говорил – не надо ребенка, а что теперь будет, если арестуют. И с ребенком столько пережил. (Прихожу в родильный, а жена пишет, что у ребенка голова ненормальная. Правда, когда я сказал [об этом медицинской] сестре, она доказывала, что ничего подобного, и даже, пользуясь отсутствием врача, [ребенка мне] выносила, но что там у такого [маленького] увидишь.)

Наказав жене, что, если арестуют, ничего не утаивать, а говорить правду обо всем, оделся в старое, хотя было и холодно, одел сапоги и, попрощавшись, пошел на работу. На душе беспокойно, а часов в 12 в коридоре увидел человека, похожего по описанию на того, который приходил: прошел несколько раз мимо. Ну, думаю, сколько же мучиться. Подхожу и спрашиваю: «Вам кого?». Он говорит: «Ермоленко». Отвечаю: «Я». Он вынимает из кармана ордер. Читаю – право на арест именно меня. Как горячей водой облили. «Ну что же, – говорю, – пойдете, оденусь». Выложил часы, документы. Оделся, и пошли. Все было деликатно, а на улице [он меня] грубо [вытолкнул] на середину дороги.

Приводит в [районный отдел] ГПУ⁷. «Раздевайся до белья», – обыскали. «В камеру № 2». Встречают: «О, горсовет сюда же! Проходи, проходи. Пусть пройдет, посмотрим, какой он». Слышу: «Бросьте вы! Иди сюда, Василий Иванович», – оказался хорошо знакомый продавец Антабаев. «Дай закурить». Даю кисет, полный табаку, возвратили пустой.

Не прошло и полчаса, открывается камера и кричат: «Ермоленко, выходи. Ишь, посадили к своим». Перевели в камеру № 3, а там тоже оказались знакомые, но я залез под нары и лежал там до вечера. Я хотел быть один.

Часов в 10 веч[ера] вызвали по списку человек 20, последним меня: «Выходи с вещами». Я шел последний. В дверях остановили, а через несколько минут пришли и за мной.

Выводят в ограду. Мороз. Втолкнули в круг людей с винтовками. Бессспорно, меня приняли за кого-то другого. Не может быть, чтобы меня [взяли] под такой усиленный конвой. Через некоторое время привели еще арестованных и, предупредив не разговаривать, а шаг в сторону – будут стрелять, повели по городу. На улице огни, толпы гуляющих, а нас ведут. Проходим переулок, по которому ходил на работу. «Прощай, все родные, больше не вернусь».

⁶ СНК СССР – Совет Народных Комиссаров – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти в СССР 1922–1946 гг.

⁷ ГПУ (ОГПУ) – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР в 1923–1934 гг., орган по борьбе контрреволюцией, шпионажем, обеспечению государственной безопасности и борьбе с чуждыми советской власти элементами.

Привели на вокзальную площадь. Команда: «Садись». Сажусь – холодно. Смотрю на других: оказывается, надо было только присесть [на корточки]. Затем привели к вагону: «Заходи, размещайся, не разговаривай!».

Рано утром были в Барнауле. Мороз. Привели в ограду [местного отдела] ГПУ. Минут через 20 завели в помещение и [разместили] по камерам, человека по три – четыре, а меня одного, но и здесь в камере оказались знакомые. Камера маленькая, примерно 15–20 м², а людей больше 40. Я сел на пол у порога рядом с парашей. Страшно душно. Ночью вызвали на допрос. Предложили стул, папиросы: «Сознайтесь, а в чем, сами знаете. Не признаетесь – идите, подумайте».

Так повторялось три – четыре раза. Не знаю, в чем сознаваться, и не говорят. В пятый или шестой вызов уже потребовали стоять, а на следующий – стоял уже из 30-ти часов [подряд] часов 20 с одним перерывом часа на два. Сначала потел, потом ноги и спина болели, а затем наступает какое-то омертвление⁸. Следователь молчит, читает или уходит, а приходит другой. Прислонись к виском к холодной стене – легче. Прошусь в уборную – не разрешает. Он вышел, а я видел, когда вели, где она. Думаю: пусть что угодно делают – схожу. Вернулся, его еще не было.

В камере объявляет староста (бывший поп) мне бойкот. Никто не разговаривает. Кружки, ложки не дают (у меня ничего не было). Получали 200 гр. глиноподобного хлеба, и прямо с таза попьешь жидкости, и все. Поздно вечером староста камеры подсел ко мне и говорит: «Ты признайся – будет легче»⁹. Я уже соглашался, говорю: «Пусть пишут, я подпишу». «Нет, говорят – надо рассказать». А что рассказать, если не знаешь?

На седьмой день вызывают и говорят: «Ну, теперь придется сознаваться. Пришли новые материалы, и вы не отвертитесь». Прошу прочитать – не читают. Вызвали человека, смотрю – Кучин. Бывший работник земской управы¹⁰, но какой у него вид! Жалко смотреть! Вопрос ему: «Знаете вы этого человека?» – т. е. меня. Отвечает: «Знаю». Мне: «А вы [его] знаете?». «Знаю лет 15». Ему: «Расскажите, как было дело». Отвечает: «18 сентября 1932 [г.] в здании исполкома на выходной во двор лестнице он говорил мне, что в Бийске очень много недовольных, но теперь уже ничего не сделаешь, п[отому] ч[то] советская власть здорово окрепла и приходится быть только недовольными». «А еще что?». «Больше ничего». Я попросил разрешения задать вопросы. «Был ли я у вас или вы у меня на квартире и знаете ли, где [моя] квартира?». Отвечает: «Нет». «Точно помните, что указанный разговор был именно 18 сентября?». Отвечает: «Да». Прошу следователя записать это в протокол, т[ак] к[ак] я в это время был в Новосибирске на съезде. Больше вопросов задавать не разрешили и его увели.

«Ну, теперь признаетесь?». Я ответил, что на предыдущих допросах я клялся до слез, уверяя, что перед советской властью ни в чем не повинен. «У вас же, видимо, есть данные о виновности, поэтому используйте клеветника как основание и расстреливайте. Видимо, так надо. У меня больше ничего нет». Следователь, предупредив, что «усугубляете свое положение», посоветовал подумать еще, «и в случае надобности попроситесь на допрос». На этом закончилось мучение с допросами.

Через два – три дня меня перевели в другое помещение. Подвал очень низкий, с маленькими окошечками. Там было нас около 200 чел[овек]. Теснота страшная. Многие сидели в одних кальсонах, без рубашки. Вскоре туда же прибывает Кучин. Спрашиваю у него: «Зачем ты наговорил на меня всякой небылицы?». Отвечает: «Ну, а что я должен делать, если требуют?». Глупо, но что скажешь?

⁸ Так называемая «выстойка» относилась к основному арсеналу получения «добровольных» признаний от подследственных в 1930-е годы. Особо упорных арестованных вынуждали стоять на ногах по двое-трое суток, что превращало «выстойку» в мучительную пытку.

⁹ Судя по поведению старосты, он по заданию чекистов, будучи внутрикамерным осведомителем, добивался от арестованных признаний.

¹⁰ Земская управа – в Западной Сибири – исполнительный орган местного самоуправления при Временном правительстве в 1917 г. и при белогвардейских правительствах в 1918–1919 гг.

Как-то вечером привели пять чел[овек] молодых парней, поместили у порога. Осужденны к расстрелу за ограбление колхоза. Похоже, вожак, молодой красивый парень, рассказывает о приговоре. Предупреждает своих товарищей, чтобы доедали хлеб и соль, п[отому] ч[то] в 12 ч[асов] уже не понадобится. Жутко. Все как-то присмирели. Не спим. В первом часу ночи пришел конвой. Говорят шепотом: «Собирайтесь». Один из них встал, постоял, всбычился и как бы с разбега как ударится головой об кирпичный столб под балкой. Его схватили, голова опустилась. Уволокли. Долго еще люди не могли уснуть. Слышны были вздохи и изредка шепот. Тяжелое впечатление произвела эта картина.

В первых числах марта нас повели в тюрьму. Положение с питанием улучшилось. Хлеба стали выдавать по 500 гр., в камере свободнее. Помылись в бане.

Через неделю меня вызвали в канцелярию тюрьмы на работу, а через несколько дней поручили стол отдела пересылки. Предложил сличить дела с людьми: оказалось много дел без людей, а людей без дел. Оказывается, многие были отправлены [в места отбывания наказания] по чужим делам. Много было работы с оформлением.

Случай: приказ – вечером всех (и работающих) в камеры. Караул заменили. «Свет погасить. Не курить». Оказывается, [проводится] крупная операция. Этой ночью исчезли люди из барака, которые были там сконцентрированы под предлогом отправки их в этап. В действительности же наутро около барака было много вещей, валялись письма, карточки и проч[ее].

Работаю. Жду решения судьбы. Каждое утро приносят приговоры чрезвычайной тройки, которые просматриваются с страшным волнением.

Однажды поздно вечером сижу, занимаюсь, подходит ко мне один из работников секретной части и говорит: «Неприятность. Подготовься. Твое дело взяли в ГПУ в числе других 80-ти. Эти случаи бывают с страшными роковыми результатами. Могут расстрелять».

Сижу, как в огне. Сердце замерло. Работать, конечно, не могу. Ушел в камеру. Оказывается, этот секрет, видимо, там уже известен, п[отому] ч[то] отношение ко мне резко изменилось. Предлагают поесть гостинцы [из] посылок, курить. Ничего не хочу. Лег на свое место и впал в такое состояние, как будто меня вынули из горячей ванны. Все передумал за всю свою жизнь: отца, мать, братьев, детство. Жизненные неудачи, огорчения. После долгих и мучительных размышлений постепенно начинаю успокаиваться и мириться с мыслью о смерти. Какая-де разница – на 10–15 лет раньше или позже. Умирают же люди молодыми. Убивают на фронте и т. д. И вот наступает какое-то тупое безразличие: «Ну что ж, такая судьба. Жаль только, сына не увижу и не буду знать, что за человек из него выйдет».

В таком положении в камере оказалось нас двое. Сидим, никуда не идем, и никто не вызывает, хотя там у меня работы много. Посмотрим друг на друга, и глаза в пол. Наконец, стали ворожить. Ворожили всеми практикующимися в тюрьме способами, и все получалось так, что он выйдет, а я нет. Хотя и не веришь в это, а тяжело, а он заметно воодушевляется. На вторую ночь его увели и расстреляли.

Я остался один. Еще стало тяжелее. Написал жене письмо, чтобы не ждала. Написал и послал доверенность на право продажи дома. Начальник канцелярии заверил ее, чему я удивился. В письме пишу, чтобы дом продала, постаралась вырастить сына. Поплакал над письмом, и то и другое послал «через стену», т. е. нелегально. Несколько успокоился.

Так прошло три или четыре дня – не помню. И вот... Воскресение, 10–11 ч[асов], выхожу в тюремную ограду (право выхода из камеры как работающему [у меня] было). Весна, день солнечный, теплый. Смотрю на суету людей и кажется странно. Каждый куда-то идет, торопится, спешит, чтобы что-то сделать. А зачем? Скоро ведь умирать, и нас не будет. За оградой лес, жаль [с ним] расставаться. Я так люблю быть в лесу. Сосны шумят, и мне этот шум всегда навевал грусть.

Смотрю – из-за главного корпуса выходит начальник тюрьмы Николаев и, увидев меня, кричит: «Поздравляю, Василий Иванович!». Это меня, откровенно говоря, испугало. Я подумал, что, значит, вместо расстрела [мне присудили] 10 лет, а это значит – лагеря,

тачка, север, словом, муки тяжелого труда, и так стало тяжело на душе, что меня бросило в жар. Мелькнула мысль: «А почему он меня назвал по имени-отчеству, ведь он всегда называл “заклоченный” такой-то?». Подходит ближе. Говорю: «Ну, зачем вы еще издеваетесь. И так тяжело». Говорит: «Да что вы!» (Вы – странно). «Вы через пять минут будете на свободе. Подойдите и посмотрите».

Подхожу. На руке у него стопка дел и сверху мое, на котором из угла на угол синим карандашом крупно написано: «Освободить. Шор»¹¹. Как электроток по виску. В горле ком. Слезы хлынули. Дышать не могу, а говорить тем более. Прислонился к косяку двери и не могу двинуться. Он ушел в канцелярию, а я стою, плачу. Теперь это странно, а тогда... Видимо, сказались нервы... Выскочили товарищи, поздравляют, а я не могу в себя прийти. Побежали в камеру за моими вещами, а я вошел в канцелярию. Документы мне уже готовы. Начальник спрашивает: «Можете сдавать дела?». Там все мои ребята знают, а я не могу. Получаю документы, посмотрел на всех, махнул рукой и вышел.

В сопровождении товарищей иду в комендатуру. Состояние трудно описать. Сажусь на лавку в ожидании очереди для оформления, и вспомнил картину в Третьяковской [галерее] «Не ждали»¹².

Вдруг телефонный звонок, подходит комендант, и слышу, отвечает: «Ермоленко задержать? Хорошо». Как удар по голове. Неужели ошибка? Неужели обратно в камеру? Аж в голове шумит, и сердце заболело. Сажусь сам не свой. Через некоторое время, которое мне показалось вечностью, заходит начальник канцелярии. Посмотрел на меня и спрашивает: «Что с вами? Почему у вас такой вид? Это я просил задержать. Извините». Приказывает охраннику открыть ворота, а не калитку, и мы выходим. Берет меня за талию и говорит: «А теперь ко мне. Вон моя квартира». Я категорически отказываюсь: «Не могу».

Перед нами травка, дети, нарядные люди, веселые, смеющиеся, а ведь я четыре месяца ничего этого не видел. Состояние непередаваемое, а он буквально тащит к себе. Заходим. Никого нет. Наливает стакан водки: «Пей!». Отказываюсь, но он настоял, и я вынужден был выпить, но больше пить не стал, несмотря на его настойчивость.

Наконец, я упрямил отпустить и отправился [домой]. Надо сказать, что такое внимание [мне] было оказано [потому], ч[то] еще в [19]20 г. он мальчишкой работал в моем подчинении на [Всероссийской] переписи населения, и [теперь] показал документ за моей подписью.

Перешел плотину через речку. До города надо пройти более 2 км. Берег. Березки. Пенек. Сел отдохнуть и под влиянием ли пережитого или выпитого, а вернее, того и другого я так зарыдал, что всю душу перевернуло. Мне кажется, это была разрядка. Сидел долго, успокоился, и стало легко и хорошо. Один, близко никого нет. Тихо – хорошо.

Зашел в столовую, а к вечеру – на вокзал, а утром был в родном Бийске. То ли потому, что борода выросла, или одет так, но меня не узнавали, а этого мне и хотелось.

¹¹ Правильно: Шорр Мирон Лазаревич (1907 – после 1955), канд. в чл. ВКП(б) с окт. 1931. Уроженец Таврической губ. Еврей. С марта 1930 пом. уполн. особотделения Барнаульского окротдела-оперсектора ПП ОГПУ Сибкрая – ЗСК. С 1.2.1931 врид уполн. РСО, с 1932 уполн. регстатотделения Барнаульского оперсектора ОГПУ. С 1.4.1933 опер. Учетно-статистич. отдела (УСО) Барнаульского оперсектора ОГПУ, в 1933 участвовал в фабрикации дел лиц, осужденных по «белогвардейскому заговору» и «заговору в сельском хозяйстве». С 1.12.1935 секретарь Барнаульского ГО УНКВД ЗСК. С 5.8.1936 инспектор 2 отделения отдела кадров, секретарь УНКВД ЗСК, на июль 1937 ст. инспектор отдела кадров УНКВД ЗСК, сержант ГБ (22.3.1936). С окт. 1937 секретарь нач-ка УНКВД по Алт. краю, опер. УСО УГБ УНКВД по Алт. краю, сержант ГБ. Арестован 19.12.1937, осужден ВТ СибВО 27.10.1938 к расстрелу по ст. 58-1а-8-11 УК. Военная коллегия Верховного Суда СССР 13.1.1939 отменила приговор и направила дело на доследование. За недоказанностью обвинений 22.2.1940 УНКВД по Алт. краю дело было прекращено. Автор благодарит А. Г. Теплякова за предоставленные сведения.

¹² «Не ждали» – картина И. Е. Репина, написанная в 1884–1888 гг. Отражала первую реакцию членов семьи на возвращение из ссылки революционера-народовольца.

Захожу в дом. Жена сидит на лавке с сыном на руках. Пауза, потом бросается ко мне. Генке было уже 4,5 мес[яца], и он [потянул меня] за бороду, тогда как мужчин боялся. Жена плачет, у меня тоже слезы сами катились. Точная картина «Не ждали».

Думаю, с месяц отдохну, но через два – три дня почувствовал необходимость работать. Вечером все идут с работы, а я сижу, как будто выброшенный из о[бщест]ва, никому не нужный человек.

Иду в поисках работы. Побывал в жилкооперации. Надо [здесь работников], но узнали, что сидел – «Воздержимся», так же было и в других [учреждениях]. С таким пятном трудно устроиться. Наконец, с большим трудом устраиваюсь статистиком-экономистом в Леспромсоюз¹³. Работа не нравилась, но ничего не сделаешь. Спокойно работал около года, а в июне приходит инспектор нархозучета¹⁴ и предлагает вернуться в систему [государственной] статистики. Я отказываюсь, п[отому] ч[то] там я был арестован, и едва ли меня допустят. Однако, подумавши, сказал, что соглашусь перейти туда только в том случае, если будет решение исполкома [районного Совета] об этом. Это мне нужно было еще и потому, что если такое решение состоится, то за мной ничего не числится. Ведь это идти работать в здании исполкома. Он говорит: «Переведем принудительно», – и ушел. Я был уверен, что такого решения не будет, т[ак] к[ак] оно могло состояться только с согласия ОГПУ.

Через несколько дней приходит на работу инспектор Коварский и приносит выписку из решения президиума исполкома [районного] Совета, в котором записано: «Для усиления аппарата инспектуры нархозучета мобилизовать Ермоленко В. И. из Леспромсоюза».

Предъявляется это решение [районному] руководству Леспромсоюза, которое категорически протестует. Ушли в исполком, а, вернувшись, объявили, что «ничего не поделаешь, В[асилию] И[вановичу] придется переходить». Таким образом, я оказался на прежней своей, более близкой и любимой работе в должности экономиста. За период с 1934 по начало 1941 г. много перебывало инспекторов, которые работу не знали, и мне приходилось выполнять должность инспектора, а в 1937 и 1939 гг. проводились [всесоюзные] переписи [населения] с подготовкой к ним почти по году, а я как в той, так и в другой был начальником [районного] бюро переписей [...].

Список литературы

Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург: АсПур, 2014. С. 14–31.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.

Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.

«История в человеке, попавшемся на ее дороге»: историческая биография в Сибири XIX–XXI вв. (историографический, источниковедческий и методический аспекты): коллективная монография, посвященная памяти В. Ф. Цыбы / под ред. В. А. Зверева, Н. Н. Родигиной, О. М. Хлытиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. 325 с.

Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008. 608 с.

¹³ Леспромсоюз – в данном случае – местное отделение кооперативной организации, занимавшейся вопросами лесного и промышленного хозяйства.

¹⁴ Инспектор нархозучета – сотрудник районной инспектуры народнохозяйственного учета, низового звена системы ЦУНХУ (Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР) – советской государственной организации, занимавшейся в 1931–1941 гг. сбором статистических данных в стране.

*V. A. Zverev**

«Thrown out of Society»: a Soviet Man about Surviving in Stalin's «Purgatory»

The published fragment of autobiographical reminiscences of Vasiliy Ivanovich Ermolenko (1893-1970) combines the features of personal source and ego-document. The author worked in statistical department in Altai region during 1920s–1950s, and wrote his memoirs in the late 1960s, when he was enjoying his retirement in Novosibirsk. The published fragment refers to 1933, when the Biysk district inspector of economic accounting was arrested on false charges of anti-Soviet activities and was kept in custody for more than four months. The article describes circumstances of this arrest, interrogations conducted for the purposes of inducing self-incrimination, as well as prisoner's behavior in extreme conditions. The most important part is the author's explication of his thoughts and emotions experienced on the verge of death. The text of the memoirs was given for publication by its author's granddaughter Daria Ermolenko.

Keywords: 1930-s, Barnaul, Biysk, memories, ego-document, Joint State Political Directorate, repressive system, a pre-trial investigation.

Статья поступила в редакцию 27.08.2018

* **Zverev Vladimir A.** – doctor of historical sciences, professor, Novosibirsk State Pedagogical University (NSPU), chief researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: sosna232@yandex.ru

**Армянская депортационная кампания 1949 г.:
попытка персонализации и мемориализации массовой репрессии**

Статья посвящена проблеме составления баз данных и подготовке на их основе «Книг памяти» депортированных. Приводятся результаты работы российско-армянского исследовательского коллектива, исследующего депортацию 14 июня 1949 г., проведенную на территории советских республик – Армении, Грузии, Азербайджана – и Краснодарского края РСФСР, в ходе которой в Алтайский край и Нарым были высланы как «дашнаки» и «турецкоподданные» более 16 тыс. этнических армян. Показаны возможности создания интегрированной базы данных на материалах дел на выселение семей, отложившихся в Национальном архиве Армении и их корректировки на материалах эшелонной статистики и картотек ИЦ МВД.

Ключевые слова: депортация, «дашнаки», «турки», спецпереселенцы, армяне, база данных, книга памяти

После окончания Второй мировой войны в эпицентре депортаций оказалось население западных и закавказских территорий СССР. Власть и силовые структуры аргументировали необходимость принудительных переселений борьбой с националистическим подпольем и необходимостью ускоренной советизации. Депортации с западных территорий страны начались еще в годы войны, но активизировались в 1947–1949 гг. Волны выселений шли одна за другой: в 1947 г. в ссылку попали больше 75 тыс., в 1948 г. – 77 тыс. человек. На 1949 г. пришелся пик принудительных переселений, а их география расширилась. В январе МГБ инициировало, а в конце марта провело выселение 90 тыс. человек из Прибалтики; затем очередь дошла до южных территорий страны – Закавказья и Причерноморья; вслед за ними массовые депортации ожидали Молдавию. Всего в 1949 г. в ссылку в отдаленные районы страны было отправлено более 183 тыс. человек.

В ходе спецоперации 14 июня 1949 г. с территории Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края, в Сибирь и Казахстан было выслано 57,5 тыс. человек¹. Выселение больше известно как «депортация греков», однако доля этнических греков в составе высланного контингента не превышала половины. Второй по численности депортированной этнической группой стали армяне. Решения о депортации – «О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР» и «О выселении турецких граждан, проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье», были одобрены и утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) 4 апреля 1949 года². Решение от 11 апреля 1943 г. санкционировало «выселение дашнаков, проживающих в Грузинской ССР»³. За этими решениями последовал приказ министра государственной безопасности СССР В. С. Абакумова от 28 мая 1949 г. № 00183 «О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями с территории ГССР, АрмССР, АзССР и Черноморского побережья». 29 мая 1949 г. И.В. Сталин как глава Совета министров СССР подписал постановление с грифом «Особо секретно» за № 2214-856 сс «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья

* **Аблажей Наталья Николаевна** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН; доцент, Новосибирский государственный университет. E-mail: ablazhey@academ.org

** **Харатян Грануш** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения. E-mail: hkharatyan@gmail.com

¹ Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011. С. 241–244.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 140–141.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 144.

Черного моря»⁴. 2 июня 1949 г. за подписью министра внутренних дел С. Н. Круглова для реализации на местах был спущен приказ № 00525 сс «Об обеспечении перевозок и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря»⁵.

Депортация 14 июня 1949 г. представляла собой спланированную чекистско-войсковую спецоперацию под кодовым названием «Волна». Июньская депортационная кампания 1949 г. была проведена в формате трех операций («греческой», «дашнакской» и «турецкой»), направленных на «зачистку» Причерноморья и Кавказа от «националистических» и «иногражданских» элементов. Армяне попали в выселении из Армении исключительно как «дашнаки», а из Грузии, Азербайджана, Краснодарского края и как «дашнаки», и как «турецкоподданные». «Дашнакский контингент» высылался в Алтайский край, а «турецкоподданные» – в Томскую область. Основная депортация была осуществлена в ночь с 13 на 14 июня 1949 г. Обычной практикой тех лет было проведение спустя какое-то время после первой массовой высылки операции по довыселению. На территории Армении и Грузии подобная операция проводилась 16 июня 1949 г.⁶ Для большинства депортированных ссылка продлилась 6–7 лет. Массовое освобождение пришлось на 1955–1956 гг., последних освободили в 1958 г.

Репрессии в отношении лиц армянской национальности были проведены в формате «дашнакской» и «турецкой» операций. Выселение затронуло Армению, Грузию, Азербайджан и Краснодарский край. В историографии июньская высылка 1949 г. с Причерноморья и республик Кавказа известна в первую очередь благодаря работам И. Г. Джухи и Н. Н. Иваниди⁷, как «греческая» депортация. П. М. Полян склонен характеризовать кампанию 1949 г. как комбинированную операцию по «зачистке» Причерноморья и Кавказа от «националистических» и «иногражданских» элементов, имеющую значительное сходство с предвоенными кампаниями по «зачистке границ» и послевоенными выселениями из Прибалтики, Молдавии и Западной Украины, направленными на советизацию и ослабление национальных движений⁸. До недавнего времени выселение армян в рамках июньской 1949 г. депортационной кампании, проведенное в виде двух депортационных операций – «дашнакской» и «турецкой» – было для историографии периферийным и малоизвестным сюжетом. Тема депортаций армян из Армянской ССР, в отличие от депортации армян из Крыма, практически не получила освещения в армянской историографии, хотя само массовое выселение 1949 г. рассматривается в работе А. Манукяна⁹. Данное исследование реализовано на архивных материалах республиканских Министерств национальной безопасности, внутренних дел и Прокуратуры, что стало возможным в значительной степени благодаря ведомственному и административному доступу к этим материалам. Первая документальная публикация была предпринята А. Вирабяном¹⁰. Армянские исследователи при характеристике «дашнакской» депортации расходятся во мнении, характеризуя ее либо как социально-этническую (Манукян), либо как исключительно «националистическую»

⁴ Сталинские депортации. 1928–1953. Россия XX век. Документы / Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М., 2005. С. 668–670; ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 245. Л. 269–272.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 10. Л. 46–54.

⁶ *Аблажей Н. Н.* Армянская депортационная кампания 1949 года // Депортация армян 14 июня 1949 года. Сборник документов и материалов. Сост. Н. Н. Аблажей; Отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск, 2016. С. 184; Национальное управление архивов и документации (НА РА). Ф. 116. Оп. 6. Д. 53. Л. 5–7.

⁷ *Джуха И. Г.* Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков СССР: депортации 1940-х гг. Спб., 2008. 557 с.; *Иваниди Н. Н.* 1949 (Технология преступления). Сухум, 2006. 79 с.

⁸ Этот тезис нашел отражение в докладах П. М. Поляна, посвященных депортационным операциям на Кавказе, озвученных на международной летней школе «Методология исследований советских репрессий: работа в архивах и метод южной истории» (Севан, 17–23 июля 2016 г.) и международной конференции «Политические репрессии на Южном Кавказе от советизации до 1950-х гг. история, повседневность, память» (Ереван, 25–26 октября 2017 г.).

⁹ *Манукян А.* Политические репрессии в Армении в 1920–1953 гг. Ереван, 1999. 263 с. (на арм. яз.).

¹⁰ *Вирабян А.* Документы о высылке 1949 г. // Вестник архивов Армении. 1990. № 3. С. 68–76 (на арм. яз.).

(Вирабян). Начало изучению «дашнакской» операции и алтайской ссылки положили статьи Н.Н. Аблажей¹¹. История высылки армян – бывших иноподданных Османской империи в Нарым в 1949 г. нашла фрагментарное отражение в документальном издании, реализованном томскими специалистами¹². В Армении этот сюжет оказался довольно хорошо известен благодаря изданию уникального документального источника по истории ссылки армян из Грузии в Нарым – «Сибирского дневника» Арпенник Александрия¹³. Интерес к депортации 1949 г. подстегнула работа этнологов из общественной организации «Армянский центр этнологических исследований – «Азарашен» и Института археологии и этнографии Национальной академии наук в рамках проекта «Тоталитарная Армения». Существенный вклад в изучение темы внесла реализация в 2015–2016 гг. российско-армянского проекта «Армянская депортационная кампания 1949 года и ее отражение в исторической памяти», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом и Государственным комитетом по науке Министерства образования Республики Армении. По итогам его реализации российскими и армянскими исследователями подготовлены и изданы серия публикаций¹⁴.

Согласно отчетной статистике, поступившей в Москву по итогам операции, с территории Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края в ссылку с клеймом «дашнаки и члены их семей» попали 15 598 человек¹⁵. Эта цифра несколько расходится с численностью, приведенной Бугаевым, – 15 485 человек¹⁶. Согласно данным УМВД по Алтайскому краю, в начале июня в край прибыло 15 701 человек¹⁷. Статистика по отправке из Грузии, Азербайджана и Краснодарского края определяет количество высланных в 4926 чел.¹⁸ В таком случае, число высланных из Армении должно составить 10 672 чел. Эту цифру должна подтверждать отчетная документация по Армении, которая не сохранилась в материалах, поступивших в Отдел спецпоселений МВД СССР. Краткая информация о масштабах высылки из республики приведена только в отчете МВД Армянской ССР за 3-й квартал 1949 г. На основании этого отчета следует, что в рамках выполнения приказа № 00525 сс из республики было выслано 11 561 человек¹⁹. В Томскую область на поселение поступило в июле 4606 человек, в составе которых армян – 642²⁰. Суммирование данных по приему дает цифру в 16 343 чел., что позволяет утверждать, что доля этнических армян приближалась к трети от численности высланных в рамках спецоперации «Волна».

Инициатива масштабной «чистки» Закавказья и Причерноморья исходила от МГБ СССР. На это указывает тот факт, что именно это ведомство разработало проекты постановлений правительства о выселении. Для всех трех подкатегорий высылаемых была использована универсальная мотивировка – «политически неблагонадежный элемент», но

¹¹ Аблажей Н. Н. Репатриация армян в Алтайский край в 1949 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 47–53; Аблажей Н. Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х гг. // Вестник НГУ. 2011. Т. 10. Вып. 1: История. С. 116–121.

¹² Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки. Томск, 2001. С. 103–108.

¹³ Александрия А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. / Институт археологии и этнографии НАН Армении. Науч. ред. Э.-Б. Гучинова, А. Т. Марутян. Ереван, 2007. (Антропология памяти, 1). 408 с.

¹⁴ Депортация армян 14 июня 1949 года: сборник документов и материалов / Сост. Н.Н. Аблажей. Новосибирск, 2016. 230 с.; Щеглова Т. К. Принимающий алтайский социум и депортированные армяне в контексте перманентных репрессий и депортаций 1930–1940-х годов: образы и культурное взаимодействие // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2017. С. 137–145; Аблажей Н. Н., Красильников С. А., Харатян Г. С. Опыт создания книг памяти депортированных: проблемы и решения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 61–67; Аблажей Н. Н. С чужбины на чужбину... Армянские иммигранты в алтайской ссылке (1949–1958 гг.). Новосибирск, 2018. 320 с.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 14–15.

¹⁶ Бугай Н. Л. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...» М., 2011. С. 241.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 476. Л. 44.

¹⁸ Из Грузии выслали в составе семей «дашнаков» 2677 чел., из Азербайджана – 1045, из Краснодарского края – 164 чел. (ГА РФ Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 36, 538).

¹⁹ НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 53. Л. 5–7.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 42.

именно политическая подоплека этого по сути этнического выселения остается неочевидной. Его нельзя свести исключительно к превентивным шагам власти относительно возможных действий «пятой колонны» или к «этнической чистке» приграничья в условиях начинающейся холодной войны. Есть веские основания полагать, что «дашнакская» депортация 1949 г. стала кульминацией борьбы с «армянским национализмом». Уже в апреле 1949 г., т. е. за полтора месяца до выхода приказов о выселении, в регионах, «особо засоренных» «националистами» и «иноподданными», началась работа по выявлению и учету контингентов, определенных к выселению. Эта работа проводилась конспиративно. Сначала составлялись списки, затем справки-меморандумы и предварительные заключения о необходимости выселения. Основу собранных данных составляли материалы учета и оперативных разработок, агентурные сведения. Все документы, относящиеся к той или иной семье, комплектовались в особое учетное дело – «дело на выселение семьи». За апрель – май 1949 г. МГБ И МВД Армении проверили по разным «учетам» и разработкам более 50 тысяч жителей республики²¹. В итоге были сформированы предварительные заключения на выселение примерно трех тыс. семей.

Работа с материалами учетных дел высланных позволила определить целевые группы населения, попавшие в репрессию, объединенные МГБ вместе с членами семей в единый «дашнакский контингент». Высылке в качестве «дашнаков» подлежали лица армянской национальности, «связанные в прошлом и настоящем с дашнакской партией». При этом, только две трети высланных проходили по оперативным разработкам как «дашнаки-националисты». По итогам исследования было установлено, что основу контингента «дашнаки» составили прежде всего семьи, главы которых уже были осуждены как «дашнаки-националисты» в 1920–1940-е гг., особенно в период Большого террора. Таковых оказалось почти половина от общего числа высланных семей. «Дашнакский контингент» пополнили и так называемые легионеры: советские военнопленные-армяне, которые к лету 1949 г. еще оставались на свободе. Как известно, большинство армян, обвиненных в коллаборационизме за службу в армянских легионах, попали в крымскую высылку 1944 г. Что касается вернувшихся в Армению репатриантов из числа советских военнопленных, то в ходе фильтрации среди них также активно выявляли «легионеров». Было установлено, что среди высланных в 1949 г. 30 % проходили как «участники армянского легиона немецкой армии» или «члены семьи участника армянского легиона немецкой армии». Еще одной категорией, включенной в «дашнакский» контингент, стали зарубежные армяне, добровольно прибывшие на родину после Второй мировой войны. В структуре высланных таковых оказалось около 12 %. Накануне въезда в Советскую Армению большинство из них публично, через просоветскую прессу диаспоры, заявили о разрыве с «Дашнакцутюн». Таким образом, в число подлежащих выселению попали люди с очень разными судьбами, но объединенные МГБ вместе со всеми членами семей в единый «дашнакский контингент».

Контингент «турецкоподданных» формировался по иным основаниям. В СССР большую часть бывших подданных Османской империи составляли греки и армяне, вынужденно перебравшиеся на историческую родину из-за опасений истребления на этнической почве (беженцы от геноцида). Но поскольку греки составили отдельный контингент, подлежащий выселению, а большинство армян, среди которых как минимум треть были выходцами из Западной Армении, были квалифицированы как «дашнаки», перед органами стояла непростая задача сформировать контингент «турецкоподданных» (или «турок»). Помимо части греков и армян, которых все же записали как «турецкоподданных», к таковым были добавлены и представители других народностей, те, кто хотя и были выходцами или беженцами из Османской империи, но постоянно проживали в СССР. Как «инопод-

²¹ *Аблажей Н. Н.* Армянская депортационная кампания 1949 года // Депортация армян 14 июня 1949 года: Сб. документов и материалов / Сост. Н. Н. Аблажей. Новосибирск, 2016. С. 171–191; ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 5–7.

данные» и «бывшие иноподданные», они проходили по учетам НКВД и ОВИР Главного управления милиции начиная с середины 1930-х гг. Переучет 1944 г., с одной стороны, подтвердил их право на советское гражданство, а с другой, обновил учетные материалы, которые и стали основанием для выселения.

Осуществить реконструкцию и провести анализ армянской депортационной кампании 1949 г. позволили материалы государственных и ведомственных архивов России, Армении и Грузии. В целях выявления и анализа источников были обработаны материалы следующих фондов: в Национальном архиве Армении (НА РА): Ф. 30 – Верховный суд Армянской ССР, Ф. 116 – МВД Армянской ССР, Ф. 571 – Прокуратура Армянской ССР, Ф. 1191 – МГБ Армянской ССР, в т. ч. учетные дела депортированных; в Архиве МВД Грузии: Ф. 1 – Перечень приказов НКВД-МВД СССР; в Государственном архиве РФ (ГА РФ): Ф. Р-8131 – Прокуратура СССР, Ф. Р-7523 – Верховный Совет СССР, Ф. Р-9401 сч – Секретариат НКВД-МВД СССР, Ф. Р-9479 – 4-й спецотдел МВД СССР; в РГАСПИ: Ф. 17 – Политбюро ЦК (секретариат); в Российском государственном военном архиве (РГВА): Ф. 40 – Управление конвойных войск НКВД СССР, Ф. 38165 – 432 полк Конвойных войск МВД СССР; в Отделе спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК): Ф. Р-1сч. – Особый сектор общего отдела исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов трудящихся, Ф. Р-2 – управление федеральной Службы Безопасности РФ по Алтайскому краю; в Информационном центре МВД Алтайского края (ИЦ МВД по АК): Ф. 4 – Приказы начальника УМВД по Алтайскому краю, Ф. 8. – эшелонные списки высланных, в Информационном центре МВД Томской области (ИЦ МВД по ТО): Ф. 20 – эшелонные списки высланных, порайонные книги учета спецпоселенцев.

Перед исследователями стояла задача не только получения объективного знания о малоизвестной депортационной кампании 1949 г., проведенной на территории Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края, но и персонализации жертв этой депортации. Формирование базы данных на высланных армян могло быть реализовано на нескольких массивах: 1) учетное персональное делопроизводство; 2) эшелонные списки; 3) протоколы по освобождению. В силу того, что исследователи не имели доступа к массиву личных дел спецпоселенцев-армян, хранящихся в Информационных центрах МВД по Алтайскому краю и Томской области, а эшелонные списки оказались неполными, при составлении БД на высланных из Армении были взяты учетные дела «на выселение семьи» и протоколы Республиканской комиссии по освобождению заключенных и ссыльных, переданные в Национальный архив Армении еще в 1990-е гг. правопреемником КГБ Армянской ССР – Службой национальной безопасности Армении. В настоящее время они доступны не только родственникам репрессированных, но и исследователям. Информация группируется по 29 параметрам (полям), что позволяет судить о половозрастном, социальном и национальном составе депортированных, семейном положении, проживании до выселения и в ссылке, освобождении и реабилитации.

При анализе источников на высланных армян с территории Грузии, Азербайджана и Краснодарского края было установлено, что в отличие от Армении, у исследователей не будет возможности сплошной обработки учетных дел. В архиве МВД Грузии (Ф. 13) сохранилось лишь 27 дел с «эшелонными списками» (без указания года выселения), отсылающих к учетному делу и указывающих на количество высланных членов семьи. Эти списки хотя и именуются «эшелонными», но по сути таковыми не являются. Эшелонные списки на высланных в 1949 г. фрагментарно сохранились в Российском государственном военном архиве (РГВА) и архивах ИЦ МВД регионов вселения. В РГВА они представлены в фонде конвойного полка, проводившего выселение (№ 38165). Благодаря усилиям А. Э. Гурьянова²², первым обратившимся к эшелонным спискам и показавшим их воз-

²² Гурьянов А. Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–41 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан // Исторические сборники «Мемориала». М., 1997. Вып. 1. С. 114–136.

возможности для корректировки численности высланных, исследователи все чаще и чаще обращают внимание на этот уникальный источник. Помимо РГВА, и в более полном объеме, эшелонные списки высланных «дашнаков» сохранились в ИЦ МВД по Алтайскому краю. Однако работу с ними существенно корректировал черновой рукописный вариант источника. Основой для составления БД на высланных из Грузии, Азербайджана и Краснодарского края стала электронная картотека на ссыльных ИЦ МВД Алтайского края. Необходимо однако заметить: в виду того, что база используется исключительно как ведомственный ресурс, работа с ним сопровождалась ограничениями на использование компьютера. Кроме того, данные в базе ИЦ МВД Алтайского края агрегированы в формате персональной, а не посемейной справки, поэтому потребовались дополнительные усилия по уточнению состава семьи и определению ее главы, что и было сделано по эшелонным спискам. Согласно этого источника было установлено, что с территории Краснодарского края на Алтай было выслано 170 человек (по итогам операции числится 164 человека), с территории Грузии – 2934 человек (2677 человек соответственно), с территории Азербайджана – 1031 человек (1045 человека), что в очередной раз корректирует ведомственную статистику, чаще в сторону увеличения.

За два года работы в рамках российско-армянского проекта удалось обработать материалы 2754 учетных дел «дашнаков», сохранившихся в Национальном архиве Армении, сопоставив их с 32-мя протоколами на ссыльных Республиканской комиссии Прокуратуры–МВД–КГБ за 1954–1956 гг., а также электронной картотекой ИЦ МВД по Алтайскому краю. Электронная картотека ИЦ МВД по Алтайскому краю позволила скорректировать данные по рождаемости и смертности, местам проживания в ссылке и снятию с учета спецпоселения.

Из анализа агрегированного массива следует, что из Армении выслали 2682 семьи, или 12 457 чел. 12 272 чел. были высланы 14 июня, остальные – в ходе кампании по довыселению. Дополнительно в отношении глав 1350 семей была выявлена и включена в БД информация о репрессиях, предшествующих депортации (за счет обработки архивно-следственных дел на репрессированных, сохранившихся в НА РА). Сделано это было в связи с тем, что репрессированные мужчины, в том числе осужденные к ВМН, семьи которых были отправлены в ссылку в 1949 г., в делах на выселение МГБ АрмССР указывались как главы семей, однако уже в эшелонных списках и в делах спецпереселенцев главой семьи обычно указывалась уже жена. Анализ БД по ряду параметров и их совокупности позволил выявить основные целевые группы, в отношении которых были осуществлены репрессивные действия, топографию высылки и ссылки, масштабы смертности и рождаемости и пр. Приведем некоторые параметры, полученные при анализе БД, относящиеся к половозрастной и социальной характеристике депортированных из Армении. По базе проходят 6327 мужчин (50,7 %) и 6130 женщин (49,3 %), это гендерное равенство сохраняется во всех возрастных группах: детей до 16 лет мужского пола – 2343 (18,5 %), а женского – 2198 (17,6 %), в возрастной группе 16–60 лет: мужчин – 3471 (27,8 %), женщин – 3518 (28,2 %), старше 60 лет: мужчин – 414 (3,3 %), а женщин – 513 (4,1 %).

Средний состав семьи составлял 4,3 человека, количество детей до 16 лет, отправленных с родителями в ссылку, доходило до 40 %. Из депортированных 4 542 несовершеннолетних, 1 608 (35,3 %) в делах отмечены как учащиеся, у 1905 несовершеннолетних (что составляет почти половину депортированных детей – 41,9 %) не указано ни одно заведение, куда они были бы зачислены. 601 ребенок (13,4 %) указаны как не работающие, а 428 (9,4 %) детей – работающие, в основном в колхозах.

Данные по структуре занятости среди лиц старше 16 лет на момент выселения следующие: из городских поселений у 67 (3%) не указано, 300 (15 %) не работали, 412 (20 %) указаны как домохозяйки, 26 (1 %) – медработники, 34 (1,7 %) – преподаватели, 72 (3,5 %) – бухгалтеры, 41 (2 %) – водители и т. д. В сельских поселениях больше половины – колхозники – 3028 человек (56,4 %), из остальных у 675 занятость не указана (11,3 %), 45 – бухгалтеры (1 %), 287 – не работали (4,8 %), 76 – учителя (1,2 %), 496 – до-

мохозяйки (8,3 %). Установлено, что высокий процент депортированных – безработные (с учетом домохозяек), их значительно больше в городах, нежели в сельских поселениях: 35 % против 13 %.

Анализ мест рождения показывает, что репрессированными оказались преимущественно жители и уроженцы Армении – 10 067 (около 81 %). Судя по анализу такого показателя как «место рождения», как минимум каждый пятый высланный в 1949 г. родился «за границей», а каждый десятый – в Османской империи, что говорит о значительном количестве «западников» – уроженцев Западной (турецкой) Армении. Приблизительно 13 % высланных числились как репатрианты. При этом доля послевоенных репатриантов превысила 11,5 %. Из репатриантов абсолютное большинство депортированных составили лица, въехавшие в СССР в 1946–1947 гг. Лишь 29 семей прибыли в Армению в 1948 г. Отчетная статистика МГБ Армянской ССР середины 1950-х гг. утверждает, что за принадлежность к партии Дашнакцутюн было сослано 350 семей послевоенных репатриантов (1 454 чел.)²³. Общее число лиц, числившихся в ссылке в Алтайском крае в составе семей репатриантов, составило 1 581 человек. Основная масса была выслана 14 июня. По странам семьи высленцев распределились следующим образом: из Ливана – 95, Сирии – 74, Ирана – 88, Греции – 38, Египта – 30 (в т. ч. два из Судана), Румынии – 22, Болгарии – семь, Палестины – девять, Франции – шесть, Ирака – три. По национальному составу – 99 % высланных оказались армянами. Из представителей других национальностей из Армении в ссылку на Алтай попало только 120 чел., из которых почти половина жены или невестки армянских семей, и только 15 семей (67 человек), в которых глава семьи по национальности указан как ассириец, езид, курд или грек.

Депортация затронула население всех районов республики. В 1949 г. Армянская ССР была разделена на 36 районов, а г. Ереван и г. Ленинакан числились как города республиканского подчинения. На Ереван приходится большая доля депортированных – около 14 % (1661 чел.). Из Ленинакана было депортировано 4% (497) от общего числа. Половина высланных репатриантов проживала в городской местности; каждая четвертая из десяти высланных семей была из Еревана. В тройку лидеров по количеству высланных вошли Горисский район – 638, Мартунинский – 623, Аштаракский – 594 районы; по районам расселения на Алтае: Славгородский – 1329, Сорокинский – 1226, Угловский – 1225 чел.²⁴

Несмотря на наличие возможностей у родственников репрессированных узнать информацию о репрессии, сохраняется острая необходимость в персонализации жертв политического террора. В полной мере эту задачу выполняют открытые ресурсы – «Книги памяти». На данный момент крупнейшим персональным ресурсом является база данных «Жертвы политического террора в СССР», сформированной обществом «Мемориал» на основании «Книг памяти» и мартирологов. Сегодня почти во всех постсоветских странах существуют государственные проекты, направленные на сохранение памяти о жертвах политического террора. Однако в отношении депортированных, этот процесс далек от завершения. На данный момент по спискам проходит лишь каждый шестой депортированный.

После перевода БД в формат текстовых справок, была проведена их научная обработка и формализация под стандарт «Книги памяти». Работа по составлению и проверке биографических справок проведена Аблажей Натальей, Авагян Гоар, Акопян Ашхен, Вирабяном Амадуни, Зограбяном Грайром, Степанян Гоар, Папикян Аидой, Потаповой Натальей, Красильниковым Сергеем, Куденко Натальей, Фарамазян Сатеник, Харатян Грануш, Щеголовой Татьяной.

«Книга памяти депортированных армян (1949–1958)» содержит краткие биографические справки на 16,5 тыс. армян, насильственно высланных в ходе депортации 14 июня 1949 г. как «дашнаки» и «турецкоподданные» из Армении, Грузии, Азербайджана и Крас-

²³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 247.

²⁴ Подсчет произведен Грайром Зограбяном.

нодарского края в Алтайский край и Томскую область. Списки приведены отдельно по Алтаю и по Нарыму. Отдельными списками идут перечни лиц, высланных на Алтай с территории Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края. Список лиц армянской национальности, высланных в Томскую область (Нарым), представлен единым блоком. Фамилии расположены в алфавитном порядке (буквы от А до Я). Составители приносят извинения за возможные искажения в написании фамилий, имен и отчеств, мест рождения и жительства, так как эта информация приведена на основании имеющихся источников. Географические названия населенных пунктов даны в соответствии с административно-территориальным делением указанного периода времени. Данные о реабилитации даны на момент подготовки книги к изданию. Помимо «Мартиролога», в «Книгу памяти» включен раздел «Документы свидетельствуют», в котором представлен значительный документальный массив, относящийся к выселению, ссылке, освобождению и реабилитации лиц, попавших в депортационную кампанию 1949 г. Представленные материалы могут служить фактографической основой по истории этой малоизвестной депортации. На данный момент издание подготовлено к печати и выйдет в Издательстве «Национальный архив Армении» в 2019 г., к 70-летию «юбилею» депортации. День выселения – 14 июня – стал печальной памятной датой, с 2006 г. он отмечается в Армении как День памяти жертв политических репрессий.

Список литература

- Аблажей Н. Н. Репатриация армян в Алтайский край в 1949 г. // Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 47–53.
- Аблажей Н. Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х гг. // Вестник НГУ. 2011. Т. 10. Вып. 1: История. С. 116–121.
- Аблажей Н. Н. Армянская депортационная кампания 1949 года // Депортация армян 14 июня 1949 года. Сборник документов и материалов. Сост. Н. Н. Аблажей; Отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016.
- Аблажей Н. Н. С чужбины на чужбину... Армянские иммигранты в алтайской ссылке (1949–1958 гг.). Новосибирск: Наука, 2018. 320 с.
- Аблажей Н. Н., Красильников С. А., Харатян Г. С. Опыт создания книг памяти депортированных: проблемы и решения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 61–67.
- Алексян А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. / Институт археологии и этнографии НАН Армении. Науч. ред. Э.-Б. Гучинова, А. Т. Марутян. Ереван, Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007. (Антропология памяти, 1). 408 с.
- Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М.: Гриф и К, 2011. 512 с.
- Бугай Н. Ф., Коцонис А. Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М.: Инсан, 1999. 168 с.
- Вирабян А. Документы о высылке 1949 г. // Вестник архивов Армении. 1990. № 3. С. 68–76 (на арм. яз.).
- Гурьянов А. Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–41 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М.: Звенья, 1997. С. 114–136.
- Депортация армян 14 июня 1949 года : сборник документов и материалов / Сост. Н. Н. Аблажей; Отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016. 230 с.
- Джуха И. Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. 557 с.
- Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.
- Иваниди Н. Н. 1949 (Технология преступления). Сухум: Алашара, 2006. 79 с.
- Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки. Томск: Водолей, 2001. 349 с.
- Манукян А. Политические репрессии в Армении в 1920–1953 гг. Ереван, 1999. 263 с. (на арм. яз.)
- Сталинские депортации. 1928–1953. Россия XX век. Документы / Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. 904 с.
- Хечаян Л. «Чистые бланки сорок девятого» // АНИВ. № 3(6). 2006. URL: <http://www.aniv.ru/archive/32/chistye-blanki-sorok-devyatogo-levon-hechojan/> (дата обращения: 06.07.2018 г.)
- Щеглова Т. К. Принимающий алтайский социум и депортированные армяне в контексте перманентных репрессий и депортаций 1930–1940-х годов: образы и культурное взаимодействие // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2(37). С. 137–145.

N. N. Ablazhey*, G. S. Kharatyan**
**Armenian Deportation Campaign of 1949: the Attempt to Personalize and Memorialize
Massive Repressions**

The paper is devoted to the problem of development of database and its use for preparation of the memorial books. The members of the Russian-Armenian research team present the preliminary research findings regarding the deportation carried out on July 14, 1949 in the territory of Soviet republics of Azerbaijan, Armenia and Georgia as well as Krasnodar krai. In course of this operation more than 16 000 ethnic Armenians were deported to the Altai and Narym regions as "dashnaks" and citizens of Turkey. The paper shows the prospects of creating the integration databases based on files of families' deportation kept in the National Archive of Armenia and correcting them with statistical data from the Information Centre of the Ministry of the Internal Affairs.

Keywords: deportation, "dashnaks", special settlers, Armenians, memorial book

Статья поступила в редакцию 10.07.2018

* **Ablazhey Natalya Nikilaevna** – Doctor of Sciences (History), Novosibirsk State University, Institute of History of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk. E-mail: ablazhey@academ.org

** **Kharatyan Hranush** – Candidate of Sciences (History), Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Armenia, Yerevan; E-mail: hkharatyan@gmail.com

Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.)

В статье на основе данных главным образом советской медицинской статистики определена роль и значение социальных и природно-биологических факторов сверхсмертности населения Западной Сибири в период голода начала 1930-х гг. Показано доминирование социальных факторов, выявлено значение эпидемий инфекционных заболеваний, обрушившихся на регион, вскрыта роль таких опасных инфекций, как сыпной и брюшной тиф, корь, скарлатина. Определены причины смертности населения Западной Сибири в 1933 г. Продемонстрировано преобладание в структуре причин смертности факторов экзогенного происхождения, обусловленных условиями жизни.

Ключевые слова: голод, инфекции, заболеваемость, смертность, причины смерти

В 1930 г. вяло текущее ухудшение демографической ситуации, характерное для Западной Сибири конца 1920-х гг., переросло в катастрофу, вызванную голодом. Долгое время, как в отечественной, так и в зарубежной историографии голод хронологически ограничивался только 1932–1933 гг. В значительной степени это определялось известной книгой Р. Конквеста. В Советском Союзе она впервые была опубликована в 1989 г.¹ и оказала столь сильное воздействие на мышление российских историков, что сразу же придала их исследованиям значительный заряд инерции. Так, В. В. Кондрашин, автор лучшей отечественной монографии о голоде в российской деревне, также сосредоточился на 1932–1933 гг.² Но вскоре было установлено, что голод начался раньше. Во всяком случае, Р. Дэвис и С. Уиткрофт в книге, вышедшей в России в 2011 г., период голода определяют как 1931–1933 гг.³

Авторы региональных сочинений, выявляя специфику развития голода на исследуемых территориях и уже в силу этого менее скованные инерцией историографических установок, предлагают несколько иную хронологию событий. Так, Н. Я. Гуцин еще в 1995 г. высказал мысль, что голод в Западной Сибири разразился в 1931 г. – первой половине 1932 г.⁴ М. П. Малышева в 1998 г. установила, что на юге Сибири голод начался еще раньше – в 1930 г.⁵ Эта позиция нашла поддержку у В. С. Познанского⁶. Во всяком случае, известно, что неурожай поразил Западную Сибирь еще в 1929 г. В этом году пшеницы собрали в 2 раза меньше, чем в 1928 г., проса – в 3,5, а ячменя – в 2,5 раза меньше (см. табл. 1). Снижение сбора сельскохозяйственной продукции фиксируется в Западной Сибири и в 1931 и в 1932 г. Валовая продукция сельского хозяйства в Западной Сибири за 1928–1932 гг. сократилась по пшенице в 1,5 раза, по молоку – в 1,7, по мясу почти в три раза⁷. Одновременно уменьшилось поголовье скота.

* **Исупов Владимир Анатольевич** – доктор исторических наук, заведующий сектором, Институт истории Сибирского отделения РАН. E-mail: ist_dem@history.nsc.ru

¹ Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир. 1989. С. 179–200.

² Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.

³ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011.

⁴ Гуцин Н. Я. Население Западной Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995.

⁵ Малышева М. П. Голод на юге Сибири в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 84–87.

⁶ Познанский В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. Новосибирск, 2007.

⁷ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1796. Л. 83.

Урожайность зерновых в Западной Сибири. 1928–1932 гг. (ц/га)*

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Пшеница	8,4	4,0	8,9	4,4	5,9
Рожь озимая	8,1	8,0	8,4	7,9	8,7
Просо	6,6	1,9	9,2	3,9	5,9
Ячмень	6,7	2,6	8,6	3,5	5,3

* Сост. по: ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1796. Л. 85.

Неурожаи как природное бедствие трагически совпали с коллективизацией и сверхнормативными изъятиями продукции у только что созданных колхозов. Это и явилось главной причиной, приведшей к демографической катастрофе, достигшей своей высшей точки в 1932–1933 гг. Мы разделяем позицию сибирских ученых, авторов коллективной монографии «Сельское хозяйство Сибири в XX веке», которые особо подчеркивают, что именно «хлебозаготовительная кампания 1932/33 г. вызвала массовый голод»⁸.

Неизбежным спутником голода и важнейшей причиной повышенной смертности являются эпидемии инфекционных заболеваний. Эпидемии – сложное явление, в котором тесно переплетаются как природно-биологические, так и социальные факторы. На развитие эпидемий, помимо физиологических свойств возбудителя, огромное воздействие оказывают предпосылки социального характера: уровень материального обеспечения и степень санитарной культуры населения, жилищные условия, характер водоснабжения, эвакуации отходов, доступность медицинской помощи. Ослабленный длительным хроническим недоеданием человеческий организм, не получающий необходимого количества белков и витаминов в условиях крушения социальной инфраструктуры, становился легкой добычей болезней. Голод порождал болезни, а болезни увеличивали смертность. Отсюда следует, что вклад болезней и собственно голода в сверхсмертность разделить невозможно.

Среди эпидемий, обрушившихся на население, особенно большую опасность, представлял сыпной тиф. Долгое время сыпной тиф был общераспространенным заболеванием. До тех пор, пока сыпняк не превышал уровня обычной (спорадической) заболеваемости, эта болезнь считалась заурядным явлением повседневности и не вызывала особой тревоги. По данным советской санитарной статистики, в 1926 г. индекс заболеваемости населения РСФСР сыпным тифом составлял 4,2 заболевших на 10 тыс. человек (без железнодорожного транспорта), в 1927 г. – 2,2 заболевших⁹. В Западной Сибири индекс заболеваемости сыпным тифом был ниже, чем по РСФСР в целом. В 1926 г. он составлял – 2,5, а в 1927 г. – 1,3 заболевших на 10 тыс. человек¹⁰. Это был обыденный для того времени уровень, который, к тому же, устойчиво сокращался.

С вступлением России в полосу социальных катаклизмов, заболеваемость сыпным тифом очень быстро повысилась, превратившись в общественное бедствие. И если в 1930 г. в СССР в целом было зарегистрировано 38,6 тыс. случаев сыпняка¹¹, то в 1933 г. – почти 900 тысяч¹². Индекс заболеваемости населения РСФСР сыпным тифом в 1933 г. вырос по отношению к 1928 г. сразу в 21,3 раза, достигнув 47 заболевших на 10 тыс. человек населения¹³.

Быстрое распространение сыпного тифа не миновало и Западную Сибирь. Рост заболевания первоначально был активирован перемещением в регион больших масс заключенных и спецпереселенцев, которые содержались в ужасающих антисанитарных условиях. Именно эти, наименее защищенные в санитарном отношении социальные группы, стали

⁸ Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 78.

⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 30.

¹⁰ Сибирский медицинский журнал. 1931. № 6–7. С. 74.

¹¹ Инфекционные болезни человека в СССР. Статистически справочник. М., 1968. С. 52.

¹² Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С. 56.

¹³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 30.

первыми жертвами вшей. «Очень большое значение в деле появления и распространения заболеваний паразитарными (вшивыми) тифами имеют дома заключения с их специфическим контингентом населения, переполнением и крайне неудовлетворительным санитарным состоянием», – писал в 20 августа 1930 г. заведующий Западно-Сибирским крайздравом М. Г. Тракман¹⁴. Еще более значительную роль в зарождении эпидемии сыпняка играли массовые депортации кулаков. Начальник административного управления Сибирского края Ф. Скрипко в июне 1930 г. докладывал наркому внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачеву: «Медико-санитарное обслуживание на местах поселения крайне недостаточное, большая заболеваемость, учащаются смертные случаи. Большой процент смертности среди детей»¹⁵.

В марте 1931 г. эпидемия сыпного тифа охватила почти все места заключения и спецкомендатуры Западной Сибири. В «Конъюнктурном обзоре по здравоохранению на март месяц 1931 г.», составленном в аппарате Западно-Сибирского краевого отдела здравоохранения и направленном в Отдел учета и статистики НКЗ РСФСР указывалось, что «основными очагами по сыпному тифу за март месяц являются г. Томск (спецлагерь) и Яя Анжеро-Судженского района (спецлагерь). В этих пунктах заболевание держится уже в течение продолжительного времени ... и сколько-нибудь значительного снижения, особенно на Яе, не замечается ... В связи с движением спецпереселенцев образовались довольно значительные очаги заболеваний сыпным тифом по путям следования в местах прибытия (Мариинск, Тутало-Чулымская комендатура). Необходимо особенно и еще раз подчеркнуть, что ... партии спецпереселенцев и им подобные контингенты ... являлись в прошлом, и сейчас являются главными контингентами, среди которых наблюдаются заболевания, и главным источником вспышек и появлений очагов в тех или других пунктах»¹⁶. Тракман и краевой эпидемиолог Банин в «Конъюнктурном обзоре эпидемического состояния Запсибкрая за январь 1932 г.» указывали, что «продолжается прибытие завшивленных партий заключенных, не подвергавшихся обработке при посадке и даже больных главным образом из Свердловска и Павлодара ... По северным районам повышение заболеваемости в основном за счет спецпереселенцев в комендатурах»¹⁷.

К началу 1932 г. эпидемия сыпного тифа распространилась практически на все исправительно-трудовые учреждения (ИТУ) Западной Сибири. В «Обзоре о состоянии смертности л[ишенных] свободы по Исправительно-Трудовым Учреждениям Западно-Сибирского Края (так в источнике. – В. И.)» за январь-февраль 1932 г., составленном работниками административного сектора Краевого управления ИТУ (КУИТУ), подчеркивалось, что в большинстве учреждений в осенне-зимний период 1931–1932 гг. вспыхнули эпидемии тифа. Удельный вес заключенных, скончавшихся от тифа, в общей совокупности умерших в местах лишения свободы достиг 5,3%¹⁸. В «Конъюнктурных замечаниях по движению заболеваемости за март 1932 г.» Тракман и Банин посчитали необходимым специально подчеркнуть роль спецпереселенцев в распространении сыпного тифа. «Первые заболевания появились среди спецпереселенцев, работающих в системе Кузбассугля и Стройтреста и живущих скученно в антисанитарных условиях преимущественно по землянкам», – писали они, указывая, что «основную массу заболеваний дали горнорабочие по условиям общежития и работы, близко соприкасающиеся со спецпереселенцами»¹⁹.

В апреле 1933 г. председатель Запсибкрайисполкома Ф. П. Грядинский телеграфировал председателю СНК РСФСР Д. Е. Сулимову: «Продолжается прибытие завшивленных эшелонов заключенных. Санобработка пути следования не налажена. Поезд из Кисловодска прибыл Омск 21 апреля 100 процентной вшивости. Одиннадцать суток санобработки

¹⁴ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 113. Л. 110.

¹⁵ Там же. Д. 106. Л. 45, 57.

¹⁶ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2045. Л. 3.

¹⁷ Там же. Д. 2194. Л. 6 об.

¹⁸ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 163. Л. 4 об.

¹⁹ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2194. Л. 2.

не было. Туапсе вшивость 75 процентов. Батайска 70 процентов вшивости»²⁰. Подобного содержания записку по прямому проводу 6 апреля 1933 г. получил руководитель ОГПУ Г. Г. Ягода от помощника начальника Сиблага ОГПУ М. П. Костандогло. «За время первого пятого апреля магистрали Запсибкрая проследовало девять эшалонов лишенных свободы, – докладывал Костандогло. – Среди следуемых ввиду плохой санобработки с мест отправки органами КУИТУ также пути следования обнаружены: вшивость, заболеваемость сыпным тифом и смертность в результате: поезде НР (номер. – *В. И.*) 602 отправки Харьков 1326 человек назначением Чесноковскую снято Новосибирске больных 12 человек. Поезде НР 502 отправки Одесса 1339 человек назначением БАМЛАГ снято до Самары 37 больных и трупов 5, до Новосибирска 35 больных и трупов 8, Новосибирске снято больных 12 человек. Поезде НР 504 отправки Батайска 1641 человек назначением Владивосток снято Новосибирске трупов 2 и больных 28 человек. Поезде НР 613 отправки Житомир 1775 человек назначением Бамлаг снято Новосибирске трупов один и больных 5 человек. Поезде НР 616 отправки Батайск 1200 человек назначением Иркутск снят Новосибирске трупов 9 человек больных 37 человек из них 10 сыпнотифозных ... Избежание распространения эпидемии тифа лагерях в пределах Запсибкрая прошу принять решительные меры лучшей санобработки местах отправки и пути следования линии железнодороги. Ввиду перегруженности больниц КУИТУ городских больниц Крае сыпнотифозными вынужден развернуть Сиблаге эпидемический барак 100 коек»²¹.

Катастрофическое положение этапов с трудпоселенцами отражено в служебной записке начальника Сиблага ОГПУ А.А. Горшкова и начальника Санотдела Сиблага ОГПУ Шейна. 30 апреля 1933 г. они писали: «В этапах зарегистрировано большое количество истощенных, больных остро-желудочными заболеваниями и заболеваниями сыпным тифом. Широкое развитие эпидемии сыпного тифа в Томской пересыльной комендатуре целиком связано с заболеваниями в этапах, прибывших в означенную комендатуру из Батайска»²². Шейн приложил к записке «Данные о состоянии этапов с трудпоселенцами, проследовавшими в Томск в апреле 1933 г.». Согласно этому документу, в апреле 1933 г. в Томск проследовало 12 этапов с трудпоселенцами, которые находились в пути от 9 до 16 суток. Во время следования с этапов было снято 97 трупов и 213 заболевших. Из числа снятых оказались с сыпным тифом или с подозрением на сыпной тиф 89 человек. На месте прибытия с этапов было снято еще 6 трупов и 152 человека с высокой температурой. Из них сыпнотифозных и подозрительных на сыпной тиф – 44 человека. Доля завшивленных колебалась от 75 до 100 процентов²³. Положение обострилось настолько, что Грядинский 21 декабря 1933 г. вынужден был довести до сведения председателя СНК СССР В. М. Молотова и председателя СНК РСФСР Д. Е. Сулимова, что в основе возникновения и распространения очагов сыпного тифа лежит движение контингентов Сиблага, неудовлетворительность их санитарного обслуживания в пути и в ходе приемки на местах²⁴.

Сыпной тиф из мест заключения и спецкомендатур не мог не распространиться на гражданское население. Главным проводником сыпного тифа в толщу гражданского населения были железные дороги. Пересечение потоков депортированных и заключенных с «гражданскими» пассажирами превратило железнодорожные магистрали в основной источник инфекции. По данным советской медицинской статистики, в 1933 г. уровень заболеваемости сыпным тифом (без учета железнодорожного транспорта) составлял по РСФСР (об этом уже говорилось ранее) 47 заболевших на 10 тыс. человек. Если же учитывать железнодорожный транспорт, то индекс заболеваемости сыпным тифом более чем

²⁰ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 205. Л. 7.

²¹ Там же. Л. 108.

²² Там же. Д. 181. Л. 16.

²³ Там же. Л. 17.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2333. Л. 3 об.

удвоится и вырастет до 106 заболевших на 10 тыс. человек²⁵. Следовательно, каждый второй случай заражения сыпным тифом зафиксирован на железной дороге.

Тракман и Банин в уже упоминавшихся ранее «Конъюнктурных замечаниях на движение заболеваемости за март 1932 г.» отмечали: «Наиболее крупным фактором, влияющим на распространение сыпного тифа, является железная дорога»²⁶. С. А. Арбенин, сменивший Банина на посту эпидемиолога Западно-Сибирского края, объяснял рост заболеваемости сыпным тифом «массовым завозом инфекции по железнодорожным путям»²⁷. Поскольку самые большие пассажиропотоки пересекались в промышленных районах и крупных городах, то они и стали центрами заболеваемости сыпным тифом. «Распределение заболеваемости, – писали в марте 1932 г. Тракман и Банин, – дает прежнюю картину: наибольшая пораженность промрайонов, новостроек, крупных городов»²⁸. Крупные промышленные города, подчеркивали Тракман и Банин, «дают высшие цифры заболеваемости в основном за счет вновь прибывающих контингентов из сельских районов Края и Зауралья»²⁹. Уполномоченный крайкома ВКП(б) Паршин в докладной записке «О развитии эпидемии по г. Барнаулу», направленной 31 декабря 1932 г. в Запсибкрайком ВКП(б) подчеркивал: «В результате прямого ослабления борьбы с эпидемией, по г. Барнаулу наблюдается резкое распространение сыпного тифа». Здесь в 1932 г. по отношению к 1931 г. заболеваемость сыпным тифом выросла в 3,5 раза³⁰.

Таблица 2

Динамика зарегистрированной заболеваемости сыпным тифом по Западно-Сибирскому краю. 1931–1932 гг. Число заболеваний*

Регион	1931	1932	1932 в % к 1931
Всего по краю	4810	33996	706,8
По промгородам и промрайонам	2990	17289	578,2
Новосибирск	334	3058	915,6
Омск	318	2315	728,0

* Сост. по: ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 168. Л. 144 – 145.

** Сведения за декабрь 1932 г. даны только за 1-ю декаду.

Данные, приведенные в табл. 2, показывают, что в 1931–1932 гг. число заболеваний сыпным тифом в Западно-Сибирском крае выросло в семь раз, в том числе в промышленных городах и промышленных районах почти в шесть раз. В крупных городах, ставших центрами притяжения мигрантов, рост заболеваемости был еще более значителен. Так, в Новосибирске число случаев сыпняка за 1931–1932 гг. увеличилось в девять раз, в Омске – более чем в семь раз.

Из городов тиф двинулся в голодающую деревню. В Рубцовском районе число зарегистрированных случаев сыпняка в 1932 г. по отношению к 1931 г. увеличилось сразу в 57 раз, в Алейском районе – в 36 раз³¹. О санитарной ситуации, сложившейся в сельской местности Западно-Сибирского края, свидетельствует служебная записка, направленная из Главной санитарной инспекции РККА в краевой отдел здравоохранения 27 ноября 1932 г. В записке указывалось: «Среди эшелонов призывников, направляемых из Западно-Сибирского края в ДВК (Дальне-Восточный край. – В. И.) в сентябре и октябре м-це отмечалась значительная вшивость. Так, например: среди призывников, прибывших из глубины районов по водным путям до ж. д. станции в Большереченской, Учпристанской, Быстро-Истокской наблюдалась вшивость до 60 % и среди прибывших призывников обнару-

²⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 30, 39.

²⁶ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2194. Л. 3.

²⁷ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 181. Л. 21.

²⁸ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2194 Л. 2.

²⁹ Там же.

³⁰ Центр Хранения Архивного Фонда Алтайского Края (ЦХАФАК). Ф. 10. Оп. 8. Д. 4. Л. 123, 130.

³¹ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 5. Д. 168. Л. 144, 145.

жен один сыпнотифозный больной. Среди к[оман]ды Славгородского района оказалось 10 % вшивости, Павлоградского – 30 %»³².

В 1933 г. заболеваемость сыпным тифом продолжала нарастать. В докладной записке, направленной в конце января 1933 г. секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, Тракман и начальник краевого управления здравоохранением З. Г. Толстунова писали: «Эпидемическое состояние края продолжает оставаться чрезвычайно тяжелым. За ноябрь месяц число сыпнотифозных заболеваний 3847, в декабре 5868 и за 25 дней января 3933. Основными пораженными участками являются Сталинск, Новосибирск, Барнаул, Омск, Прокопьевск, Анжерка, Кемерово, Ново-Омский район, Рубцовский район, Исилькульский, Троицкий, Лушниковский, Черепановский»³³. Всего в начале 1933 г. сыпняк поразил 80 районов Западно-Сибирского края³⁴.

К весне 1933 г. ситуация еще более обострилась. Противоэпидемическая комиссия при СТО в своем постановлении от 7 марта 1933 г. констатировала: «заболеваемость сыпным тифом в Западной Сибири до сих пор не только не снижена, но продолжает расти»³⁵. Остановить распространение сыпняка власти были не в силах. В «Объяснительной записке к сводке за II декаду апреля 1933 г.», составленной в Запсибкрайздраве, указывалось: «Сыпной тиф. Рост заболеваемости по всем городам и промрайонам, особенно выраженный в Омске, Новосибирске и Сталинске. Чрезвычайно тяжелое положение создано в Исилькульском, Называевском, Любинском, Пospelихинском, Шипуновском, Тальменском, Топчихинском, Алейском и Троицком районах, где заболеваемость сыпным тифом дает резкий рост»³⁶. Не улучшилась ситуация и к концу апреля. В «Объяснительной записке к сводке за III декаду апреля 1933 г.» краевой эпидемиолог Арбенин вынужден был констатировать: «Сыпной тиф. Рост заболеваемости по большинству городов и районов, стоящий в связи с массовым завозом инфекции по железнодорожным путям и сокращением санитарной обработки населения вследствие длительных перебоев в работе бань из-за недостатка топлива и воды»³⁷.

Сыпной тиф, как известно, носит сезонный характер. Эта болезнь широко распространяется осенью, зимой и ранней весной, когда люди используют теплую одежду, в швах и складках которой гнездится вошь. Но в 1933 г., в нарушение всех привычных санитарных закономерностей, сыпной тиф продолжал развиваться и летом. Как следует из материалов, приведенных в докладной записке Грядинского, в августе 1933 г. число заболеваний сыпным тифом по сравнению с августом 1932 г. почти удвоилось. Осенью 1933 г. последовал еще более мощный подъем сыпняка. В ноябре 1933 г., по сравнению с сентябрем этого года, количество зарегистрированных случаев сыпного тифа утроилось³⁸. Грядинский 21 декабря 1933 г. докладывал Молотову и Сулимову, что «эпидемическое состояние Западносибирского края в отношении заболеваемости сыпным тифом продолжает оставаться весьма напряженным»³⁹.

Особенностью эпидемии сыпного тифа 1933 г. в Западной Сибири, как отмечал Грядинский, была стабилизация заболеваемости в городах, но «значительный рост заболеваний в сельских местностях края с наличием очагов во всех районах включительно до самых глубинных пунктов»⁴⁰. Очень напряженной оказалась эпидемическая ситуация в многочисленных, но нищих совхозах. Заместитель председателя Западносибирского крайисполкома И. И. Решиков и Тракман в секретном циркулярном письме, направленном пред-

³² ГАНО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 82. Л. 36.

³³ Там же. Ф. 47. Оп. 5. Д. 169. Л. 37.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Д. 182. Л. 69.

³⁶ Там же. Д. 181. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 21.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2333. Л. 3.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

седателям горсоветов и райисполкомов 20 мая 1933 г. писали: «Население совхозов продолжает жить в исключительно тяжелых жилищных условиях, бани не обеспечены и почти поголовно завшивлено, строительство вошебоек не производится, прибывающие в совхоз рабочие санитарной обработке не подвергаются. В результате этого ряд совхозов уже превратился в очаги сыпного тифа»⁴¹.

Сыпной тиф – не единственная опасная инфекция, обрушившаяся на население Западной Сибири в годы голода. Значительное место в структуре заболеваемости занимал брюшной тиф. До 1931 г. Западная Сибирь была регионом, относительно благополучным по брюшному тифу. Заболевание носило спорадический характер. Брюшной тиф не выходил за пределы обычных для того времени вспышек. Индекс заболеваемости брюшным тифом в Западной Сибири в конце 1920-х гг. колебался в пределах 12–13 случаев на 10 тыс. человек. В 1930 г. число заболевших брюшным тифом даже сократилось. И если в 1929 г. в регионе (в границах Западно-Сибирского края по административно-территориальному делению 1930 г.) было зафиксировано 10 892 заболевания брюшным тифом (13,4 на 10 тыс. человек), то в 1930 г. (по предварительным данным) – 8279 заболеваний (9,6 на 10 тыс. человек)⁴².

Во втором полугодии 1931 г. в связи с резким ухудшением санитарной ситуации, произошёл резкий подъём этой опасной болезни. В августе 1931 г. по отношению к июлю этого же года число заболеваний брюшным тифом выросло сразу в четыре раза. В Омске в течение августа 1931 г. количество зарегистрированных заболеваний брюшным тифом увеличилось в шесть раз, в Новосибирске – в четыре раза, а в промышленных городах Западной Сибири – в 3,7 раза⁴³. Грядинский 19 сентября 1931 г. телеграфировал Сулимову: «Крае усиливающаяся эпидемия брюшного тифа главные очаги Новосибирск Новокузнецк Прокопьевск Щегловск Ленинск эпидемия также ряде сельских районов»⁴⁴. Власти стремились скрыть надвигающуюся опасность: телеграмма была послана с использованием особого канала связи с Москвой – через ГПУ. Но утаить эпидемию было невозможно. В первом полугодии 1932 г. (январь–июль) по отношению к этому же периоду 1931 г. число заболеваний брюшным тифом в Западно-Сибирском крае выросло в 2,7 раза⁴⁵. В сентябре 1932 г. исполняющий обязанности краевого эпидемиолога Арбенин докладывал в Запсибкрайздрав: «Брюшной тиф. Резкое повышение заболеваемости по всем промышленным городам, такой же подъём в Новосибирске»⁴⁶. В ноябре 1932 г. Арбенин отмечал: «Брюшной тиф. Заболеваемость продолжает держаться на прежних цифрах, местами давая повышение (Анжерка, Прокопьевск, Томск, Ленинск)⁴⁷. В 1932 г. заболеваемость брюшным тифом в регионе достигла максимальных величин. Ее индекс повысился до 42,2 случаев на 10 тыс. человек⁴⁸. В Западной Сибири заболеваемость брюшным тифом значительно превзошла общесоюзный уровень. По СССР в целом в 1932 г., когда брюшнотифозная эпидемия достигла своего пика, на 10 тыс. человек населения было зарегистрировано около 20 заболеваний брюшным тифом⁴⁹.

Позднее (на первом Всесоюзном совещании эпидемиологов в июне 1935 г.) Арбенин указывал, что основными причинами эпидемии стали интенсивные миграции, способствовавшие рассеиванию инфекции. Вместе с тем, будучи опытным врачом, Арбенин не мог не понимать, что миграции были важной, но не главной причиной распространения эпиде-

⁴¹ ГАНО. Д. 1867. Л. 25.

⁴² Сибирский медицинский журнал. 1931. № 6–7. С. 74.

⁴³ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 168. Л. 144–145.

⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 169. Л. 5.

⁴⁵ Там же. Оп. 5. Д. 168. Л. 145.

⁴⁶ Там же. Л. 19.

⁴⁷ Там же. Ф. 619. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 3. Л. 147.

⁴⁹ Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С. 144.

мии. В ее основе лежал голод и антисанитарные условия жизни людей. В марте 1936 г. заместитель начальника НКВД по Западно-Сибирскому краю А. К. Залпетер и заместитель начальника СПО УГБ УНКВД А. А. Ягодкин в спецсообщении, направленном Грядинскому, указывали, что взятый в разработку «краевой эпидемиолог Арбенев С. А. в прошлом сын военного чиновника, служил врачом колчаковской армии, в декабре 1919 г. был взят в плен частями Красной армии, а[нти]сов[етски] настроенный, заявлявший в своем окружении, что “эпидемия будет продолжаться, т. к. народ поставлен властью в плохие условия, сидит без хлеба”»⁵⁰. Чтобы понять это, не было необходимости в высшем медицинском образовании. Согласно политсводке ОДТО ГПУ станции Барнаул, простой фельдшер амбулатории станции Рубцовск Шеляев 22 апреля 1933 г. при посещении больных высказывался: «Что мы можем сделать, когда весь народ голоден, ослаблен и недоволен на власть»⁵¹. Немаловажной причиной быстрого распространения брюшного тифа было почти полное отсутствие системы снабжения населения чистой питьевой водой. Тракман и Банин в «Конъюнктурных замечаниях по движению заболеваемости за март 1932 г.» основным фактором роста брюшного тифа считали «отсутствие хороших источников водоснабжения даже по наиболее крупным городам и важным точкам Кузбасса (Прокопьевск, Новокузнецк)», резкую «загрязненность селений»⁵².

Помимо сыпного и брюшного тифов, на незащищенное в санитарном отношении, голодающее население Западной Сибири обрушилось множество других инфекционных заболеваний. В 1931 г. Отдел учета и статистики НКЗ РСФСР зафиксировал в Западно-Сибирском крае 23,2 тыс. заболеваний корью, 10,1 случаев скарлатины, 12, 1 тыс. случаев коклюша⁵³. Эти, так называемые «детские» инфекции представляли собой огромную опасность для населения младших возрастов. В 1931–1932 гг. в нашей стране вспыхнула эпидемия дифтерии. И если в 1930 г. индекс заболеваемости дифтерией составлял в среднем по РСФСР 7,7 на 10 тыс. человек, то в 1931 г. – 12,2, в 1932 г. – 13,4 на 10 тыс. человек⁵⁴. В Западно-Сибирском крае в 1931 г. было зафиксировано 4,3 тыс. случаев дифтерии⁵⁵. В связи с длительным хроническим недоеданием, недостатком витаминов в рационе питания в регионе появилась типичная болезнь голодных лет – цинга. В 1931 г. в Западной Сибири этой болезнью было поражено 2085 человек, в основном в сельской местности⁵⁶. Поскольку фиксировались далеко не все случаи заболеваний, распространенность этой мучительной болезни была значительно шире, чем это показывает официальная статистика.

Тревожным сигналом для населения Западной Сибири было появление натуральной оспы. В 1931 г. только в городах Западно-Сибирского края натуральной оспой заболело 2,9 тыс. человек. Остановить распространение оспы не удалось. В 1932 г. в городских поселениях края было зафиксировано 10,3 тыс. заболеваний оспой (рост в 3,6 раза)⁵⁷. При этом в Анжерке, ставшей эпицентром распространения натуральной оспы, за 1931–1932 гг. число случаев этой болезни выросло 32,3 раза, в Кемерово – в 2,4 раза, в Сталинске – на 13%⁵⁸. В целом по РСФСР за 1928–1933 гг. индекс заболеваемости населения натуральной оспой удвоился⁵⁹.

Сельское население Западной Сибири было поражено малярией. Западная Сибирь с ее множеством болот с наступлением весны превращалась в рассадник малярии. Арбенев в

⁵⁰ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 223. Л. 56.

⁵¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 10. Оп. 5. Д. 50. Л. 302.

⁵² ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2194. Л. 3.

⁵³ Там же. Д. 1767. Л. 6.

⁵⁴ Там же. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 66. Л. 9.

⁵⁵ Там же. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 1767. Л. 6.

⁵⁶ Там же. Л. 2.

⁵⁷ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 168. Л. 145.

⁵⁸ Там же. Л. 142.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 30.

«Объяснительной записке к сводке за III декаду апреля 1933 г.» отмечал резкий рост заболеваемости малярией в Нарымском округе, в Тяжинском, Барнаульском, Бийском, Беловском, Быстро-Истокском, Асиновском, Краснотуринском, Минусинском, Ермаковском, Курагинском, Картузовском, Тальменском, Топчихинском, Шипуновском, Рубцовском, Залесовском районах⁶⁰. Грядинский 26 сентября 1933 г. докладывал в СНК РСФСР: «Заболеваемость малярией в Западно-Сибирском крае в 1933 году приняла угрожающие размеры, дав за первое полугодие 76 547 случаев с максимумом в мае (26 265 случаев)»⁶¹. Самыми пораженными районами края в 1933 г. были: Курагинский – 964 заболевания малярией на 10 тыс. человек населения, Троицкий – 920, Каратузский – 715, Залесовский район – 704 и Нарымский округ – 687 заболеваний на 10 тыс. человек населения⁶². В среднем по СССР индекс заболеваемости малярией составлял около 400 заболевших на 10 тыс. человек⁶³.

Одним из самых опасных заболеваний голодных лет оказалось заболевание, условно обозначавшееся в документах как «септическая ангина». Эта болезнь возникала исключительно в голодные годы. Врачи, ранее не сталкивавшиеся с этим заболеванием, первоначально не могли поставить правильный диагноз. Эта болезнь, даже не имевшая научного названия, впервые была зарегистрирована в мае 1932 г. в Казахской АССР. Клиническая картина, согласно секретному (все случаи заболевания септической ангиной немедленно засекречивались) сообщению уполномоченного Наркомздрава РСФСР И. И. Николаева от 15 июня 1933 г., выражалась в быстром некротическом распаде мягкого неба, обильном кровотечении из десен и горла. Характерной была высокая температура (39–40°). Смерть наступала на 3-й – 5-й день при явлениях сильной интоксикации. Патологоанатомические вскрытия обнаруживали некротические распады в полости рта, в глотке и в верхней части трахей, кровотечения в кишечнике. Вначале вспышки смертности доходила до 80 %⁶⁴. Заболевали целыми семьями – и взрослые и дети. В Казахстане заболевали главным образом единоличники, прибывшие в 1931 г. из Сибири.

С самого начала вспышки этой «загадочной» болезни было очевидно, что заболевание так или иначе связано с условиями питания людей. 14 июня 1933 г. Казахский Наркомздрав направил Карагандинскому облздраву секретное предписание, содержащее описание болезни и перечень мероприятий по борьбе с ней. Копия этого предписания была выслана и в Западно-Сибирский крайздрав. «На основании произведенного обследования, – говорилось в предписании, – следует, несомненно, одно, что заболевание связано с авитаминозом. Отмечено улучшение по доставке в пораженные районы овощей, молока, рыбьего жира и проч. Число заболеваний резко пало»⁶⁵.

Заболевание быстро распространилось на Уральскую область, Башкирию, Киргизию, Свердловскую и Челябинскую области. В Западной Сибири эта болезнь впервые была зафиксирована в Ишимском районе (ныне Тюменской области), отчего ее стали именовать ишимской. Затем болезнь распространилась на Ялуторовский район и летом 1933 г. была зафиксирована в Западно-Сибирском крае. 28 июня 1933 г. руководитель Полномочного представительства ОГПУ (ПП ОГПУ) по Запсибкраю Н. Н. Алексеев во внеочередном донесении писал, что, по сообщению Каменского районного отдела ОГПУ, заболевание язвенным стоматитом (так иногда именовали септическую ангину. – В. И.) появилось в селе Долганке. Заболело 20 человек. Во всех случаях заболевание закончилось смертью. Групповое заболевание было зафиксировано также в селах Гонохово и Ярково. Проверка пока-

⁶⁰ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 181. Л. 22.

⁶¹ Там же. Д. 182. Л. 6.

⁶² Там же.

⁶³ Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С. 78.

⁶⁴ ГАНО. Д. 182. Л. 6.

⁶⁵ Там же. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 94. Л. 11.

зала, что все заболевшие употребляли в пищу суррогаты: толченый камыш и озерные травы⁶⁶. Это были первые грозные свидетельства надвигающейся эпидемии.

В июне 1933 г. при Наркомздраве Казахской АССР было созвано совещание бактериологов и инфекционистов для обсуждения характера заболевания и мерах борьбы с ним. На этом совещании большинство специалистов высказались за некротическую ангину на почве авитаминоза, вызванную обычной бактериальной флорой полости рта, активированной пониженной сопротивляемостью организма⁶⁷. Выражаясь современным языком, это был своеобразный иммунодефицит человека на почве голода.

В распоряжении историков сегодня имеются воспоминания корифея советской и мировой медицины, академика Академии медицинских наук А. Л. Мясникова. В 1930-е гг. врач Мясников жил и работал в Новосибирске и оказался в самой гуще событий. Мясников пишет: «В районе Итима (ошибка автора воспоминаний или опечатка, правильно: Ишима. – В. И.), между Тюменью и Омском стали вдруг умирать жители определенных сел при картине болей в горле, кровотечений и лихорадки. С перепугу район оцепили войсками, поезда, следующие через железнодорожную станцию, быстро пропускались, не позволяя никому выходить из вагонов»⁶⁸. Вспышку септической ангины приняли за чуму. Вскоре специально приглашенный известный советский патологоанатом И. В. Давыдовский, установил, что болезнь ничего общего с чумой не имеет⁶⁹. Как выяснилось, это была септическая ангина.

Вскоре Мясников и И. В. Давыдовский вылетели на спецсамолете на Алтай в с. Старая Барда, где свирепствовала эта болезнь. Мясников описывает страшную картину умирающего села. «Село казалось безлюдным, мертвым. В больнице мы застали человек тридцать умирающих, исходивших кровью. Первое время умирали все ... Казалось, болезнь проходила молниеносно: боль в горле, некрозы миндалин, дужек, языка, геморрагическая сыпь, кровотечение из слизистых рта, кровавая рвота, кровавый стул, температура 39–40 градусов, погибают в полном согласии ... ни вздохов, ни крика». Исследования показали полное отсутствие кровяных телец и кровяных пластинок. Болезнь стали именовать «гемморрагическая алейкия». Мясников предложил обозначать ее как «острый агемоблатоз» или «ланмиэлопарез», т. е. прекращение выработки кровяных телец костным мозгом⁷⁰.

Дальнейшие изыскания показали, что этой болезнью были поражены голодающие, собиравшие перезимовавшее под снегом зерно, просо, болотные травы. «Болезнь неубранных полей» – так именовал заболевание крупный сибирский инфекционист А. В. Пулькис, приложивший много усилий для изучения заболевания. Удалось выяснить, что в зернах, пролежавших под снегом, под влиянием особого вида грибов из семейства физарий появляются токсические вещества, обладающие действием, парализующим функции костного мозга⁷¹.

Однако ни Мясников, ни Пулькис, много сделавшие как медики для борьбы с заболеваниями, не видели или игнорировали специально из цензурных соображений социальную составляющую заболевания. Они не произнесли страшного приговора – голод. Везде, где питание было хотя бы относительно нормальным, болезнь отступала.

Помимо эпидемии инфекционных болезней, в начале 1930-х гг. большое распространение получили туберкулез, пневмония и различные желудочно-кишечные болезни, такие, как колиты и энтериты. В сущности, это были отчетливо выраженные социальные болезни, обусловленные плохими жилищными условиями, антисанитарией и некачественным питанием.

⁶⁶ ГАНО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 94. Л. 16.

⁶⁷ Там же. Л. 7 об.

⁶⁸ Мясников А. Л. Я лечил Сталина: из секретных архивов СССР. М., 2011. С. 153.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 154.

⁷¹ Там же.

Структура заболеваемости определила и причины смертности населения Западной Сибири. В 1930-е гг. в СССР причины смерти определялись только в городских поселениях на основе медицинского освидетельствования умерших. В нашем распоряжении имеются данные о причинах смерти 53 081 человек (31 620 мужчин и 21 461 женщин), скончавшихся в городских поселениях Западной Сибири в 1933 г. с разбивкой их по причинам смерти и возрасту. Эти данные не отличаются точностью. Фиксировались далеко не все смерти, тем более их причины, но уточнить цифры не представляется возможным.

Таблица 3

Причины смерти городского населения Западной Сибири. 1933 г.
(По номенклатуре причин смерти 1933 г.)*

Причины смерти	Абсолютно		В %	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1. Болезни беременности и родов	–	126	–	0,6
2. Болезни новорожденных	538	491	1,7	2,3
3. Инфекционные и паразитарные болезни в том числе:	9222	6542	29,2	30,5
- сыпной тиф	1910	1053	6,0	4,9
- брюшной тиф и паратиф	481	488	1,5	2,3
- корь	1064	1029	3,4	4,8
- скарлатина	121	145	0,4	0,8
- коклюш	133	137	0,4	0,6
- дифтерия	337	301	1,1	1,4
- дизентерия	961	684	3,0	3,2
- туберкулез	3344	1997	10,6	9,3
- малярия	182	104	0,6	0,5
4. Убийство	298	72	0,9	0,3
5. Самоубийство	174	82	0,6	0,4
6. Не установлено, убийство или самоубийство	124	37	0,4	0,2
7. Промышленные травмы и отравления	74	6	0,2	0,0**
8. Прочие травмы	1020	377	3,2	1,8
9. Болезни неполноценного питания	148	58	0,5	0,3
10. Рак и злокачественные новообразования	430	383	1,4	1,8
11. Болезни обмена веществ и эндокринной системы	73	46	0,2	0,2
12. Сердечно-сосудистые болезни, заболевания нервной системы и органов чувств	3148	2060	10,0	9,6
13. Болезни органов дыхания***	3983	3074	12,6	14,3
14. Болезни органов пищеварения в том числе:	6531	4291	20,7	20,0
- энтерит, колит	2479	980	7,8	4,6
- энтерит и диарея в возрасте до двух лет	2836	2546	9,0	11,9
15. Нефрит	291	224	0,9	1,0
16. Старческая дряхлость	1187	1320	3,8	6,2
17. Прочие и неопределенные причины	4279	2262	13,7	10,6
Всего	31620	21461	100,0	100,0

*Сост. по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 222. Л. 1–1 об., 2–2 об.

** Значение менее 0,1 %.

Табл. 3 показывает, что причины смерти городского населения Западной Сибири в 1933 г. полностью соответствовали условиям жизни тех лет. Инфекционные и паразитарные болезни уносили около трети человеческих жизней. Особенно много людей погибало от туберкулеза органов дыхания, сыпного тифа, кори и дизентерии. Следом шли болезни органов пищеварения, прежде всего энтерит и колит. Эти смерти были обусловлены плохим питанием, вынужденным употреблением в пищу некачественных продуктов. Третье место в иерархии причин смерти городского населения занимали болезни органов дыха-

ния: пневмония, бронхит, бронхопневмония. В данном случае основную роль играло недостаточное питание, антисанитария, проживание горожан в сырых и холодных помещениях, бараках, землянках, насыпках, коммуналках и т. д.

Чрезвычайно важно отметить незначительный удельный вес смертей вследствие неполноценного питания. Как показывает табл. 3, на долю смертей от неполноценного питания приходилось всего от 0,5 % у мужчин и 0,3 % у женщин. Укажем, однако, что городское население обеспечивалось карточками. Голод в его абсолютном выражении коснулся, прежде всего, сельского населения. Но вследствие длительного недоедания и однообразного питания, нехватки в пище белков и витаминов (латентный голод) организм горожан терял иммунную защиту и люди становились жертвами инфекций, желудочно-кишечных заболеваний и болезней органов дыхания. Все эти причины смерти, непосредственно зависящие от условий жизни, получили наименование экзогенных, т. е. привнесенных извне.

Эндогенные причины смерти, обусловленные естественным старением организма, оказались отодвинутыми на второй план. Такие причины смерти, как болезни обмена веществ и эндокринной системы, сердечно-сосудистые болезни, заболевания нервной системы и органов чувств, играли второстепенную роль в формировании структуры причин смертности. Относительно низким был и вклад в смертность квазиэндогенных факторов смерти, к которым относятся злокачественные новообразования.

В заключение, чтобы подчеркнуть социальный характер предпосылок повышенной смертности в начале 1930-х гг., приведем краткий глоссарий, подчеркивающий даже в медицинских терминах их ярко выраженную социальную направленность.

Глоссарий

Сыпной тиф – смертельно опасное инфекционное заболевание, возбудителем которого являются риккетсии Провачека. Переносчиком заболевания выступает вошь. Поскольку распространению вшей способствуют главным образом антисанитарные условия существования, сыпной тиф носит отчетливо выраженный социальный характер. Больной жалуется на мучительную головную боль, иногда озноб. Температура поднимается до 39–40 градусов. Лицо больного красное, одутловатое, глаза красные. Кожа горяча на ощупь. На 5-й день болезни появляется обильная сыпь, распространяющаяся по всему телу. В тяжелых случаях отмечаются помрачения сознания, бред, галлюцинации.

Брюшной тиф – остроинфекционная болезнь человека. Возбудитель – брюшнотифозная палочка. Пути распространения брюшного тифа разнообразны: загрязнение воды, рук, продуктов. Заболевание характеризуется высокой температурой, бессонницей, сыпью (бледно-розовыми пятнышками круглой формы) на груди и животе.

Корь – инфекционное заболевание, причиной которого является фильтрующийся вирус. Источник возбудителя – больной человек. Передача вируса происходит воздушно-капельным путем. Заболевание начинается с подъема температуры, насморка, кашля, сопровождается появлением сыпи за ушами, на лице, шее, груди. После болезни вырабатывается стойкий иммунитет.

Скарлатина – инфекционное заболевание, возбудителем которого является стрептококк. Переносчиком заболевания является больной человек. Распространяется главным образом воздушно-капельным путем. При заболевании быстро поднимается температура, появляются боли при глотании.

Коклюш – инфекционное заболевание, сопровождающееся приступами судорожного кашля, насморком, повышением температуры. Возбудитель – палочка Борде-Жангу. Поражает слизистые оболочки верхних дыхательных путей. После болезни вырабатывается стойкий иммунитет.

Дифтерия – острое инфекционное заболевание. Возбудитель – дифтерийная палочка. Источник инфекции – больной человек.

Цинга – заболевание человека, обусловленное нехваткой витамина С. Как массовое заболевание характерно для периодов социальных потрясений и голода. Болезнь сопровождается потерей мышечной силы, вялостью, быстрой утомляемостью, головокружением. Появляется посинение ушей, носа, губ, пальцев и ногтей, набухают и кровоточат десны, расшатываются и выпадают зубы, сыпь.

Оспа – острое инфекционное заболевание. Возбудитель – фильтрующийся вирус. Источник инфекции – больной человек, основной путь передачи – воздушно-капельный. Болезнь сопровождается высокой температурой. Больной жалуется на головную боль, боли в крестце и пояснице. Туловище покрывается оспенной сыпью, которая превращается в пузыри, наполненные гнойным содержимым.

Малярия – инфекционная болезнь, возбудителем которой является малярийный плазмодий. Переносчик заразного начала – самка комара анофелес, которая, насосавшись крови больного, становится опасной. Человек заражается при укусе его малярийным комаром. Поэтому важнейшими средствами борьбы с малярией являются уничтожение мест выплода комаров, осушение болот, предотвращение застоя воды в водоемах, очистка рек от водорослей. Малярия протекает в виде приступов, сопровождающихся ознобом, лихорадкой, высокой температурой.

Список литературы

Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир. 1989. № 10. С. 179–200.

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011.

Гуцин Н. Я. Население Западной Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995.

Мальшева М. П. Голод на юге Сибири в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 84–87.

Познанский В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2012.

Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М.: Медицина, 1968.

Мясников А. Л. Я лечил Сталина: из секретных архивов СССР. М.: Эксмо, 2011.

V.A. Isupov*

Social and Natural Factors of Demographical Catastrophe in Western Siberia (Early 1930s)

This article uses the Soviet medical statistical data to determine the role and significance of social and natural factors in abnormally high mortality rate in Western Siberia during famine of the early 1930s. It is shown that social factors were dominant, but infectious diseases epidemic in the region (such as typhus, typhoid fever, measles, and scarlet fever) also played significant role. The author determines causes of high mortality among population of Western Siberia in 1933; shows prevalence of exogenous factors in the structure of mortality due to poor living conditions.

Keywords: famine, infections, morbidity, mortality, causes of death.

Статья поступила в редакцию 10.07.2018

* **Isupov Vladimir A.** – Doctor of Historical Sciences, Head of Sector, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: ist_dem@history.nsc.ru

Демографическая подсистема общества и кризис 1990-х гг.: обзор основных миграционных тенденций на примере Новосибирской области

В статье на основе широкого комплекса источников проанализированы миграции населения в Новосибирской области в постсоветский период (1989–2002 гг.). Большое внимание уделено особенностям пространственных перемещений в регионе на предшествующем историческом этапе. Выявлено, что системные преобразования 1990-х гг. отразились на всех демографических процессах, в том числе и миграции. При этом в восточных районах кризис социалистической системы проявился сильнее из-за того, что отказ от реализации долгосрочных экономических проектов снизил привлекательность территорий, располагающихся за Уралом. Большое внимание уделено изучению экономических, географических и политических факторов пространственных перемещений. Определены размеры сальдо миграции, изучено миграционное взаимодействие с различными экономическими районами России и бывшими союзными республиками СССР. Проанализированы качественные перемены в составе мигрирующего населения.

Ключевые слова: историческая демография, Новосибирская область, миграция, регион, Западная Сибирь, экономический кризис, рыночные реформы

Распад Советского Союза на независимые государства, преобразования во всех сферах жизни общества отразились на демографических процессах постсоветского периода. Интерес к ним подогревают современные социально-экономические тенденции и государственная политика, нацеленная на «разворот на Восток», в рамках которого планируется не только интенсификация торгово-экономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, но и вовлечение в хозяйственный оборот новых природных ресурсов сибирских и дальневосточных территорий. Однако для реализации такой задачи необходимы демографические ресурсы. В этой связи для понимания их современного состояния представляется важным изучить количественные и качественные изменения, произошедшие в населении востока страны в предшествующие годы, в том числе в отдельных регионах.

В XX столетии, благодаря строительству Транссибирской железнодорожной магистрали, индустриализации, эвакуации предприятий из европейской части страны в годы Великой Отечественной войны, Новосибирская область (в современных границах) превратилась в развитый промышленный регион, где производились разнообразные виды продукции.

В послевоенный период происходило поступательное социально-экономическое развитие области. Освоение целинных территорий, формирование крупных территориально-производственных комплексов (Ангари-Енисейский, Западно-Сибирский), строительство БАМа привлекли множество мигрантов в Сибирь из других районов РСФСР и союзных республик¹. Вместе с тем, Новосибирская область оказалась в стороне от этих экономических начинаний. У нее отсутствовали крупные энергетические ресурсы или залежи черных и цветных металлов. Экономика была нацелена на выпуск конечной продукции, востребованной в гражданских и военных сферах деятельности, обеспечение районов нового освоения высокотехнологичными изделиями промышленности. После строительства Академгородка и других научных подразделений, город Новосибирск превратился в важный научный центр Сибири. Подобный характер социально-экономического развития не требовал привлечения значительных трудовых ресурсов. Сдерживало миграцию постановление Совета Министров СССР, согласно которому, начиная с 1956 г., запрещалось новое

* **Дашинамжилов Одон Борисович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН. E-mail: Odon@bk.ru.

¹ Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 2011. С. 243–246.

строительство и расширение предприятий в 48 крупных городах, в том числе и в Новосибирске².

Область стала источником пополнения трудовых ресурсов европейских, центрально-азиатских и слабоосвоенных регионов страны. Именно поэтому в 1950–1974 гг., за исключением отдельных лет, механический прирост населения в ней был отрицательным и достиг 273,4 тыс. чел. Во второй половине 1970-х гг. направленность людских потоков начинает меняться. РСФСР стала принимать мигрантов больше, чем отдавать их. В основе этого лежит комплекс причин, среди которых важнейшими являлись сокращение темпов социально-экономического роста других союзных республик, снижение у них остроты кадровой проблемы, интенсивное развитие и внедрение в зауральских регионах повышающих коэффициентов к заработной плате. Миграционный отток в Новосибирской области, также как в целом в Западной Сибири, резко снизился и за 1975–1989 гг. составил всего 21,4 тыс. чел.

Системные преобразования постсоветского времени отразились на всех демографических процессах, в том числе и миграции. Специфику пространственных перемещений населения в каждой российской области, крае или республике определяло взаимодействие нескольких причин. Среди них ключевыми являлись: уровень доходов на душу населения, отраслевая структура народного хозяйства, концентрация экономической жизни преимущественно в европейской части России и сырьевых регионах, возвратное движение отдельных этносов в титульные республики³. Если говорить о Сибири, то здесь кризис социалистической системы проявился сильнее. Отказ от реализации долгосрочных экономических проектов снизил привлекательность территорий, располагающихся за Уралом. Это в совокупности с менее развитой социальной сферой и суровыми климатическими условиями активизировало перемещение населения в более благополучную европейскую часть страны, а также за границу. Новосибирскую область также затронула данная тенденция, но особенности ее территориально-географического положения и другие факторы наложили своеобразный отпечаток на динамику миграций.

Как уже было сказано, межтерриториальная дифференциация в доходах граждан в сравнении с советским периодом значительно увеличилась. Региональные хозяйственные комплексы были в разной степени подготовлены к повышению финансовой и управленческой самостоятельности. Преимуществами в переходный период стали обладать края и области, предприятия которых производили товары, пользовавшиеся высоким спросом в стране и за рубежом⁴. В число рентабельных, прежде всего, вошли отрасли добычи и начальных стадий переработки сырья – нефтегазодобывающая, энергетическая, цветной и черной металлургии, химическая и некоторые другие.

В хозяйственной структуре Новосибирской области ведущее положение занимали предприятия оборонного профиля и машиностроения, в наибольшей степени затронутые кризисом. Действительно, спад промышленного производства оказался более глубоким, чем в Западной Сибири в целом. Валовой региональный продукт на душу населения в области в 1997 г. оказался ниже всех, кроме Алтайского края. В этом отношении она уступила также Красноярскому краю и Иркутской области Восточной Сибири⁵.

Вместе с тем, на миграционные настроения людей влияли и другие причины. Новосибирская область считалась одной из самых обжитых и освоенных в Западной Сибири, ее социальная инфраструктура была хорошо развита. Удельный вес населения, проживающего в регионе с рождения, в 1989 г. составил 47,7 %, тогда как в целом по Западной Сибири – 44,2 %, в том числе в Томской и Тюменской областях – 41,7 % и 31,6 %. По этой причине мотивация на смену места жительства среди местных жителей была выражена

² Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск, 1986. С. 78–79.

³ Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. М., 2009. С. 15.

⁴ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017. С. 336.

⁵ Регионы России: Стат. сб. в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 281.

слабее. По численности выбывших на 1000 чел. в 1993–2002 гг. Новосибирская область заняла предпоследнее место в Западной Сибири (10,0 ‰), меньше было только у Кемеровской области (9,7 ‰).

Одновременно с этим в советский период Новосибирская область, как и другие западносибирские регионы, являлась важным источником трудовых ресурсов для малоосвоенных районов. Но после наступления экономического кризиса часть работников этих районов стремилась вернуться в родные места. В то же время прибывшие в область из Восточной Сибири и Дальнего Востока в большинстве своем не предполагали переселяться обратно.

Среди других факторов следует выделить выгодное территориально-географическое расположение и наличие общей границы с главным демографическим донором России постсоветского времени – Казахстаном, повсеместную и широкую известность г. Новосибирска в Советском Союзе как крупного индустриально-культурного центра и «столицы» Сибири. Кроме того, в области в 1990-е гг. большое развитие получили новые, «рыночные» сферы деятельности: банковское дело, торговля и сфера услуг.

Согласно Всероссийской переписи 2002 г., население Новосибирской области по сравнению с 1989 г. впервые за долгое время сократилось – с 2778,7 тыс. до 2692,2 тыс. чел. или на 3,1 % (в России – на 1,3 %, в Западной Сибири – на 1,5 %). Вместе с тем, в регионе, как и в целом в Российской Федерации и Западной Сибири, был отмечен механический прирост, который за 1989–2002 гг. достиг 86,3 тыс. чел. О масштабах трансформации пространственных перемещений свидетельствует то, что если на предшествующем историческом этапе по размерам положительного сальдо миграции лидировали нефтегазодобывающие районы (Тюменская и Томская области), то в 1990-е гг. на первое место вышел прежде активно отдававший свое население Алтайский край, следом за ним расположилась Новосибирская область.

Новые миграционные тенденции отразились на территориальных предпочтениях населения. Раньше среди основных задач государственной политики Советского Союза было хозяйственное освоение малозаселенных и географически удаленных от центра районов, а также снижение пространственной дифференциации в доходах граждан. В противоположность этому, в постсоветский период государство, положившись на «рыночную стихию», ограничило собственные регулирующие функции, а также масштабы капиталовложений в экономику. Восточные районы в новых реалиях оказались в менее благоприятном положении. По своим природно-климатическим условиям и развитию социальной сферы они уступали Европейской России. В Восточной Сибири положение усугублялось тем, что добывающая промышленность, продукция которой была востребована на внешних рынках, перед распадом Советского Союза была еще недостаточно развита. В результате людские потоки устремились с востока и севера страны в ее европейскую часть. И чем восточнее находился регион, тем больше были его миграционные потери⁶.

Именно поэтому среди прибывших в область, несмотря на сравнительно благополучное положение некоторых регионов (например, Красноярского края, Иркутской области и Якутии), возросла доля мигрантов из Восточной Сибири и Дальнего Востока. Этому способствовало и то, что из-за сравнительно позднего хозяйственного освоения удельный вес лиц, проживавших в этих экономических районах не с рождения, был высоким, что отразилось на мобильности местного населения. Материалы Всероссийской переписи 2002 г. могут дать представление о том, какой характер приобрели миграции и обмен с разными экономическими районами России (Табл. 1).

⁶ Дашинамжилов О. Б. Миграционные процессы в Сибири в 1989–2002 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 75.

Таблица 1

Население частных домохозяйств в возрасте 15 лет и более, менявшее место постоянного жительства в 1989 г. и позднее и проживавшее в 2002 г. на территории Западной Сибири и Новосибирской области (чел.) *

Экономические районы	Западная Сибирь			Новосибирская область		
	прибывшие	выбывшие	сальдо	прибывшие	выбывшие	сальдо
Северо-Западный	21650	29263	-7613	3362	3852	-490
Центральный	34677	79761	-45084	5343	11118	-5775
Волго-Вятский	20198	20007	+191	1329	1685	-356
Центрально-Черноземный	9186	22002	-12816	1405	2162	-757
Поволжский	43038	60105	-17067	3984	4584	-600
Северо-Кавказский	65279	77472	-12193	4823	8047	-3224
Уральский	134037	107740	+26297	6951	6330	+621
Западно-Сибирский	1165232	1165232	0	55823 **	47758**	+8065**
Восточно-Сибирский	88217	51154	+37063	24535	10102	+14433
Дальневосточный	85799	25526	+60273	23100	5689	+17411
Калининградская область	1776	5455	-3679	279	614	-335
Итого	1669089	1643717	25372	130934	101941	28993

* Подсчитано по: Продолжительность проживания в месте постоянного жительства. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. М., 2005. Т. 10. С. 296–298, 300–323.

** Без Новосибирской области.

Как можно видеть из таблицы, восточный дрейф миграций подтверждается материалами Всероссийской переписи 2002 г. Положительный баланс перемещений образовался у Новосибирской области с Восточной Сибирью, Дальним Востоком и Уралом. Как и ожидалось, наибольшие демографические потери область понесла во взаимодействии с европейской частью страны и, прежде всего, с центральным экономическим районом. Из общего числа мигрантов основная доля – 7,3 тыс. чел. из 11,1 тыс. чел. (65,8 %) обосновалась в Москве и Московской области. В Северо-Западном районе приоритетными для переселения стали, соответственно, Санкт-Петербург и Ленинградская область (64,0 %).

Москва и Санкт-Петербург традиционно притягивали жителей страны высоким уровнем жизни, возможностями получения качественного образования и высокооплачиваемой работы. Эти города являлись крупнейшими финансово-экономическими, культурными и научными центрами. В годы реформ из-за роста межрегиональной дифференциации их значение, особенно Москвы, увеличилось еще больше. Наличие крупных компаний, быстрое развитие торговли, строительства и сферы услуг обусловили высокий спрос на рабочую силу.

Отрицательное сальдо миграции у области, как и у Западной Сибири в целом, возникло с Поволжским и Северокавказским экономическими районами. Основная доля выбывших в Поволжский район осела в Республике Татарстан, Волгоградской, Самарской и Саратовской областях. Традиционно, еще с советских времен, большое количество людей выбывало в Краснодарский, Ставропольский края и Ростовскую область. При этом доля собственно северокавказских республик всегда была небольшой.

Изменился характер миграционного взаимодействия Новосибирской области и бывших союзных республик. Распад СССР и некогда единого народнохозяйственного комплекса, рыночные реформы, произошедшие с разной степенью глубины и эффективности во всех новых государственных образованиях, привели к ухудшению не только социально-экономической, но и политической обстановки. Военные действия, развернувшиеся на территории Молдавии, Таджикистана и Азербайджана, стали для части населения весомой причиной миграции. Во многих республиках основу экономики составляли предприятия перерабатывающей и легкой промышленности, а также сельское хозяйство, больше всего пострадавшие от кризиса. На этом фоне Российская Федерация отличалась более стабильным внутриэкономическим и политическим положением. В результате у Западной Сиби-

ри, как и Новосибирской области, образовалось значительное положительное сальдо в демографическом обмене с большинством из бывших союзных республик (Табл. 2).

Таблица 2

Динамика миграционного обмена Западной Сибири и Новосибирской области с зарубежными государствами в 1993–2001 гг. (чел.) *

Годы	Западная Сибирь			Новосибирская область		
	прибывшие	выбывшие	сальдо	Прибывшие	выбывшие	сальдо
1993	130402	92717	+37685	16347	11138	+5209
1994	185953	73501	+112452	25371	9524	+15847
1995	137250	83276	+53974	20171	9877	+10294
1996	109853	70103	+39750	14342	8085	+6257
1997	110535	49131	+61404	16024	5990	+10034
1998	87988	49068	+38920	13879	6193	+7686
1999	58348	54363	+3985	9489	6567	+2922
2000	54975	38294	+16681	8376	4501	+3875
2001	27990	34360	-6370	4098	3810	+288
Итого	903294	544813	358481	128097	65685	62412

* Сост. по.: Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. С. 388–389, 396–397; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1995. С. 408–409, 414–415; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1996. С. 496–497, 502–503; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1997. С. 514–515, 520–521; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1998. С. 340–341, 346–347; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1999. С. 340–341, 346–347; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 2000. С. 328–329, 334–335; Демографический ежегодник России. 2002. Стат. сб. М., 2002. С. 342–345, 348–351.

К сожалению, мы не располагаем статистическими сведениями о миграции из зарубежных стран в 1989–1992 гг. Однако, исходя из общероссийских данных, следует предположить, что в эти годы (особенно в 1990–1992 гг.) из Западной Сибири и Новосибирской области происходил отток населения. По мере ухудшения социально-экономической и внутривнутриполитической обстановки приток мигрантов из бывших союзных республиках стал стремительно увеличиваться, достигнув максимальных значений в 1994 г.

Как и следовало ожидать, благодаря географической близости основная часть положительного сальдо миграции образовалось за счет республик Центральной Азии. Так, в 1993–2001 гг. из Казахстана Новосибирская область получила 62,1 тыс. чел., Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении – 20,2 тыс. чел., за ними расположились Украина – 8,9 тыс. чел., республики Закавказья – 8,4 тыс. чел., страны Прибалтики и Молдавия – по 0,8 тыс. чел.

К концу 1990-х – началу 2000-х гг. произошло сокращение механического прироста. Основная часть потенциальных мигрантов покинула пределы бывших советских республик, а в социально-экономическом положении последних тоже начинают происходить позитивные перемены. К тому же усложнилась процедура получения российского гражданства, ужесточился государственный контроль над перемещениями населения. Так, например, с первого октября 2000 г. на мигрантов из стран СНГ была распространена процедура получения вида на жительство, которая должна предшествовать регистрации, тогда как прежде такой порядок распространялся только на прибывших из-за пределов Содружества⁷.

Анализ возрастной структуры мигрантов в годы реформ затрудняется недостаточной репрезентативностью источниковой базы. Иногда сложно сопоставить показатели, изложенные в статистических сборниках советского и постсоветского периодов, в силу различий используемых критериев. Например, представляет трудность сравнение возрастных когорт мигрантов, так как деление по годам в разное время проводилось не одинаково. С учетом таких ограничений исследовательский анализ будет касаться только городских

⁷ Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. М., 2002. С. 129.

населенных пунктов, так как сельские поселения в советских статистических сборниках (для служебного пользования) не были представлены.

Судя по данным таблицы №3, возраст мигрантов за годы реформ вырос. Эта тенденция проявила себя еще в 1980-е гг., но тогда она была не столь заметна. Во время рыночных реформ появились новые факторы, оказавшие влияние на качественный состав мигрирующих. В 1990-е гг. социально-экономическая ситуация в Российской Федерации и ближнем зарубежье заметно ухудшилась. Большой размах приобрели остановки работы предприятий и организаций. Хозяйственные связи между субъектами экономической деятельности, которые теперь нередко находились в разных государствах, распались, правительственная поддержка сократилась до минимальных размеров. Существенно ухудшилось положение социальной сферы. Возникла безработица, заработная плата, которая оставалась главным источником доходов для большей части населения, часто выдавалась несвоевременно. Значительно сократилось потребление мяса, молока, масла, овощей и других продуктов питания. Во всех социальных и возрастных категориях граждан произошло падение уровня жизни. Если раньше старшие возрастные группы, уже достигшие определенной семейной и материальной стабильности, имевшие постоянную работу и устоявшийся круг общения, не стремились менять место жительства, то в новых условиях они были вынуждены идти на это.

Таблица 3

Возрастной состав мигрантов Новосибирской области (по городским поселениям)*

Возраст	1975		1980		1985		1994		1999	
	Приб.	Выб.								
до 20 лет	34,0	32,7	35,8	27,1	35,1	29,9	36,2	32,4	37,1	30,7
20-24	30,3	30,4	25,2	32,3	22,9	28,0	15,9	20,0	16,5	19,8
25-29	11,5	13,0	14,5	16,4	13,4	17,2	10,1	10,1	9,1	10,6
30-39	9,3	10,1	10,5	10,9	12,8	12,2	16,8	15,0	13,2	13,8
40-49	6,5	5,8	6,1	6,3	4,6	4,2	8,1	7,9	9,0	10,0
50-54	1,6	1,4	2,4	2,0	1,8	1,5	2,0	2,1	2,8	2,9
55-59	1,3	1,2	1,6	1,5	2,3	1,6	2,9	3,0	2,2	2,2
60 лет и старше	5,5	5,4	3,8	3,5	7,1	5,4	8,0	9,5	10,0	9,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Сост. По: Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1975 г. Стат. сб. Новосибирск, 1976. (ДСП). С. 47; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1980 г. Стат. сб. Новосибирск, 1981. (ДСП). С. 42; Естественное движение и миграция в Новосибирской области в 1985 г. Стат. сб. Новосибирск, 1986. (ДСП). С. 44; Миграция населения Новосибирской области в 1994 г. Новосибирск, 1995. С. 28; Миграция населения Новосибирской области в 1999 г. Новосибирск, 2000. С. 32.

В 1994 г. удельный вес лиц в возрасте 30–39 лет в общей численности прибывших значительно превысил долю 25–29-летних, произошел существенный рост в когорте 40–49 лет. Заметно увеличилась, в сравнении с прежними годами, доля мигрантов старше 50 лет. Возрастные пропорции оказались особенно деформированными у лиц, прибывших из ближнего зарубежья, что было обусловлено не только резким ухудшением условий их проживания, но и обострением межнациональных отношений. Так, например, в 1994 г. удельный вес мигрантов в возрасте 30–39 лет, прибывших из стран СНГ и Балтии, почти не уступал доле 20–24 и 25–29-летних вместе взятых (21,7 % и 24,3 %), а в возрасте 40–49 лет достиг 11,1 %. Среди выбывшего населения возрастная структура трансформировалась несколько меньше.

Таким образом, после распада Советского Союза в годы рыночных реформ миграции в Новосибирской области приобрели новые характеристики. Прекращение политики хозяйственного освоения негативно отразилось на демографическом развитии всех сибирских регионов, но Новосибирская область оказалась на пересечении потоков населения, выбывающего из Восточной Сибири, Дальнего Востока, а также Казахстана и республик Средней Азии. Благодаря этому, несмотря на значительное ухудшение показателей естествен-

ного прироста, регион смог компенсировать часть своих демографических потерь. Вместе с тем, без активного государственного вмешательства область в будущем будет продолжать терять население из-за миграционного оттока в центральные районы страны.

Список литературы

Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.

Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. 160 с.

Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. М.: Academia, 2009. 432 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.). Новосибирск, 2017. 350 с.

Дашинамжилов О. Б. Миграционные процессы в Сибири в 1989–2002 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 72–76.

Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 216 с.

О. В. Dashinamzhilov*

Demographic Subsystem of the Society and Crisis of 1990-s: Review of the Main Migration Tendencies by the Example of the Novosibirsk Region

The article analyzes migrations of population in the Novosibirsk region in post-Soviet period on the basis of a wide range of sources (1989–2002). Much attention is paid to peculiarities of areal movements in the region at the previous historical stage. It is revealed that systemic transformations of 1990s reflected on all demographic processes including migrations. At the same time in the eastern regions a crisis of socialistic system became more apparent because the refusal from long-term economic projects' realization made the territories behind the Urals less attractive. Particular attention is given to studying the economical, geographical, and political factors of areal movements. The author defines the migration balance; investigates migration interaction between various economic districts of Russia and the former USSR; analyzes qualitative changes in the composition of migrant population.

Keywords: historical demography, Novosibirsk region, migration, region, Western Siberia, economic crisis, market reforms.

Статья поступила в редакцию 27.08.2018

* **Dashinamzhilov Odon B.** – Candidate of Sciences (History), researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: Odon@bk.ru.

Пищевой рацион крестьян-переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.)

В статье по данным статистических источников анализируется количественная информация о составе рациона питания крестьян-переселенцев в Западной Сибири. Сопоставляются результаты полученных количественных и качественных характеристик питания крестьян-переселенцев в зависимости от времени пребывания на территории Западной Сибири, а также климатических условий района проживания. Рассчитывается пищевая и энергетическая ценность рациона крестьян-переселенцев. Определен временной отрезок, за который питание недавно прибывших в регион переселенцев становилось достаточным и сбалансированным по основному набору продуктов и энергетической ценности.

Ключевые слова: питание, Западная Сибирь, пищевая и энергетическая ценность, крестьяне-переселенцы, потребление основных продуктов питания, баланс потребления

Питание является одним из основных элементов жизнеобеспечения любой человеческой популяции и служит источником изучения ее истории, культурных традиций и наследия в быстро меняющемся современном мире. Историки, а еще в большей степени этнографы довольно детально изучили тему питания в Сибири, ее культурный, содержательный и адаптационный аспекты, но вопрос пищевого довольствия сибирских крестьян, а именно питательную и энергетическую ценность рациона данные исследователи не затрагивали. Основной фактический материал по данной проблеме представлен в статистико-экономических трудах В. И. Юферева, С. Я. Капустина, В. Я. Нагнибеды. Перечисленные авторы впервые выдвинули тезис о том, что питание сибирских крестьян было обильнее и энергетически более выгодным, чем питание крестьян Европейской России. Этот тезис в дальнейшем был подтвержден сибирскими исследователями с использованием статистических данных, рассмотренных уже в контексте разделения крестьянского старожильческого общества в Сибири на зажиточных крестьян, середняков и бедняков. Этот вопрос был изучен омским историком М. К. Чуркиным¹. Новосибирский исследователь В. А. Зверев рассматривал данный вопрос, разделяя сибирское крестьянское сословие на старожилы и переселенцев и отмечая преимущество в питании старожилы над переселенцами, причем разница эта, по его мнению, являлась достаточно ощутимой. Другой тезис, который выдвигает ученый, корректирует точку зрения на обилие пищи у крестьян сибиряков, так как в зависимости от времени года положение в этом вопросе было неодинаковым. «...В течение года количество и качество пищи распределялось очень неравномерно. Наилучшим временем были осень и зима; летом же, особенно в июне, когда старый урожай “подобрался, приелся”, а новый еще не поспел, для многих было голодное время. У русских крестьян повсеместно бытовала поговорка о времени летнего поста: “Петровки – голодовки”»². Данные выводы достаточно убедительны, но нам бы хотелось более детального разбора питательной ценности рациона переселенцев в Западной Сибири, чтобы проследить динамику изменений этих показателей в зависимости от времени пребывания переселенцев на новой родине.

* Дякина Елена Владимировна – стажер-исследователь, Институт истории Сибирского отделения РАН. E-mail: ist_dem@history.nsc.ru

¹ Чуркин М. К. Специфика рациона питания и соотношения личных и хозяйственных потребностей в бюджете сибирской крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2005. С. 221–231.

² Зверев В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода: монография. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2014. 278 с.

Мы использовали статистику Министерства земледелия и государственных имуществ (в начале XX в. – Главного управления землеустройства и земледелия), а также статистику Главного переселенческого управления, для оценивания пищевой ценности рациона крестьян. Степень достоверности данных о хозяйственной состоятельности крестьянских хозяйств в них вызывает сомнения, так как эти данные сознательно занижались крестьянами из боязни дополнительного обложения повинностями. В целом же современные исследователи, несомненно, признают потенциал данного вида источников, а предметом дискуссий является преимущественно степень их достоверности³.

Для анализа динамики питательной ценности рациона населения переселенческих хозяйств в Западной Сибири, выбирали наиболее типичный для данной местности поселок, а в нем уже выбирали среднего по зажиточности крестьянина. Тип среднего устанавливался либо на основании показаний самих крестьян-переселенцев, либо по ранее полученным данным при проведении подворного описания. В интересующих нас территориальных рамках было составлено 12 бюджетов по Акмолинской области, 19 по Тобольской и 11 по Томской губерниям. Обследованные хозяйства распределили по группам в зависимости от сроков пребывания на территории Западной Сибири. I группа – устроившиеся до 1897 г.; II группа – устроившиеся в период с 1897 по 1899 г.; III группа – устроившиеся в период с 1900 по 1902 г.; и IV группа – устроившиеся в 1903–1904 гг. Автор оговаривается, что имеющиеся в его распоряжении данные относительно количества полученных и израсходованных в крестьянском хозяйстве пищевых продуктов, возможно, неполные (например, огородные овощи расходуются в личном хозяйстве без соответствующего учета). Однако недоучет был небольшим, и материалы текущей статистики Переселенческого управления, данные опроса местного населения относительно системы питания крестьянства Западной Сибири имеют научную ценность.

В Тобольской губернии обследовались селения Тарского и Тюкалинского уездов. К I группе переселенцев здесь отнесли 52 человека, ко II группе – 64, к III группе – 14, к IV группе – 9 человек.

Масса большинства продуктов приводится в пудах и фунтах, количество капусты – в кочанах (масса 1 кочана принята в среднем за 2 кг), количество яиц – в штуках, объем молока – в ведрах (1 ведро принято в среднем за 9 литров).

Анализируя данные о потреблении основных продуктов крестьянами-переселенцами в Тобольской губернии мы видим, что пшеничная мука составляла значимую часть рациона только у первых двух групп переселенцев – 5,5 и 3,4 пуда на 1 чел. соответственно, при этом потребление ржаной муки находилось примерно на одном уровне у всех четырех групп и составляло 10 пудов на 1 чел. в год. Потребление ячменной муки наиболее значимо было в IV группе и составляло 1,9 пуда на одного человека.

Картофель в I и IV группах не занимал лидирующей позиции среди потребляемых продуктов, а вот у II и III групп он составлял значительную часть рациона, особенно у переселенцев, проживших в Западной Сибири два-три года, т. е. в III группе – 30,9 пудов на 1 чел. Рассматривая другие овощи, мы констатируем большее их потребление в группах I и II, кроме репы, которую в наибольшем количестве – 1,1 пуда на 1 чел. потребляли совсем недавно переселившиеся крестьяне из IV группы. Потребление постного масла было наибольшим во II и III группах и составляло 1,3 и 1,5 фунтов на 1 чел. в год. Это объясняется тем, что у давно переселившихся была возможность использовать животный жир, а у только что прибывших потребление любого жира сводилось к минимуму. По продуктам животного происхождения можно сделать вывод, что наименьшее их потребление наблюдается в неблагополучной во многих отношениях IV группе⁴.

³ Бражникова А. С. Губернаторский отчет: изучение источника в отечественной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12. С. 87–89.

⁴ Юфреву В. И. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях: опыт исследования бюджетов переселенцев: текст и таблицы. СПб., 1906. С. 14–23.

Такую же выборку данных мы произвели для Томской губернии и Акмолинской области. В Томской губернии обследовались селения Томского и Мариинского уездов, в них было опрошено переселенцев I группы – 31 человек, II группы – 21, III группы – 6, IV группы – 15 человек. В Акмолинской области обследовались селения Петропавловского и Омского уездов. В них были опрошены только крестьяне-переселенцы, относящиеся к I группе – 67 человек.

Данные по Томской губернии рисуют картину, аналогичную той, которая была зафиксирована в соседней Тобольской губернии. Пшеничная мука потреблялась здесь в основном переселенцами I и II групп, осевшими в Сибири сравнительно давно. Менее ценная ржаная мука потреблялась всеми группами практически на одном уровне. Меньше всего картофеля в пересчете на 1 человека – 10,5 пудов и 6,5 пудов соответственно, потребляли крестьяне из I группы (поскольку у них не было недостатка в иных продуктах и пищевой рацион был разнообразным) и IV группы – поскольку они еще не обзавелись посадками картофеля, необходимыми для удовлетворения потребности в этом виде продуктов. По овощам, постному маслу, продуктам животного происхождения ситуация сходна с Тобольской губернией⁵.

Анализируя данные по переселенцам Акмолинской области, следует помнить, что они прожили на зауральской территории уже более семи лет и приобрели относительный достаток. У них отмечается преобладание потребления пшеничной муки – 17,2 пуда на одного чел., а вот менее ценную ржаную муку и картофель они ели в сравнительно небольшом количестве – 0,82 пуда и 4,85 пуда на одного чел. в год⁶.

Анализируя совокупные данные по всем трем областям, можно сделать выводы о зависимости рациона питания в каждой группе переселенцев в зависимости от территории их проживания. Например, в I группе потребление пшеничной муки на одного человека было наиболее велико в Акмолинской области, в три раза меньше ее потребляли в Тобольской губернии и практически не использовали в Томской губернии. При этом среднее по Западной Сибири потребление муки – 16 пудов на одного человека в год – достигалось за счет использования ржаной муки. Больше всего ее потреблялось в Томской губернии, средний уровень ее потребления зафиксирован в Тобольской губернии, а минимальный – в Акмолинской области. Мы связываем данный факт и с климатическими условиями (рожь в засушливых степных местностях не культивировалась), что лишний раз доказывает важное влияние географического фактора на питание населения.

Потребление картофеля в Тобольской губернии и Акмолинской области находилось примерно на одном уровне, а вот в Томской губернии его съедали больше в два раза.

Наиболее часто употребляемым овощем являлась капуста, ее переселенцы I группы употребляли повсеместно в среднем по 2,35 пуда на 1 человека. Другие овощи использовали в пищу умеренно, кроме репы, которую переселенцы, прожившие в Западной Сибири более семи лет, практически не использовали в питании.

Достаточно интересный факт: высокий уровень потребления постного (в данном случае льняного) масла в Акмолинской области: 6,7 фунта на одного человека, тогда как в других субрегионах его съедали в два, а то и в шесть раз меньше. Продукты животного происхождения в Акмолинской области и Томской губернии потреблялись на одном уровне, а в Тобольской губернии – немного меньше. В целом для переселенцев Западной Сибири было характерно большее потребление мяса, чем рыбы, также в пищу употреблялись яйца и молоко. В среднем потребление мучных продуктов составляло 17,8 пуда в год на одного человека; овощей, в том числе картофеля – 9,6 пуда; льняного масла – 3,5 фунта; мясных продуктов – 1 пуд; рыбы – 0,3 пуда; яиц – 36 штук; молока – 96 литров.

При рассмотрении данных по II группе крестьян-переселенцев отмечаем практически равное потребление муки из разных злаков в Тобольской и Томской губерниях, значи-

⁵ Юферов В. И. Материалы... С. 14–23.

⁶ Там же. С. 68–77.

тельное преобладание потребления овощей и постного масла в Томской губернии. Потребление капусты в пересчете на сопоставимые с другими овощами единицы измерения составляло 1,6 пуда на одного человека в год. Продукты животного происхождения в больших количествах также потреблялись в Томской губернии, за исключением яиц и коровьего масла. Потребление мучных продуктов составляло в среднем 14 пудов в год на одного человека; овощей, в том числе картофеля – 13,7 пуда; постного масла – 4,4 фунта; мясных продуктов – 0,8 пуда; рыбы – 0,1 пуда; яиц – 30 штук; молока – 104 литра.

В III группе обследованных крестьян-переселенцев в Тобольской губернии пшеничную муку не употребляли, а в Томской губернии потребляли менее 1 пуда в год на человека. Основу рациона составляла ржаная мука, причем ее потребление в Томской губернии превосходило потребление в Тобольской губернии в 1,6 раза. Но большее потребление картофеля в Тобольской губернии, видимо, перекрывало этот недостаток в крахмалистых продуктах и выравнивало питательную ценность по углеводам, хотя данное умозаключение нуждается в дополнительном обосновании.

Потребление овощей переселенцами III группы было наибольшим в Томской губернии, особенно капусты, которой съедали здесь по 117 кочанов, или 14,5 пудов в год на человека⁷. Эти данные выбиваются из общей картины и поэтому, на наш взгляд, требуют проверки по другим источникам. В III группе достаточно большую роль в питании крестьян играла репа, особенно в Томской губернии. Потребление постного масла было в два раза выше в Томской губернии по сравнению с Тобольской, яиц и молока в 1,6 раза больше также потребляли в Томской губернии, а вот мяса и рыбы съедали примерно поровну. В среднем потребление мучных продуктов составляло 17 пудов в год на 1 человека; овощей, в том числе картофеля – 38 пудов; постного масла – 2,4 фунта; мясных продуктов – 0,72 пуда; рыбы – 0,47 пуда; яиц – 24 штуки; молока – 107 литров.

Таблица 1

Сводная таблица потребления основных групп продуктов в среднем на 1 человека в год переселенцами, различающимися длительностью пребывания на территории Западной Сибири

Наименование групп продуктов, единица измерения	I	II	III	IV
Мучные продукты, пудов	17,8	14	17	14,3
Овощи, в том числе картофель, пудов	9,6	13,7	38	4,7
Постное масло (льняное), фунтов	3,5	4,4	2,4	0,1
Мясные продукты, пудов	1	0,8	0,72	0,18
Рыба, пудов	0,3	0,1	0,47	0,15
Яйца, штук	36	30	24	7
Молоко, литров	96	104	107	55

Анализ данных по IV, совсем недавно прибывшей в Сибирь, группе переселенцев показывает, что в Тобольской губернии пшеничной муки они потребляли совсем мало, чуть большую роль в их рационе играла ячменная мука, а основную часть рациона составляла мука ржаная. В Томской губернии в пищу использовали только ржаную муку. В той же Томской губернии активно употребляли картофель и капусту, а в Тобольской – налегали на репу. Постного масла и мясных продуктов в Томской губернии съедали в незначительном количестве, молока здесь пили в 2,6 раза больше, чем в Тобольской губернии, но потребление рыбы и яиц преобладает в последней. В среднем по группе потребление мучных продуктов составляло 14,3 пудов в год на 1 человека; овощей, в том числе картофеля – 4,7 пуда; постного масла – 0,1 фунта; мясных продуктов – 0,18 пуда; рыбы – 0,15 пуда; яиц – 7 штук; молока – 55 литров.

⁷ Юфев В. И. Материалы... С. 18.

Для большей наглядности выявленные различия в рационе питания разных групп переселенцев, отличающихся друг от друга длительностью проживания на территории Западной Сибири после переезда из Европейской России, зафиксированы в таблице 1. Данные таблицы свидетельствуют, что питание переселенцев, проживших в Западной Сибири четыре года и более, было обильнее всего за счет мясомолочных и жировых продуктов. В их системе питания прослеживается баланс между продуктами животного и растительного происхождения с преобладанием последних, в то время, как переселенцы первых лет жизни на территории Сибирского региона основную массу питательных веществ получали из растительных продуктов.

Следующим этапом исследования мы обозначили вычисление пищевой и энергетической ценности рациона крестьян в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. На наш взгляд, начать изучение данного вопроса также следует с определения пищевой и энергетической ценности рациона переселенцев разных годов. Следует отметить, что при расчетах изначально мы имели данные о количестве продукта, потребляемого за один год одним человеком в пудах, количество постного масла в фунтах, количество капусты в кочанах, количество яиц в штуках и количество молока в ведрах. Для получения нужного нам результата мы количество продукта в пудах умножали на 16,38 – количество килограммов в 1 пуде, чтобы получить количество продукта в килограммах. Далее полученное число делили на 365 – количество дней в году и получали суточное потребление продукта в килограммах. Для получения суточного потребления постного масла мы умножали имеющееся количество фунтов масла на 0,45 – количество килограммов в 1 фунте, далее полученное число делили на 365. Для получения суточного потребления капусты количество кочанов умножали на 2 кг (это средняя масса кочана капусты), полученное число делили на 365. Для того, чтобы узнать суточное потребление яиц, мы количество, потребляемое в год одним человеком, делили на 365 дней. Количество молока, потребляемое одним человеком в сутки, было найдено путем умножения годового количества потребления, данное в ведрах, на 9 л (это средняя емкость ведра), далее полученное число делили на 365 дней.

Таблица 2

Суточная пищевая и энергетическая ценность рационов питания
разных групп переселенцев

Наименование, единица измерения	I	II	III	IV	Среднее значение
Белки, г	118	101	125	71	103,8
Жиры, г	52	52	46	21	42,8
Углеводы, г	298	509	718	433	489,5
Энергетическая ценность, ккал	321	282	371	214	2972,3
	2	0	6	1	

Используя справочник «Химический состав российских продуктов» под ред. И. М. Скурихина⁸, где приведено содержание основных питательных веществ (белков, жиров и углеводов) и калорийности 100 граммов различных продуктов, мы вычислили количество белков, жиров, углеводов, ежедневно поступающих с пищей в организм средне-статистического представителя каждой из четырех групп переселенцев, а также итоговую калорийность его дневного рациона. Зная суточное потребление каждого продукта, вычислить потребляемое человеком количество основных питательных веществ и калорийность его суточного рациона легко по следующей формуле:

$$CB = \frac{CB1 \cdot КП}{0,1},$$

где СВ – количество сухих веществ (белков, жиров, углеводов), г; СВ1 – количество сухих

⁸ Химический состав российских пищевых продуктов: справочник / под ред. И. М. Скурихина, В. М. Тутельяна. М., 2002.

веществ на 100 г продукта, г; КП – количество продукта, кг. По аналогичной формуле определяется энергетическая ценность рациона. Полученные результаты представлены в таблице 2. Средние значения в последней колонке таблицы были получены путем нахождения арифметического среднего числа.

Из полученной таблицы следуют неожиданные выводы о том, что питание крестьян третьей группы было наиболее калорийным (3716 ккал в сутки) и содержало наибольшее количество белков (125 г) и углеводов (718 г). Но это не значит, что оно являлось оптимальным, и крестьяне III группы питались лучше всех остальных. Если посмотреть состав их рациона, то можно заметить, что белки в их рационе преимущественно растительного происхождения, т. е., в отличие от белков животного происхождения, неполноценны по аминокислотному составу. Скорее всего, белки, потребляемые крестьянами III группы, были лимитированы по незаменимым аминокислотам. Чтобы узнать, по каким именно аминокислотам существовал лимит и насколько верно наше предположение, требуется расчет биологической ценности белков, потребляемых в этой группе. Это не входило в задачи нашего исследования, но может стать темой дальнейшей работы.

Для выяснения вопроса о том, достаточным ли было питание переселенцев, мы обратились к дореволюционным исследованиям, проведенным Г. Герценштейном на рубеже XIX–XX вв., результаты которых были опубликованы в статье «Пищевое довольствие»⁹. В ней приведены нормы потребления пищевых веществ (в граммах) для различных категорий населения. Для нашего исследования мы выбрали категорию «Солдат при гарнизонной службе и умеренно работающий мужчина», так как ею уже пользовался М. К. Чуркин при расчете уровня потребления крестьян-старожилов. На наш взгляд, эта категория в сравнении с другими категориями, выделенными Герценштейном, лучше характеризует труд крестьянина, так как физическая нагрузка и интенсивность труда ее представителей распределены неравномерно в течение года.

Для данной категории норма потребления белка составляет 120 г в сутки, жиров – 50 г, углеводов – 500 г в сутки. Рекомендуемая энергоёмкость рациона Герценштейном не приведена, но мы рассчитали ее, зная, что в 1 г белка содержится 4 ккал, в 1 г жира – 9 ккал, в 1 г углеводов – 4 ккал. В итоге получилось, что рекомендуемая энергоёмкость рациона равна $(120 \cdot 4) + (50 \cdot 9) + (500 \cdot 4) = 2900$ ккал. Данные о соответствии потребления основных пищевых веществ разными группами переселенцев их физиологическим нормам потребления представлены в таблице 3.

Таблица 3

Уровень пищевой и энергетической ценности рациона у различных групп переселенцев в сравнении с рекомендуемыми нормами потребления на рубеже XIX–XX вв.

Наименование, единица измерения	Рекомендуемая норма суточного потребления по Г. Герценштейну, г	I		II		III		IV		Среднее значение	
		Суточное потребление, г	% от нормы								
Белки, г	120	118	98	101	84	125	104	71	59	103,8	87
Жиры, г	50	52	104	52	104	46	92	21	42	42,8	86
Углеводы, г	500	298	60	509	102	718	144	433	87	489,5	98
Энергетическая	2900	3212	111	2820	97	3716	128	2141	74	2972,3	102

⁹ Герценштейн Г. Пищевое довольствие // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901. Т. 23. С. 763–765.

Организации Красного Креста в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается состояние и деятельность в годы Великой Отечественной войны обществ Красного креста в Западной Сибири. Главное внимание уделяется устройству организации Красного креста в этот период и ее особенности. Описывается интеграция системы управления Красным Крестом в структуру партийных и советских органов СССР. Подчеркивается двойственная сущность общества Красного Креста как с одной стороны структуры общественной, а с другой находящейся под контролем государства. Показано изменение численности организаций Красного Креста в военные годы, влияние на них мобилизации и миграционных процессов. Рассмотрено материальное положение кадровых работников РОКК. Делается вывод о снижении в годы войны влияния государства на общество Красного Креста и возрастание значимости его общественного начала. Показаны основные цели и задачи, стоявшие перед Красным Крестом в годы войны, прослежена их эволюция. Приведены данные по основным направлениям его деятельности: подготовка медсестер, санитарных дружинниц, санитарных постов, организация донорского движения, санитарно-просветительной работе и т. д. В результате сделан вывод о том, что организации Красного Креста Западной Сибири в годы войны, несмотря на многочисленные трудности, снижение поддержки Красного Креста со стороны государства, сыграли значительную роль в подготовке кадров, предотвращении массовых эпидемий, поддержке деятельности эвакуогоспиталей. При этом значительная часть деятельности органов РОКК производилась без привлечения государственных средств. Ставка на широкую поддержку населением государственной системы здравоохранения в военные годы себя полностью оправдала.

Ключевые слова: Красный Крест, Западная Сибирь, здравоохранение, Великая Отечественная война

Одним из ключевых событий XX в. является Великая Отечественная война. Изучение ее истории, источников великой Победы имеет непреходящее значение. Сложившаяся в годы войны ситуация (появление огромного количества раненых на фронте воинов, резкое ухудшение условий жизни в тылу, активные миграции) требовала активной деятельности по сохранению здоровья и жизни населения.

Несомненно, основную нагрузку в осуществлении этой деятельности несли государственная система здравоохранения, подчинявшаяся Наркомату здравоохранения, а также ведомственные органы здравоохранения. В то же время, одним из ключевых принципов советского здравоохранения было широкое вовлечение общественности в дело охраны здоровья¹. Ключевой организацией, объединяющей общественный актив здравоохранения на территории СССР, являлся Союз обществ Красного креста и Красного полумесяца (СОКК и КП), а непосредственно на территории РСФСР, включая и Западную Сибирь, руководство ею осуществляло Российское общество Красного креста (РОКК).

Международное движение Красного креста возникло в 1863 г. и, согласно резолюции Женевской конференции, преследовало своей целью оказывать во время войны помощь медицинским службам вооруженных сил своего государства. В мирное время общества Красного креста должны были подготавливать материальные возможности для оказания помощи и принимать меры по обучению и подготовке добровольного санитарного персонала. Российское общество Красного креста было основано в 1867 г. Учитывая слабое развитие здравоохранения в стране, РОКК в скором времени вышло за рамки первоначальных

* Семенов Михаил Александрович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: pihterek@yandex.ru

¹ Семашко Н. А. Очерки по теории организации советского здравоохранения. М., 1947. Цит. по: Семашко Н. А. Избранные произведения. М., 1967. С. 84.

чально поставленных целей и начало оказывать помощь и гражданскому населению в мирное время².

В ходе революционных преобразований в 1918 г. постановлением СНК РСФСР Российское общество Красного креста было «реорганизовано», а фактически создано заново, как массовая добровольная организация по оказанию помощи государственным органам здравоохранения³. После создания СССР постановлением СНК СССР от 1 сентября 1925 г. ряд республиканских обществ Красного креста и Красного полумесяца были объединены в Союз обществ Красного креста и Красного полумесяца СССР (СОКК и КП)⁴. При этом РОКК продолжило свое существование в качестве республиканской организации РСФСР.

Активное развитие системы государственного здравоохранения привело к неоправданному дублированию организациями Красного креста задач и функций Наркомата здравоохранения. В связи с этим в 1938 г. Советский Красный крест передал органам государственного здравоохранения свои медицинские учреждения. После этого по сути единственным направлением деятельности СОКК и КП осталась работа с общественностью в различных ее проявлениях⁵. В принятом накануне войны уставе СОКК и КП СССР основной задачей этих организаций значилось вовлечение широких масс трудящихся в дело укрепления санитарной обороны СССР.

В период Великой Отечественной войны организации Красного креста в значительной степени были интегрированы в систему государственных органов. Красный крест частично получал финансирование от государства, партийные органы определяли приоритетные направления его деятельности и контролировали их выполнение. Материальное и кадровое обеспечение деятельности Красного креста также проходило в тесном взаимодействии с советскими органами власти, в первую очередь с Наркоматом здравоохранения. В то же время формально Красный крест оставался независимой общественной структурой. Такое положение определяло специфику устройства его органов.

На высших управленческих уровнях (союзном и республиканском) структура управления организациями Красного креста строилась по подобию союзно-республиканских наркоматов, где союзная организация выступала в роли координирующего центра, а республиканские органы обладали широкими полномочиями и руководили непосредственной работой. При этом союзные и республиканские органы Красного креста активно взаимодействовали как с Наркоматом здравоохранения, так и с СНК СССР в целом. На уровне отдельных регионов действовали областные/краевые исполнительные комитеты Красного креста, укомплектованные штатными сотрудниками и одновременно подчинявшиеся как вышестоящим органам Красного Креста, так и военным отделам областных/краевых комитетов партии.

Состав оргбюро областных/краевых исполкомов РОКК утверждался соответствующим комитетом партии. При этом на должность председателя оргбюро, как правило, назначался человек из системы органов Наркомата здравоохранения. Например, 13 мая 1943 г. бюро Новосибирского обкома ВКП(б) утвердило председателем оргбюро Новосибирского областного комитета РОКК Гришкевича, выполнявшего также обязанности заместителя заведующего Новосибирским облздравом⁶. В Кемеровской области председателем областного оргбюро Красного креста в мае 1943 г. стал А. М. Дворкин, являвшийся заведующим Кемеровским облздравотделом⁷. Учитывая занятость на основной работе, должность председателя оргбюро была во многом формальной, обеспечивающей подконтрольность общественной организации органам власти, непосредственным же руководством ее

² Сорок лет советского здравоохранения. М., 1957. С. 603–604.

³ Там же. С. 605.

⁴ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925–1940: Сб. документов и материалов. М., 1973. С. 24.

⁵ Сорок лет... С. 610.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 1.

⁷ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 14. Л. 105.

деятельностью, как правило, занимались заместители председателей оргбюро, выдвигавшиеся из активистов Красного креста. Таким образом, высший и средний уровень управления организациями Красного Креста строился по образу и подобию государственных и партийных органов управления, нес ответственность перед партийными органами, назначался с их ведома и согласия, то есть представлял собой по сути часть государственной системы.

В то же время, на уровне отдельных городов и районов, органы Красного Креста имели определенную специфику. В зависимости от уровня развития движения Красного Креста, а также социально-экономической значимости той или иной территории, органы управления организациями Красного Креста функционировали либо в виде комитетов, укомплектованных штатными работниками, получающими зарплату, либо в виде оргбюро, работающих на общественных началах, при этом функции и полномочия у обеих организационных форм были одинаковы. Например, в ноябре 1942 г. в Новосибирской области в 27 районах существовали оплачиваемые районные комитеты РОКК, а в 63 районах работа велась на общественных началах⁸. Главным образом возглавлять районные оргбюро РОКК приходилось заведующим райздравами. При этом из-за перегрузки председателей на основной работе, работа Красного Креста на территориях, охваченных общественными оргбюро, зачастую практически не велась⁹. В тех же случаях, когда общественные оргбюро начинали активную работу, обком РОКК ходатайствовал о переводе активных общественных работников в штат на оплачиваемые должности¹⁰. Низовой структурной ячейкой Красного Креста являлись первичные организации, создаваемые на предприятиях, в учреждениях, населенных пунктах на общественной основе и занимавшиеся непосредственной реализацией работы Красного Креста.

В годы войны организация Красного Креста претерпела серьезные количественные и качественные изменения. Возросшая важность деятельности Красного Креста в военное время привела к регулярным установкам руководящих органов на расширение организации, вовлечение в ее состав новых членов, создание массового санитарного актива. Патриотический подъем населения способствовал этому. Так, только с 22 июня по 16 июля 1941 г. количество членов РОКК в г. Новосибирске выросло на 14 172 человека, а в г. Прокопьевске – на 1970 человек¹¹.

В то же время, в годы войны резко усилились миграционные процессы, что неоднозначно отразилось на организациях Красного креста и их руководстве. Членов Красного креста активно призывали в ряды РККА. Частично компенсировать отток мобилизованных позволил встречный поток эвакуированных в Западную Сибирь граждан, многие из которых являлись членами Красного креста или вступали в него уже на сибирской земле. Благодаря эвакуации, сибирские органы РОКК получили значительное количество высококлассных организаторов движения Красного креста. Так, в Новосибирской области в 1942 г. среди лучших руководителей районных комитетов отмечались председатель Прокопьевского районного комитета Чебаненко, эвакуированная из Черниговской области, которая в короткие сроки добилась хороших результатов в работе прежде отстающего комитета; председатель Гурьевского районного комитета Фридман, эвакуированная из Украины; председатель Осинниковского городского комитета Ашкезер, эвакуированная из г. Харьков, где ранее работала инспектором райкома Красного креста и другие¹².

С конца 1942 года начался процесс реэвакуации, набравший в ходе войны все большие обороты. Дополнительную проблему для западносибирских регионов составляла также помощь освобожденным районам, вызвавшая отправку ряда специалистов на Запад. Так в октябре 1943 г. на Украину выбыла руководитель Новосибирского обкома РОКК

⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 667. Л. 6.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 71 об.

¹¹ Там же. Оп. 5. Д. 680. Л. 85.

¹² Там же. Оп. 7. Д. 683. Л. 129 об.

И. С. Коновалова¹³. Все это порождало крайне высокую текучесть кадров в движении Красного креста. Об этом в частности свидетельствует тот факт, что только за последний квартал 1942 г. из организаций Красного креста Новосибирской области, насчитывавших чуть более ста тысяч членов, выбыло по различным причинам 55 652 человека и было принято 50 287 человек, то есть всего за три месяца состав областных организаций Красного креста сменился наполовину¹⁴. Высокая текучесть продолжалась и в последующие годы. В 1943 г. из первичных организаций Новосибирской области выбыло 15 359 человек и было принято 28 196 человек¹⁵. А в 1944 г. уже в изрядно уменьшившейся Новосибирской области количество членов РОКК сократилось на 6471 человека и одновременно было принято 16 875 человек¹⁶.

Не способствовало удержанию кадровых работников Красного креста и их тяжелое материальное положение. В лучшем случае они получали 300–350 руб. и хлебную карточку служащего на 400 гр.¹⁷ В сентябре 1943 г. военный отдел Новосибирского обкома ВКП(б) просил у Облторготдела оказать помощь в приобретении зимнего пальто и пары туфель председателю Новосибирского обкома Красного креста И. С. Коноваловой, указывая, что Коновалова в течение двух лет ни от кого ордеров на одежду и обувь не получала и в настоящее время крайне нуждается в зимней одежде и обуви¹⁸. Учитывая, что И. С. Коновалова была руководителем Красного креста в важнейшей области Западной Сибири, очевидно, что положение других работников Красного креста было не лучше. Так, в конце 1944 г. заведующий военным отделом Кемеровского обкома ВКП(б) Удовиченко писал в Киселевский горком партии: «Работники Красного креста живут в плохих материальных условиях: топливом не обеспечиваются, даже не имеют возможности отремонтировать себе обувь, не говоря уже о прикреплении к столовой и получении ордеров на промтовары»¹⁹. В связи с этим не удивляет, что кадровые работники Красного креста зачастую готовы были сменить место работы при первом удобном случае. Так, председатель Мариинского райкома РОКК Иванова перешла на работу председателем РайОСО, председатель Дзержинского райкома РОКК г. Новосибирска Степурина ушла работать на завод и т. д.²⁰ Всего за 1942 г. из 32 сменившихся кадровых председателей райкомов и горкомов РОКК Новосибирской области было призвано в ряды Красной армии четыре человека; снято, как не справляющихся с работой, восемь человек, а еще 20 человек уволилось, формально, под видом семейного положения или смены места жительства, но, как указано в отчете оргмассового отдела Новосибирского обкома РОКК: «в основном нужно считать причиной ухода с работы необеспеченное материальное положение»²¹.

Выход пытались найти в назначении на должности организаторов Красного креста по совместительству, прежде всего медицинских работников. Иногда это приносило хорошие результаты. Так, в отчете Новосибирской областной организации Красного креста отмечалась хорошая работа в движении Красного креста ряда медицинских работников: заведующего Бердским горздравом Жижокиной, заведующей Легостаевским райздравом Лебедевой, врача Черепановской райбольницы Гоготова и других²².

В целом положение с организаторскими кадрами в Красном кресте Западной Сибири было сложным все годы войны. На территории современных Новосибирской, Кемеровской и Томской областей, как уже указывалось выше, в 23 штатных районных и городских

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 1.

¹⁴ Там же. Оп. 7. Д. 683. Л. 128.

¹⁵ Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 44.

¹⁶ Там же. Л. 69об.

¹⁷ Там же. Оп. 7. Д. 683. Л. 129 об.

¹⁸ Там же. Л. 80.

¹⁹ ГАКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 990. Л. 38.

²⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 683. Л. 129 об.

²¹ Там же.

²² Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 68 об.

комитетах только за 1942 г. сменилось 32 председателя. К концу 1942 г. сравнительно большой стаж (более года) работы Красного креста имело всего несколько человек: председатель Анжерского городского комитета РОКК Якобсон, которая начала работать с апреля 1941 г.; председатель Кемеровского городского комитета РОКК Веселова работала с июня 1941 г.; председатель Ленинск-Кузнецкого городского комитета РОКК Кольчуганова работала с января 1941 г.; председатель Томского городского комитета РОКК Бромберг работала с сентября 1941 г.; председатель Беловского городского комитета РОКК Сабодаш работала с декабря 1941 г., а также трое председателей районных комитетов РОКК г. Новосибирска (Центрального, Ипподромского, Заельцовского), то есть всего восемь человек. Стаж с 1940 г. и ранее не имел никто. При этом сохранялась высокая текучесть кадров: в Дзержинском районе г. Новосибирска за 1942 год сменилось четыре председателя, в Кировском и Октябрьском районах того же города – по три председателя²³.

В дальнейшем ситуация стала еще хуже. Так, с мая 1943 г. по август 1944 г. из девяти человек, входивших в состав оргбюро Новосибирского областного комитета РОКК, выбыло пять человек. Сам председатель обкома РОКК Гришкевич, в связи с назначением на должность директора Туберкулезного института, фактически прекратил руководство Новосибирским областным комитетом Красного креста. Из 21 штатной ставки в обкоме РОКК было занято только 12. Не укомплектованными были такие важные должности как начальник методической базы, начальник оргмассового отдела, начальник отдела подготовки санитарно-оборонных кадров, начальник планового и финансового отделов²⁴. Особо неблагоприятное положение сложилось с инструкторами: «...принимались молодые работники, не имеющие опыта работы Красного креста, не проявлявшие достаточного интереса и стремления к освоению необходимых знаний и навыков. Лучших людей для их замены не было»²⁵.

Не лучше обстояли дела и на уровне городских и районных комитетов. В Новосибирской области из числа семи оплачиваемых председателей, работавших в начале 1944 г., к его концу на месте остались только двое (Богданова – Куйбышевский райком РОКК, Полещук – Карасукский райком РОКК). А всего из семи ставок было занято четыре, три (Татарский, Краснозерский, Каргатский райкомы РОКК) – пустовали²⁶.

Достаточно стандартной выглядели следующие характеристики организаторов движения Красного креста: «Прежний председатель [Черепановского. – М.С.] комитета т. Батинева, была случайным человеком в нашей среде, она не любила и не знала дела Красного креста, относилась к нему с недопустимой халатностью и беспечностью, сорвала выполнение полугодовых заданий по всем мероприятиям и обком РОКК вынужден был снять ее с руководящей работы»; «В эти районы [Карасукский и Краснозерский. – М.С.] выезжал наш инспектор ... Выяснилось, что в обоих районах числились платные председатели, но работы почти не велось»; «Председатель [Октябрьского. – М.С.] райкома РОКК числился на бумаге, работу не проводил»²⁷.

Таким образом, годы войны можно охарактеризовать как время глубокого и постоянно углубляющегося кризиса руководства движением Красного креста в регионе. Разумеется, он оказывал негативное влияние и на проводимую РОКК работу. Причины такого положения дел очевидны. Движение Красного креста в условиях нехватки материальных ресурсов и кадров не было в приоритетном положении и наделялось ими по остаточному принципу. Поддержка Красного креста государством свелась к минимуму.

В то же время, ситуация была не столь однозначной. На фоне снижения государственной поддержки организаций Красного креста усилилось влияние на них общественности. Все большее значение в деятельности Красного креста приобретала активная позиция ее

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 683. Л. 129, 131.

²⁴ Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 67–67 об.

²⁶ Там же. Л. 70.

²⁷ Там же. Л. 70 об. – 71; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 18. Д. 876. Л. 81.

членов. Происходило выдвижение руководящих кадров из числа людей, искренне интересующихся движением Красного креста.

Если вначале войны от общественных оргбюро фактически не ожидали никакой работы и вся тяжесть выполнения планов падала на платные комитеты, то в конце войны выполнение планов, организация деятельности Красного креста уже во многом зависели от общественных оргбюро и активности первичных организаций, материально никак не заинтересованных в их исполнении. Население активно вступало в ряды РОКК, образовывало первичные организации. Если в 1942 г. по всем оргбюро по территории современных Новосибирской, Кемеровской, Томской областей предполагалось подготовить 45 тыс. обладателей значков ГСО («Готов к санитарной обороне»), 16 300 – БГСО, создать 424 санпоста, а к 1 июля 1942 г. было подготовлено соответственно 3291 и 575 обладателей значков, открыто 370 санпостов, то в 1944 г. одно лишь Тоугучинское районное оргбюро подготовило за год свыше 2000 обладателей значков ГСО, около 1000 «значкистов» БГСО, организовало сеть из 72 санпостов и 485 общественных санинспекторов²⁸.

В результате сложилась достаточно парадоксальная ситуация: на фоне тотального кризиса руководства РОКК росло количество низовых организаций и их членов. Районные и первичные организации РОКК по сути стали самостоятельно организовывать свою деятельность. Большую роль играло и осознание частью медицинских работников, назначаемых по совместительству организаторами РОКК, важности движения Красного креста в деле здравоохранения населения. Все это привело к достаточно высокой эффективности работы Красного креста во второй половине войны. Так, в 1943 г. зародилось Легостаевское движение за соблюдение санитарного порядка, ставшее общесоюзным. Первичная организация Завьяловской средней школы Тоугучинского района Новосибирской области (руководитель Шпак) в 1945 г. получила преходящее Красное знамя исполкома СОКК и КП, став лучшей в Советском Союзе²⁹. На место упоминаемой выше Батиневой, развалившей работу Красного креста в Черепановском районе, была выбрана фельдшер Мелехина, которая охотно взялась за дело и, проявив энергию и настойчивость, к концу 1944 г. вывела район в число передовых³⁰. Подобных примеров можно привести очень много.

Результирующей эффективностью и востребованностью движения Красного креста показателем можно считать степень вовлечения населения в движение Красного креста: динамику количества первичных организаций и их членов в годы войны. Здесь сложилась следующая ситуация (см. таб. 1).

Из приведенных отрывочных данных виден неуклонный рост движения Красного креста в Западной Сибири. Даже несмотря на отсутствие данных по Кемеровской и данных за более ранний период по Томской области и городу Новосибирску, не учитывавших дальнейший рост – итоговая цифра на начало 1945 г. почти одинакова с показателями начала войны. А с учетом недостающих данных вполне обоснованно можно предположить полутора – двукратный рост количества первичных организаций и вовлеченного в движение Красного креста населения. При этом мы видим, что этот рост был достаточно равномерным в течении всех военных лет, несмотря на упоминаемые выше сложности с организацией руководства органами РОКК.

Подтверждают тезис о росте организаций Красного креста и данные по отдельным местностям. Так, в г. Омске в июне 1941 насчитывалось 306 первичных организаций с 17 275 членами, в начале 1942 г. их было уже 370 с 22 340 членами, а на начало 1943 г. насчитывалось 463 первичные организации с 27 868 членами³¹. В Омской области в

²⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 607. Л. 71 об.; Д. 646. Л. 46.

²⁹ Там же. Оп. 9. Д. 434. Л. 29.

³⁰ Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 69 об., 70 об.

³¹ Рассчитано по: Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны. Омск, 1960. Т. 2. С. 57 (Стоит отметить наличие опечатки в опубликованном документе: некорректно относящей данные за 1942 г. к 1943 г.).

1945 г. было 1570 первичных организаций в которых насчитывалось 102 184 членов³². В крупнейшем городе Кузбасса – Сталинске (ныне Новокузнецк) количество членов РОКК выросло с 4451 человека в 1941 г. до 10 609 человек к началу 1944 года³³. В Ойротской автономной области только за 1944 г. было создано 82 первичных организации РОКК, рост количества членов составил 6420 человек, а всего к концу 1944 г. в Ойротии насчитывалось 649 первичных организаций, насчитывавших 21 344 членов³⁴.

Таблица 1

Динамика первичных организаций и количества членов РОКК на территории ряда регионов Западной Сибири³⁵*

	I/VII – 1941 г.		I/I – 1942		I/I – 1943		I/I – 1945	
	первичных организаций	количество членов						
Новосибирская область	2086	90 860	2287	10 3741	1328	60 322	538	21 672
Кемеровская область	–	–	–	–	1073	48 784	нет данных	нет данных
Томская область	–	–	–	–	–	–	676**	35800**
город Новосибирск	–	–	–	–	–	–	643***	44712** *
Омская область	306	17 275	370	22 340	463	27 868	1570	61 888
Всего	2086	90 860	2287	103 741	1401	109 106	1857	102 184

* Сост. по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 44, 66.; 69–69 об.

** Данные на октябрь 1944 г.

*** Данные на январь 1944 г.

В целом же по СССР за годы войны число первичных организаций Красного креста выросло со 159 тыс. до 221 тыс., а число членов Красного креста увеличилось с 7900 тыс. человек до 12 200 тыс. человек³⁶.

В значительной степени общество Красного креста было женской организацией. Так, из 109 тыс. членов Красного креста Новосибирской и Кемеровской областей женщины составляли 78 тыс., подобное соотношение было характерно и для других лет и местностей³⁷. Впрочем, учитывая половой дисбаланс наиболее активных возрастов в тыловых регионах, вызванный мобилизацией в РККА, сложно сказать, был ли гендерный перевес женщин в РОКК обусловлен культурными или же структурными факторами.

Таким образом, организация Красного креста, несмотря на многочисленные трудности, была в военные годы крупнейшей общественной организацией объединявшей в За-

³² Омская партийная организация... С. 234.

³³ ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 21. Л. 44; Д. 69. Л. 33.

³⁴ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 876. Л. 27.

³⁵ При работе с приводимыми материалами следует учитывать, что Западная Сибирь претерпела в годы Великой Отечественной войны серьезные административно-территориальные изменения. В начале войны она состояла из трех административно-территориальных единиц: Новосибирской, Омской областей и Алтайского края. В начале 1942 г. из состава Новосибирской области выделилась Кемеровская область. В середине 1943 г. город Новосибирск стал городом республиканского подчинения, что привело к отдельной статистике по нему. В августе 1944 г. из состава Новосибирской области была выделена Томская, а из состава Омской – Тюменская области.

³⁶ Сорок лет... С. 616.

³⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 683. Л. 128; Оп. 8. Д. 607. Л. 44.

падной Сибири сотни тысяч членов и активно развивающейся. Чем же была занята столь внушительная сила в грозные военные годы?

В годы войны деятельность РОКК сконцентрировалась на ряде важнейших направлений. В августе 1941 г. Новосибирский обком РОКК в качестве первоочередных задач организации видел следующие:

- 1) подготовку населения к умению оказать первую медицинскую помощь;
- 2) подготовку медицинских сестер;
- 3) организацию санитарных дружин, медико-санитарных команд и включение их в систему МПВО (Местная противовоздушная оборона);
- 4) организацию на каждом предприятии, колхозе, совхозе, учреждении, школе и т. д. первичных организаций Красного креста и санитарных постов, систематической их учебы и проведению с ними тренировочных занятий;
- 5) вовлечение населения в ряды доноров;
- 6) помощь советским, партийным организациям в работе с семьями ушедших в Красную Армию, а также с эвакуированными из прифронтовой полосы;
- 7) посылке своих членов, женщин-домохозяек, для работы на производство взамен ушедших на фронт, на уборку урожая в колхозах и совхозах³⁸.

В дальнейшем задачи были скорректированы, отпали задачи, несвязанные с профильной деятельностью РОКК. Главной целью стала непосредственная помощь гражданскому и военному здравоохранению. Так, в ноябре 1942 г. в числе конкретных задач органов РОКК значились:

- «1) подготовка кадров медицинских сестер, санитаров, санинструкторов, санитарных дружинниц;
- 2) подготовка населения на ГСО;
- 3) помощь органам здравоохранения в наведении порядка в тылу;
- 4) помощь госпиталям»³⁹.

В 1944 г. основными задачами перед и организациями Красного креста были поставлены: «подготовка медико-санитарных кадров для фронта, оказание практической помощи в работе госпиталей и органам здравоохранения, работа с донорами, а также подготовка массовых санитарно-оборонных кадров на предприятиях, учреждениях и в колхозах, организованное укрепление первичных организаций»⁴⁰.

В начале войны с развертыванием армии, приоритетным направлением работы Красного креста стала массовая подготовка медицинских сестер, в которых остро нуждались как войска, так и развертываемые в тылу госпитали, что потребовало резко интенсифицировать их подготовку. После начала войны прежние учебные планы были пересмотрены и установлено два новых их вида: пятимесячные курсы без отрыва от производства и двухмесячные курсы для незанятых в производстве. Довоенные группы завершали обучение по сокращенной программе. Помимо этого, резко возросли планы набора новых учебных групп.

Так, в Новосибирской области согласно довоенным планам 1941 г., после полуторагодичной подготовки, должны были закончить обучение 12 групп медсестер, насчитывавших 373 человека, и набрана еще 21 группа, общей численностью 630 человек, для выпуска в 1942 г. После начала войны план набора был увеличен с 21 до 88 групп и с 630 до 2640 человек, то есть в четыре раза. Уже к 15 октября 1941 г. было выпущено 29 групп с количеством слушательниц в 879 человек, еще 4081 человек обучался на курсах медсестер. При этом 90% медсестер этих выпусков было сразу призвано в ряды РККА⁴¹.

В дальнейшем подготовка медсестер не прекращалась. Органы РОКК оказались перед необходимостью обеспечить регулярный приток желающих на курсы медсестер. Для это-

³⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 680. Л. 88.

³⁹ Там же. Оп. 6. Д. 667. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Оп. 8. Д. 597. Л. 100 об.

⁴¹ Там же. Оп. 6. Д. 667. Л. 81–82.

го была развернута широкая массово-разъяснительная работа: передачи по радио, статьи в местной прессе. Активно использовался ресурс местных комсомольских и партийных организаций. Работники РОКК выезжали на места с целью привлечения слушательниц. Кроме этого, широко привлекались для укомплектования курсов медсестер и сами члены первичных организаций РОКК⁴².

Если в начале войны основную потребность в среднем и младшем медицинском персонале испытывала армия и размещенные в тылу эвакуогоспитали, то постепенно их потребность в медсестрах сокращалась, но одновременно с этим появлялись новые узкие места. В 1943 г. отмечалась нехватка медперсонала на освобожденных от немецких захватчиков территориях, а в марте 1944 г. указывалось на важность подготовки медсестер для работы в колхозах⁴³. Так, из 346 медсестер, подготовленных в 1944 г. Омским обкомом РОКК, 222 стали колхозными медсестрами⁴⁴. Новосибирским обкомом и горкомом РОКК в 1945 г. было подготовлено 1023 медсестры, в том числе 360 колхозных медсестер⁴⁵.

Занятия, как правило, проводились на базе эвакуогоспиталей, больниц, иногда в помещениях школ, райздравов, райкомов РОКК. Каждой группе составлялось расписание занятий, которые занимали 4–6 часов, что было достаточно серьезной нагрузкой для слушательниц, работавших на производстве. Тем не менее посещаемость и успеваемость были достаточно высокими. В первом полугодии 1943 г. на курсах медсестер Новосибирской области посещаемость на курсах с отрывом от производства составляла 95 %, а на курсах без отрыва от производства – 87 %; из числа окончивших курсы 533 человек 117 получили оценку посредственно, 229 – хорошо и 187 – отлично⁴⁶.

Во главе каждой группы слушательниц стояли начальник курсов и заведующий учебной частью, чья работа оплачивалась. Причем ради достижения большей материальной заинтересованности допускалась ситуация, когда один работник возглавлял несколько групп, либо совмещал должность начальника курсов и завуча. В дальнейшем ввиду неэффективности работы начальников, возглавлявших сразу несколько групп, повсеместно происходит переход ко второму варианту совместительства (совмещения должностей начальников курсов и завучей). Благодаря поддержке работы курсов органами здравоохранения, в целом удавалось обеспечить курсы медсестер квалифицированными преподавателями. В основном их работа также оплачивалась, хотя иногда и «проводилась в порядке общественной помощи РОКК»⁴⁷. Преподавателями на курсах служили врачи гражданского здравоохранения, а также эвакуогоспиталей. Наиболее квалифицированные преподаватели, вполне естественно, были в городах, где размещались медицинские институты (Омск, Новосибирск, Томск).

Многие преподаватели с охотой подходили к работе на курсах, например, заведующая учебной частью курсов медсестер города Прокопьевска Южакова обеспечила в 1941 г. 100 % посещаемость и успеваемость в своих группах⁴⁸; врач Дзержинского района г. Новосибирска Д. И. Селиванов, проработавший в РОКК свыше 15 лет⁴⁹; врачи Бобакова, Игонина, Риф и многие другие⁵⁰.

На всех курсах слушательницы проходили производственную практику, преимущественно в эвакуогоспиталях, а, в случае невозможности – на базе гражданских лечебных учреждений. При этом практика студентов оплачивалась по специальным карточкам, ко-

⁴² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 51–52.

⁴³ Там же. Л. 51; Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 233. Л. 42.

⁴⁴ Омская партийная организация... С. 234.

⁴⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 434. Л. 29.

⁴⁶ Там же. Оп. 7. Д. 683. Л. 49.

⁴⁷ Там же. Л. 47.

⁴⁸ Там же. Оп. 6. Д. 667. Л. 82.

⁴⁹ Дружинницы // Советская Сибирь. 1941. № 160 (6529) (9 июля).

⁵⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 683. Л. 49.

торые заводились на каждую студентку: в них врачом, проводящим практику, отмечалось качество работы и усвоение материала.

В ходе войны, согласно указаниям СОКК и КП от 5 мая 1942 г., программа обучения медсестер претерпела некоторые изменения. В частности, был добавлен блок военно-физической подготовки, предполагавший освоение курсантками стрелкового оружия и стрельбы из него. В связи с этим возникли определенные сложности, так как РОКК не имел ни соответствующих кадров, ни оборудования. В дальнейшем эта проблема была решена путем договоренности с ОСОАВИХИМом.

Как ни странно, достаточно слабо на курсах РОКК была поставлена политико-воспитательная работа. Райкомы ВКП(б) и ВЛКСМ не покрывали потребности курсов в политруках. В итоге к 1943 г. на курсах медсестер перешли к назначению политруков из числа самих слушательниц, что естественно не являлось их полноценной заменой. Тем не менее в группах организовывался выпуск стенгазет, боевых листков, участницы курсов достаточно активно участвовали в соцсоревнованиях между группами, брали на себя индивидуальные соцобязательства.

Серьезной проблемой для курсов медсестер была мобилизация учащихся на сельскохозяйственные работы, нежелание руководства ряда предприятий отпускать своих работников на эти курсы, связанное с перспективой их мобилизации в ряды РККА, а также стремление военкоматов и организаций ОСОАВИХИМа мобилизовать их для подготовки в РККА по другим специальностям.

Красный крест активно боролся с этими явлениями. В мае 1942 г. исполком СОКК и КП обязал председателей областных/краевых комитетов Красного креста во всех случаях, когда мобилизация населения на производство, сельхозработы или в армию коснется слушательниц курсов медсестер и учебных сандружин, немедленно ставить вопрос об их освобождении непосредственно перед руководством обкома ВКП(б) и облисполкома, облвоенкомом. В тех же случаях, когда мобилизация слушательниц курсов медсестер и учебных сандружин будет продолжаться, предписывалось немедленно телеграфировать об этом в исполком СОКК и КП⁵¹.

Несмотря на столь острое внимание к этой проблеме, мобилизация слушательниц курсов медсестер на производство и сельхозработы продолжалась. Например, в июле 1942 г. в Новосибирской области из 40 набранных групп общей численностью в 600 человек, заниматься начали лишь 300 человек в 12 группах, так как остальных курсанток забрали на уборочную. В связи с этим заведующий военным отделом Новосибирского обкома Белосусов фактически выдвинул обкому ультиматум: «[...] или вернуть курсанток медсестер с уборочной и дать работать курсам, или же дать санкцию обкому Красного креста начало работы курсов июльского набора начать с 1 ноября 1942 года», что означало фактическую легализацию срыва плана подготовки медсестер⁵². В том же 1942 г. в Алтайском крае была организована группа курсанток из числа учащихся ФЗО №1 г. Барнаула. После десяти дней занятий курсантки заявили, что директор не отпускает их учиться, говоря при этом: «Я готовлю специалистов для завода № 17, но не для фронта»⁵³. На самом заводе № 17 работавших здесь курсанток не отпускали на выпускные госэкзамены курсов медсестер. В результате многие девушки были вынуждены самостоятельно через горвоенкомат получать военные билеты, чтобы уйти в РККА. На швейной фабрике № 7 секретарь комитета ВЛКСМ Рогова активно тормозила работу РОКК: развалила группу медсестер, препятствовала оформлению сандружин, заявляя: «Нам готовить ваши кадры не интересно, т.к. этим мы теряем свои кадры». После вмешательства в ситуацию заведующего военным отделом райкома вместе с председателем Октябрьского райкома РОКК г. Барнаула Сиротининой лично посетившим фабрику, секретарь парткома Козина заверила, что передаст

⁵¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 667. Л. 66–67.

⁵² Там же. Л. 26.

⁵³ ГААК. Ф. П-10. Оп. 26. Д. 223. Л. 4.

списки курсанток в течении двух дней. Не получив документы спустя неделю, Сиротинина отправила к т. Козиной человека, чтобы забрать списки. Встретившись с ним, Козина отказалась отдавать документы и сказала: «Сиротинина хитрая, ей только дай сведения, а потом людей в армию возьмут»⁵⁴.

Тем не менее, настойчивость организаций Красного креста, постоянные жалобы во все инстанции, активная поддержка их со стороны союзной организации Красного креста давали определенные результаты. После очередных указаний СОКК и КП от 20 апреля 1943 г., Новосибирский обком РОКК добился распоряжений со стороны обкома и горкома партии всем заведующим военным отделам, райкомам ВКП(б), военкоматам о запрещении мобилизации курсанток на сельскохозяйственные работы или для подготовки по другим военным специальностям⁵⁵.

Курсы медицинских сестер, организованные РОКК, стали надежным источником пополнения медицинских кадров. В Алтайском крае только за 1942 г. была подготовлена 1071 медсестра. На территории современных Новосибирской, Кемеровской и Томской областей органами РОКК к октябрю 1942 г. было подготовлено 4903 медсестры⁵⁶. В 1943 г. на территории современных Новосибирской и Томской областей было подготовлено еще 782 медсестры⁵⁷. При этом из числа окончивших на этой же территории в первой половине 1943 г. курсы 533 медсестер, по неполным данным, ушли на фронт – 117, работали в эвакуогоспиталях – 130, работали в военно-санитарных поездах – 93, в гражданских лечебных учреждениях – 35 человек⁵⁸. Еще 663 медсестры было подготовлено в Новосибирской области в 1945 г.⁵⁹ В Омской области за период с 22 июня 1941 г. по 20 ноября 1942 г. было подготовлено 2 115 медсестер⁶⁰, а всего за годы войны 5 551 медсестра⁶¹. Томское областное общество Красного Креста подготовило за годы войны более 1500 медсестер и сандружинниц⁶². Как видно даже из этих неполных и отрывочных данных масштабы подготовки Красным Крестом медсестер в Западной Сибири были весьма впечатляющими, совокупный счет шел на десятки тысяч человек.

Помимо подготовки медсестер органы РОКК активно занимались организацией санитарных дружин, подготовкой младших медицинских кадров в них. Санитарные дружины представляли собой достаточно мобильные формирования, в рамках которых, помимо повседневной работы, их члены осваивали медицинскую подготовку в объеме требований к младшему медицинскому персоналу. В Новосибирской области с 22 июня 1941 г. по 1 ноября 1943 г. было подготовлено 500 сандружин общей численностью 12 250 чел.⁶³, в Омской области – 10 709 сандружинниц и санинструкторов за годы войны⁶⁴.

Сандружины выполняли огромный массив работы. С санитарными дружинами проводились ежедневные тренировочные практические занятия по первой помощи и транспортировке пострадавших. В выходные дни проводились общегородские и общерайонные тренировки⁶⁵.

⁵⁴ ГААК. Ф. П-10. Оп. 26. Д. 223. Л. 17–18.

⁵⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 683. Л. 46.

⁵⁶ Там же. Оп. 6. Д. 6. Л. 403.

⁵⁷ Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 52.

⁵⁸ Там же. Оп. 7. Д. 683. Л. 50.

⁵⁹ Там же. Оп. 9. Д. 434. Л. 29.

⁶⁰ Омская партийная организация... С. 11.

⁶¹ Там же. С. 278.

⁶² Томская область в годы Великой Отечественной войны. Томск, 1947. С. 29–30 (Цит. по: *Самойлов А. Д.* Деятельность оборонных организаций Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Боевой и трудовой подвиг сибиряков в Великой Отечественной войне. 30 лет Победы советского народа над фашистской Германией. Материалы региональной научной конференции. Томск, 1975. С. 182).

⁶³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 60.

⁶⁴ Омская партийная организация... С. 278.

⁶⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 680. Л. 90.

Сандружинницы активно работали в эвакуогоспиталях, на разгрузке военно-санитарных поездов (ВСП). В Омской области работа по разгрузке ВСП всегда проводилась именно «силами дружин РОКК, которые не считаясь со временем, погодой, всегда аккуратно являются к пунктам разгрузки, где с большой охотой, вниманием и умением проводят эту работу»⁶⁶. На территории Новосибирской области также «разгрузка раненых с ВСП производилась и производится исключительно силами санитарных дружин»⁶⁷.

Разгрузка санитарных поездов была физически тяжелой деятельностью, которой дружинницы зачастую занимались после окончания рабочего дня на производстве, а иногда после окончания разгрузки члены сандружин, без сна и отдыха, вновь шли на работу. При этом сами сандружинницы зачастую не имели подходящей одежды и обуви и даже зимой приходили на разгрузку ВСП в галошах, несмотря на наличие «длительных ожиданий поездов после предложенного эвакуопунктом времени сбора»⁶⁸.

Дружинницы принимали активное участие в подготовке помещений для эвакуогоспиталей, пошивке белья для раненых, помогали в уходе за ними, работали на заготовке овощей для госпиталей, наконец, силами наиболее подготовленных активистов помогали в проведении культурно-массовой работы среди раненых. В 1942 г. по всей Западной Сибири распространяется инициатива Алтайских организаций Красного креста по взятию первичными организациями РОКК шефства над эвакуогоспиталями, их отдельными палатами. В Новосибирской области к концу 1942 г. взяли шефство над эвакуогоспиталем 72 первичных организации РОКК, над отдельными палатами в госпиталях – еще 87 первичных организаций⁶⁹. В 1944 г. в Кемеровской области первичные организации г. Сталинска (Новокузнецка) починили в эвакуогоспиталях города 700 пар белья, сшили 200 сумок, 340 носовых платков, 290 кисетов, сделали во всех палатах шторы, собрали для эвакуогоспиталя № 3626 2280 рублей⁷⁰. Отдельные дружинницы проводили в эвакуогоспиталях лечебную физкультуру. Например, сандружинницы школы № 74 г. Новосибирска на протяжении полутора лет проводили в госпитале лечебную гимнастику и лечебный массаж, затратив на это свыше 6000 человеко-часов⁷¹.

Другой формой работы Красного креста была организация санитарной работы на местах в виде санпостов. Если на начало войны по территории современных Новосибирской, Кемеровской, Томской областей имелось на 22 июня 1941 г. всего 1292 санпоста⁷², то на конец 1942 г. их насчитывалось уже 2732, из них 1076 были оснащены необходимым оборудованием и медикаментами⁷³. В г. Омске в 1941 г. насчитывалось 12 санпостов и санзвеньев, а к концу 1942 г. – 549 санпостов и санзвеньев⁷⁴. В Новосибирской области их количество выросло за 1944 год с 264 до 725 санпостов, а в Томской области после ее образования в августе 1944 г. насчитывалось 593 санпоста⁷⁵. В 1945 году на территории Новосибирской области насчитывалось 3505 санпостов и санзвеньев, а в Омской области – 908 санпостов⁷⁶. Активный рост количества санпостов свидетельствовал о востребованности их работы.

Санпосты состояли из нескольких человек и территориально были привязаны к тому или иному объекту. Санпостовцы оказывали первую медицинскую помощь населению, например, в Новосибирской области в 1944 г. санпосты оказали первую помощь в

⁶⁶ Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3434. Л. 114.

⁶⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 667. Л. 60б.

⁶⁸ ИсАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3100. Л. 32.

⁶⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 683. Л. 132.

⁷⁰ ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 97. Л. 3.

⁷¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 62.

⁷² Там же. Оп. 5. Д. 680. Л. 91.

⁷³ Там же. Оп. 7. Д. 683. Л. 132.

⁷⁴ Омская партийная организация... С. 57.

⁷⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 74, 75.

⁷⁶ Там же. Оп. 9. Д. 434. Л. 29; Омская партийная организация... С. 234.

25 211 случаях, а в 1945 г. – в 35 978 случаях⁷⁷. Активное участие принимали санпостовцы в проведении подворных обходов с целью выявления лихорадящих больных и их госпитализации. Значимость этой работы в деле предотвращения массовых эпидемий сложно переоценить. При этом только помощь массового санитарного актива и делала ее возможной в принципе – никаких ресурсов органов здравоохранения не хватило бы для охвата обходами такого количества населения. Так, в 1943 г. активистами РОКК было обследовано в Новосибирской области 74 925 домов, 560 общежитий, 1500 колодцев, вывезено 7583,5 тонн мусора⁷⁸. В 1944 г. в Новосибирской области был проделан санитарный обход 115 тыс. дворов, при этом выявлено 1540 температурающих больных, сделано 32 тыс. санитарных осмотра колодцев⁷⁹. В 1945 г. в Новосибирской области членами Красного креста было проведено санитарное обследование в 259 290 квартирах⁸⁰.

Другим важным направлением деятельности РОКК была санитарно-просветительская работа. Она проводилась в различных формах. Например, летом 1942 г. в г. Новосибирске в Городском саду обкомом РОКК был организован саноборонный павильон, где были показаны учебно-наглядные пособия, макеты, муляжи, торсы. Павильон был обставлен плакатами, альбомами и санитарно-оборонной литературой. Для работы в нем была специально выделена медсестра. По вечерам в павильоне проходили лекции, доклады на санитарно-оборонные темы, для этого также привлекались сотрудники станции санитарного просвещения, станции переливания крови, работники ПВХО и ОСО. Здесь же работал стол справок и консультаций, желающие могли сдать нормативы ГСО и БГСО⁸¹.

В Новосибирской области только за 1943 г. было организовано 320 саноборонных вечеров, выставок, уголков; прочитано 5747 лекций, 1239 докладов, проведено 32 258 бесед, издано 156 стенгазет, организовано 17 агитбригад⁸². В 1944 г. в Новосибирской области было проведено 7 696 лекций, докладов и бесед, которые посетили 158 490 чел.; организовано уголков и выставок – 141; выпущена 61 стенгазета. Совместно с областной станцией санпросвета, проведено 55 демонстраций кинофильмов в различных районах на темы: «Берегитесь сыпного тифа», «Берегите детей от заразных заболеваний», «Хирургическая обработка ран», «Соблюдайте чистоту двора». Киносеансы посетило 16 010 чел.⁸³

Однако, наиболее массовым и системным было распространение медицинских знаний у населения, путем сдачи норм ГСО, а у школьников – БГСО. Эта работа проводилась в огромных масштабах. С 22 июня 1941 г. по 1 ноября 1943 г. по территории современных Новосибирской и Томской областей был подготовлен 239 871 «значкист» ГСО и 71 313 – БГСО⁸⁴. В первой половине 1944 г. было подготовлено еще 59 051 «значкист» ГСО и 15 839 «значкистов» БГСО⁸⁵. В 1945 г. в Новосибирской области сдали нормативы ГСО 49 449, БГСО – 20 086 чел.⁸⁶ В Омской области за годы войны было подготовлено 337 365 «значкистов» ГСО и 105 084 – БГСО⁸⁷. В Ойротской автономной области только за 1944 г. было подготовлено 9852 «значкиста» ГСО и 3106 – БГСО⁸⁸.

Впрочем, подготовка «значкистов» в годы войны не была в приоритете у органов РОКК Западной Сибири, сосредоточившихся на оказании непосредственной помощи органам здравоохранения. Поэтому несмотря на внушительные абсолютные показатели подготовки по нормам ГСО и БГСО, стоит отметить, что планы подготовки «значки-

⁷⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 75; Оп. 9. Д. 434. Л. 29.

⁷⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 62.

⁷⁹ Там же. Л. 75 об.

⁸⁰ Там же. Оп. 9. Д. 434. Л. 29.

⁸¹ Там же. Оп. 7. Д. 683. Л. 133–134.

⁸² Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 45.

⁸³ Там же. Л. 72.

⁸⁴ Там же. Л. 60.

⁸⁵ Там же. Д. 597. Л. 100 об.

⁸⁶ Там же. Оп. 9. Д. 434. Л. 29.

⁸⁷ Омская партийная организация... С. 278.

⁸⁸ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 876. Л. 28.

стов» регулярно не выполнялись. Более того, так как наличие или отсутствие «значкистов» не отражалось напрямую на деятельности РОКК, то зачастую значки выдавали формально или даже шли на приписки. Так, по отчетным документам органов РОКК г. Барнаула в первой половине 1942 г. было подготовлено 6185 «значкистов» ГСО и 435 – БГСО. Проведившейся проверкой было выявлено, что в реальности было подготовлено 532 «значкиста» ГСО и 2532 – «значкиста» БГСО⁸⁹. Несмотря на указанные проблемы, стоит отметить, что подготовка «значкистов» все же играла значительную роль в повышении медико-санитарных знаний граждан.

Активную деятельность РОКК проводил и в организации донорского движения. В Омской области только по г. Омску к концу 1942 г. организации Красного креста имели более 1000 доноров, сдававших безвозмездно кровь для спасения бойцов Красной Армии⁹⁰. В 1944 г. в Омской области 1312 доноров Красного креста сдали 310 литров крови, а полагающиеся им деньги в сумме 187 650 руб. внесли в фонд обороны страны⁹¹. В 1942 г. на территории современных Новосибирской, Кемеровской, Томской областей насчитывалось 9760 доноров⁹². А на 1 января 1944 г. по территории современных Новосибирской и Томской областей было свыше 8100 доноров⁹³. В г. Сталинске (Новокузнецке) имелось 1300 доноров, из которых 700 являлись членами Красного креста. За период 1941–1943 гг. они безвозмездно сдали 706 литров крови на сумму 453 тыс. руб.⁹⁴

Среди лучших на конец 1943 г. доноров Новосибирской области можно назвать: Зиминову Александру Прокопьевну, сдавшую 23,6 литра крови за что была награждена знаком «Отличник санитарной обороны СССР»; Черенкевич, работницу фабрики ЦК Швейников, сдавшую четыре литра крови и ведущую активную работу на производстве по вовлечению трудящихся в доноры, в результате ее активной работы донорами стали свыше 500 работников фабрики; Марию Ивановну Савину, бухгалтера ГорФО г. Новосибирска, сдавшую девять литров крови; Акулину Андреевну Зырянову, домохозяйку г. Новосибирска, сдавшую девять литров крови; Антонину Смирнову, директора кинотеатра «Пионер», сдавшую около пять литров крови; Николая Ивановича Круглова, главного инженера «Сибэнергомонтажа», сдавшего четыре литра крови⁹⁵.

Помимо этого, члены Красного креста участвовали в сборе средств в фонд обороны, помогали семьям фронтовиков, детям-сиротам, инвалидам Отечественной войны. Так, членами организаций Красного креста Омской области в 1944 г. было собрано 732 900 руб. на постройку детского дома имени Общества Красного креста в Запорожской области УССР, еще 800 тыс. руб. – на самолет «Краснокрестный омич»⁹⁶. В Новосибирской области в 1943 г. первичные организации Заельцовского и Центрального районов г. Новосибирска выявляли материально-бытовые нужды семей фронтовиков и оказывали нуждающимся различную помощь. Всего ими была обследована 2571 семья военнослужащих⁹⁷.

В 1945 г. в Новосибирской области было собрано для семей военнослужащих, инвалидов войны и детей-сирот 103 278 руб., пошито и собрано 13 106 комплектов белья, одежды и обуви. Под шефство обкома РОКК был взят Каменский интернат инвалидов Отечественной войны⁹⁸. Наиболее активно эта работа была поставлена в Черепановском и Тогулчинском районах области⁹⁹. Иногда вмешательство активистов Красного креста серьезно влияло на материальное положение обследуемых. В Завьяловском зерносовхозе в семье

⁸⁹ ГААК. Ф. П-10. Оп. 26. Д. 223. Л. 8.

⁹⁰ Омская партийная организация... С. 11.

⁹¹ Там же. С. 234.

⁹² ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 683. Л. 133.

⁹³ Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 49.

⁹⁴ Там же. Оп. 6. Д. 69. Л. 33.

⁹⁵ Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 50.

⁹⁶ Омская партийная организация... С. 234, 278.

⁹⁷ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 48–49.

⁹⁸ Там же. Оп. 9. Д. 434. Л. 30.

⁹⁹ Там же. Оп. 8. Д. 607. Л. 76.

фронтовика Гамалеева было выявлено пятеро рахитных детей. При содействии активистов Красного креста дирекция зерносовхоза обменяла его семье теленка на дойную корову, работники Красного креста вспахали и проборонили усадебную землю семьи, для ухода за детьми была прикреплена сандружинница. В г. Бердске членами Красного креста Е. Жижокиной и Бамбуровой было собрано среди членов общества Красного креста и распределено среди остро нуждающихся семей фронтовиков две тонны картофеля и 800 кг. других овощей¹⁰⁰. Первичная организация РОКК колхоза «Политотделец» выделила стройматериалы для постройки нового дома семье фронтовика Грищенко, выдала более 25 ц хлеба остро нуждающимся, ухаживала на дому за больными членами семей военно-служащих¹⁰¹.

Таким образом, организации Красного креста Западной Сибири в годы войны, несмотря на многочисленные трудности, снижение поддержки движения Красного креста со стороны государства, сыграли значительную роль в подготовке кадров, предотвращении массовых эпидемий, поддержке деятельности эвакогоспиталей. При этом значительная часть деятельности органов РОКК производилась без привлечения государственных средств. Ставка на широкую поддержку населением государственной системы здравоохранения в военные годы себя полностью оправдала.

Список литературы

Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925–1940: Сб. документов и материалов. М.: Медицина, 1973. 328 с.

Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов: в 2 т. Омск: Кн. изд-во, 1960. Т. 2. 304 с.

Самойлов А. Д. Деятельность оборонных организаций Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Боевой и трудовой подвиг сибиряков в Великой Отечественной войне. 30 лет Победы советского народа над фашистской Германией. Материалы региональной научной конференции. Томск: Изд-во Томского университета, 1975. 268 с. С. 180–183.

Семашко Н. А. Избранные произведения. М.: Медицина, 1967. 379 с.

Сорок лет советского здравоохранения. М.: Медгиз, 1957. 662 с.

М. А. Semenov*

The Red Cross Organizations in Western Siberia during the Great Patriotic War

The article considers the state and activity of the Red Cross societies in Western Siberia during the Great Patriotic War. The focus is made on the organizational structure of the Red Cross in this period and its features. The author describes integration of the Red Cross management system into the structure of party and Soviet bodies of the USSR; emphasizes the dual essence of the Red Cross society which was a non-governmental organization on the one hand and remained under the control of the state – on the other. The article shows the change in the number of Red Cross organizations during the war years, the effect of mobilization and migration processes; considers financial status of Red Cross staff. It is concluded that during the war the state's influence on the Red Cross society decreased and the significance of its non-governmental elements increased. The author shows the main goals and tasks facing the Red Cross during the war, traces their evolution. Data on the main directions of its activities are given: training of nurses, sanitary squads, sanitary posts, organization of donor movement, sanitary and educational work, etc. As a result, it was concluded that the organization of the Red Cross of Western Siberia during the war, despite numerous difficulties, reduced support for the Red Cross movement from the state, played a significant role in training, preventing mass epidemics, providing support for the activities of evacuation hospitals. At the same time, a significant part of the activities of the Red Cross bodies was carried out without the involvement of public funds. The reliance on population providing broad support to the state health care system during the war years was entirely justified.

Keywords: Red Cross, Western Siberia, health care, the Great Patriotic war

Статья поступила в редакцию 27.08.2018

¹⁰⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 607. Л. 76, 77.

¹⁰¹ Там же. 49.

* **Semenov Mikhail A.** – Candidate of Sciences (History), Junior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: pihterek@yandex.ru

**Мотивы женственности в советском женском дискурсе 1930-х гг.
(по материалам газет «Правда», «Омская правда»,
«Остяко-вогульская правда», «Красный Север»)**

В статье рассматриваются мотивы женственности в советской партийной печати 1930-х гг. На материалах партийных газет показано, как происходит конструирование образов новой женщины, образов экстравертной женщины-труженицы, активной гражданки, общественной деятельницы, женщины-матери. Советская женщина выступает созидателем новых общественных порядков, реализует себя вне личной жизни – в общественной сфере. Отсюда тенденция к маскулинизации, вытеснение собственно женских черт, женственности. Однако эти признаки женственности не исчезают, видимо и не могут исчезнуть совсем. Они находят отражение на страницах газет отчасти случайно, а применительно к образам угнетенной женщины Запада и намеренно, вызывая интерес и симпатии читателя. Их наличие позволяет говорить не только о «мужественном», но и о «женском» в женщине, о женственности, присущей советской социокультурной реальности 1930-х гг., женственности как теме советского женского дискурса.

Ключевые слова: женственность, образ женщины, гендер, советский дискурс, партийная идеология, периодическая печать

Антропологический поворот в современной историографии обусловил интерес к историко-гендерной проблематике. Мужественность и женственность в их социальном изменении стали объектом многочисленных изысканий. В каталоге РГБ на сегодняшний день значатся восемь десятков наименований монографий, диссертаций, сборников статей, значительная часть которых написана в историческом ключе. Пристальным исследовательским вниманием пользуется и дискурсивный аспект культуры, постепенно осваиваемый историками вслед за филологами, лингвистами. Широкое признание получило понимание дискурса как силы, способной конструировать новую действительность¹.

Наша работа посвящена выявлению и объяснению мотивов женственности в советском женском дискурсе 1930-х гг. При всей его гомогенности, задаваемой идеологией социалистического строительства, названный дискурс «говорил» разными языками, специфика которых сообщала ему свойства отнюдь не черно-белой картины. Идеологический канон популяризировался радио, периодикой, кинематографом, изобразительным искусством, художественным словом. При этом язык каждого из этих интерпретаторов также не являлся вполне однородным. Беллетристика и поэзия, театр и кино, живопись и в конце 1930-х гг. презентовали отнюдь не только ходячие образы. Даже советская периодика 1930-х гг. не ограничивалась разработкой исключительно «женской проблемы», но касалась и проблем женщин².

На сегодняшний день в научной литературе мы имеем десятки качественных работ, освещающих «женский вопрос» в партийной идеологии и практиках советизации, литературе, искусстве и периодической печати 1930-х гг. Отдельного упоминания, на наш

* **Киселев Александр Георгиевич** – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). E-mail: kiselev1954@mail.ru

** **Молданова Надежда Анатольевна** – научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). E-mail: nmoldanova@yandex.ru

¹ *Скочилова В. Г.* Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (19). 2012. С. 98.

² *Дашикова Т.* Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность, Новое литературное обозрение, М., 2013. С. 25.

взгляд, заслуживают монографии В. А. Каменево³ и Т. Дашковой⁴. Первая «прочла» тему применительно к периодике как лингвист. Вторая обратила внимание на соотношении канонов и образов, которые, еще только вырабатывались, на «оговорки» и «ошибки», иначе – отклонения от идеологически уже заданных образцов⁵. Отдельного упоминания заслуживает и статья М. Делалой, препарировавшей эмоциональную ткань политических конфликтов 1930-х гг.⁶

Что касается литературы, посвященной периодической печати, как источнику, нам близка точка зрения В. М. Рыноква, настаивающего на разнообразии газетных материалов и признающего печать самостоятельным источником только как их комплекс⁷.

Подводя черту в историографическом сюжете, отметим, что, несмотря на весьма значительное продвижение в изучении советского гендера, специальных работ, посвященных заявленной нами теме, тем более ее отражениям в партийной печати до сих пор не написано.

Объектом нашего внимания стали женские образы партийной печати, предметом – их собственно женские черты, определяемые как женственность и ее проявления.

Хронологические рамки работы – вторая половина 30-х гг. – предвоенная эпоха «зрелого сталинизма» с его вполне сложившимися знаками, символами, образами, официальным языком. Война существенно повлияла на советский дискурс в целом и на женский, в частности.

Настоящее исследование – это попытка ответить на вопросы:

– что представлял собой «канонический», задаваемый партийными документами, законодательными нормами и речами вождей образ советской женщины;

– почему, в каком контексте и в каком «статусе» (сознательно сформулированных положений или «оговорок») появлялись на страницах партийных газет символы женственности, насколько они вписывались или, напротив, противоречили советской «гендерологии».

Источниками послужили 8-ми мартовские номера⁸ газеты «Правда», а также местных газет – областной «Омской Правды» и окружных «Остяко-Вогульской Правды» и «Красного Севера»⁹. Анализ тематики и языка «женских» материалов названных изданий, в том числе количественный, стал основным методом исследования.

Для того чтобы наглядно представить тематические направления советского женского дискурса в нашем «партийно-газетном изводе», они показаны нами в виде таблиц № 1–4.

Составлялись таблицы следующим образом: по горизонтали первой строкой нами выделены основные темы заголовков, включая лозунги – информационные единицы. Всего таких тем 12. 13-я (XV столбец) «тема» – прочие, в 14-ой (XVI столбец) дано общее количество материалов за год.

Если сам по себе заголовок не содержал однозначного указания на тему публикуемого материала, этот заголовок идентифицировался по содержанию материала. В случае если в лозунге/заголовке/контенте отражались две темы (иди две доминирующие темы) – эта информационная единица делилась пополам, учитывалась как S дважды. По вертикали в I-ом столбце указаны годы, во II-ом – тексты (Т) и изображения (И).

³ Каменево В. А. Лингвокогнитивное моделирование публицистического дискурса (на материалах советской прессы), Томск, 2009.

⁴ Дашкова Т. Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность // Новое литературное обозрение. М., 2013.

⁵ Дашкова Т. Телесность... С. 35.

⁶ Делалой, М. Эмоции в микромире Сталина: случай Николая Бухарина (1937–1938), типы большевистской мужественности и практика эмоций // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 431–456.

⁷ Рынок В. Периодическая печать: место в системе исторических источников. URL: <http://polit.ru/article/2010/08/09/periodika/> (дата обращения: 12.09.2018 г.).

⁸ Иные номера газет использовались в виде исключения.

⁹ Названные газеты – «Остяко-Вогульская правда» и «Красный Север» издавались соответственно в Остяко-Вогульском и Ямальском Ненецком национальных округах, входивших в 1934–1944 гг. в состав Омской области.

Таблица 1

Заголовки текстов и фотографии на «женскую тему» в газете «Правда»
(1936–1940)

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1936	Т	4	1		11			5	4		2		6	1	34
1936	И					1			4					1	6
1937	Т	3	1	1	2	2		2 ^{1/2}	1	1		2 ^{1/2}			16
1937	И	1					1	1	1				1		5
1938	Т	5				1			2	1	1			1	11
1938	И													2	2
1939	Т	5	1 ^{1/2}		1	2		2 ^{1/2}	1			2	1	2	18
1939	И		1/2		1			2 ^{1/2}	1						5
1940	Т	4			1	3		1	1						10
1940	И							2							2
Тексты		21	3 ^{1/2}	1	15	8		11	9	2	3	4 ^{1/2}	7	4	89
Фото/рис.		1	1/2		1	1	1	5 ^{1/2}	6				1	3	20

Таблица 2

Заголовки текстов и фотографии на «женскую тему» в газете
«Омская правда» (1936–1940)

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1936	Т	3	2 ^{1/2}		8		5	6 ^{1/2}	1	4		1	1	2	34
1936	И		1				1/2	1 ^{1/2}	3						6
1937	Т	4	1/2	4	3	2	3	12	5	3 ^{1/2}		2			39
1937	И		1			1	3								5
1938	Т	3				1									4
1938	И					1									1
1939	Т	3	2	1	1	3	1	9 ^{1/2}	2	2 ^{1/2}		1		1	27
1939	И					1	2		1	1					5
1940	Т	5	1				4	2	3	2			2	3	22
1940	И							2	3	1			1		7
Тексты		18	6	5	12	6	13	30	11	12	0	4	3	6	126
Фото/рис.		0	2	0	0	3	5 ^{1/2}	3 ^{1/2}	7	2	0	0	1	0	24

Таблица 3

Заголовки текстов и фотографии на «женскую тему» в газете
«Остяко-Вогульская правда» (1936–1940)

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1936	Т	4					1		1						6
1936	И						S		S						1
1937	Т	4	3		1	1			1				1		11
1937	И		S				1		S	1			1		4
1938	Т	3S	S	1	1										6
1938	И	1													1
1939	Т	3	2			3	3	4	7	2			2	2	28
1939	И	1							1					1	3
1940	Т	2						1	4	2			2		11
1940	И	1													1
Тексты		16S	5S	1	2	4	4	5	13	4			5	2	62
Фото/рис.		3	S				1S		2	1			1	1	10

Заголовки текстов и фотографии на «женскую тему» в газете «Красный север» (1936–1940)

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1936	Т	6			1/2		1/2	2 1/2	1	3 1/2				2	16
1936	И	1													1
1937	Т	7	4			10	2 1/2	1	1	1 1/2				3	30
1937	И						1	2		1			2		6
1938	Т	3													3
1938	И	1													1
1939	Т	3	1/2	1 1/2	1	1	2	2	1	1				2	15
1939	И	1					1					1			3
1940	Т	2		1	1			3	3	1		1	1		13
1940	И	1						1							2
Тексты		21	4 1/2	2 1/2	2 1/2	11	5	8 1/2	6	7		1	1	7	77
Фото/рис.		4	0	0	0	0	2	3	0	1		1	2	0	13

Примечания к таблицам № 1-4: I – годы; II – вид материалов (Т – тексты, И – фотографии и рисунки); III – общие материалы; IV – «национально-окрашенные» материалы; V – положение женщины «прежде и теперь»; VI – положение женщины в капиталистических странах; VII – борьба женщин за рубежом; VIII – материнство и семья; IX – женские профессии; X – ударницы труда; XI – женщины в органах власти и на общественной работе; XII – женщины на военной службе и в военных учреждениях; XIII – жены военных и специалистов; XIV – женщины, физкультура и спорт; XV – прочие публикации на «женскую тему»; сумма материалов за год; XVI – сумма материалов за год.

В концентрированном виде в газетах образ советской женщины был представлен в праздничных передовицах. В этих статьях выделяется несколько разно-уровневых образных типов. Первый и второй различаются по степени конкретности/абстрактности ипостасей образа женщины, третий выделяется определением ее состояния и перспектив, смысл четвертого раскрывается через ее общественно-значимые действия, пятого – через отношение и действия партии и правительства по отношению к ней, шестого – через сравнение ее положения с положением трудящейся женщины за рубежом и в царской России. Среди письменных образов и тем того времени:

1) женщина равноправная (в том числе в семье), труженица (треть великой армии труда, вовлечена во все отрасли, 18 млн в колхозах – большая сила), счастливая мать, гражданка, активная общественница, депутатка, горячая патриотка, орденоноска, друг;

2) политическая сила, строитель социализма, новый тип женщины, новые черты (смелость, творческое дерзание, упорство, выдержка, бесстрашие, беспредельно честное отношение к порученному делу, беззаветная любовь к родине), на любом участке вместе с мужчиной творит большие дела;

3) освобожденная, вольна выбирать путь по душе, перед ней открывается необъятное поле деятельности, уверенность в будущем, неисчислимы скрытые, непробужденные силы, готова защищать родину;

4) творит новую культуру труда, овладела самыми разнообразными, сложными профессиями, обрушивает свой гнев на троцкистов, учится у партии, делает все, чтобы родина развивалась, учится, овладевает наукой;

5) партия помогает женщине расти, государство поддерживает материнство, страна делит материнскую гордость за детей, требуется: усилить политико-воспитательную работу среди женщин; смело выдвигать на руководящую работу; привлекать к контролю за исполнением правительственных решений в отношении женщин; добиться искоренения религиозных предрассудков, особенно на Востоке; привлекать домохозяйек в общественное производство, в том числе к занятиям мужскими профессиями; вовлекать женщин в

партию; улучшить бытовые условия, чтобы женщина шире включалась в общественную жизнь;

б) характеристика положения трудящихся женщин за рубежом резко контрастировала с характеристикой положения советских женщин (голод, эксплуатация, бесправие, низкая рождаемость, детская смертность, попрание личности, проституция, самоубийства).

Обратимся к анализу основной части женских материалов. По характеру это тексты, изображения (фотографии и рисунки) и так называемые креолизованные тексты, совмещающие в себе собственно текст и изображение.

Для начала сразу отметим: признаки гендера, женственности в публикациях партийной печати были крайне редки. Характерен в этом отношении очерк «Омской правды» «Рассказ о любимой» (1935). Казалось бы, в материале под таким названием эмоциональная нагрузка, гендерные мотивы, приметы женственности должны были быть налицо. Однако, это был рассказ мужа о жене, ушедшей в лыжный поход Тюмень – Москва. «Самым» гендерно нагруженным местом рассказа стало его заключение: «Иван Васильевич говорит о жене *любовно* (здесь и далее выделено авторами), подбирая хорошие теплые слова. В каждом слове таится уважением к человеку, восхищение им. [...] Я за нее спокоен. В любую минуту, когда кто-либо посмеет напасть на нашу великую родину, я в ней уверен не только *как в жене – человеке близком мне интимно* (выделено авторами), но как в верном товарище, друге и хорошо подготовленном бойце. Конечно, бывают у нас и размолвки в семье, не без этого [...], но ведь милые бранятся – только тешатся. Так и моя жена. Крепко *люблю* ее, скажу без утайки, хотя и неловко об этом как-то говорить». «Так муж – боец рассказал о друге, о жене-товарище и бойце», – заканчивался очерк.

В целом, в полном соответствии с тезисами передовиц, в праздничных публикациях наших газет образ советской женщины предстает перед нами, главным образом, как образ труженицы, активной гражданки, общественной деятельницы, женщины-матери.

Раскрытие образа советской женщины немало способствовал и иной образ – образ женщины, который связывался официозом со странами капитала. Его предназначение заключалось в том, чтобы придать женскому дискурсу известный объем, конфликтность и динамичность, подчеркивая достоинства социокультурного статуса советской женщины от противного.

Женским профессиям и участию женщин в социалистическом соревновании посвящены 34,3 %, 27,8 %, 29,1 % от общего числа материалов в омской, центральной и остяковогульской «правдах» (в «Красном севере» – 19,5 %). Если же оставить за скобками публикации общего характера (III столбец), доля профессионально-трудовых материалов составит соответственно 39,0 %, 36,3 %, 37,3 % в «правдах» и 26,9 % в «Красном севере». Важно отметить и то, что материалы о женщинах труда появлялись в газетах, публиковавшихся в марте, ежегодно¹⁰. С точки зрения жанра – это личные истории, чаще краткие, как иллюстрации к тезису, скажем, об освоении женщинами новых профессий, реже пространные, в виде очерка («Женщина в науке», «Готовлю кадры», «Штурман воздушного корабля» – «Правда»; «Девушки водят машины», «Помощник машиниста», «На капитанском мостике» – «Омская правда»), статистические сведения, характеризующие занятость женщин в народном хозяйстве, отдельных отраслях.

Заметен акцент на новых для женщин, изначально «мужских» профессиях. «Омская правда» 1936 г. называет четыре таких профессии: железнодорожница, летчик, речник, охотник. В 1937 г. в газете фигурируют уже одиннадцать профессий: *слесарь*, трактористка, комбайнерка, формовщица, прессовщица, *инженер*, *шофер*, *капитан* речного судна, *агроном*, *киномеханик*, *милиционер*. Характерны в данном случае выделенные лексемы мужского рода, к которым широко использовавшиеся суффиксы *-ка*, *-ца*¹¹ оказались не применимы.

¹⁰ «Выпал» из общего ряда только 1938 г., видимо, «дезорганизованный» репрессиями.

¹¹ Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование... С. 101–102.

Особое место в профессиональной теме занимали военные. Военный мотив «женских материалов» (16,3 % в «Правде»), хотя и звучал время от времени, опирался на огромный массив публикаций о международных отношениях и внешней политике, напрямую перекликался с публикациями, посвященными гражданской войне в Испании и Китае и участию в них трудящихся женщин. Весьма характерно выглядят галереи фотографий в центральной «Правде» за 8 марта – женщины, так или иначе связанные с военным делом, все чаще становились героинями дня.

Таблица 5

Профессиональная принадлежность женщин, изображенных на праздничных групповых фотографиях газеты «Правда» (1936, 1937, 1939, 1940 гг.)

Год/ №№	1936	1937	1939	1940
1	стахановка завода	стахановка завода тепло-измерительных приборов	инженер-машинист паровоза	военный инженер, адъютант военной академии химической защиты
2	стахановка завода	бригадир тракторного отряда	танкист	старший конструктор завода
3	техник шахты Метростроя	инженер автобазы	танкист	звеньевая колхоза
4	монтажница Метрополитена	летчик-инструктор центрального аэроклуба	летчик-штурмовик	вырубковый машинист шахты
5	оператор станции Метрополитена	руководитель кафедры холодной обработки металлов Промакадемии	преподаватель артиллерийской академии	капитан звена истребителей
6	студентка индустриального института	жена офицера	член Верховного суда СССР	инструктор стрелкового спорта
7	слушательница военно-воздушной академии	артистка	океанограф	композитор
8	член ВЦИК		радист с о-ва Диксон	
9	комсорг школы			
10	парашютистка			

В публикациях, посвященных трудовой, профессиональной деятельности женщины, трудно найти какие-либо символы женственности. С известной долей условности можно указать на материал «Омской Правды» об А. С. Неудахиной, трудившейся стрелочницей на железной дороге (1936). Признанными причинами трудовых успехов ударников, стахановцев 1930-х гг. были рациональная организация рабочего места и порядка осуществления производственных операций¹². А. С. Неудахина не просто содержала рабочее место в образцовом порядке, но делала это «по-женски»: «в свежесмытой будке появились фиалки, на окнах – белоснежные шторы, на стене – новенькое зеркало. Чистота в будке и на пути стала неумолимым законом».

Столь же легкий намек на женственность находим в заметке закройщицы омской портновской мастерской А. Морозовой, описывающей поведение клиенток: «У журналов мод прямо целое производственное совещание. Толкуют какой выбрать фасон, какие кому нравятся рукава, какой лучше подойдет пояс» («Омская правда», 1936).

Женщине-активистке, гражданке, депутатке, руководителю в партийной печати, как и женщине-труженице, уделялось значительное внимание. По отношению к общему числу информационных единиц, и числу информационных единиц за минусом «общих», указанных в III столбце таблиц № 1–4, доля интересующих нас материалов составила в «Правде»

¹² Минаева О. «Мы теперь богато живем»: пропаганда стахановского труда в журнале «Работница» 1930 гг. // Медиаальманах. М., 2014. № 1. С. 43.

22,9 и 28,7 %, в «Омской Правде» – 14 и 15,9 %, в «Остяко-Вогульской Правде» – 8,3 и 11,7 %, в «Красном севере» – 15,0 и 20,7 %.

Тема общественной активности женщины раскрывалась через идущий красной нитью тезис о равноправии женщины и мужчины, через краткие информационные сообщения о деятельности женского актива, «статистические символы», определявшие ее масштабы¹³, а также с помощью личных историй роста и немногочисленных очерков о самой общественной работе женщины («Растет и ширится движение жен инженеров и техников», «Советская женщина» – в «Правде»; «Что меня радует», «Радость жизни» – в «Омской Правде»; «Женщина тундры советской» – в «Остяко-Вогульской Правде»; «Общественницы», «Успехи общественниц комбината» – в «Красном Севере»).

Женственное в материалах, показывающих, хотя и скрытое, как правило, общественное доминирование женщины, как ни странно присутствует. В виде конкретного примера женское, «материнское» в отношении к делу находим в заметке председателя сельсовета из Викуловского района Омской области Т. Васильевой. В начале каждого рабочего дня она не может отказать себе в посещении телятника – свою трудовую деятельность она когда-то начинала там: «заметила, как одна доярка поила маленького теленка обратом – сделала ей замечание». При подготовке документов, когда надо считать, она, малограмотная, привлекает на помощь четвероклассника Васю, которого называет «мой всегдашний помощник».

Женственность как слабость, ограниченные способности, подчинение мужчинам в материалах газет, посвященных общественной, руководящей деятельности женщин конечно не могла фигурировать прямо, но могла преподноситься и преподносилась как явление в связи с критикой мужского шовинизма. Так известная советская писательница В. Герасимова, разоблачала тип «дореволюционного, солидного и темного господина»/«субъекта в модной кепочке ... со своей собственной немудрой и подленькой философией “насчет баб” ... Это они великий рост женщин советской страны рассматривают как чуть затянувшуюся “чисто агитационную кампанию” и на практике подло и изобретательно мешают им занять пост бригадира, председателя сельсовета, руководителя колхоза». В устах В. Герасимовой эта эскапада олицетворяла иную женственность – женственность, как феминистское наступление.

Материнство – еще одна важнейшая составляющая образа советской женщины, воспитывающей своих детей с помощью советского государства. Понятно, что в этих публикациях «женственного» или «гендерно значимого», несколько больше, нежели в производственно-общественных материалах.

«Омская правда», в отличие от центральной и окружных газет, регулярно публиковала соответствующие материалы (12,3 % от общего числа женских материалов или 14,0 % за минусом общих материалов из III столбца). Их своеобразным девизом были «защищенное материнство», «защищенная женственность». Ниже приведены ключевые слова «материнских публикаций» областного издания.

1936 г.: 1) «Радостное материнство»: забота о человеке, расцвет пролетарского социалистического гуманизма, обезболивание родов в массовом масштабе; 2) «Забота о матери и ребенке»: двери консультаций и детских учреждений широко открыты перед трудящимися женщинами, но наряду с количественным ростом ясельной сети имеется еще недопустимое качественное отставание этой работы, счастливая советская страна добилась того, что появление на свет социалистического поколения не омрачается родовыми муками матери, которые считались неизбежными.

1937 г.: «Счастливое материнство. Калачинск»: многие колхозницы сразу просят, чтобы роды сделали без боли.

1939 г.: 1) «Колхозная акушерка»: родильный дом..., колхозницы отзываются о нем исключительно тепло, женщины-матери иногда вспоминают мрачное прошлое; 2) «Женщины

¹³ Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование... С. 111–115.

Севера»: ей даже не разрешали рожать детей в юрте, где жила семья, роды проходили обычно в «айкурте» – в маленькой холодной юрте, расположенной на задворках.

1940 г.: 1) «8 Марта – Международный женский день»: наша партия и правительство делают все для того, чтобы обеспечить счастливое, радостное материнство; 2) «Гордость матерей» (о выросших и нашедших себя в жизни детях): «я рада, что сыновья мои служат родине, провожая в армию, наказывала, чтобы крепче берегли родную землю».

Обратимся к широко тиражировавшемуся образу женщины. Международный характер праздника 8 Марта регулярно подчеркивался партийной печатью. Двойной концепт «социализм/капитализм» играл роль контрапункта в советской идеологии. В рамках женского дискурса наряду с советской присутствовала женщина из капиталистического зарубежья, образ которой был средством привлечения советских женщин на сторону советской власти. В СССР партия обеспечила им равенство с мужчинами, помогла включиться в социалистическое строительство, обеспечила счастливое материнство – все эти достижения были немислимы в условиях капитализма. Заголовки материалов «Омской правды» показывают основные коннотации концепта «женщина в мире капитала».

1935: труженицы капиталистических стран; под тройным гнетом: фашизм, безработица, бесправие; голодные матери; сколько стоит девушка; вчерашние рабыни.

1936: гнет, нищета, бесправие; ужасы страны восходящего солнца; в «свободой Америке»; все тяжелее жить; смерть от родов; работницы Греции; «будьте поласковее»; прислуга.

1937: долюшка женская; рожденные на кухне; рост самоубийств; женщины Испании.

1938: женщины республиканской Испании.

1939: нищета и бесправие – удел трудящейся женщины в странах капитала; героическая борьба женщин в Китае.

Наряду с социальными («бесправие», «гнет», «нищета») налицо и гендерно окрашенные заголовки, связанные с темой материнства, мужских домогательств и проституции. Образ «оскорбленной и униженной», гибнущей женщины здесь по-настоящему женственен. Эта женщина слаба, она ищет защитника, спасителя. Этот образ, весьма эмоциональный, лишь отчасти перебивается другим – образом борющейся за свои права, за демократию и социализм женщины.

Еще более яркие признаки женственности находим в сюжетах, посвященных гендерной политике фашистской Германии. Правда, подаются они в этом контексте в лучшем случае как нарочито-выдуманные, либо как негативные. Идеал фашистской женщины – мать, ведущая домашнее (= государственное) хозяйство, «узкий лоб и широкий зад». В ее судьбе – «голубиная кротость» и «печальная юдоль матери» («Правда», 1937: «Международный коммунистический женский день», «Женщины в Третьей империи»).

Женщина, занятая домом и детьми, тем более с голубиной душой, наполненной печалью, была не нужна ни Советской стране, ни советскому мужчине. Чувства подобные печали и меланхолии не относились к публично одобряемым эмоциям¹⁴.

В очерке «Раскрепощенный гений» В. Герасимовой образу чеховской «Душечки», сердобольной, любвеобильной женщины, способной жить только в любви и исключительно интересами и умом своих мужчин, противопоставляются образы советских женщин, живущих идейной убежденностью и любовью к своему делу, готовых соревноваться со своими мужьями. «Победила она... [...]». Так из глубоко осмысленного, согретого любовью и изобретательностью труда советской телятницы рождались рекорды, ставящие в тупик рачительных американских фермеров» («Правда», 1937).

Так гендерная тема женственности весьма невнятно и редко проговаривалась словом. Но она существовала также и в виде изображений.

В центральной и омской «правдах» около половины всех «женских» изображений посвящались женским профессиям и участницам социалистического соревнования, стаха-

¹⁴ Делалой М. Эмоции... С. 438.

новкам. Они не просто сообщали, но даже акцентировали внимание читателя на некоторых гендерно значимых чертах женских образов.

Прежде всего речь идет о короткой стрижке и прическах¹⁵ многих героинь труда и военных. Такое подчеркивание не только «советского», но и «модернового» характерно для многих фотографий в наших газетах. В «Правде» – это серия фотографий стахановок 1936 г., групповые фотографии 1939 и 1940 г., фотография Н. М. Власовой 1937 г., фотография с вечера молодых работниц 1938 г. В «Омской Правде» – это изображение жены командира (1935), известных в стране стахановок Демченко и Фоминой, снятых рядом со Сталиным, передовиков производства А. С. Неудахиной, Л. И. Карповой (1936), А. В. Тоярковой (1939), доярок колхоза «Родная долина» (1940).

Номера за 8 марта окружных «Остяко-Вогульской Правды» и ямальского «Красного севера» подобных изображений не дают. Но в других номерах встречаются и групповые фотографии, и индивидуальные портреты, на которых изображены девушки, женщины с короткой стрижкой¹⁶. Для культуры аборигенов Севера появление таких фигур олицетворяло глубокий кризис. Согласно традиционным представлениям манси, волосы нужны были человеку для того, чтобы, когда придется, добраться до подземного царства. У ханты волосы считались местом обитания одной из человеческих душ, а также могли служить в качестве жертвы. Сон, в котором виделось обрезание женских волос, считался признаком того, что кто-то умрет¹⁷. Наши информанты, взрослевшие в 50-е годы, свидетельствуют о конфликтах с матерями по поводу стрижки.

Короткая стрижка зачастую сопровождалась отказом женщин от традиционного платка, фактически от важнейшего обычая избегания¹⁸. Для традиционалистов это было разрушением естественного миропорядка, для партийного официоза – советизацией, для самой женщины – началом отхода от прежнего канона женственности, в том числе подчиненности мужчине, началом поиска новой женской идентичности.

Женственное начало, как ни парадоксально, отчетливо проступало и в фотографиях женщин-военных. Мундир, с одной стороны, мог сообщить женщине некоторую брутальность, с другой, выгодно подчеркивая фигуру, делал по-настоящему женственной, особенно в сравнении с работницами и колхозницами, изображения которых, обычно поясные, не отличались четкостью форм.

Обращает на себя внимание значительное число креолизованных «материнских» текстов. В сравнении с изображениями участниц социалистического соревнования, фотографии матерей с детьми обычно выигрывали в части эмоциональной нагрузки. Удачными были снимки в «Омской Правде» 1935, 1939 и особенно 1937 г. Однако в целом следует признать оценку Т. Дашковой женской журнально-газетной фотографии 1930-х гг. как «бесполой», «невинной», как фотографии, в которой основную нагрузку несет не собственно изображение, а текст под ним¹⁹. Это в значительной мере применимо к характеристике омских женских фотографий. Характерна в этом отношении фотография с изоб-

¹⁵ Дашкова Т. Телесность... С. 44.

¹⁶ Остяко-Вогульская правда 1937. 11 мая (фотография Елены Кавиной); 1939. 14 апр. (фотография Стешы Салтановой).

¹⁷ Молданова Т. А. Значение частей человеческого тела в сновидениях хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 9. С. 166–167. Молданова Т. А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001. С. 55.

¹⁸ Важным фактором в социальной сфере является регуляция половых связей. Отсюда развился обычай «избегания» между определенными категориями родственников. Женщина стыдилась показывать волосы и лицо старшему брату мужа и его отцу, поэтому при них низко опускала на лицо платок. Это делалось и в присутствии чужих мужчин. Будучи рядом с ними, она вела себя очень сдержанно, не говорила громко, не смеялась, и только с их уходом женщину как будто подменяли. Мужчины тоже избегали смотреть на нее прямо, а предназначенные ей слова говорили в пространство, как бы безадресно. Входя в помещение, где могла находиться «стыдящаяся» женщина, они предупреждали о себе покашливанием, чтобы та успела закрыться. (см.: Кулемзин В. М. Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. С. 19).

¹⁹ Дашкова Т. Телесность... С. 21, 23, 43.

ражением матери и ребенка 1935 г. «Смысл» ее проясняет надпись: «Светлана – дочь командира Красной армии тов. Равико. – Светлана здоровый и жизнерадостный ребенок. Мать ее регулярно посещает консультацию № 4».

Завершая обзор женских изображений в газетах, отметим их полиграфическое несовершенство, зачастую фотографии и рисунки плохо смотрятся, особенно в местных омской и остяко-вогульской «правдах» и «Красном севере». Понятно, что низкое полиграфическое качество не способствовало демонстрации тонкости, изящества, полутонов женственности.

В литературе бытует представление о «маскулинизации» советской женщины²⁰. И это наблюдение справедливо. В нашей статье, однако, мы попытались обнаружить в советских газетах – советском официозе, пожалуй, в его наиболее «чистом» виде – следы «женственности». Партийная печать 1930-х гг. активно выстраивая новые образы, вытесняла «традиционные» женские качества – покорность, отзывчивость, эмоциональность, уступчивость, скромность – на второй план. Презентация женщины в материалах газет сводилась к четырем доминантам: передовая труженица, ответственный работник; деятельная активистка; мать-хозяйка; женщина социалистического мира. При этом три из них характеризовали женщину «вне семьи», а материнская доброта и забота о членах семьи рассматривалась как неотъемлемая часть идеологии нового женского предназначения, в тесной связи с идеей служения советскому государству. Собственно женственность либо «пробивалась» в газетных публикациях случайно, либо намеренно подавалась в качестве атрибута враждебного «капиталистического» мира, но, видимо вопреки замыслам партийных пропагандистов, выступала не столько предметом сарказма, сколько вызывала сочувствие и симпатии читателей. В этом состоял парадокс идеологии советского гендера.

Список литературы

Даикова Т. Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность, М.: Новое литературное обозрение, 2013. 256 с.

Делалой М. Эмоции в микромире Сталина: случай Николая Бухарина (1937–1938), типы большевистской мужественности и практика эмоций // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли, М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 431–456.

Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование публицистического дискурса (на материалах советской прессы), Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. 148 с.

Кулемзин В. М. Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты, Новосибирс: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. 136 с.

Минаева О. «Мы теперь богато живем»: пропаганда стахановского труда в журнале «Работница» 1930 гг., Медиаальманах, М.: Центр содействия развития региональных факультетов журналистики «Партнерство факультетов журналистики», 2014. № 1. С. 40–48.

Молданова Т. А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 354 с.

Молданова Т. А. Значение частей человеческого тела в сновидениях хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 9. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 166–171.

Рышков В. Периодическая печать: место в системе исторических источников. URL: <http://polit.ru/article/2010/08/09/periodika/> (дата обращения: 12.09.2018 г.).

Скочилова В. Г. Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3(19). С. 93–102.

²⁰ Делалой М. Эмоции... С. 449.

A. G. Kiselev, N. G. Moldanova***
Motives of Femininity in the Soviet Female Discourse of the 1930th years
(Based on the Materials of the Newspapers «Pravda», «Omskaya pravda»,
«Ostyako-vogulskaya pravda», «Krasnyi sever»)

The article deals with the motives of femininity in the Soviet party press of the 1930s. On the materials of the party newspapers the article shows the construction of the images of a new woman, an extrovert hard-working woman (a toiler, active citizen, public activist, and mother). The Soviet woman acts as the creator of new social order; she finds her personal fulfillment beyond her personal life – in the public sphere. This fact is the cause of the tendency to masculinization, the displacement of female traits and femininity. However, these traits of femininity do not disappear, and, probably, they cannot disappear altogether. They are reflected on the pages of newspapers, sometimes occasionally or even deliberately (if it had to do with the the images of an oppressed woman of the West), causing interest and sympathy of the readers. Their presence allows speaking not only about the "masculine", but also about the "feminine" in a woman, about the femininity inherent in the Soviet socio-cultural reality of the 1930s, about femininity as the theme of the Soviet women's discourse.

Key words: femininity, the image of women, gender, Soviet discourse, party ideology, periodicals

Статья поступила в редакцию 18.09.2018

* **Kiselev Alexander G.** – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (Khanty-Mansiysk). E-mail: kiselev1954@mail.ru

** **Moldanova Nadezhda A.** – Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (Khanty-Mansiysk). E-mail: nmoldanova@yandex.ru

Имя на карте

DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-16
УДК 001.1(571.1)(092)

*Н. Н. Покровский**, *О. Н. Шелегина***, *Г. М. Запорожченко****

Проспект Академика Лаврентьева – самая умная улица мира

В настоящее время для разработки перспективных мегапроектов «Академгородок 2:0», «Сибирский технополис» актуализируется исторический опыт, связанный с созданием СО РАН, идеями академика М. А. Лаврентьева. Цель статьи – введение в научный оборот разработки сектора «Музей СО РАН» по представлению проспекта Академика Лаврентьева как «самой умной улицы мира» (на основе версии Книги рекордов Гиннеса). Статья направлена на формирование новых креативных подходов к популяризации роли выдающихся личностей в истории российской и мировой науки, включения форм публичной памяти в современный социокультурный контекст.

Ключевые слова: Михаил Алексеевич Лаврентьев, Сибирское отделение Академии наук СССР, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирский Академгородок, научное и культурное наследие, популяризация науки

«Новосибирск – научная столица России», «Сибирский технополис», «Академгородок 2:0» – эти актуальные и перспективные мегапроекты привлекают внимание российской и мировой научной общественности, всего населения Сибири. В их основе немаловажное значение имеют социокультурные аспекты. Широкого резонанса, соответствующей научной рефлексии еще не получило историческое событие, связанное с тем, что Новосибирский Академгородок с 2014 г. является достопримечательным местом Сибирского региона¹. О том, что Проспект Лаврентьева – «самая умная улица мира» вообще известно очень немногим. Вместе с тем, эти достижения и традиции составляют фундамент будущих перспектив.

Сбываются пророческие слова М. А. Лаврентьева о том, что «в перспективе институты Сибирского отделения способны существенно увеличить свой вклад в развитие производительных сил восточных районов, в ускорение технического прогресса, планомерное наращивание производственного и научного потенциала Сибири»².

Со времени визита Президента Российской Федерации В. В. Путина в Новосибирский Академгородок в День Российской науки 8 февраля 2018 г. руководством Новосибирской области и города Новосибирска начала активно транслироваться позиция: «Новосибирск – научная столица России». При такой постановке вопроса отношение к Академгородку, как центру концентрации науки в исторической динамике, достопримечательному месту Сибирского региона необходимо развивать с учетом релевантных международных исследований и достижений российской исторической науки.

Новосибирский Академгородок создавался в соответствии с постановлением правительства от 18 мая 1957 г. о формировании Сибирского отделения АН СССР как организационный и интеллектуальный центр. Его развитие отвечало потребностям дальнейшей

* **Покровский Николай Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН. E-mail: pokrov@li.ru

** **Шелегина Ольга Николаевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН. E-mail: oshelegina@yandex.ru

*** **Запорожченко Галина Михайловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН. E-mail: galinakoop@yandex.ru

¹ О включении в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: docs.cntd.ru/document/465707460

² Век Лаврентьева / под ред. *Н.Л. Добрецова, Г.И. Марчука*. Новосибирск, 2000. С. 374.

модернизации страны, которая, опираясь на собственные ресурсы, включилась в развернувшиеся во всем мире процессы освоения космоса, атома, создания электронно-вычислительной техники. Эти идеи воплотились в значительной мере благодаря инициативе видных советских ученых: академиков М. А. Лаврентьева, С. Л. Соболева, С. А. Христиановича, предложивших организовать в Сибири крупный научный центр с фундаментальными исследованиями по разным направлениям, и широкому отклику научной общест-венности, приехавшей работать в Сибирь.

Академгородок Новосибирска превратился во всемирно известный научный центр с комплексом научных, научно-технических и научно-вспомогательных учреждений, производственно-жилищной и социально-бытовой инфраструктурой. В настоящее время это историческое место (определенное «культурное высказывание», сложившееся во второй половине XX в.) – достопримечательность, форма креативной среды жизнедеятельности благодаря совместной деятельности государственных, академических и ведомственных структур, общественной инициативе граждан.

На необходимости развития научно-организационных и социокультурных традиций Академгородка и внедрения новаций было акцентировано внимание в интервью председателя СО РАН академика В. Н. Пармона, газете «Наука в Сибири». «Миссия СО РАН многопланова. Во-первых, как я неоднократно подчеркивал, известный «треугольник Лаврентьева» (наука – кадры – производство) сейчас должен дополняться тезисом «Наука – для России и для региона»³. В его выступлении на Общем собрании СО РАН 23 марта 2018 г. было, в частности, отмечено, что основной задачей является следующая: «Академгородки и научные центры СО РАН должны стать центрами притяжения, центрами будущего. Нужно предусмотреть уникальную научную, а также образовательную, социальную и новационную инфраструктуры, ориентированные на 30–50 лет вперед».

Новосибирский Академгородок был задуман, создан и сейчас функционирует в русле наиболее значимого мегатренда научно-технологического развития: формирование предпосылок для перехода к новому технологическому укладу, увеличения масштабов синтеза технологий, интеграции науки, культуры и образования, транснационализации науки. Все это актуально с точки зрения развития современного этапа «экономики знаний» и соответствующего позиционирования достопримечательных мест с научной доминантой⁴.

Как известно, достопримечательные места бывают связаны с ценными в архитектурном и градостроительном отношении историческими образованиями (центры исторических поселений, фрагменты исторической планировки и застройки), важными историческими событиями, жизнедеятельностью выдающихся личностей⁵. Для представления Новосибирского Академгородка как достопримечательного места важно формирование некой метафоры: улица – стержневое русло, артерия большой науки, в которую вливаются реки улиц и тропинок, названных в честь ведущих ученых – уникальна топонимическая особенность городка.

Сущность достопримечательного места «Новосибирский Академгородок» во многом соотносится с концептом «гений места, духа мест, гений локуса», что нашло отражение в названии его системообразующей магистрали – проспект Академика Лаврентьева. По версии книги рекордов Гиннеса проспект Лаврентьева – самая «умная» улица мира, где на протяжении 2,4 км сосредоточено более 20 объектов научной инфраструктуры – научно-исследовательских институтов и конструкторско-технологических бюро⁶.

³ Наука для России и для региона. (Интервью академика В. Н. Пармона) // Наука в Сибири. 2018. 11 янв.

⁴ Шелегина О. Н., Куперитох Н. А., Запорожченко Г. М., Покровский Н. Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 117–123.

⁵ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С 393–394.

⁶ URL: <http://sib100.ru/23-interesnyh-fakta-o-novosibirskhe> (дата обращения: 25.06.2018 г.).

Рис. 1. Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева Сибирского отделения РАН

Совершим экскурс в историю: первое название этой, ставшей знаменитой, улицы – проспект Науки. Переименован он был после смерти основателя Академгородка академика М. А. Лаврентьева (1900–1980).

Как известно, проспект Академика Лаврентьева – проспект в Советском районе Новосибирска, расположенный в верхней зоне Академгородка. Начинается он от проспекта Строителей, заканчивается, образуя перекресток с Морским проспектом и улицей Терешковой. К нему примыкают улицы Кутателадзе, Николаева, Академика Будкера, Академика Ржанова с северо-восточной нечетной стороны, а с противоположной – улица Пирогова и проспект Академика Коптюга. Проспект застроен преимущественно зданиями научно-исследовательских институтов СО РАН.

Важное значение имеет личностный компонент. Михаил Алексеевич Лаврентьев (родился 6 (19) ноября 1900 г. в Казани, умер 15 октября 1980 г. в Москве, похоронен в Новосибирске) – действительный член АН СССР – РАН (1939, доктор технических наук (1934), доктор физико-математических наук (1935), профессор (1950), вице-президент академии наук Украинской ССР (1946–1948), организатор и директор Института точной механики и вычислительной техники им. А. С. Лебедева АН СССР (1950–1953), академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН СССР (1950–1953, 1955–1957), член Президиума АН СССР (1950–1980), вице-президент АН СССР (1957–1975), организатор и Первый председатель Сибирского отделения АН СССР – СО РАН (1957–1975), позднее – его почетный председатель, основатель и первый директор Института гидродинамики СО АН СССР – СО РАН (1962–1966).

М. А. Лаврентьев внес огромный вклад в дело подготовки научных кадров как один из организаторов вузов нового типа: Московского физико-технического института (МФТИ) и Новосибирского государственного университета (НГУ), Физико-математической школы и всесибирских школьных олимпиад. Он являлся профессором МГУ и НГУ, других ведущих вузов страны, в НГУ – основателем и заведующим кафедрами математического анализа (1959–1962) и гидродинамики (1961–1966).

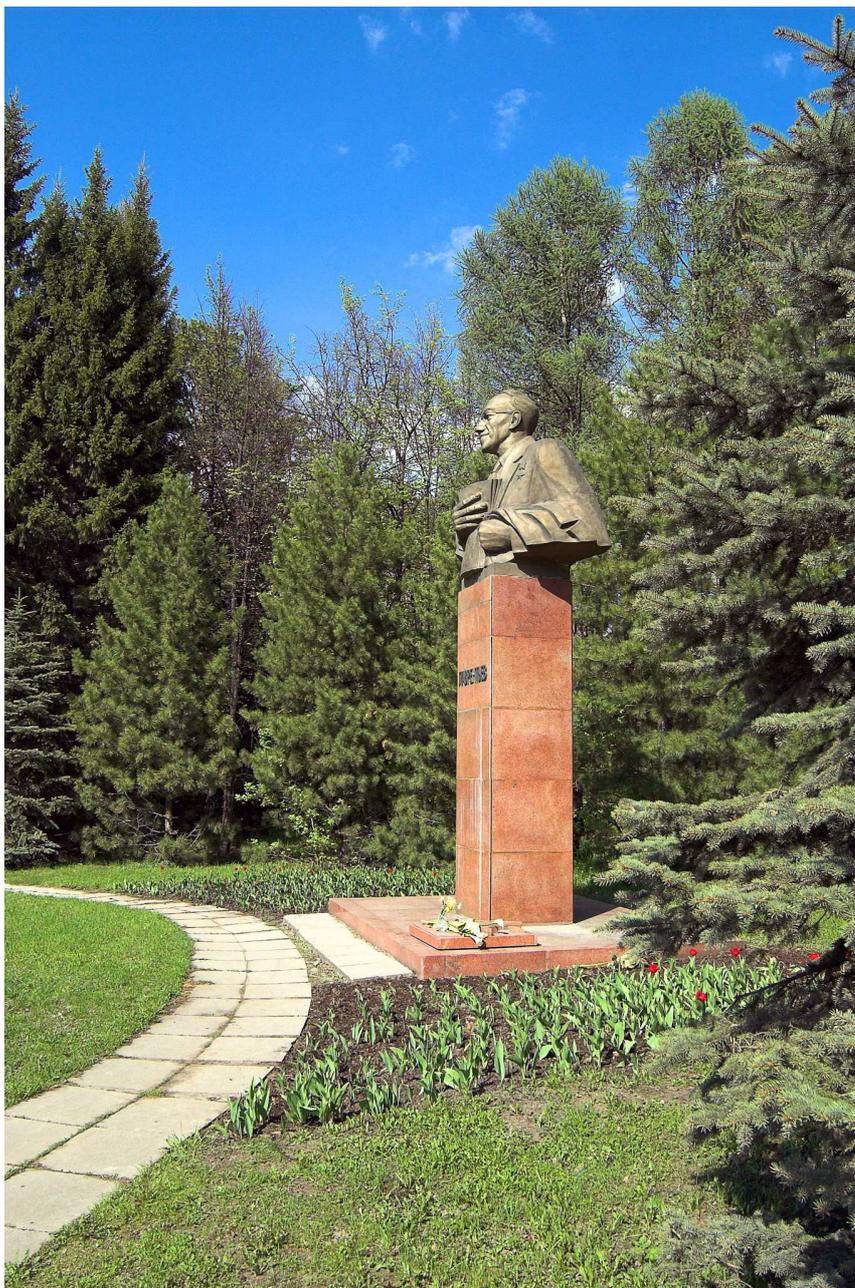

Рис. 2. Памятник основателю Сибирского отделения АН СССР – РАН академику Михаилу Алексеевичу Лаврентьеву

Заслуга М. А. Лаврентьева как первого председателя Сибирского отделения состоит в организации крупного научного центра в Сибири, в котором были созданы условия для развития междисциплинарных исследований, внедрения научных результатов в практику, подготовки кадров⁷.

На проспекте Академика Лаврентьева находится первый созданный в строящемся Академгородке институт – Институт гидродинамики, который носит имя М. А. Лаврентьева. Институт создан Постановлением Президиума Академии наук СССР от 7 июня 1957 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 18 мая 1957 г. в целях усиления научных исследований в области физико-технических, естественных наук и быстрого развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока. В настоящее время в Институте работают три академика, два члена-корреспондента

⁷ Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / Сост. Е. Г. Водичев, Г. М. Запорожченко, О. Н. Калинина и др. Новосибирск, 2007. С. 159–151.

РАН, 60 докторов и 75 кандидатов наук. Всего в Институте гидродинамики в различные периоды его деятельности работали девять академиков, шесть членов-корреспондентов РАН, пять лауреатов Ленинских премий, 14 лауреатов Государственных премий, семь лауреатов Премий Правительства, девять лауреатов Премий Ленинского комсомола и 11 лауреатов академических премий. Наиболее значимые научные результаты сотрудников Института связаны с разработкой методов исследования механики и динамики сплошных сред и газожидкостных систем, физики взрывных процессов, взрывного тушения мощных газовых и нефтяных пожаров, детонационного нанесения различных покрытий и т. д.⁸ (Рис. 1).

М. А. Лаврентьеву обязаны своим возникновением в Академгородке многие другие институты, расположенные на проспекте, носящие имена своих основателей – создателей научных школ на сибирской земле: Институт теплофизики им. С.С. Кутателадзе, Институт неорганической химии им. В. Н. Николаева, Институт физики полупроводников им. А. В. Ржанова, Институт ядерной физики им. Г. И. Будкера, Институт катализа им. Г. К. Борескова, Институт систем информатики им. А. П. Ершова, Институт органической химии им. Н.Н. Ворожцова, Институт ядерной физики им. Г. И. Будкера.

На проспекте и прилегающей «территории большой науки» установлены памятники академикам М. А. Лаврентьеву (Рис. 2), В. А. Коптюгу, А. А. Трофимуку (в Институте нефтегазовой геологии и геофизики), Д. К. Беляеву. На зданиях институтов установлены мемориальные доски в честь работавших в них ученых. Кроме того, тропинки, соединяющие институты, названы именами известных ученых: А. П. Ершова, Д. К. Беляева, Л. М. Горюшкина, В. В. Войцеховского, К. И. Замаараева, К. К. Свиташева, И. Н. Векуа, М. А. Гольдштика, Ю. А. Дядина.

Идея о проспекте Лаврентьева как самой «умной» улице мира послужила основой метафорического представления научной части Академгородка музейными средствами на площадках двух музейных подразделений Института истории СО РАН – сектора «Музей СО РАН» и научно-исследовательская группы «Музей науки и техники СО РАН».

Музей науки и техники – победитель первого Всероссийского грантового конкурса «Научный музей в XXI веке» – представляет историю вычислительной техники, достижения сибирских ученых в области информационных технологий. В 2006 г. Музей получил постоянное помещение площадью около 150 кв. м., на которой при помощи благотворительного Фонда некоммерческих программ Д. Б. Зимина «Династия»⁹ был осуществлен архитектурно-дизайнерский проект под названием «Площадь науки». В музейной экспозиции «Площадь науки» стенды, подиумы и баннеры отображают реальности Новосибирского Академгородка с ясно различимыми улицами, Вычислительным центром, Технопарком, уходящим вдаль проспектом Лаврентьева. Применение системы дистанционного управления освещением стендов-зданий и экспозиционных зон придает метафоре завершенный вид и вызывает ощущение прогулки по научному городку, что нравится всем посетителям музея (Рис. 3).

Сектор «Музей СО РАН» занимается перспективным проектом формирования новационного коммуникационного пространства (музея) на основе освоения научного наследия. Он создает в Институте высокотехнологичную экспозицию, представляющую историю и современные процессы функционирования науки в Сибирском регионе, развития Новосибирского научного центра как центра науки (СО РАН), образования (Национальный исследовательский Новосибирский государственный университет), инноваций («Технопарк»), используя в качестве концептуального и архитектурно-художественного решения

⁸ Институт гидродинамики: люди, дела, даты... / Отв. ред. А. А. Васильев; Новосибирск, 2017. 674 с.

⁹ Фонд «Династия» – первый в постсоветской России некоммерческий фонд социальных инвестиций, основанный Д.Б. Зиминим с целью поддержки и развития российской фундаментальной науки. Действовал в 2001–2015 гг.

образ проспекта Лаврентьева с расположенными на нем институтами и прилегающей территорией науки (Рис. 4).

Рис. 3. В Музее науки и техники Сибирского отделения РАН

Рис. 4. В Музее СО РАН

Рис. 5. Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Рис. 6. Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера Сибирского отделения РАН

Рис. 7. Новосибирский Институт неорганической химии им. Н.Н. Ворожцова Сибирского отделения РАН

Рис. 8. Институт катализа им. Г.К. Борескова Сибирского отделения РАН

История создания и развития институтов СО РАН, Новосибирского научного центра в российском и международном контексте нашла отражение в серии статей Н. А. Куперштох «Шесть десятилетий академической науки в Сибири»¹⁰. Информацию обо всех институтах, в том числе расположенных на проспекте Лаврентьева, содержит Справочный атлас СО РАН. На его основе приведем примеры современного позиционирования институтов с адресом проспект Лаврентьева, отметивших в 2018 г. свое 60-летие¹¹.

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук занимается методологией и методикой проектной экономики и проблемно-ориентированного регионального стратегического планирования; разрабатывает агент-ориентированную модель экономического пространства современной России; дает оценку развития экономики знаний и человеческого потенциала Сибири (Рис. 5). Институт ядерной физики им. Г. И. Будкера СО РАН широко известен исследованиями в областях: ядерной физики, физики элементарных частиц и фундаментальных взаимодействий, физики и техники ускорителей заряженных частиц, источников синхротронного излучения и лазеров на свободных электронах, физики плазмы. В настоящее время активно осуществляется развитие исследовательского и технологического потенциала в области физики ускорителей, физики элементарных частиц и управляемого термоядерного синтеза для науки и общества (Рис. 6). Новосибирский институт органической химии им. Н. Н. Ворожцова СО РАН занимается проблемами органической химии, синтеза, стабильных тритильных и нитроксильных радикалов, полифторароматических и природных соединений, медицинской химии, фармакологическими исследованиями, имеет аналитический центр, опытное производство. Институтом разработаны методы синтеза функциональных материалов (оптических, фотополимерных, для органической электроники), спиновых меток, биологически активных веществ и новые лекарственные формы. (Рис. 7). Институт катализа им. Г. К. Борескова СО РАН успешно осуществляет исследование природы каталитического действия и разработку научных основ приготовления катализаторов; создание высокоэффективных, селективных катализаторов; отработку каталитических технологий в промышленных условиях. Институтом созданы каталитические методы глубокой переработки углеводородного сырья и возобновляемых ресурсов и селективные катализаторы для процессов нефтехимии и органического синтеза (Рис. 8). Отметим, что на протяжении 20 лет (1995–2015) институтом руководил академик В. Н. Пармон, крупный специалист в области катализа и фотосинтеза, нетрадиционных источников энергии. Являясь в настоящее время Председателем СО РАН, он, в частности, отмечает: «Создавая катализаторы и каталитические технологии нового поколения, мы способствуем техническому прогрессу, экологической безопасности и экономической независимости России»¹².

На расширенном заседании президиума СО РАН 21 мая 2018 г. врио губернатора Новосибирской области А. А. Травников отметил, что он видит в качестве одного из трех главных приоритетов Новосибирской области развитие Новосибирского Академгородка. В действительности и Новосибирский научный центр (ННЦ), и Академгородок – понятия широкие, которые все понимают по-разному. Здесь важна цель и задачи, а не территории. В Новосибирской области присутствует уникальная для страны и для мира агломерация науки¹³.

¹⁰ Куперштох Н. А. Шесть десятилетий академической науки в Сибири: СО АН СССР в советский период // История науки и техники. 2017. № 2. С. 3–14; Она же. Шесть десятилетий академической науки в Сибири: СО РАН в эпоху перемен // История науки и техники. 2017. № 4. С. 2–14.

¹¹ Российская академия наук. Сибирское отделение. Справочный атлас / под ред. акад. М. Эпова и чл.-корр. РАН Д. Марковича; сост. А. Соболевский. Новосибирск, 2018.

¹² Институт катализа им. Г. К. Борескова. 1958–2018. От фундаментальных исследований к промышленным технологиям: информ. изд-е.

¹³ Поручения президента РФ: Академгородок 2.0 и силиконовая тайга // Наука в Сибири. 2018. 21 мая.

Роль личности академика Лаврентьева в истории создания и развития, перспективах Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирского научного центра беспрецедентна. В настоящее время его научно-организационный вклад в российскую и мировую науки получает новое звучание, влияние на формирование исторического и патриотического сознания населения. Научно-информационная разработка сектора «Музей СО РАН» по представлению проспекта Академика Лаврентьева как самой «умной» улицы мира может быть использована в современных социогуманитарных технологиях для обеспечения имиджа Новосибирского Академгородка как центра притяжения региональной, российской и мировой науки, продвижения проекта «Сибирский наукополис».

Список литературы

Век Лаврентьева / под ред. *Н.Л. Добрецова, Г.И. Марчука*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. 456 с.

Шелегина О. Н., Куперитох Н. А., Запорожченко Г. М., Покровский Н. Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 117–123.

Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / Сост. Е. Г. Водичев, Г. М. Запорожченко, О. Н. Калинина и др. Новосибирск: Наука, 2007. 603 с.

Институт гидродинамики: люди, дела, даты... / Отв. ред. А. А. Васильев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гидродинамики им. М. А. Лаврентьева. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2017. 674 с.

Куперитох Н. А. Шесть десятилетий академической науки в Сибири: СО АН СССР в советский период // История науки и техники. 2017. № 2. С. 3–14.

Куперитох Н. А. Шесть десятилетий академической науки в Сибири: СО РАН в эпоху перемен // История науки и техники. 2017. № 4. С. 2–14.

Российская академия наук. Сибирское отделение. Справочный атлас / под ред. акад. *М. Энова* и чл.-корр. РАН *Д. Марковича*; сост. А. Соболевский. Новосибирск: Издательский Дом «Вояж», 2018. 41 с.

N. N. Pokrovsky*, O. N. Shelegina*, G. M. Zaporozhchenko* Academic Lavrentyev Avenue – the Most “Clever” Street in the World

The historical experience acquired during creation of Siberian Branch of the Russian Academy of Science (SB RAS) including ideas of the first chairmen – Academic M. A. Lavrentyev is currently used for the development of ambitious mega-projects “Akademgorodok 2.0” and “Siberian Technopolis”. The goal of this article is to introduce in scientific circulation the idea of representing the Academic Lavrentyev Avenue as the most “clever” street in the world (based on the Guinness World Records). This idea was developed by the researchers from the department “Museum of SB RAS”. The article focuses on forming new creative ways to popularize prominent persons in the history of Russian and world sciences, and on including some forms of public memory into modern sociocultural context.

Keywords: Academic M. A. Lavrentyev, Siberian Division of the Russian Academy of Science, Akademgorodok in Novosibirsk, Academic Lavrentyev Avenue, scientific and cultural legacy, science popularization

Статья поступила в редакцию 10.07.2018

* **Pokrovsky Nikolay N.** – Candidate of Sciences (History), Senior researcher, Institute of history of Siberian branch of RAS. E-mail: pokrov@li.ru

** **Shelegina Olga N.** – Doctor of Sciences (History), Leading researcher, Institute of history of Siberian branch of RAS. E-mail: oshelegina@yandex.ru

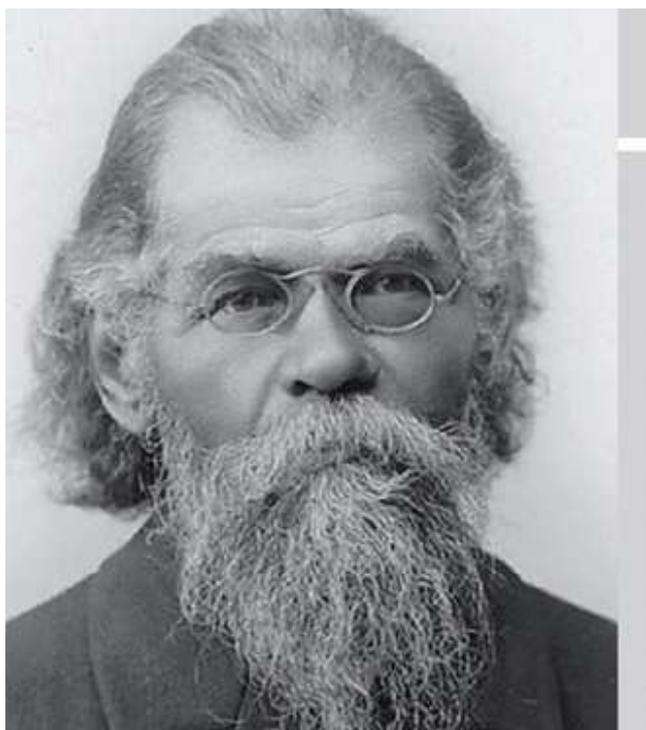
*** **Zaporozhchenko Galina M.** – Doctor of Sciences (History), Leading researcher, Institute of history of Siberian branch of RAS. E-mail: galinakoop@yandex.ru

Д. А. Ананьев¹

Сибирское областничество (1860-е гг. – начало XX в.) в оценках англоязычной и немецкоязычной историографии

В статье рассмотрены основные работы зарубежных исследователей сибирского областничества (представителей американской, канадской и немецкой историографии), оценивается их вклад в изучение темы. Установлено, что в работах англо- и немецкоязычных исследователей (С. Уотруса, В. Фауста, Г. Хэнсона, Д. фон Мореншильда, Н. Перейры, С. Штуха, Д. Рэйнбоу), в значительной мере усвоивших достижения отечественной историографии, а в последние десятилетия – активно работавших в российских архивах, рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с историей сибирского областничества. Для зарубежных историков характерно представление о выдающейся роли, которую играло сибирское областничество в культурной и общественно-политической жизни региона. Признавая, что не все из поставленных областниками целей были достигнуты, западные исследователи все же убеждены, что изменения, происходившие в Сибири на рубеже XIX–XX вв. и способствовавшие ее вступлению на путь современного развития, были во многом заслугой и результатом деятельности «сибирских патриотов».

Ключевые слова: сибирское областничество, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, регионализм, региональное сознание, региональная идентичность

Г. Н. Потанин

Н. М. Ядринцев

Заметным явлением в истории Сибири второй половины XIX – начала XX вв. стало «сибирское областничество» – общественно-политическое и культурное движение, сторонники которого добивались для своего родного края прав, свобод и возможностей, которыми пользовалось население Европейской России и, вместе с тем, отстаивали идею более самостоятельного, автономного развития Сибири, с учетом ее географических, социально-экономических и культурных особенностей.

¹ **Ананьев Денис Анатольевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: denis.ananyev@history.nsc.ru

С деятельностью областников неразрывно связана история сибирской науки и образования, становления периодической печати, формирования элементов гражданского общества и деятельности партийных организаций и политических группировок в Сибири в дореволюционный период². Значительный интерес для историков-сибиреведов представляют взгляды областников на правительственную политику в отношении региона, характер эксплуатации природных ресурсов, проблемы русско-аборигенных отношений, роль казачества и ссылки в жизни региона. На теоретическом уровне исследование данной темы предполагает анализ и уточнение содержания таких понятий как «регионализм», «региональное сознание», «региональная идентичность» и др.

Изучение истории сибирского областничества началось еще в дореволюционный период, благодаря усилиям самих представителей данного общественного течения (Г. Н. Потанина, К. В. Дубровского, А. В. Адрианова, Н. Н. Козьмина и др.). Наряду с историками-эмигрантами, советскими и российскими исследователями, определенный вклад в разработку проблем, связанных с областничеством, внесли западные специалисты – в первую очередь, представители американской, канадской и немецкой историографии. Цель данной статьи – рассмотреть основные работы зарубежных исследователей сибирского областничества, оценить их вклад в изучение данной темы.

В США одним из первых к изучению проблем «сибирского регионализма» обратился С. Д. Уотрус, защитивший в 1970 г. в Университете Вашингтона диссертацию на тему «Российская «страна будущего»: регионализм и пробуждение Сибири, 1819–1894»³. Американский историк предпринял исследование, посвященное истории формирования регионального сознания в Сибири в течение XIX в.: начиная с 1819 г., когда в Сибирь в качестве генерал-губернатора прибыл М. М. Сперанский, и до смерти лидера сибирских областников Н. М. Ядринцева в 1894 г. (что, по замечанию автора, примерно совпало по времени со строительством Транссибирской магистрали и началом массового притока переселенцев в Сибирь).

По признанию С. Уотруса, приступая к работе, он руководствовался давним призывом Ф. Дж. Тернера сравнить методы заселения американского «фронта» с теми методами колонизации, что использовались в России, Германии и британских колониях в Канаде, Австралии и Африке. Однако, по мнению исследователя, такое сравнение необходимо предварить более глубоким изучением местных особенностей и, если речь идет о Сибири, выяснить, как в регионе возник «мыслящий элемент», способный к самоанализу и сравнению сибирского исторического опыта с американским. Убедившись, что сибирские интеллектуалы XIX – начала XX вв. (и в их числе – областники) не только хорошо осознавали известное сходство процессов экспансии и колонизации Северной Азии и Северной Америки, но и прямо называли Сибирь «русской колонией», С. Уотрус пришел к выводу, что деятельность сибирских областников и идея «сибирского регионального сознания» более, чем любой другой фактор, способствовали «пробуждению» сибирского общества и восприятия им ценностей и взглядов эпохи «модерна»⁴.

Впервые в англоязычной историографии С. Уотрус достаточно подробно представил биографии ведущих представителей движения – Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина. Значительная часть материала, использованного в диссертации, почерпнута автором в биографических трудах Н. А. Абрамова, Н. А. Аристовой, И. А. Якушевой, Н. Н. Козьмина, М. К. Лемке, В. А. Обручева, И. И. Попова, А. Н. Пыпина и др. Не имея возможности

² Шоловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 4.

³ Watrous S. D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894: PhD. thesis. University of Washington. – Seattle, 1970; Watrous S. D. Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. New York, 1993. P. 113–132.

⁴ Watrous S. D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894: PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970. P. IV-IX

ознакомиться с публикациями областников в сибирской периодике, историк ограничился использованием тех работ, которые увидели свет на страницах столичных изданий.

Исследование разделено на три основных части. В первой дается обзор истории развития сибирского общества до начала 1860-х гг., анализируется влияние «прогрессивных администраторов», политических ссыльных, местной интеллектуальной элиты на сибирское общество в целом; развитие федералистской мысли в России до появления сибирского областнического движения. Во второй части излагается история возникновения и развития движения в царствование Александра II, в биографическом и хронологическом ракурсах. Третья часть посвящена 1880-м – первой половине 1890-х гг., когда областническое движение достигло своего пика; основной акцент делается на рассмотрении деятельности Н. М. Ядринцева.

Называя реформу 1822 г. отправной точкой в «современной» истории региона, исследователь полагает, что именно общественная инициатива и административные реформы М. М. Сперанского заставили Сибирь двигаться в сторону более «прогрессивных» институтов и «продвинутых западных идей» и мыслящего общества, которое занимали вопросы идентичности региона и более подходящего для него места в мире. Следующий этап – 1830-е гг., отмечен пробуждением «местного патриотизма», что нашло воплощение, в частности, в деятельности П. А. Словцова («первого сибирского историка», по определению С. Уотруса). В числе тех, кто оказал влияние на сибирских областников, американский исследователь (вслед за С. Г. Сватиковым⁵) упоминает ссыльных поляков – например, В. Журавского, открыто призывавшего к отделению Сибири от России.

В диссертации С. Уотрус использует термин «сибирский регионализм» и подчеркивает, что в течение большей части XIX в. термин «областничество» не использовался ни жителями Европейской России, ни сибиряками; как не использовался в Сибири и термин «областность», предложенный в свое время А.П. Щаповым для характеристики общественно-политического устройства русских земель до складывания централизованного государства⁶. До начала 1890-х гг. общеупотребительными являлись понятия «сибирский патриотизм» или «местный патриотизм», и только в 1890-х гг. Н. М. Ядринцев начал использовать термины «областной» и «областник».

Определяя понятие «регионализм» как «осознание и приверженность конкретной субнациональной или сверхнациональной территории, которая обычно характеризуется общей культурой, историей или интересами», С. Уотрус приходит к выводу, что для «сибирского регионализма» был характерен «субнациональный» аспект. Сибиряки не рассматривали себя ни как отдельную национальность (в этническом и языковом аспектах), ни тем более как самостоятельную нацию (в культурном или политическом отношении), а лишь считали себя региональной разновидностью великороссов, со своими территориальными, социальными и историческими отличиями (как писал Г. Н. Потанин, в основе «сибирской идеи» лежит исключительно территориальный принцип). Соответственно, «сибирский регионализм» нельзя считать разновидностью «национализма», хотя оба явления объединяло стремление пробудить в людях чувство общей идентичности и подтолкнуть к осознанию своего места и судьбы в истории и мире.

В общем и целом, областники считали себя патриотами, отражая основной мотив своей деятельности – любовь к краю. Впрочем, С. Уотрус подчеркивает, что сибирское областничество всегда было чем-то большим, нежели просто местным патриотизмом или партикуляризмом. Историк характеризует данное движение как «вестернизирующий феномен», поскольку его представители рассчитывали на прогрессивное культурное и институциональное влияние Европы на Сибирь. Многие областники придавали особое значение тем характеристикам Сибири, которые, по их мнению, делали ее похожей на Север-

⁵ Сватиков Г. С. Россия и Сибирь. (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1929. С.97.

⁶ Watrous S. D. Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. New York, 1993. P. 117.

ную Америку с точки зрения экспансии и колонизации. Более того, иногда проводились аналогии между Сибирью и Британской Колумбией, Австралией, тринадцатью британскими колониями в XVII–XVIII вв. Вместе с тем, С. Уотрус указывает и на определенную близость «сибирских патриотов» к народникам⁷.

С. Уотрус перечисляет основные факторы, способствовавшие возникновению и развитию «сибирского регионализма», в их числе: крайняя удаленность Сибири от столиц и обусловленное этим всевластие местных администраторов; наличие относительно свободных земель для колонизации; довольно многочисленное аборигенное население; большая доля ссыльных; эксплуатация природных ресурсов в пользу «метрополии»; отсутствие крепостного права и поместного дворянства; относительно прочное положение купечества; довольно зажиточное, индивидуалистически и «демократически» настроенное крестьянство (в этой связи областниками обсуждался вопрос о «сибиряке» как «региональном типе» великоросса); отсутствие некоторых культурных традиций, характерных для населения Европейской России. Немаловажным фактором историк считает само наличие привычного географического названия региона – «Сибирь», не только выделявшего его в составе России, но и в известном смысле отделявшего от нее. Показательно, что на рубеже XIX–XX вв. власти предписывали использовать термин «Азиатская Россия», понимая, что официальное употребление топонима «Сибирь» косвенно способствует автономистским и даже сепаратистским настроениям за Уралом.

Формулируя свою миссию и собственное видение будущего развития Сибири, областники пытались вызвать в сибирском обществе чувство патриотического и гражданского долга, понимание своих главных интересов, побудить сибиряков к социальному действию. Для того чтобы сбросить с Сибири «кандалы» «колониального» статуса областниками предлагались различные альтернативы. Наиболее радикальное, экстремальное решение заключалось в полном политическом отделении от России, отчасти по образцу североамериканских колоний, хотя историк отмечает, что сепаратистские устремления были характерны для областничества лишь на начальном этапе его существования. Вторая альтернатива (тоже вполне радикальная, особенно в российском контексте) заключалась в установлении автономного (или доминионного) статуса для Сибири в составе Российской империи или, что предпочтительнее, в составе федерации штатов.

В связи с этим С. Уотрус обращает внимание на эволюцию взглядов Г. Н. Потанина на содержание термина «сепаратизм». В середине 1860-х гг. лидер областников разделял понятия «местный патриотизм» и «сепаратизм» – последний был лишь радикальным проявлением первого. В середине XIX в. Г. Н. Потанин связывал с «сепаратизмом» все те негативные явления (ссылку, эксплуатацию природных ресурсов, отсутствие университета и земств, устаревшую судебную систему), которые «отделяли» Сибирь от России вследствие пренебрежительного отношения к региону со стороны правительства. В период Первой русской революции 1905–1907 гг. «сепаратизм» трактовался им лишь как синоним понятия «отдельность», как известная степень автономного культурного, экономического и политического развития, хотя такой «сепаратизм» (как элемент областнического движения) следовало отличать от радикального политического сепаратизма.

С. Уотрус приходит к выводу, что после смерти Н. М. Ядринцева в 1894 г. областничество по форме и содержанию уже не было доминирующим интеллектуальным течением среди местной интеллигенции. Тому способствовали многие факторы – строительство

⁷ С. Уотрус полагает, что в отличие от народников областники не могли уповать на некий традиционный сибирский институт (аналог крестьянской общины, «мира» в Европейской России), чтобы связать с ним надежды на возрождение региона. Вместе с тем, по замечанию М. В. Шиловского, в середине 1870-х гг. Г. Н. Потанин, развивая идеи П. Ж. Прудона, пытался связать понятие «область» с генезисом общины, которая будет развиваться вширь, захватывать все новые территории и добьется автономного статуса. Образцом такой общины Г. Н. Потанин считал Уральское казачье войско. С. Уотрус также признает, что Потанин ближе всех к сибирякам ставил казаков Урала, которых объединяла с великороссами общность языка и веры, а разделяли – исторические традиции, особенности хозяйственного уклада и социальной структуры.

Транссиба; приток крестьян-переселенцев и формирование рабочего класса в городах вдоль железной дороги; появление многочисленных ссыльных марксистов, которые принесли с собой первую из идеологических альтернатив областничеству. К тому времени, когда под влиянием этих новых процессов началась трансформация Сибири в экономическом, демографическом и политическом отношениях, сибирское общество уже «пробудилось». К 1900 г. влияние современных идей и институтов, изначально породивших областническое движение, изменило общественную и городскую жизнь Сибири в значительно большей степени, чем это поначалу ожидали лидеры областничества.

В итоге американский историк приходит к выводу, что рассматриваемое течение общественной мысли вызвало надежды на будущее Сибири, которые затем не нашли подтверждения ни в настоящем, ни в будущем. Однако С. Уотрус призывает не воспринимать областников ни как пророков, чьи пророчества не сбылись, ни как утопистов, но лишь как людей, любивших свой край (и страну) и делавших все возможное, чтобы служить его текущим нуждам, а также способствовать улучшению его внешнего облика и развитию его потенциала.

В 1970-х гг. к изучению начального этапа истории областничества обратились американские историки Г. Хэнсон и Д. фон Мореншильдт⁸, по-разному оценивавшие характер взаимоотношений членов сибирского землячества с А. П. Щаповым и революционными народниками. Так, если Г. Хэнсон согласился с гипотезой советского исследователя С. Ф. Коваля о том, что в 1863-1865 гг. сибирские кружки поддерживали тесные контакты с народниками (равно как с ссыльными поляками) и разделяли многие их лозунги, то Д. фон Мореншильдт считал, что действительный характер взаимоотношений между областниками и революционными кружками до сих пор не прояснен.

По мнению Д. фон Мореншильдта, необходимо также более тщательно изучить биографию А. П. Щапова, особенно последний период его жизни; более основательно проанализировать эволюцию его общественно-политических взглядов. Вслед за Н. М. Ядринцевым, американский историк готов признать, что влияние А. П. Щапова на областников было первостепенным. Общими для федералистской теории А. П. Щапова и областнической концепции стали детерминистские идеи об определяющем влиянии природно-климатического фактора на формирование социума. С областниками А. П. Щапова объединял повышенный интерес к вопросам научного изучения Сибири и просвещения народных масс; к проблемам взаимоотношений русского и коренного населения, в том числе, вопросу об ассимиляции инородцев и появлении особого антропологического типа сибиряка.

Наибольший отклик среди членов сибирского землячества вызывали идеи регионализма, федерализма, местного самоуправления, которые отстаивал А. П. Щапов. Вместе с тем, американский историк подчеркивает, что, выступая против излишней централизации, нерационального использования природных богатств Сибири, указывая на необходимость решения сибирских проблем в самом регионе, А. П. Щапов никогда не выдвигал лозунг о его отделении от России. К тому же, после 1865 г. в работах А. П. Щапова политика центрального правительства за Уралом оценивалась не столь негативно.

В Германии центром изучения сибирского областничества стал Кельнский университет. В 1962 г. диссертацию, посвященную научному наследию А. П. Щапова, здесь защитил Й. Вахендорф⁹. В условиях возросшего интереса европейской общественности к про-

⁸ *Hanson G. A. Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD Thesis. University of Wisconsin, 1971; Hanson G. A. "Siberian Regionalism in the 1860s," Topic 27 (1974). P. 62–75; Mohrenschildt D., von. Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // The Russian Review. Vol. 37, No. 4 (Oct., 1978). P. 387–404; Mohrenschildt D., von. Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth century. Rutherford; London; Toronto, 1981.*

⁹ *Wachendorf J. Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Schchapov. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität zu Köln. 1964.*

блемам регионализма другой выпускник университета и ученик Г. Штекля Вольфганг Фауст защитил в 1980 г. диссертацию под названием «“Золотое дно” России: сибирское областничество во второй половине XIX века»¹⁰. Ссылаясь на статью Д. Герхарда, опубликованную в начале 1950-х гг.¹¹, В. Фауст оспорил распространенный в западной историографии тезис о том, что основным направлением политики русских царей на протяжении многих веков было подавление местного своеобразия и нивелировка региональных особенностей. Такую интерпретацию русской истории нельзя не признать крайне односторонней, однако она объясняет, почему западные историки столь мало интересовались историческими судьбами российских окраин. Следуя призыву К. Герке, прозвучавшему в конце 1970-х гг., немецкий исследователь предпринял попытку изучить феномен «регионализма» на сибирском историческом материале¹².

По заключению В. Фауста, не только западные, но и советские историки долгое время не уделяли должного внимания теме сибирского «регионализма», что объяснялось влиянием идеологических факторов, а также стремлением увязать исторический прогресс с централизаторскими тенденциями. По мнению историков-марксистов, «областничество» второй половины XIX в. служило преградой на пути революционного движения, разворачивавшегося в масштабах всей России, и по этой причине рассматривалось как «реакционная буржуазная идеология». Несмотря на то, что в первые годы советской власти предпринимались попытки пересмотреть роль «областничества», в 1930-е гг. отношение к данному общественно-политическому течению оставалось негативным. Новый всплеск интереса к теме последовал лишь в послевоенные десятилетия.

В отличие от Д. Уотруса, не имевшего доступа к западносибирской периодике второй половины XIX в., В. Фауст использовал более широкий круг источников, в т. ч. многочисленные публикации «областников» (прежде всего Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, С. С. Шашкова) в сибирской периодической печати. Анализ отдельных проблем и идей «областников» в диссертации сопровождается обстоятельным изучением их биографий, что позволило лучше понять многие «поворотные моменты» в эволюции их воззрений. В. Фауст рассматривает историю взаимоотношений «областников» с революционными демократами и народниками, в частности, «идейные соприкосновения» с А. И. Герценом, М. А. Бакуниним, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Д. И. Писаревым, П. Л. Лавровым; подчеркивает связь между отдельными идеями «областничества» и учениями французских социалистов, американских, английских и немецких экономистов и историков (что почти не рассматривалось в советской историографии и в работе Д. Уотруса). Идея борьбы за просвещение, вера в силу науки объединяла «областников» не только с учениями радикалов и социалистов, но и с философией позитивизма Г. Спенсера, О. Конта, Г. Т. Бокля.

Истоки «областничества» В. Фауст вслед за М. А. Рубач (как и Д. фон Мореншильдт) усматривает в трудах А. П. Щапова и федералистских идеях Н. И. Костомарова. Анализируя взгляды «областников» на крестьянскую общину и процесс индустриализации, историк стремится показать, что данное общественно-политическое движение не умещалось в простую схему, требующую отнести его либо к народнической, либо к буржуазно-либеральной идеологии. Убедительным представляется вывод В. Фауста о том, что «областничество» нельзя строго разделить на «политическое», «экономическое» и «культурное» направления; все эти элементы сосуществовали в неразрывной связи, и в разное время любой из них мог выйти на первый план.

Немецкий историк не сомневается в сепаратистских устремлениях «областников» на раннем этапе (1860-е гг.), но видит в них скорее проявления «политической неуверенно-

¹⁰ Faust W. Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Haelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980.

¹¹ Gerhard D. Regionalismus und staendisches Wesenalsein Grundthema europaeischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. Vol. 174. S. 307–337.

¹² Goehrke C. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorueberlegungen fuer eine kuenftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropaeischen Geschichte. Berlin, 1978. Bd. 25. S. 75–107.

сти и признак нетвердых политических убеждений», нежели серьезную тактику борьбы с царизмом¹³. В современной отечественной историографии данный вывод убедительно опровергает известный исследователь «областничества» М. В. Шиловский¹⁴.

В целом В. Фауст приходит к справедливому выводу о том, что без изучения истории «областничества» трудно понять историю «модернизации» и «европеизации» (по сути, «колонизации») Сибири. Историк полагает, что именно идея «сибирского патриотизма» сыграла решающую роль в культурной, политической и экономической интеграции региона в общеимперское пространство, поскольку способствовала преодолению «колониального прошлого»; впервые пробудила в сибирской общественности желание во всем сравняться с «метрополией»; создала предпосылки для действительного вступления Сибири в Новое время и заложила основы будущего мирового значения региона. Многие вопросы, поднятые в диссертации В. Фауста, получили куда более обстоятельное освещение в отечественной историографии, однако вклад немецкого историка не следует преуменьшать, поскольку его работа способствовала привлечению внимания западных исследователей к проблемам общественно-политического развития Сибири в пореформенную эпоху.

Другой выпускник Кельнского университета Стефан Штух посвятил свою диссертацию следующему по хронологии периоду истории сибирского областничества – началу XX века¹⁵. Ст. Штух использовал документы из фондов российских архивов (ЦГИА СПб., ГАТО, ГА РФ), материалы многочисленных периодических изданий («Алтайское дело» (1912–1916), «Алтай» (1911–1916), «Енисейская мысль» (1912–1915), «Жизнь Алтая» (1910–1916), «Забайкальская новь» (1907–1916), «Омский вестник» (1909–1916), «Сибирская жизнь» (1897–1917), «Сибирский листок» (1891–1917), «Сибирь» (1906–1916), «Восточное обозрение» (1888–1906), «Вестник Западной Сибири» (1910–1915)). В значительной мере немецкий исследователь опирался на работы советских и российских историков, прежде всего, М. В. Шиловского, Л. М. Горюшкина, М. Г. Сесюниной, И. М. Разгона¹⁶.

Преимущественное внимание в диссертации уделяется разработке теоретических и терминологических аспектов темы. По мнению Ст. Штуха, до сих пор исследователям не удалось четко отделить «сибирское областничество» от других общественно-политических групп в Сибири (например, кадетов или эсеров), равно как не удалось действительно поставить знак равенства (как это принято в западной науке) между «сибирским областничеством» и «регионализмом/сепаратизмом». В диссертации вместо термина «сибирское областничество» используется термин «регионализм», а понятию «областник» автор предпочитает термин «сибиорофил».

¹³ *Faust W.* RusslandsGoldenerBoden: Der sibirischeRegionalismus in der zweitenHaelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980. S.144.

¹⁴ По замечанию М. В. Шиловского, «сибирский сепаратизм» являлся синонимом дефиниции «сибирский патриотизм» и возник как самоназвание группы молодых сибиряков-разночинцев, решивших посвятить себя делу служения Сибири и в последующем получивших название областников; ... сепаратистская тенденция была приписана ранним областникам отдельными исследователями, так и не понявшими, какое содержание вносили представители движения в это понятие». См.: Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С.40.

¹⁵ В качестве научных консультантов Ст. Штуха выступили А. Каппелер и Д. Дальман. См.: *Stuch S.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003; *Stuch S.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003; *Stuch St.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*, Bd.51, H.4 (2003). S. 549–563.

¹⁶ *Разгон И. М.* Сибирское областничество в 1917 году. Программа и краткое содержание докладов. – Томск, 1964; *Разгон И. М., Бабикова Е. Н.* Об эволюции сибирского областничества в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С. 55–82; *Сесюнина М. Г.* К вопросу о возникновении сибирского областничества // Труды Томского государственного университета. Томск, 1965. Т. 158. С. 20–36; *Шиловский М. В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. Новосибирск, 1989; *Он же.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Областники. – Новосибирск, 1995; *Горюшкин Л. М.* Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СО АН СССР. 1991. № 1. С. 37–44.

Развивая идеи, обусловленные «культурным» и «пространственным поворотом» в историографии, немецкий исследователь замечает, что наряду с понятием «региона» как географической единицы существует понимание региона как социальной категории и «социально-структурированного пространства». Для того чтобы понять действительное значение областнических настроений в Сибири в начале XX в., Ст. Штух стремится выяснить, в какой степени и для какой части населения Сибирский регион в рассматриваемый исторический период являлся «ментальным пространством» и «пространством деятельности».

По определению Ст. Штуха, «регион» как «ментальное пространство» является «территориально-социальной структурой», занимающей промежуточное положение между непосредственно ощущаемым жизненным пространством индивида и национально-государственным образованием. Иными словами, «регион» есть ментальный конструкт, которому соответствует вполне конкретное содержание; условная «плоскость», на которую проецируются определенные желания и представления людей, даже если они в итоге так и не будут воплощены в реальность. Таким образом, принципиальное значение имеет осознание хотя бы частью населения своей связи с территорией, на которой оно проживает.

Признание своеобразия и единства региона в сравнении с другими областями или противопоставление с территориальным образованием, имеющим более высокий статус, Ст. Штух обозначает понятием «региональное сознание». По мнению историка, если в политическом дискурсе формулируются особые интересы региона (за которыми, в действительности, могут стоять интересы вполне конкретных групп населения), можно говорить о политическом «региональном движении». Чем лучше удастся отеснить на задний план конкурирующие "возможности идентификации" и превратить "регион" в главную "опорную точку", тем сильнее развернется региональное движение. Успех такого движения во многом будет зависеть от способности его участников освободить население от социальных или частных обязательств, равно как общегосударственных интересов, и повести за собой на основе региональных интересов.

Ст. Штух доказывает, что «региональное сознание» сформировалось в Сибири к началу XX в., и это, по словам историка, само по себе не может не вызывать удивления, если принять во внимание колоссальность географического пространства, его физическую гетерогенность, культурно-этническое многообразие населения, а также слабый уровень взаимодействия между различными социальными группами ввиду низкого уровня грамотности и недостаточно развитой сети коммуникаций. Более развитыми и устойчивыми были связи между образованными кругами сибирского общества (прежде всего, в городах), чему немало способствовала периодическая печать.

Немецкий исследователь перечисляет основные факторы, способствовавшие формированию регионального сознания. В их числе – распространение топонима «Сибирь» по мере продвижения русских на значительную часть североазиатских территорий; создание системы управления, представители которой рассматривали присоединенные территории как единое целое вплоть до XIX в.; формирование соответствующих ментальных образов Сибири (в сознании не только жителей региона, но и населения Европейской России – например, образ региона как «колонии»); сложившееся к началу XX в. представление о сибиряках как отдельном этносе с особым характером.

Менее значимым фактором исследователь считает развитие «сибирской культуры», которая в силу своей тесной зависимости от русской культуры мало способствовала осознанию регионального неравенства. Более существенным фактором являлось самосознание сибиряков, хотя оно не могло быть надежной основой для политической мобилизации всех жителей региона, поскольку относилось прежде всего к русскому населению, имевшему сибирские корни.

Немецкий историк убежден, что наиболее важной детерминантой регионального сознания к началу XX в. было «дискриминационное сознание», проявившееся в образе Сибири как «колонии» или «падчерицы» России и содержавшее в себе опыт, приобретенный общественной элитой Сибири в условиях автократической системы. «Сибирофилы» пола-

гали, что политический Центр откладывал важные реформы, призванные покончить с относительной отсталостью Сибири в сравнении с центральными регионами империи.

По мнению областников, ущемление интересов региона проявилось, прежде всего, в нежелании правительства распространить на Сибирь земскую реформу; в проводимой государством переселенческой политике; и, наконец, в сохранявшейся экономической зависимости Сибири от Европейской России. Значение, которое в Сибири придавалось проблемам самоуправления, проявилось, в частности, в общественном движении, которое привело к выработке в течение 1905 г. в общей сложности 18 проектов о сибирском земстве, поданных общественными организациями или городскими думами

Таким образом, в представлении Ст. Штуха возможности региональной «идентификации» определялись, в первую очередь, общим стремлением местной интеллигенции уравнивать сибирскую окраину в правах с регионами Европейской России, тогда как географические особенности и культурно-этническое многообразие населения имели меньшее значение.

Канадский историк Норман Перейра отнес время возникновения «сибирского регионального сознания» ко второй половине 1850-х – 1860-м гг., увязав его с деятельностью молодых «сибирских патриотов», вдохновленных федералистскими теориями Н. И. Костомарова и А. П. Щапова¹⁷. Важными факторами, способствовавшими формированию сибирского регионального сознания, по мнению историка, являлись: проявления радикального сепаратизма (на раннем этапе истории областничества); получившее широкое распространение в образованном обществе представление об уникальности Сибири, ее праве на особый путь развития; концепция Н. М. Ядринцева о «колониальном» статусе Сибири в составе Российского государства; теория Г. Н. Потанина об особенностях природно-климатических условий Сибири, повлиявших на возникновение в Сибири нового этнографического типа русского населения.

Канадский исследователь утверждает, что для областников¹⁸ был характерен легистский (отождествляющий право и закон) подход к определению автономии, нацеленный на создание Сибирской Областной Думы, в компетенцию которой должно было входить распоряжение всеми землями региона, составляющими часть государственного фонда; решение вопросов, связанных с местным бюджетным правом, народным образованием и здравоохранением, путями сообщения и тарифами, переселенческим движением, промышленностью, сельским хозяйством и др.¹⁹

С появлением на рубеже веков в России политических партий вопрос сибирского регионализма подвергся более широкому обсуждению²⁰. Почти всеми силами политического спектра, и правыми, и левыми, акцент делался на роли государства как двигателя прогресса в российской истории (как замечает канадский историк, «в целом направление русской политической мысли было удивительно однообразным, если не сказать гегельянским»). Таким образом, централизаторская тенденция, характерная для подавляющего

¹⁷ *Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988 (March). Vol. 30, № 1. P. 112–133.*

¹⁸ Н. Перейра подчеркивает, что под термином «областники» объединялись люди самых разных взглядов – автономисты, федералисты и даже сепаратисты.

¹⁹ Н. Перейра приводит перечень основных требований областников, ссылаясь на статью британского историка А. Вуда: 1) уничтожение системы ссылки; 2) упразднение внутренних таможенных барьеров; 3) развитие местной культуры и высшего образования; 4) организация помощи переселенцам; 5) улучшение условий жизни аборигенного населения. См.: *Wood A. Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo // Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert / ed. by Roger Bartlett. Keele, 1984. P. 42–66.*

²⁰ *Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. – 1988 (March). Vol. 30, № 1. P. 116.*

большинства политических партий, входила в противоречие с автономистскими устремлениями областников²¹.

Как пишет Н. Перейра, Первая русская революция 1905–1907 гг. естественным образом стимулировала новый подъем областнического движения. В конце августа 1905 г. в Томске состоялся съезд Сибирского областного союза, на котором был принят программный документ («Основные положения Сибирского областного союза»), подчеркивавший право региона на самоуправление²². Многие участники съезда выражали озабоченность по поводу того, что областническое движение не имело широкой поддержки в народе, его главной опорой оставалась местная интеллигенция. Г. Н. Потанин признавал, что идея Сибирской Областной Думы была по-прежнему чужда сибирскому крестьянству, хотя П. М. Головачев настаивал, что почти все сибиряки были областниками по своей сути.

По мнению Н. Перейры, слабость областников была очевидна и правительству; революция не изменила баланс сил в регионе, который даже не был должным образом представлен в Государственной Думе. В период гражданской войны население Сибири окончательно утратило интерес к идеям областников, отдав предпочтение «милитаризованному этатизму», а само областничество оказалось «разорванным» в водовороте межпартийной борьбы.

Американский историк Д. Рэйнбоу, ученик Я. Коцониса, защитил в 2013 г. в Университете Нью-Йорка диссертацию на тему «Сибирские патриоты: партиципаторная автократия и Российское имперское государство, 1858–1920»²³. Работа Д. Рэйнбоу стала первым на Западе обобщающим исследованием, посвященным всему периоду существования областнического движения. Научными консультантами и рецензентами исследователя выступили известные историки – Дж. Бербэнк, Б. Грант, Н. Найт, А. В. Ремнев, М. Фон Хаген, М. Бассин, С. Маркс, У. Сандерланд и др. Исследование написано на основе широкого круга источников, в том числе архивных материалов, которые автор изучал в Санкт-Петербурге, Москве, Омске, Иркутске, Нью-Йорке, Стэнфорде.

В диссертации история «сибирского областничества» исследуется в контексте общественно-политического развития Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Автор следует, прежде всего, в русле историографии "новой имперской истории", которая, по его определению, пытается выйти за пределы телеологических рамок, присущих доминировавшему в течение долгого времени «национальному» подходу к изучению истории эпохи «модерна» («империи порождают нации»). По словам Д. Рэйнбоу, парадигма «новой имперской истории» позволяет лучше понять, как империи управляли сами собой, как люди их воспринимали, и какие имперские практики и опыт сохранялись и развивались с течением времени, даже в советский период.

Д. Рэйнбоу не склонен полагать, что крушение самодержавия было предопределено, солидаризируясь с теми исследователями, кто пишет о вполне успешном развитии российского общества в позднеимперский период. По мнению Д. Рэйнбоу, это происходило не вопреки государству, а во многом благодаря ему, поскольку монархия пыталась заручиться поддержкой населения, конкурируя с революционными группами, частными компаниями, региональными и национальными патриотическими движениями. Изменения в

²¹ В отличие от С. Уотруса, который считал, что эсеры находились под сильным влиянием областников, Н. Перейра полагает, что характерной чертой ПСР было отсутствие устойчивой политики в отношении сибирского областничества. В частности, отстаиваемый эсерами принцип социализации земли не соответствовал как собственническим наклонностям крестьянства, так и автономистским устремлениям части сибирского населения.

²² В монографии М. В. Шиловского отмечается, что содержащийся в «Основных положениях...» тезис о Сибири как нераздельной части России фактически нивелировал автономистскую направленность документа. См.: *Шиловский М. В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 158.

²³ *Rainbow D.* Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013.

способах управления империей требовали все большего взаимодействия между государством и населением.

Для обозначения совокупности механизмов, с помощью которых самодержавное государство пыталось упрочить связи с населением и тем самым сохранить себя, американский историк использует термин «партиципаторная автократия». Одним из ее проявлений автор считает все большую зависимость самодержавного государства от помощи и участия экспертного сообщества в решении многих вопросов – научных, медицинских, этнографических, статистических, правовых и т. д. В свою очередь, экспертное сообщество делало возможным привлечение более широких слоев населения, хотя в условиях «партиципаторной автократии» монарх не отказывался от суверенной власти, а его легитимность никогда не зависела юридически от согласия его подданных. Д. Рэйнбоу показывает, что государство и социальные акторы могли сотрудничать, действовать совместно, преследуя при этом совершенно различные цели.

Основное внимание в диссертации уделяется проблеме взаимоотношений «областников» (сам Д. Рэйнбоу предпочитает называть их «сибирскими патриотами») с имперской властью в Сибири. Как отмечает автор, областники, отчасти вдохновленные колониальным опытом в обеих Америках, Индии и Австралии, трудились во имя «развития» и «прогресса» в Сибири, стремясь сделать ее более независимой от остальных частей империи. В течение рассматриваемого периода движение претерпело радикальную трансформацию: если в 1860-х гг. областников можно было охарактеризовать как «сепаратистов», то в 1918 г. они превратились в «государственников», боровшихся за территориальное единство империи в войне против большевиков.

Пытаясь объяснить эту трансформацию, Д. Рэйнбоу показывает, что критические высказывания «сибирских патриотов» в отношении империи с самого начала имели двойной смысл: сопротивляясь экспансии имперской власти, они в то же самое время требовали, чтобы империя создала условия, необходимые для сибирской автономии. Областники обращались к государству с просьбой о выработке и реализации «прогрессивной» политики, которая, по их мнению, должна была компенсировать последствия эксплуатации и пренебрежительного отношения к Сибири, демонстрируемого правительством на протяжении столетий.

Вообще, вслед за Ст. Штухом американский историк полагает, что в действительности представления об «особости» Сибири в большей степени явились следствием именно этого безразличия и небрежения со стороны властей, нежели результатом формирования специфической сибирской культуры и этнических процессов, как об этом писали областники²⁴. При этом Д. Рэйнбоу считает нецелесообразным характеризовать «сибирских патриотов» в терминах оппозиции и партийной политики, так как это не позволяет объяснить сотрудничество областников с государством и нежелание объединяться с любой из политических партий.

Зарождение такого сотрудничества автор усматривает уже в период следствия по делу «об отделении Сибири от России» (1865), когда «сепаратистов» обстоятельно расспрашивали о том, как, по их мнению, можно улучшить положение дел в Сибири. После ссылки областники сумели увлечь своими идеями местных администраторов; в первую очередь, это удалось сделать Н. М. Ядринцеву, которому покровительствовал генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков, поддержавший идею открытия университета в Томске. Далее Д. Рэйнбоу подробно рассматривает другие примеры взаимодействия власти и общества (в лице «сибирских патриотов»): участие областников в работе отделов ИРГО, организации и проведении статистических исследований (в частности, однодневной пере-

²⁴ Специальную главу диссертации Д. Рэйнбоу посвятил рассмотрению взглядов областников на проблемы этничности, национальности и расы. Д. Рэйнбоу полагает, что современным исследователям не следует игнорировать «расовые» концепции областников, поскольку их теоретические построения способствуют не разделению, а объединению разнородного населения региона.

писи в г. Омске в 1877 г.), обсуждение насущных проблем региона на страницах местных периодических изданий.

Наряду с «партиципаторной автократией» Д. Рэйнбоу исследует проблему «целостности империи». По словам историка, самодержавное государство преуспело в укреплении связей между имперским центром и населением Сибири, благодаря чему «целостность империи» с ее огромными азиатскими владениями удалось сохранить даже в период революций и гражданской войны. Д. Рэйнбоу приходит к выводу, что после 1917 г. Российское государство уже не было самодержавным, но, согласно распространенным в западной историографии представлениям, оставалось «имперским».

Таким образом, в работах англо- и немецкоязычных исследователей, в значительной мере усвоивших достижения отечественной историографии, а в последние десятилетия – активно работавших в российских архивах, рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с историей сибирского областничества (от зарождения идеологии течения и деятельности сибирских кружков в 1860-х гг. до активного участия областников в революционных событиях начала XX в.). Анализируя эволюцию общественно-политических воззрений областников (от более радикальных («сепаратистских») – в начале, до умеренно-либеральных – в конце рассматриваемого периода), западные исследователи опирались на теории «фронтиса» и «регионализма», «колонизации» и «колониализма», а также концепции, связанные с «культурным» и «пространственным поворотом» в исторической науке конца XX – начала XXI в.

Для зарубежных историков характерно представление о выдающейся роли, которую играло сибирское областничество в культурной и общественно-политической жизни региона. Признавая, что не все из поставленных областниками целей были достигнуты, западные исследователи все же убеждены, что изменения, происходившие в Сибири на рубеже XIX – XX вв. и способствовавшие ее вступлению на путь современного развития, были во многом заслугой и результатом деятельности «сибирских патриотов».

Список литературы

- Горюшкин Л. М.* Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СО АН СССР. 1991. № 1. С. 37–44.
- Коваль С. Ф.* Характер общественного движения 60-х годов XIX века в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг.: Сб. ст. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1967. С. 35–54.
- Разгон И. М.* Сибирское областничество в 1917 году // Программа и краткое содержание докладов объединенной научной сессии по вопросу «Предпосылки революции и установления советской власти в Сибири». Томск: Изд-во Томского ун-та, 1964. С. 61–65.
- Разгон И. М., Бабикова Е. Н.* Об эволюции сибирского областничества в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. С. 55–82.
- Сватиков Г. С.* Россия и Сибирь. (К истории сибирского областничества в XIX в.) Прага: Изд. общества сибиряков в ЧСР, 1929. 120 с.
- Сесюнина М. Г.* К вопросу о возникновении сибирского областничества // Труды Томского государственного университета. Томск, 1965. Т. 158. С. 20–36.
- Шиловский М. В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. 144 с.
- Шиловский М. В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Областники. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 136 с.
- Шиловский М. В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск: Сова, 2008. 270 с.
- Faust W.* Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Haelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980. 683 s.
- Gerhard D.* Regionalismus und staendisches Wesen als ein Grundthema europaeischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. Bd. 174. S. 307–337.
- Gyhrke C.* Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorueberlegungen fuer eine kuenftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropaeischen Geschichte. Berlin, 1978. Bd. 25. S. 75–107.
- Hanson G. A.* Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD thesis. University of Wisconsin, 1971. 716 p.

- Hanson G. A.* Siberian Regionalism in the 1860s. // *Topic 27* (1974): 62–75.
- Mohrenschildt D., von.* Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // *The Russian Review* Vol. 37, No. 4 (Oct., 1978). P. 387–404.
- Mohrenschildt D., von.* Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth century. Rutherford; London; Toronto, 1981. 305p.
- Pereira N. G. O.* Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // *Canadian Slavonic Papers*. – 1988 (March). – Vol. 30, № 1. P. 112–133.
- Rainbow D.* Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013. 404 p.
- Stuch S.* Regionalismus in Sibirienimfruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003. 353 p.
- Stuch St.* Regionalismus in Sibirienimfruehen 20. Jahrhundert // *Jahrbuecherfuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*, Bd.51, H.4 (2003). S. 549–563.
- Wachendorf J.* Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A. P. Schchapov. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität zu Koeln, 1964. 216 p.
- Watrous S. D.* Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894 : PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970. 774 p.
- Watrous S. D.* Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture* / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. – New York, 1993. S. 113–132.
- Wood A.* Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo // *Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert* / ed. by Roger Bartlett. – Keele, 1984. P. 42–66.

D. A. Anan'ev*
Siberian Regionalism (1860s – Early XX century)
in the English- and German-language Historiography

The article considers major works of foreign (American, Canadian and German) researchers of Siberian regionalism and evaluates their contribution to the study of this topic. It is established that foreign scholars (G. Hanson, D. von Mohrenschildt, N. Pereira etc.) have largely drawn their conclusions based on research findings from the works of Russian historians. In the last decades foreign scholars actively worked in the Russian archives. Having analyzed a wide range of issues associated with the history of Siberian regionalism the foreign researchers recognize an outstanding role played by the Siberian regionalists in the cultural and socio-political life of the region. While admitting that not all goals set by the regionalists were achieved, Western scholars still believe that "Siberian patriots" should be credited with transformations that enabled Siberia to embark on a path of modern development at the turn of the XIX - XX centuries.

Keywords: Siberian regionalists, G. N. Potanin, N. M. Yadrintsev, regionalism, regional consciousness, regional identity.

Статья поступила в редакцию 20.08.2018

* **Anan'ev Denis A.** – Candidate of Sciences (History), senior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: denis.ananyev@history.nsc.ru

Вклад Л. М. Горюшкина в изучение истории Сибири конца XIX – начала XX в.

Рассматриваются основные этапы жизненного пути и научный вклад в изучение истории Сибири второй половины XIX – начала XX в. выдающегося историка-аграрника члена-корреспондента РАН Л. М. Горюшкина (1927–1999). Являясь выходцем из крестьян-переселенцев, он окончил сельскую среднюю школу и историческое отделение Томского университета. В спецсеминаре профессора И. М. Разгона начал изучение аграрной истории региона конца XIX – начала XX в. С 1961 г. работал в Новосибирске заведующим сектором в академическом институте и по совместительству в 1963–1995 гг. на гуманитарном факультете в НГУ, где через его спецсеминар прошло 94 выпускника, или каждый десятый получивший дипломы до 1995 г. Применительно к аграрной сфере Л. М. Горюшкин, анализируя ситуацию в ней, констатировал преобладание элементов «американского» (фермерского) пути развития капитализма. Исследуя социальную структуру сибирского крестьянства, он затронул актуальную для 1970-х гг. проблему многоукладности, признавая наличие в регионе патриархального, мелкотоварного, капиталистического и феодального укладов. Согласно выводам историка-аграрника, основу товарного обращения в сибирской деревне составляли торговля сливочным маслом и сельскохозяйственными орудиями. Помимо аграрного освоения региона, Л. М. Горюшкин плодотворно исследовал процесс его заселения, политическую ссылку, крестьянское движение, иностранный капитал, благотворительность, историю дореволюционного Новониколаевска.

Ключевые слова: историография; история исторической науки; Леонид Михайлович Горюшкин; аграрные отношения в Сибири

Современный этап исследований в области отечественной истории в качестве актуальной ставит задачу историографического осмысления вклада историков 1960-х – 1990-х гг. в разработку различных ее аспектов, в том числе на региональном уровне. Ситуация в этой области характеризуется сосуществованием многообразия тенденций: от замалчивания до обвинений в использовании концептов формационного подхода. С другой стороны, в узкоспециальных работах положительно оцениваются наработки предшественников, заложивших прочную основу для последовательного изучения социально-экономических и общественно-политических процессов. В предлагаемом исследовании поставлена цель охарактеризовать часть научного наследия моего научного руководителя, выдающегося историка-аграрника, доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН Леонида Михайловича Горюшкина (1927–1999). В качестве основополагающих методологических принципов предполагаю использование не только проблемно-хронологического анализа выводов и положений моего героя, но и учет таких факторов, как его жизненный путь, личностные характеристики, влияние научной среды (научного руководителя), господствующая тогда научная парадигма и степень соответствия ей выводов историка в плане формирования научной школы. Поскольку Л. М. Горюшкин, будучи прежде всего историком-аграрником, внес существенный вклад в изучение роли иностранного капитала в развитие Сибири конца XIX – начала XX в., благотворительности, предпринимательства, политической ссылки, истории Новониколаевска-Новосибирска, коснемся и этих сюжетов, ограничившись краткими выводами.

Историографическую базу исследования составили научные публикации Л. М. Горюшкина (более 400, в том числе 16 личных монографий, брошюр, препринтов, 17 монографий, написанных в соавторстве, 8 коллективных издательских проектов – «История Сибири», «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» и т. д.). Оценка выводов и положений моего героя раскрывается на основе суждений его коллег, а также публикаций, по-

* **Шиловский Михаил Викторович** – доктор исторических наук, заведующий сектором, Институт истории Сибирского отделения РАН. E-mail: kapital@history.nsc.ru

священных анализу творческого наследия Леонида Михайловича, написанных в основном его учениками¹.

Исходя из продекларированных методологических принципов остановимся прежде всего на особенностях жизненного пути Л. М. Горюшкина. В качестве основного источника используем его автобиографии, написанные в 1988 и 1993 гг. для отдела кадров и опубликованные мной². Особенности этого вида источника советского периода сводятся к тому, что, с одной стороны, автобиография являлась формой самопрезентации, а с другой, факты для нее тщательно отбирались и соответствующим образом интерпретировались для формирования имиджа строителя социалистического общества.

Л. М. Горюшкин – секретарь Томского горкома ВЛКСМ
(Центр хранения документации по новейшей истории Томской области)

¹ Бочанова Г. А., Ноздрин Г. А. Проблемы истории России и Сибири в трудах Л. М. Горюшкина // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1997. № 2; Бочанова Г. А., Ноздрин Г. А. Памяти Л. М. Горюшкина // Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2000. С. 197–201; Шиловский М. В. Леонид Михайлович Горюшкин. 1927–1999 (к 75-летию со дня рождения) // Вестник Новосибирского государственного Университета. Серия: история, филология. 2002. Т. 1. Вып. 3. С. 108–111; Голищева Л. А., Соловьева В. А., Черняк М. Э., Черняк Э. И. Историки по зову души: И. М. Разгон и Л. М. Горюшкин – учитель и ученик // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): Материалы Межд. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 4–13; Пронин В. И. Проблемы аграрного рынка Сибири в научном наследии Л. М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России... С. 14–21; Скубневский В. А. Вопросы истории предпринимательства в трудах Л. М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России... С. 21–25; Шиловский М. В. Л. М. Горюшкин о специфике колонизации и переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. и дальнейшая разработка этой проблемы отечественными историками // Там же. С. 26–31; Казарян П. Л. Л. М. Горюшкин и проблемы исследования истории ссылки в Сибири // Там же. С. 108–111; Ус Л. Б. История Новониколаевска в трудах Л. М. Горюшкина // Там же. С. 256–259; Ноздрин Г. А. Горюшкин Леонид Михайлович // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 422.

² Шиловский М. В. Леонид Михайлович Горюшкин... С. 108.

Итак, мой герой являлся выходцем из российских крестьян, многострадальной истории которых он посвятил свое научное поприще. Родился в семье крестьянина-бедняка, переселившегося с семьей в 1925 г. в с. Медведское нынешнего Черепановского района Новосибирской области из Орловской области. Причины миграции за Урал не называются, но, по всей видимости, они были те же, что и до 1917 г. Семья была многодетной. Отец Михаил Никитович, «работавший кладовщиком и членом правления» местного колхоза, по всей видимости, был человеком грамотным и активным, быстро адаптировавшимся в принимающем сообществе, или он как «чужак» был использован властями для раскола сельского общества во время коллективизации. Обращает внимание различие относительно времени вступления родителей в колхоз. В 1988 г. указан 1929 г., в 1993 г. – 1927 г.. Казалось бы, разница небольшая, но нужно иметь в виду, что в 1927 г. коллективных хозяйств было мало и пополнялись они за счет добровольцев, а в год великого перелома (1929) в них пошли крестьяне под сильным нажимом. Предположу, что Л. М. Горюшкин, указав позднее 1927 г., или уточнил дату на основе полученной информации, или акцентировал внимание на 1927 г., подчеркивая добровольный выбор родителей, причастность их к колхозному активу.

Отец был в 1937 г. репрессирован, а сын благополучно получил среднее образование в сельской школе, не прерывая учебу во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., работая летом-осенью в колхозе. «По окончании школы *призван* [выделено мною. – М. Ш.] в Советскую армию и направлен в Кемеровское пехотное училище, но через год, после болезни и операции был демобилизован как нестроевик». В 1946 г. вместе с большой группой бывших фронтовиков Л. М. Горюшкин поступил на историко-филологический факультет Томского университета. Во время учебы подрабатывал заведующим студенческим клубом и дважды избирался в университетский комитет ВЛКСМ.

Это, так сказать, внешнее проявление работоспособности и общественной активности. Но имел место случай, безусловно повлиявший на психоментальные основы его характера. Речь идет об аресте сотрудниками МГБ однокурсника за антисоветскую пропаганду. Задержание произошло в присутствии моего героя в общежитии, где они проживали вместе, и оказало сильное психологическое воздействие на него.

Во время учебы определился круг научных интересов. В спецсеминаре доктора исторических наук профессора И. М. Разгона Леонид Михайлович «приступил к изучению истории сибирского крестьянства и зарождению коллективного земледелия в Сибири». Примечательна личность научного руководителя. В результате кампании борьбы с космополитами преуспевающий московский профессор, лауреат Сталинской премии был отправлен на работу в Томский университет заведующим кафедрой истории СССР. Случившееся нельзя квалифицировать как разновидность репрессии, но навряд ли И. М. Разгон добровольно согласился бы на подобное перемещение. Причисление к категории «штрафников» возлагало на человека необходимость соблюдать сверхосторожность и быть последовательным носителем и защитником марксистско-ленинского учения. С другой стороны, благодаря И. М. Разгону ТГУ становится в Сибири ведущим центром по подготовке специалистов высшей квалификации по истории СССР. Открывается аспирантура, диссертационный совет, начинается издание сборников научных статей и монографий. Среди его многочисленных учеников по аграрной проблематике защитили кандидатские диссертации А. А. Храмов и Е. И. Соловьева (1956), Л. Б. Белявская (1959), Л. Г. Сухотина (1963), Л. М. Горюшкин и В. М. Самосудов (1964), А. И. Долгих (1967), А. В. Минжуренко (1977), Е. Я. Слепцов (1978).

Касаясь роли научного руководителя в подготовке научного пополнения, Л. М. Горюшкин в 1987 г. заметил: «Я с детства впитывал в себя рассказы о переселенцах, о сибирских партизанах. Этот интерес мог бы и не получить усиления. Но его развил в Томском университете, где я учился, мой научный руководитель профессор И. М. Разгон.

Большая удача, когда в юности тебе выпадает хороший учитель»³. В 1996 г. о своем научном руководителе он отозвался следующим образом: «Как педагог и научный руководитель профессор руководствовался следующими принципами: обучать студентов через активное участие в научно-исследовательской работе; больше доверять ученикам, будить их инициативу и опираться на нее в процессе обучения; быть терпеливым к положениям и выводам других и, даже не соглашаясь с ними, уважительно относиться к их носителю»⁴. Подобными подходами руководствовался и сам Леонид Михайлович. В вялотекущей дискуссии о роли научного руководителя вышеизложенная позиция представляется более правильной в сравнении с рассуждениями одного из местных научных мэтров относительно того, что если аспирант успешно защитился, значит, в этом есть заслуга и научного руководителя, а если нет, то в этом исключительно вина соискателя.

Сам Леонид Михайлович внес существенный вклад в становление и развитие исторического отделения гумфака НГУ, где он работал по совместительству в 1963–1995 гг. Через его спецсеминар, по моим подсчетам, прошло 94 выпускника, или примерно 12 % от числа получивших дипломы до 1995 г.⁵ О специфике работы семинара он рассказал в одной из своих последних статей-воспоминаний⁶. Темы дипломных сочинений подбирались для каждого курса по возможности близкие, позволяющие работать совместно, помогать и одновременно рецензировать. Они давались «на вырост», позволяя в перспективе готовить кандидатские и докторские диссертации. Сюжеты касались не только аграрного освоения Сибири, но и многообразных проявлений истории региона во второй половине XIX – начале XX в. И еще один важный штрих к научно-преподавательскому стилю моего учителя. Вложив в ученика максимум сил и энергии, всячески защищая его от несправедливых и тенденциозных, с точки зрения научного руководителя, критических нападков со стороны коллег по кафедре, диссертационному совету, он терял интерес к состоявшемуся кандидату наук, отпуская его в «свободное плавание».

Всего из 94 выпускников дипломы с отличием получили 10 чел., но с оценкой «отлично» их защитили 63 (67,3 %), «хорошо» – 26, «удовлетворительно» – четыре человека. Приведенная статистика свидетельствует о том, что специализировались у Л. М. Горюшкина не исключительно отличники, но студенты, сумевшие под его руководством раскрыть свою склонность к научно-исследовательской работе. Всего из 94 дипломников стали кандидатами 18 и докторами наук 10 человек, т. е. каждый третий. Трое докторов (С. С. Букин, Е. Э. Казаков, И. В. Павлова) впоследствии сменили объект изучения.

Важным моментом политической социализации Л. М. Горюшкина стала посмертная реабилитация отца в 1955 г. после обращения сына в Президиум Верховного Совета СССР. В том же году он выдвигается на руководящую работу в Томский горком ВЛКСМ (заведующий отделом, второй секретарь) и принимается кандидатом в члены КПСС, а в 1957 г. избирается первым секретарем горкома комсомола. Дальнейшему карьерному продвижению помешали тяжелая болезнь и временная инвалидность. Заболевание дважды сыграло «решающую роль в становлении Л. М. Горюшкина как историка: в 1946 г. оно не дало сделать военную карьеру; в 1959 г. поставило точку в партноменклатурном росте. Однако лучшие черты русского офицера и комсомольского активиста гармонически сочетались в характере Леонида Михайловича – четкость, дисциплинированность, подтянутость, лаконичность в изложении материала, с одной стороны; коммуникабельность, внешняя простота, умение общаться с любой аудиторией, с другой»⁷.

³ Разгон И. М.: творческая биография ученого и педагога в материалах и воспоминаниях / Сост. Л. А. Голишева, М. Э. Черняк. Томск, 2004. Т. 1. С. 175.

⁴ Горюшкин Л. М. И. М. Разгон – ученый, педагог, человек // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 1. С. 9.

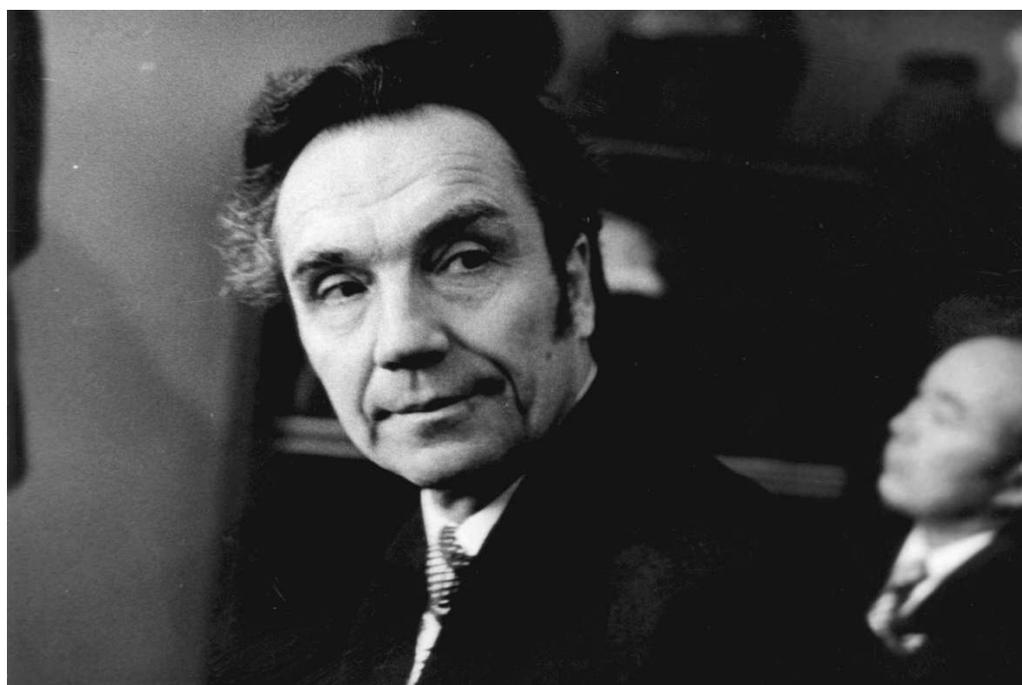
⁵ Шиловский М. В. Список учеников Л. М. Горюшкина, окончивших гуманитарный факультет НГУ (отделение истории) и защитивших дипломы под его руководством // Сибирь на рубеже XIX – XX вв. Новосибирск, 1997. С. 6–15.

⁶ Горюшкин Л. М. Заметки о спецсеминаре // Там же. С. 18–26.

⁷ Шиловский М. В. Леонид Михайлович Горюшкин... С. 109–110.

Выпускники и преподаватели Гумфака НГУ, 1985 г.
Л. М. Горюшкин – третий слева во втором ряду
(Музей Новосибирского государственного университета)

Л. М. Горюшкин
(Музей Новосибирского государственного университета)

Стремительной была научная карьера Л. М. Горюшкина: в 1959 г. – аспирантура, 1961 г., сектор гуманитарных исследований в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, в 1962 г. – отдел, а в конце 1966 г. – Институт

истории, филологии и философии (младший научный сотрудник, с 1967 – старший научный сотрудник и одновременно ученый секретарь института), с 1970 г. – заведующий сектором. Параллельно, в 1962 г. увидело свет первое солидное исследование – «Социально-экономические предпосылки социалистической революции в Сибирской деревне» (7,4 п. л.). В 1964 г. в Томске защищается кандидатская диссертация на тему «Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.». Среди сотрудников новой академической структуры, привлеченных тогда доктором исторических наук, профессором А. П. Окладниковым по принципу «сборный, но отборный» из различных городов Сибири (Новосибирск, Кемерово, Иркутск – Н. Я. Гуцин, А. С. Московский, В. Л. Соскин, И. И. Комогорцев, В. В. Алексеев) и Европейской России (М. М. Громыко, Н. Н. Покровский, А. Н. Копылов, О. Н. Вилков), Леонид Михайлович представлял Томск. Являлся посланцем И. М. Разгона. Не случайно он выдвигается на второй по значимости в научно-управленческой иерархии после директорского пост ученого секретаря. В 1967 г. в институте организуется сектор истории дооктябрьского периода во главе с доктором исторических наук М. М. Громыко, но в 1968 г. беспартийная Марина Михайловна подписала «Письмо 46-ти» в защиту советских диссидентов, за что подверглась осуждению и освобождению от руководства, и на руководящую должность назначают моего героя.

«При всей широте своих научных интересов Л. М. Горюшкин прежде всего – историк аграрных отношений в Сибири». Так кратко и емко сформулировали особенности его научного творчества академики А. П. Деревянко и Н. Н. Покровский⁸. Применительно к аграрной сфере региона конца XIX – начала XX в. Л. М. Горюшкин вместе с Л. Ф. Складчиковым, В. А. Степаниным, В. Г. Тюкавкиным, Г. П. Жидковым, опираясь на ленинские высказывания⁹, считал возможными путями развития капитализма в сельском хозяйстве России «прусский» и «американский» (фермерский). Второй преобладал в Сибири. Противоречие капитализма между общественным характером производства и частным характером присвоения в сибирской деревне было налицо. «Именно это противоречие предопределило создание предпосылок для развития второй социальной войны в крестьянстве и перерастания в дальнейшем вместе со всей страной демократического этапа революции в социалистический. Конкретно это противоречие проявлялось в классовой борьбе сельской бедноты с кулачеством»¹⁰. Противостояние происходило в парадигме: переселенческая беднота – кулачество. В отмеченной работе, также как и в последующих монографиях, ученый, по справедливому суждению И. И. Кротта, «выделял в качестве социальной группы в сибирской деревне сельскохозяйственных предпринимателей. Они, по мнению исследователя, в отличие от торговцев и ростовщиков, использовали капиталы в сфере производства, причем более крупного и совершенного по организации, основанного на применении машин и наемной рабочей силы»¹¹.

Эти положения были повторены в параграфе «Сельское хозяйство и развитие капиталистических отношений», написанном Л. М. Горюшкиным для 3-го тома «Истории Сибири» (1968)¹². «Кадры наемных рабочих в деревне пополняли крестьяне-старожилы, разорившиеся в результате долговой зависимости от кулаков-мироедов и лавочников, налогов и недоимок ... Основными нанимателями являлись зажиточные старожилы»¹³. Какое положение в этой системе занимали переселенцы, не говорилось.

⁸ Деревянко А. П., Покровский Н. Н. Вместо предисловия // Сибирь в XVI–XX веках. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 6.

⁹ В монографии, подготовленной на основе докторской диссертации содержатся ссылки на 49 работ В. И. Ленина. См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 314–316.

¹⁰ Горюшкин Л. М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Новосибирске, 1962. С. 118, 128.

¹¹ Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. Омск, 2009. С. 15.

¹² История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 198–207.

¹³ Там же. С. 200.

- 15 -

в) Подготовка научных кадров. Старшие научные сотрудники (Л.М. Горюшкин, И.М. Громыко, А.Н. Копылов, И.Н. Покровский) осуществляли подготовку научных кадров через аспирантуру, научные консультации. При секторе подготовлено и защищено более 20 кандидатских и докторских диссертаций. В том числе защищены диссертации сотрудниками сектора: кандидатские - Л.М. Горюшкин, О.Н. Вишнев, А.Н. Копылов, Г.А. Бочанова, Л.М. Русакова; докторские - Л.М. Горюшкин, И.М. Громыко, А.Н. Копылов, И.Н. Покровский. Темы диссертаций, как правило, связаны с проблематикой работы сектора.

Перспективы исследований сектора истории дооктябрьского периода на 1976 - 1990 гг.

1. В 1976-1980 гг. будет разрабатываться тема "История рабочего класса и крестьянства Сибири в дооктябрьский период".
2. На 1980-1990 гг. намечено исследование тем: "Созд рабочего класса и крестьянства и его осуществление в Сибири на буржуазно-демократическом этапе революции", "Сибирь в общественном движении России".
3. Для развития исследований и выполнения намеченных тем настоятельно необходимы дополнительные кадры: высококвалифицированные специалисты по истории революционного движения в Сибири, по этнографии русского населения в Сибири, лаборант.

Зав. сектором истории
дооктябрьского периода
К.И.Н.

Л.М. Горюшкин

Л.М. Горюшкин

Последняя страница отчета о работе сектора истории дооктябрьского периода
Института истории, филологии и философии СО АН СССР за 1961-1975 гг.
(Личный архив автора)

Анализируя социальную структуру сибирского крестьянства, Л. М. Горюшкин затронул актуальную в первой половине 1970-х гг. проблему многоукладности. Он констатировал наличие в регионе патриархального, мелкотоварного, капиталистического и феодального укладов. Последний представляло казенное и кабинетское землевладение. Однако казна и Кабинет ЕИВ не имели своего хозяйства. Землей пользовались крестьяне, за что вносили оброчные платежи, которые ученый рассматривал в качестве феодальной ренты. Тем самым они подвергались эксплуатации, но «в меньшей степени, ибо в совокупности переплетавшихся экономических отношений крестьян, феодальные играли меньшую роль, чем мелкотоварные или капиталистические»¹⁴. «Если к этому добавить, – справедливо заметил В. И. Пронин, – что все крестьяне в зависимости от типа их хозяйства относились к патриархальному, мелкотоварному или капиталистическому укладам, то ни о каком феодальном укладе не может идти речь. В данном случае Л. М. Горюшкин противоречил себе, проигнорировав форму выражения уклада через определенный тип хозяйства»¹⁵.

В 1976 г. увидело свет фундаментальное (25 п. л.) исследование Леонида Михайловича «Сибирское крестьянство на рубеже двух веков» (конец XIX – начало XX)»¹⁶. В рамках дискуссии о «прусском» и «американском» вариантах аграрной эволюции Сибири он занял особую позицию, утверждая, что основу ее «составляло не помещичье хозяйство и не кабинетское или государственное, а крестьянское. В нем производились сельхозпродукты, оно было связано с рынком и эволюционировало в сторону капитализма. Фермерское направление составляло основное экономическое содержание аграрной эволюции в Сибири. Результатом этого являлся быстрый рост маслоделия в Западной Сибири, более высокий, чем в крестьянских хозяйствах помещичьих районов, уровень применения машин и наемного труда в начале XX в., сравнительно высокая зажиточность середняцких и особенно кулацких слоев деревни, высокая степень эксплуатации бедноты и ее острые противоречия с сельской буржуазией»¹⁷.

В анализируемой монографии в совокупности рассматривались такие вопросы, как товарное производство зерна, сельская торговля и внутренний рынок Азиатской России. Автор установил, что излишек зерна составлял в среднурожайные годы 26 %, а при более высокой урожайности – 30–35 %¹⁸. Помимо вывоза за пределы региона, закупок интендантством, производства спирта, около 10 % излишков использовалось для выгонки самогона (5,3 млн. пудов в 1915–1918 гг.). В результате: «крестьянское движение в Западной Сибири было одним из составных и неотделимых показателей назревания буржуазно-демократической и социалистической революции в стране ... Сложилась экономическая ситуация для социалистического преобразования деревни – определенный уровень производительных сил и объективная основа союза рабочего класса с крестьянской беднотой»¹⁹.

На базе коллективного дипломного сочинения учеников Горюшкина В. С. Золототрубова, И. В. Островского, А. М. Рябоконева, А. М. Бауфала 1968 г. «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года по Томской губернии (из опыта обработки массового исторического источника на ЭВМ)» и монографии «Сибирское крестьянство...» появилась обобщающая работа. Обработав более 8,5 тыс. бланков переписи по 11 волостям, авторы установили, что категории «старожил» и «переселенец» условны, и затрудняют выявление «истинных» новоселов, прибывших из Европейской России.

¹⁴ Горюшкин Л. М. О многоукладности экономики сибирской деревни периода империализма // Известия СО АН СССР. Серия общ. наук. Вып. 2. № 6. 1973. С. 109.

¹⁵ Пронин В. И. Проблемы аграрного рынка Сибири в научном наследии Л. М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): Материалы Международ. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 17.

¹⁶ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX) / Отв. ред. И. М. Разгон. Новосибирск, 1967.

¹⁷ Там же. С. 361.

¹⁸ Там же. С. 147.

¹⁹ Там же. С. 369.

Остальные же выводы продублировали основные положения предшествующих исследований научного руководителя относительно «классового расслоения внутри каждой временной группы крестьян, водворившихся в Сибирь в различные годы»²⁰. Повторено было положение: «Богатства же кулаков имели своим источником эксплуатацию трудящихся слоев деревни. Неслучайно с ростом количества своих рабочих рук в хозяйстве растет и использование наемного труда. В группе, не имеющей наемных рабочих, на один двор приходится 2,5 своих работников. Далее, соответственно: в группе с одним наемным работником – своих 2,8; с двумя наемными – 3,1 своих; с тремя – 3,6 своих; с четырьмя – 4,2 своих; свыше четырех наемных – 4,4 своих»²¹.

В следующей по времени издания солидной монографии, аккумулировавшей наработки примерно за 10 лет научных изысканий²² и представлявшей адаптированный к формату научного издания текст докторской диссертации, защищенной в 1975 году²³, Л. М. Горюшкин повторил тезис об особом варианте аграрной эволюции Сибири в начале XX в., альтернативном «прусскому» и «американскому»²⁴. Новым моментом, поднятым в исследовании, стал вопрос о развитии капитализма вширь и вглубь. Азиатская Россия, по его мнению, относилась к колониям в экономическом смысле в отличие от полных колоний (Степной край, Кавказ, Средняя Азия). Двум типам колоний были присущи два типа развития капитализма вширь. В Сибири рыночные отношения распространялись путем интенсивной колонизации незанятых переселенцами земель, на Кавказе, Средней Азии, отчасти в Казахстане – в результате разрушения натуральных хозяйств и перевода кочевников на оседлость²⁵.

Согласно выводам историка-аграрника, основу товарного обращения в сибирской деревне составляли торговля сливочным маслом и сельскохозяйственными орудиями. Рынок сельскохозяйственных работников к 1914 г. составил 260 тыс. чел., а вместе с поденными – в 2–3 раза больше. Тем не менее спрос на рабочие руки был более высоким, чем предложение и «процесс создания единого регионального рынка не завершился»²⁶. Итоговый вывод о формировании условий для победы в регионе буржуазно-демократической и социалистической революции был продублирован из публикаций предшествующего времени.

Последними обобщающими исследованиями Л. М. Горюшкина по аграрной проблематике Сибири во второй половине XIX – начале XX в. стали том по истории местного крестьянства и монография по историографии региона, написанная совместно с Н. А. Миненко²⁷. Обобщающий труд, посвященный сибирскому крестьянству эпохи капитализма, был реализован в рамках проектов Института истории, филологии и философии СО АН СССР по истории рабочего класса и крестьянства региона с конца XVI до последней четверти XX в. Леонид Михайлович в качестве ответственного редактора издания написал тексты вступления и заключения к тому, вступление к первой (капиталистической) части, параграф, посвященный формированию союза рабочих и крестьян в период революции 1905–1907 гг., главу по Первой мировой войне. Мой герой продекларировал, что «авторы тома исходят из представления о кабинетской собственности на землю как разновидности

²⁰ Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С., Островский И. В., Рябоконеv А. М. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии (Из опыта обработки на ЭВМ) / Под научным руководством и редакцией Л. М. Горюшкина. Новосибирск, 1969. С. 64.

²¹ Там же. С. 62.

²² Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. Новосибирск, 1976.

²³ Горюшкин Л. М. Развитие капитализма вширь в сибирской деревне периода империализма (1900–1917): Автореф. дис. ... д-р ист. наук. Новосибирск, 1975.

²⁴ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма... С. 89.

²⁵ Там же. С. 72–96.

²⁶ Там же. С. 245, 236, 218.

²⁷ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1983: Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.

государственной, об относительной слабости пережитков феодализма в Сибири и более свободных условиях для развития фермерства»²⁸.

Что касается социальной структуры сельского общества, то она «изменялась в сторону выделения сельского пролетариата и сельской буржуазии. При этом в старожильческих селах, казачьих станицах наиболее быстро шло выделение сельской буржуазии, в переселенческих поселках – выделение сельского пролетариата», то есть разложение крестьянства как класса углубилось. В годы Первой мировой войны погромные выступления запасных квалифицируются им как продолжение крестьянских выступлений довоенного времени. «Усилился рост кооперации в деревне, чему способствовала возможность получения высоких прибылей за счет военных поставок, недостатка товаров и дороговизны»²⁹. В историографической публикации отвергается вывод о «системе государственного феодализма». «Этот вывод, по существу отрицающий капиталистический период в истории Сибири, в корне противоречит фактическому положению вещей в сибирской деревне. Накануне 1917 г. здесь господствовали капиталистические отношения, выраставшие на базе широко развитого мелкотоварного производства ... На территории Сибири развивался вширь капиталистический способ производства, который и определял систему общественных отношений»³⁰.

Как составную часть аграрного освоения Л. М. Горюшкин исследовал процесс заселения региона. Его подходы и выводы проанализируем на примере четырех препринтов 1988–1990 гг., представлявших изложение докладов на различного рода международных исторических форумах³¹. Сибирь в рассматриваемое время, по его мнению, являлась «колонией в экономическом смысле, имевшей свободные земли, заселенные переселенцами, и специализировавшейся на производстве сельскохозяйственного сырья, получая в обмен на него промышленные товары». Освоение осуществлялось на «буржуазно-капиталистической основе», прежде всего в результате разложения крестьянства на сельскую буржуазию и пролетариат. Среди мигрантов до 1880-х гг. преобладали середняки, но с конца XIX в. «растет удельный вес бедняков, которые в начале XX в. составили большинство новоселов».

В плане размещения, в 1860–1880-е гг. основная часть мигрантов получала землю и приписывалась к селениям старожилов, имея возможность получить помощь от общины. В начале XX в. основная их часть выбирала вновь образуемые переселенческие поселки. Переселения увеличивали социальные группы сельских пролетариев и полупролетариев, которые «пополняли мелкобуржуазный уклад, наиболее распространенный в Сибири». Крестьянская колонизация оказывала влияние на рост численности населения региона. Переселенцы способствовали развитию земледелия и скотоводства, применению более совершенных технологий и сельскохозяйственных орудий. Новоселы «расширяли уже существовавшее в Сибири ремесленное производство и создавали новые промыслы, вовлекая в них старожильческое население». В конечном счете, «в результате колонизации и освоения Сибирь стала неразрывной частью России, населенной преимущественно русскими». Взаимодействие новоселов и старожилов определило складывание «тесного единения материальной и духовной культуры русского крестьянства Европейской России и Сибири». Однако переселенческое движение «не ослабило земельную тесноту и не

²⁸ Крестьянство Сибири... С. 12.

²⁹ Там же. С. 199–200, 378, 271, 263.

³⁰ Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири... С. 187.

³¹ Горюшкин Л. М. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Аграрные структуры в XIX веке». (Канада, Монреаль, 24–26 мая 1984). Препринт. Новосибирск, 1988; *Он же*. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Препринт. Новосибирск, 1989; *Он же*. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сибирь в XX веке. Социальное и экономическое развитие» (Великобритания. Глазго, 4–8 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1990; *Он же*. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии (Япония, Токио, 19–23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989.

предотвратило свержения самодержавия в России, а скорее способствовало его приближению»³².

Разработанная при деятельном участии Л. М. Горюшкина концепция истории колонизации и переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. творчески развивается и по отдельным ее сюжетам вносятся существенные коррективы. В частности, взаимоотношения старожилов и новоселов не выглядят сейчас столь буколическими, как это подавалось в его работах по аграрной истории Сибири.

Помимо аграрной сферы Леонид Михайлович активно работал по другим направлениям истории Сибири второй половины XIX – начала XX в.: политическая ссылка, крестьянское движение, иностранный капитал, предпринимательство, благотворительность, история Новониколаевска-Новосибирска. Данное обстоятельство не было практическим воплощением популярной сентенции о том, что наука позволяет за государственный счет удовлетворять свою любознательность, а являлась насущной необходимостью в условиях дефицита кадров квалифицированных историков. Численность сотрудников сектора истории дооктябрьского периода ИИФФ СО АН СССР не превышала 5–6 чел. Поэтому разработку ставших актуальными проблем, таких, например, как история иностранного капитала, предпринимательства, благотворительности надо было осуществлять «сходу» наличными кадрами, и параллельно готовить специалистов в рамках научной специализации студентов и аспирантуры.

Значительное внимание ученый еще в доперестроечный период обратил на историю предпринимательства в Сибири. В перечисленных выше монографиях большое внимание уделяется формированию рыночных отношений, складыванию предпосылок для выхода Сибири на мировой рынок в начале XX в., состоянию товарности сельского хозяйства, формированию слоя предпринимателей в деревне. Справедливо, на мой взгляд, В. А. Скубневский заметил: «Вопросами истории предпринимательства Л. М. Горюшкин стал более активно заниматься в начале 90-х гг. Он выступил одним из инициаторов и организаторов проведения ряда конференций по истории предпринимательства в Сибири (в Новосибирске и Барнауле), написал ряд статей для научных и научно-популярных изданий, посвященных проблемам предпринимательства, сделал серьезную попытку осмыслить теоретически феномен предпринимательства, очертить его этапы и особенности в Сибири»³³. В докладе на всероссийской конференции в Новосибирске в 1995 г. Л. М. Горюшкин предложил оптимальную формулировку дефиниции «предпринимательство»: «инициативная деятельность людей по производству и сбыту товаров, финансовым операциям и оказанию услуг в материальной и духовной сферах в условиях развивающегося рынка»³⁴.

Тогда же он обращается к теме «иностраный капитал в Сибири», предлагая рассматривать воздействие иностранных фирм и предпринимателей не только в экономике региона, но и в сфере благотворительности. Ему принадлежат сбалансированные оценки роли иностранного капитала в хозяйственном освоении Сибири и Дальнего Востока без элементов идеализации, но и без обвинений исключительно в грабительском характере их деятельности³⁵. В статье, увидевшей свет после смерти ученого, Леонид Михайлович обобщил выявленный к тому времени материал о масштабах и направлениях инвестиро-

³² Шиловский М. В. Л. М. Горюшкин о специфике колонизации и переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. и дальнейшая разработка этой проблемы отечественными историками // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Материалы межд. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 26–27.

³³ Скубневский В. А. Вопросы истории предпринимательства в трудах Л. М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России... С. 24.

³⁴ Горюшкин Л. М. Предпринимательство в Сибири: объект и предмет исследования // К истории предпринимательства в Сибири (материалы Всерос. науч. конф). Новосибирск, 1996. С. 3.

³⁵ Горюшкин Л. М. Иностраный капитал в Сибири: история и современность // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII–XX вв.). Новосибирск, 1995. С. 47–70.

вания иностранного капитала в экономику дореволюционной Азиатской России: «Зарубежные предприниматели обеспечивали прилив дополнительных средств, которых не хватало в Сибири, содействовали снабжению машинами и оборудованием, сбыту сибирской продукции, прежде всего сельскохозяйственной, связали регион с мировым рынком и в целом способствовали его экономическому развитию»³⁶.

Сформулировал он и рекомендации с точки зрения привлечения их активов на современном этапе экономического развития региона. Ученый предупреждал: «В целом же иностранные инвестиции не получили сколько-нибудь заметного распространения, не вышли за рамки пробных случаев. Беда не в том, что иностранцы «растасчат» Сибирь, что мы распродаем им свои богатства, как утверждают противники импорта капитала, а в сдержанном отношении к ввозу капиталов зарубежных бизнесменов. Что же их сдерживает? Прежде всего неблагоприятные экономические условия: неразвитость рыночных структур в России, инфляция, вопиющая бесхозяйственность, сокращение производства и падение производительности труда. Специфика Сибири состоит в том, что общероссийские трудности здесь проявляются сильнее. По уровню формирования рынка и состоянию инфраструктуры она отстает от других регионов, что объясняется сохранением более высокой централизации и роли государства ввиду сырьевой направленности экономики, значительным удельным весом предприятий военно-промышленного комплекса, нелегкими природно-климатическими условиями, отдаленностью от центра страны, мировых рынков и недостаточной освоенностью, слабым использованием зон свободного предпринимательства»³⁷.

Отдельная страница в научной биографии Л. М. Горюшкина связана с подготовкой хроники крестьянского движения в Сибири периода капитализма. В течение восьми лет авторский коллектив (Л. М. Горюшкин, В. В. Кучер, Г. А. Ноздрин, А. Н. Сагайдачный и К. Б. Шустов) просматривал фонды 20 центральных и местных архивов, комплекты временных изданий. Удалось выявить сведения о 2537 крестьянских выступлениях, из которых лишь 23 % были известны ранее³⁸. Под руководством научного руководителя проекта была разработана методика статистического учета крестьянских выступлений. В 1985–1987 гг. вышли из печати три тома хроники³⁹. «До появления этого труда крестьянское движение рассматривалось на основе «иллюстративного метода», – заметил один из участников проекта Г. А. Ноздрин. – В результате высказывались самые противоположные точки зрения на активность крестьянских выступлений на различных этапах истории Сибири. На основе материалов, собранных по единой методике, хроника позволила определить остроту и размах борьбы на каждом этапе. Наряду со сведениями о крестьянском движении, в ней содержался большой фактический материал о менталитете крестьян, его общественном сознании, переселениях в Сибирь, позднее использовавшиеся в исторической литературе»⁴⁰.

³⁶ Горюшкин Л. М. Иностраный капитал в Сибири... С. 55.

³⁷ Горюшкин Л. М. Опыт деятельности иностранного капитала в Сибири: история и современность // Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000. С. 123–124.

³⁸ Зверев В. А. Три книги о крестьянском движении в Сибири (в связи с изучением образа жизни крестьянства) // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 140.

³⁹ Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н., Шустов К. Б. Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1985; Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1907–1914 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1986; Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Хроника крестьянского движения в Сибири 1914–1917 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1987.

⁴⁰ Ноздрин Г. А. Ученый, организатор, человек // Сибирь в XVII–XX веках: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 13.

вой было разложение крестьянства как класса феодального общества на пролетариат и буржуазию, являвшихся основой капиталистического общества. Пролетариат, бедняки и разоряющиеся середняки накануне 1917 г. составляли 72,1 % всего крестьянства»⁴¹. Во-первых, непонятно, по каким критериям выделена группа «разоряющихся середняков» и какова ее «весовая» доля в пролетаризированной на 72,1 % деревне. Во-вторых, требует обоснования отнесение бедняков и разоряющихся середняков к классу сельских пролетариев. В-третьих, не являются проявлениями второй социальной войны столкновения переселенцев и старожилов и сопротивление внутринадельному размежеванию, к тому же последняя форма в 1910–1914 гг. зафиксирована в 30 селах (менее 1 % от численности сельских поселений)⁴². Сопротивление внутринадельному размежеванию, на мой взгляд, осуществлялось всем миром поселений, вне зависимости от социальной принадлежности. А самое главное, собственно проявления второй социальной войны в 1910–1914 гг. в форме экономических санкций против кулаков и крупных арендаторов, а также забастовки сельскохозяйственных рабочих в общей сложности составили 42 случая (2,2 %) от общей совокупности проявлений крестьянского движения. Так что говорить о второй социальной войне в сибирской деревне в 1910–1914 гг. было бы большой натяжкой.

Значительна роль Л. М. Горюшкина в научно-организационном обеспечении исследований в области сибирской политической ссылки. Поскольку в середине 1970-х гг. координирующая функция в этой области была возложена на ИИФФ, он в качестве заведующего дореволюционного сектора возглавил эту работу в рамках сибирского региона. В 1975 г. в связи со 150-летним юбилеем восстания декабристов под его редакцией выходит коллективный сборник, посвященный преимущественно их сибирской ссылке. Спустя три года при его активном участии увидел свет второй сборник статей⁴³. С 1982 г. под его руководством в качестве руководителя оргкомитетов проходили всероссийские симпозиумы по истории сибирской политической ссылки (Новосибирск, Якутск, Чита, Шушенское). Не потеряли актуальности сформулированные им на первом таком форуме в 1982 г. задачи и способы координации исследователей в этой области путем интеграции усилий ученых и краеведов из академических структур, вузов, архивов, музеев и библиотек⁴⁴.

Наконец, одним из главнейших направлений изысканий Л. М. Горюшкина стала история Новониколаевска-Новосибирска. Парадоксально, но первый сибирский мегаполис к началу 1970-х гг., за исключением изданных на рубеже 1940–1950-х гг. популярных брошюр, не имел в своем библиографическом списке солидных научных публикаций. Согласно свидетельству моего героя: «Свыше 10 лет назад (1969 г. – *М. Ш.*) на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета был организован спецсеминар по истории Новосибирска дооктябрьского периода. Одному из авторов этой книги довелось быть его руководителем, другим, тогда еще студентам, – слушателями. Пройдя различные этапы поиска и систематизации материала, вчерашние студенты успешно защитили дипломы. Но семинар (теперь уже неофициальный) на том не закончил свою деятельность. «Заболев» избранной темой, мы продолжали собирать сведения по истории города. Скромный итог этой работы – предлагаемая вниманию читателей книга...»⁴⁵. Ее создателями стали первые ученики Л. М. Горюшкина из первого набора 1962 г. по специальности «история» открытого тогда же гуманитарного факультета НГУ. В 1967 г. они защитили дипломные работы по истории Новониколаевска до конца 1917 г. Из четырех дипломников продолжили работу по теме двое.

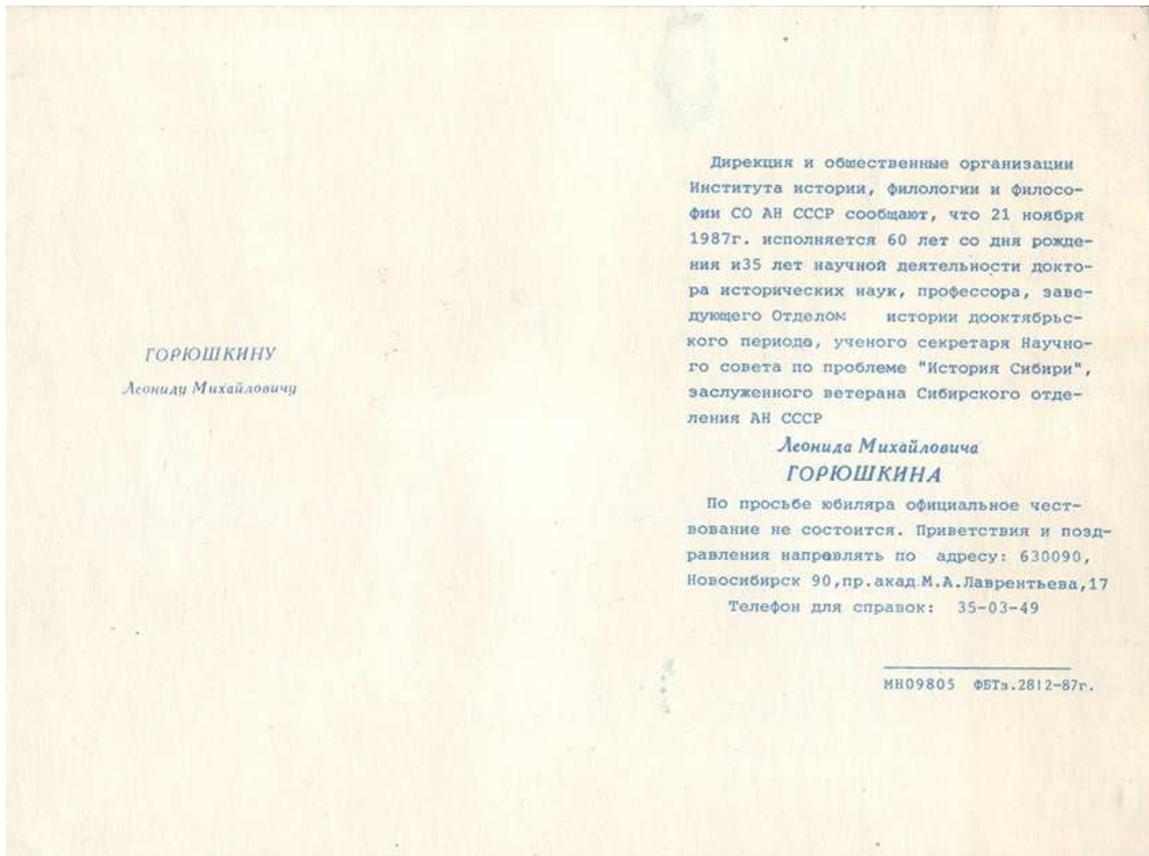
⁴¹ Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н., Шустов К. Б. Крестьянское движение... С. 65.

⁴² Там же. С. 66.

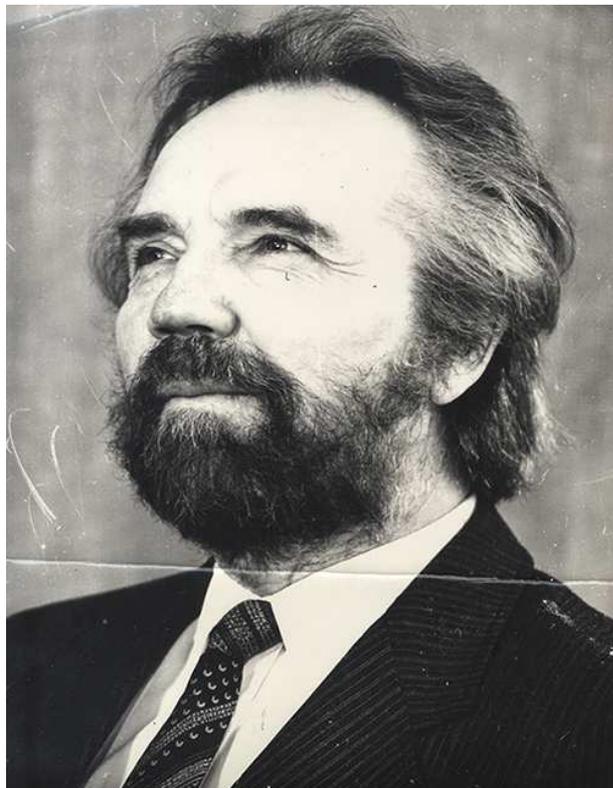
⁴³ Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: «Наука», 1975; Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1978.

⁴⁴ Горюшкин Л. М. Вопросы координации исследований политической ссылки в Сибири // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 212–220; Казарян П. Л. Л. М. Горюшкин и проблемы исследования истории ссылки в Сибири // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России... С. 108–110.

⁴⁵ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 19.

Письмо института истории, СО АН СССР о
60-летию Л. М. Горюшкина
(Личный архив автора)

Л. М. Горюшкин незадолго до 60-летия
Фотоархив Сибирского отделения Российской академии наук (<http://www.soran1957.ru>)

Во введении Леонид Михайлович, заглядывая в будущее, оговаривается: «Одним из спорных является вопрос о времени возникновения города». В частности Ю. С. Булыгин и М. М. Громыко его предысторию связывали с возникшим в самом начале XVIII в. с. Кривошеково. Считая недопустимым отрывать историю Новосибирска от предшествующей истории края и окружающих деревень, ученый отверг кривошековскую версию возникновения поселения: «Старинные сибирские села Кривошеково, Мало-Кривошеково, Бугры, Криводановка были включены решением ВЦИК в городскую территорию лишь в 1930 г., а другие близлежащие деревни – в годы Великой Отечественной войны и позже. Кривошеково, вошедшее в черту Новосибирска в процессе развития уже возникшего ядра города, не может считаться исходной ячейкой его рождения. Вопрос о населенных пунктах на территории будущего города нуждается в дальнейшем исследовании»⁴⁶. Возникновение города авторский коллектив связал с приездом на место строительства железнодорожного моста коллектива рабочих весной 1893 г. В плане специфики возникновения и развития Новониколаевска в дореволюционный период, ученый связал ее с колонизацией Сибири и развитием капитализма вширь. По своему типу он являлся торгово-транспортным городом. Он «не имел тяжелой промышленности, но отрасли, занятые переработкой сельскохозяйственного сырья, в первую очередь мукомольная, занимали заметное место в экономике города и всей окраины. К 1917 г. Новониколаевск занял ведущее положение среди городов Сибири по торговому обороту, объему перевозок и количеству промышленной продукции в стоимостном выражении»⁴⁷.

Книга была положительно встречена общественностью, 19 тыс. ее экземпляров очень быстро разошлись, а за Л. М. Горюшкиным закрепилась ипостась главного историографа города, формально же его назначают председателем комиссии по истории Новосибирска при горсовете. Всего из-под его пера вышло 20 научных публикаций, посвященных дореволюционному городу. В методическом пособии для лекторов ученый кратко изложил основные положения книги, повторив дату май 1893 г. в качестве исходной в возникновении поселения⁴⁸. Позднее в июне 1992 г. в справке о дате возникновения города, «с учетом даты 1893 г., научно обоснованной в книге «Новосибирск в историческом прошлом» (Новосибирск: «Наука», 1978), жители Новосибирска и вся страна в 1983 г. отметили 90-летие города». В 1993 г. к 100-летию города под его руководством увидела свет хроника, во введении к которой, написанным Л. М. Горюшкиным, утверждалось: «Новосибирск (Новониколаевск) возник в 1893 г., что подтверждается многочисленными данными»⁴⁹.

Предложенная Л. М. Горюшкиным дата была затверждена городским советом народных депутатов, и вплоть до настоящего времени город свой день рождения празднует в июне, отсчитывая свое возникновение от 1893 г. Казалось бы, на этом следует поставить точку, но страсти вокруг времени основания (возникновения) продолжают периодически обостряться. Вопрос этот, на мой взгляд, требует специального рассмотрения. Сейчас же замечу, что ничего плохого в этом не вижу, и происходящее связано со все возрастающим интересом городского сообщества к прошлому своей «малой родины». Данную тенденцию следует поощрять и развивать, в том числе с помощью проведения конференций, издания отдельных публикаций, сборников документов и научных исследований. Но поражает нетерпимость и агрессивность оппонентов, отсутствие у них культуры корректного ведения дискуссии. Так, один из последовательных противников позиции Л. М. Горюшкина профессор Г. Г. Чибряков в публичном обращении по поводу фальсификации истории Новосибирска обрушился на «позорящих честь русского человека услужливых

⁴⁶ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск... С. 12.

⁴⁷ Там же. С. 240.

⁴⁸ Горюшкин Л. М. Рождение города на Оби (методические рекомендации и материалы в помощь лектору). Новосибирск, 1983. С. 4.

⁴⁹ Новосибирск. 100 лет. События. Люди / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1993. С. 7.

карьеристов и негодяев», сочинивших миф о лжеоснователе города Н. Г. Гарине-Михайловском, а в адрес Леонида Михайловича выдал сентенцию: «Имея громкие титулы ученого этот «руководитель» НИИ лжет без ссылок на документы». Плодотворно дискутировать в такой тональности невозможно⁵⁰.

Завершить свое исследование о некоторых основополагающих моментах научного творчества Л. М. Горюшкина хочу кратким резюме его учеников Г. А. Бочановой и Г. А. Ноздрин, с которым полностью солидаризируюсь: «Ученики, соратники и коллеги Леонида Михайловича Горюшкина продолжают его дело. Их творческие удачи, новые идеи будут лучшим памятником этому замечательному ученому и человеку»⁵¹.

Список литературы

Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С., Островский И. В., Рябоконеv А. М. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии (Из опыта обработки на ЭВМ) / Под научным руководством и редакцией Л. М. Горюшкина. Новосибирск, 1969. 306 с.

Бочанова Г. А., Ноздрин Г. А. Памяти Л. М. Горюшкина // Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири второй половины XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. С. 197–201. 210 с.

Бочанова Г. А., Ноздрин Г. А. Проблемы истории России и Сибири в трудах Л. М. Горюшкина // Гуманитарные науки в Сибири. Серия Отечественная история, 1997. № 2.

Голышева Л. А., Соловьева В. А., Черняк М. Э., Черняк Э. И. Историки по зову души: И. М. Разгон и Л. М. Горюшкин – учитель и ученик // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Матер. Межд. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 4–13.

Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. Новосибирск: Изд-во «Наука» Сиб. отделение, 1976. 344 с.

Горюшкин Л. М. Вопросы координации исследований политической ссылки в Сибири // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 212–220.

Горюшкин Л. М. Заметки о спецсеминаре // Сибирь на рубеже XIX–XX вв. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1997. С. 18–26.

Горюшкин Л. М. И. М. Разгон – ученый, педагог, человек // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск: Издательство Томского университета, 1996. Вып. 1.

Горюшкин Л. М. Иностраный капитал в Сибири: история и современность // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII–XX вв.). Новосибирск, 1995. С. 47–70.

Горюшкин Л. М. О многоукладности экономики сибирской деревни периода империализма // Известия СО АН СССР. Серия общ. наук. Вып. 2. № 6. 1973. 109 с.

Горюшкин Л. М. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Аграрные структуры в XIX веке». (Канада, Монреаль, 24–26 мая 1984). Препринт. Новосибирск, 1988. 36 с.

Горюшкин Л. М. Опыт деятельности иностранного капитала в Сибири: история и современность // Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. С. 123–124.

Горюшкин Л. М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии (Япония, Токио, 19–23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989. 51 с.

Горюшкин Л. М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Препринт. Новосибирск, 1989. 51 с.

Горюшкин Л. М. Предпринимательство в Сибири: объект и предмет исследования // К истории предпринимательства в Сибири (материалы Всерос. науч. конф). Новосибирск, 1996. С. 3.

Горюшкин Л. М. Развитие капитализма вширь в сибирской деревне периода империализма (1900–1917): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 1975. 83 с.

Горюшкин Л. М. Рождение города на Оби (методические рекомендации и материалы в помощь лектору). Новосибирск, 1983.

Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX) / Отв. ред. И. М. Разгон. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1967. 412 с.

⁵⁰ Бочанова Г. А., Ноздрин Г. А. Памяти Л. М. Горюшкина // Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири... С. 201.

⁵¹ Там же.

Горюшкин Л. М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Новосибирск: «Наука», 1962. С. 118, 128.

Горюшкин Л. М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сибирь в XX веке. Социальное и экономическое развитие» (Великобритания. Глазго, 4–8 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1990. 24 с.

Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. 296 с.

Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н., Шустов К. Б. Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг.: Хроника и историография. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985. 327 с.

Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 318 с.

Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Хроника крестьянского движения в Сибири 1914–1917 гг.: Хроника и историография. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 112 с.

Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1907–1914 гг.: Хроника и историография. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. 314 с.

Деревянко А. П., Покровский Н. Н. Вместо предисловия // Сибирь в XVI–XX веках. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск: Наука, 1997.

Зверев В. А. Три книги о крестьянском движении в Сибири (в связи с изучением образа жизни крестьянства) // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX в.). Новосибирск: Новосибирский педагогический институт, 1990. 155 с.

История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 3.

Казарян П. Л. Л. М. Горюшкин и проблемы исследования истории ссылки в Сибири // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Матер. Межд. науч. конф. Новосибирск, 2002. 309 с.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1983. 400 с.

Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. Омск: Наука, 2009. 204 с.

Новосибирск. 100 лет. События. Люди / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 491 с.

Ноздрин Г. А. Горюшкин Леонид Михайлович // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 422.

Ноздрин Г. А. Ученый, организатор, человек // Сибирь в XVII–XX веках: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006.

Пронин В. И. Проблемы аграрного рынка Сибири в научном наследии Л. М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Матер. Межд. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 14–21.

Разгон И. М. Творческая биография ученого и педагога в материалах и воспоминаниях / Сост. Л. А. Голишева, М. Э. Черняк. Томск: Издательство Томского университета, 2004. Т. 1. 300 с.

Скубневский В. А. Вопросы истории предпринимательства в трудах Л. М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Матер. Межд. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 21–25.

Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1975. 304 с.

Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1978. 332 с.

Ус Л. Б. История Новониколаевска в трудах Л. М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Матер. Межд. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 256–259.

Шиловский М. В. Л. М. Горюшкин о специфике колонизации и переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. и дальнейшая разработка этой проблемы отечественными историками // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Матер. Межд. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 26–31.

Шиловский М. В. Леонид Михайлович Горюшкин. 1927–1999 (к 75-летию со дня рождения) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2002. Т. 1. Вып. 3. С. 108–111.

Шиловский М. В. Список учеников Л. М. Горюшкина, окончивших гуманитарный факультет НГУ (отделение истории) и защитивших дипломы под его руководством // Сибирь на рубеже XIX–XX вв. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1997. С. 6–15.

*M. V. Shilovsky**

**L. M. Goryushkin's Contribution to the Study of Siberian History
during Late 19th - Early 20th Century**

This article considers major stages of life of a prominent agrarian historian, corresponding member of the Russian Academy of Science L. M. Goryushkin (1927–1999); analyzes his contribution to the study of Siberian history during the late 19th – early 20th century. He was born in the family of peasant settler, finished rural high school, and graduated from the department of history at the Tomsk University. While attending the special seminar of Professor I. M. Razgon he started studying agrarian history of the region during the late 19th – early 20th century. Since 1961 he had been working in Novosibirsk as head of the department at the Academic institute and at the Humanities Faculty of the Novosibirsk State University. In 1963–1995 his special seminar was attended by 94 graduates (or by every tenth student who graduated from the University before 1995). Analyzing the situation in the agrarian sector L.M. Goryushkin stated that the elements of American (farmer's) way of capitalism development were prevalent. Researching social structure of Siberian peasantry, he touched upon the subject of multiformity, admitting presence of patriarchal, small-commodity, capitalistic and feudal ways of life in the region, a relevant problem in the 1970s. According to his conclusion, the most important items of trade in Siberian village were butter and agricultural implements forming the basis for commodity circulation. Besides agrarian development of the region, he researched the settlement of the region, political convicts, peasant movement, foreign capital, charity and the history of pre-revolutionary Novonikolaevsk-Novosibirsk.

Keywords: historiography, history of historical science, Leonid Mykhaylovych Goryushkin, agrarian relationships in Siberia

Статья поступила в редакцию 20.08.2018

* **Shilovsky Mikhail V.** – Doctor of Historical Sciences, Head of Sector, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: kapital@history.nsc.ru

Интеллектуальная саморефлексия как метод генерирования нового исторического знания

Статья посвящена выработке и апробации инновационного формата научной деятельности историка, отличающегося от ее классического варианта более продуктивным познанием исторического опыта и современности. Выявлена одна из ключевых проблем современной исторической науки в России, которая состоит в наличии между старшим и молодым поколениями ученых коммуникативного разрыва, затрудняющего формирование у будущих историков способностей к профессиональной саморефлексии. Преодоление такого затруднения возможно при переходе от реконструкции прошлого посредством «наблюдения» к воссозданию этого прошлого за счет «участия» в нем на основе осознания самого себя субъектом исторического процесса. Данный тезис доказывается на основе жизненного опыта автора, осознавшего себя частью социума, стремящегося к самовоспроизводству, и экстраполировавшего «продукт» индивидуального самопознания на историческую реальность. В результате была сформулирована исследовательская гипотеза о советском человеке как необходимом промежуточном звене в эволюции российского общества в первой половине XX в. Его конструирование позволило большевикам обеспечить взаимодействие крестьянского и рождавшегося индустриального социума и придать отечественной модернизации необратимый характер. Основным итогом исследования является обнаружение эффективного инструмента познания, дающего возможность задействовать личностный потенциал исследователя для постановки и решения новых научных проблем.

Ключевые слова: рефлексия, саморефлексия, коммуникация, самовоспроизводство, исследовательская деятельность, наблюдение, инновационный формат, традиция, модерн

Постановка проблемы. Базовой функцией фундаментальной науки является производство верифицируемого знания, выступающего основой рациональной картины мира. В свою очередь, история как наука направлена на формирование объективных представлений об обществе и человеке в прошлом. Этот процесс осуществляется за счет *традиционного (классического) формата* исследовательской деятельности. В его рамках историки анализируют источники с помощью научных методов, решают вопрос, поставленный в начале исследования, и публикуют его результаты в виде статей и монографий. По существу, происходит мысленная реконструкция исторического опыта на основе «наблюдения» прошлых эпох, которые наделяются определенными смысловыми «маркерами» («Великий Октябрь», «Большой террор» и т. д.), соответствующими или несоответствующими сложившейся историографической ситуации. В данном случае возникает *феномен интеллектуальной рефлексии*, выступающей в форме осознания действующим субъектом (лицом или общностью) того, как он в действительности воспринимается и оценивается другими индивидами или общностями¹. В сфере исторического знания содержание подобных представлений обусловлено соотношением авторских выводов и оценок с уже существующими взглядами коллег по научному «цеху» на события предыдущих эпох и их профессиональной критикой полученных результатов научной деятельности. Обратной стороной этой «медали» служит саморефлексия, то есть способность личности к внутреннему анализу индивидуального «Я» с учетом своей включенности в те или иные социальные миры. В фокусе нашего внимания оказывается проблема практического использования этой способности человека для выработки гуманитарных исследовательских практик, отличающихся принципиальной новизной и перспективностью.

Степень изученности проблемы. К настоящему времени проблемы рефлексии и саморефлексии стали предметом многих исследований. Эти явления рассматриваются и как

* Романов Роман Евгеньевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: rromanov1981@mail.ru

¹ Рефлексия // Психологический словарь. URL: <http://testme.org.ua/glossary/item/808> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

основание философского знания и свойство науки², и как предмет историко-социологического познания³. В русле последнего научное сообщество характеризуется как *коммуникативное* в силу его обладания рядом *рефлексивных признаков*. Одним из них является рефлексия к результатам собственной научной деятельности, методам и технологиям, применяемым в процессе ее осуществления. Применительно к истории данный аспект в свое время очень точно обозначил известный российский медиевист А.Я. Гуревич: «Такая наивность, доверие к тому, что сообщает источник, не отделимы от ремесла историка. Саморефлексия же заставляет ставить знаки вопроса там, где раньше стояли утвердительные точки или даже ликующие восклицательные знаки. Но нельзя сказать, что это открытие принадлежит постмодернистам: всегда были историки, не чуждые саморефлексии. И еще: историк никогда не творит в одиночестве, у него есть коллеги, причем не только предшественники и последователи, но и современники, те, кто работает рядом с ним. И есть принципы критики. Вот я сочинил нечто, я написал какое-то исследование, а коллеги оценят, насколько этот труд убедителен, какие источники и как они были использованы, какова методология и конкретная исследовательская методика, примененная автором. Так что речь идет не только о самопроверке, которую осуществляет работающий в одиночку историк, но и проверке его труда цехом, к которому он принадлежит»⁴.

Не ставя под сомнение это традиционное представление о предмете нашего анализа, отметим, что речь идет о проверке адекватности итогов личной исследовательской работы и профессиональной культуре научно-исторического сообщества. То есть, мы рефлекслируем и вступаем в коммуникацию друг с другом лишь по поводу *самой деятельности*, связанной с научными открытиями, а не по поводу *самих себя* как субъектов, действующих в социально-историческом контексте. Между тем пришло время всерьез задуматься над проблемой личностного развития поколения ученых, представляющего будущее науки.

Методология исследования. Методологической базой исследования служит концепция саморефлексии В. А. Кувакина. В ее русле определение данного понятия звучит так: «отражение» человеком с помощью своей психики *самого себя в разных аспектах*. В психологии выделяются четыре базовых ситуации, в которых находится человек самопознающий:

- 1) знание о знании – индивид понимает, что обладает информацией;
- 2) незнание о знании – индивид не понимает, что обладает информацией, поскольку она отсутствует в его сознании;
- 3) знание о незнании – индивид понимает, что не обладает информацией;
- 4) незнание о незнании – индивид не понимает, что не обладает информацией в силу незнания о ее существовании⁵.

Цель исследования. На основе концепции В. А. Кувакина предпринимается попытка выработки и первичной апробации *инновационного формата* исследовательской деятельности, отличающегося от классического варианта (реконструкция прошлого посредством его «наблюдения») более продуктивным познанием исторического опыта и современности через налаживание механизма их «взаимодействия» в сознании исследователя.

² Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М: Эдиториал УРСС, 1997; Щедровицкий Г. П. Мышление. Познание. Рефлексия. М., 2005.

³ Акулич М. М., Акулич Е. М., Гербер Л. П. Рефлексивный анализ в историко-социологическом познании // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 57–67.

⁴ Гуревич А. Историк у верстака. Разговор с медиевистом Ароном Гуревичем. Часть I – Как должен работать историк, о саморефлексии и историческом цехе. Интервью / История. URL: <https://stengazeta.net/?p=1000951> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

⁵ Саморефлексия // Психологический словарь. URL: <https://www.psyoffice.ru/7/abc/s/samorefleksiya.html> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

Саморефлексия в современном научном сообществе: коммуникативный разрыв между поколениями российских историков. Для историка как профессионала одним из аспектов «отражения» своего индивидуального «Я» является позиционирование себя в своем сознании как представителя научно-исторического сообщества. В данном случае профессиональная идентичность формируется в рамках определенной научной школы, благодаря которой начинающий ученый усваивает традиционный формат исследовательской работы. На основе применения научных методов при анализе источников он обучается *реконструкции исторического процесса на основе его «наблюдения»*. Накопление научного знания происходит за счет расширения фактического материала и/или новых аналитических приемов. Это и есть *знание о знании*, получаемое от научных руководителей будущими кандидатами и повторяемое ими как устоявшийся канон. Основной формой его трансляции является научное консультирование аспирантов и докторантов при подготовке диссертационных работ. Однако передача исследовательских навыков от старшего к молодому поколению историков носит зачастую механический характер, что изначально затрудняет формирование у будущих ученых мотивации и способностей к профессиональной рефлексии и саморефлексии (в классическом понимании А. Я. Гуревича). Как показывает многолетний опыт молодежной научной конференции, проводимой в Институте истории СО РАН (с 2006 г.), *неразвитость рефлексивных признаков* вследствие межпоколенческого коммуникативного разрыва на практике выражается в неумении (и/или нежелании) многих молодых исследователей квалифицированно сформулировать научную проблему, соотнести ее постановку и решение с текущей историографической ситуацией. Но даже если кому-то из них удастся самостоятельно преодолеть трудности, то это лишь свидетельствует об успешной адаптации к рефлексивному функционалу, которым уже владеют учителя и наставники. В связи с этим, основная масса научной молодежи (в том числе ее самые уважаемые представители) не догадывается о том, что формат «эмпирической» реконструкции не позволяет вступить в личный коммуникативный контакт с изучаемой эпохой. Такое *незнание о незнании* лишает молодежь возможности работать продуктивнее старшего поколения исследователей и обрекает на квазивоспроизводство или посредственное повторение предыдущего опыта. Для справедливости стоит заметить, что автор этих строк до недавнего времени также находился в аналогичном положении.

Наиболее лаконично данную проблему обозначил доктор исторических наук, профессор Высшей школы экономики М. А. Давыдов: «Ведь те работы, которые мы сейчас не напишем, уже не напишет никто и никогда. Это не из-за того, что мы такие умные, не поэтому, а потому что в нашей науке пала связь времен, связь поколений»⁶. В этой цитате представлено *знание о незнании*, то есть понимание того, что преемники окажутся неспособными повторить эталонную марку предшественников. Для разрешения этого затруднения необходимо выработать инновационный формат исследовательской работы, позволяющий молодым исследователям ориентироваться не на привычный, но уже неповторимый, опыт старших коллег, а на скрытые возможности собственной личности.

Механизм выработки инновационного формата исследовательской деятельности: изменение подхода к пониманию саморефлексии в науке. Чтобы приступить к конструированию нового формата, необходимо осознать свое «местонахождение» в ситуации *незнания о знании*. Непонимания, что наш потенциал скрыт в осознанном переходе от реконструкции прошлого на основе «наблюдения» к воссозданию этого прошлого за счет «участия» в нем. Последнее возможно путем саморефлексивного восприятия исторического процесса, направленного на осознание себя самого его самовоспроизводящимся субъектом. В частности, под самовоспроизводством понимается обеспечение обществом и человеком своей преемственности за счет сохранения и передачи социальной памяти, как

⁶ Михаил Давыдов: «То чего не напишут историки моего поколения, не напишет уже никто». URL: <http://www.konkir.ru/articles/mihail-davydov-chego-ne-napishut-istoriki-moego-pokoleniya-ne-napishet-uzhe-nikto> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

в отдельных поколениях, так и при их смене. В силу исторической универсальности данный феномен является ключевым элементом, связывающим в единый континуум настоящее (историк и его общество) и прошлое (объект исследования). Он обеспечивает их взаимодействие при актуализации в сознании исследователя проблемы самовоспроизведения социума, происходящего для него и вчера, и сегодня. Такой интеллектуальный формат позволяет нам познавать историю через себя и познавать себя через историю. И таким образом одновременно стимулировать не только профессиональный, но и личностный рост.

Данная идея родилась на основе личного жизненного опыта. Однажды мои размышления над проблемой роли человека в российской модернизации неожиданно привели меня к «открытию» процесса *собственного самовоспроизводства* как индивида на бытовом уровне. Затем пришла мысль о том, что этот же процесс происходит со мной в профессиональной сфере (т. е. науке), а также и со всеми моими коллегами-историками, являющимися как отдельным сообществом, так и частью «большого» социума. Восприятие самовоспроизводства как универсального феномена побудило автора этих строк к тому, чтобы экстраполировать интеллектуальный «продукт» индивидуального самопознания, полученный в современном социальном контексте, на историческую реальность. Если ученые сегодня способны воспроизводить себя как определенная общность, значит, это могли делать и те большие общественные группы, деятельность которых имела ключевое значение для развития России в прошлом. Применительно к концу XIX – первой половине 40-х гг. XX в. такой группой было крестьянство, выступавшее одним из главных участников великой и драматичной трансформации нашей страны.

Первичная апробация инновационного формата исследовательской деятельности: новая гипотеза о российской модернизации (конец XIX – первая половина 40-х гг. XX в.). В отечественной историографии есть две канонические версии российской модернизации в рассматриваемый период. Согласно «красной» версии, на фоне аграрного перенаселения и деградации пореформенной деревни неудачные попытки либерально-имперских реформаторов (С. Ю. Витте, А. П. Столыпин) сделать ставку на индустриализацию и разрушение вековой общины резко усилили процесс маргинализации крестьянства и привели к нарастанию социального протеста, вылившегося в революции 1905–1907 и 1917 г. Выход из этого *фундаментального, системного кризиса* стал возможен лишь в русле закономерного перехода страны к советской мобилизационной модели развития, обеспечившей в условиях исторического цейтнота форсированную трансформацию и ломку традиционализма под лозунгами его сохранения⁷.

Согласно «белой» версии, прогрессирующая отсталость пореформенной деревни обуславливалась долгим нежеланием имперского государства и элиты оказывать ей помощь в повышении уровня производительных сил. Такая позиция «верхов», а также интеллигенции была связана с желанием сохранить общину в противовес пролетаризации «низов» при раннем капитализме. Эта «патовая» ситуация начала преодолеваться успешными реформами С. Ю. Витте и П. А. Столыпина, создавшими объективные условия для постепенной адаптации крестьянства к модернизации. Однако Первая мировая война вызвала *ситуативный политический кризис*, приведший к революции 1917 г. и, в итоге, к утверждению у власти большевиков, заменивших естественно-эволюционное развитие страны искусственной и тиранической утопией «большого скачка»⁸.

Несмотря на разницу в подходах и оценках, обе объяснительные модели имеют общий формат. Их творцы и адепты как носители культуры модерна *смотрят на историю* с позиции просвещенческой идеи развития, в соответствии с которой человек традиционный

⁷ Братченко Т. М., Сенявский А. С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. № 2. 2007. Т. 9. С. 315–326; Сенявский А. С., Братченко Т. М. От имперской к советской мобилизационной модели: преемственность и различия в экономическом развитии // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2012. С. 67–76.

⁸ Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. СПб., 2016.

должен обязательно стать человеком современным. В связи с этим, и «красный», и «белый» историографический канон можно рассматривать как интеллектуальный продукт современного научно-исторического сообщества, которое само по себе выступает одним из конечных результатов модернизации. Сообщество историков стремится к *профессиональному самовоспроизводству* путем формирования и накопления научных знаний об историческом процессе в рамках еще по инерции сохраняющейся модерновской картины мира, но уже потерявшей лидирующие позиции в условиях перехода человечества к пост-современности.

Оставаясь в старом формате, ветераны классической науки не осознают тот факт, что их подсознательное стремление к сохранению статуса модерновых интеллектуалов в XXI в. является «зеркальным отражением» попытки великорусских крестьян остаться традиционными аграриями в XX в. (*незнание о знании*). Каждый социум, внешне приспосабливаясь к изменяющемуся миру, борется за сохранение своей внутренней аутентичности (*изменяется не меняясь*). В этом и состоит затруднение любой модернизации, без разрешения которого она никогда не станет необратимой и завершенной. Для его преодоления требуется *переходный тип человека*, органично соединяющий старые и новые пласты культуры и тем самым снимающий принципиальные противоречия между уходящим прошлым и наступающим будущим.

Данная проблема находит конкретное выражение в контексте общенациональной и региональной истории России конца XIX – первой половины 40-х гг. XX в. Применительно к ее реалиям наша исследовательская гипотеза формулируется следующим образом:

1. Российское крестьянство, адаптируясь к внешним проявлениям модернизации, одновременно *продолжало самовоспроизводство* в качестве оригинальной традиционно-аграрной цивилизации на демографическом (многодетная семья), социальном (семейно-общинный коллективизм), социокультурном (духовная привязанность к земле и природе в целом) и технологическом (подчиненность крестьянского хозяйства и быта сезонным природно-климатическим циклам) уровнях. Однако к концу XIX в. в этом процессе начали происходить *системные сбои*, вызванные кризисными тенденциями в социально-экономическом и духовном развитии деревни (аграрное перенаселение, имущественное расслоение, ослабление религиозной нравственности и т.п.).

2. Основным фактором, сдерживавшим «размывание» патриархальной социальности, выступала сохранявшаяся крестьянская идентичность. Ее прочная консервация *не позволяла* отечественным инициаторам модернизации (имперское государство и буржуазия), желавшим ответить на технократический вызов Запада, сделать процесс формирования индустриального общества необратимым и в перспективе логически завершенным. Причиной такого *затруднения* являлось то, что модерн *претендовал на новую системность*, не связанную с привычным для традиционного социума опытом.

3. Одним из вариантов развития революции 1917 г. могло стать «обратное» движение истории (от модерна к традиции) из-за неспособности дореволюционных реформаторов *обесточить* механизмы межпоколенной передачи традиционного опыта в повседневной жизни крестьянства. Поражение «белого движения», часть которого стремилась к европоцентристской модернизации, не привело к окончанию гражданской войны, продолжившейся в форме противостояния большевиков и «зеленых» повстанцев. Ее превращение в перманентный вооруженный конфликт между новой властью и крестьянством, стремившимся *создать условия* для продолжения воспроизводства традиционного общества, было предотвращено с помощью введения новой экономической политики («крестьянский Брест»).

4. Длительное сохранение НЭПа как политэкономической основы консенсуса между большевиками и крестьянами *лишило* советское государство возможности ускорить процесс формирования индустриального общества перед лицом превращения технократического вызова со стороны Запада в военную угрозу для России (что показала Первая мировая война). В то же время обратный поворот крестьянства к общине после революции

1917 г. продемонстрировал действенную мощь его коллективной памяти о собственных традициях. Но дать адекватный ответ на внешние угрозы за счет *дальнейшего воспроизведения аутентичной традиционно-аграрной цивилизации*, заимствовавшей лишь отдельные технико-экономические новации, во второй четверти XX в. было уже невозможно.

5. Потенциальная угроза военного поражения при столкновении с более прогрессивными геополитическими соперниками (по старокитайскому сценарию) вынудила большевиков взять курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию. Замена оригинальных традиционных институтов (община, кооперация, коммуны и т.п.) *искусственно навязанными* сверху колхозами вела к духовному отчуждению крестьян от земли и природы, аграрного труда, постепенному отказу от многодетной семьи и семейно-общинного коллективизма. В результате механизмы самовоспроизводства крестьянской идентичности *были обессточены*, что положило начало *раскрестьяниванию* основной массы населения России.

6. Процесс раскрестьянивания нарушил нормальное функционирование прежних институтов социализации сельской молодежи, которая *быстро утратила* привычные жизненные ориентиры и переориентировалась на включение в формирующееся индустриально-урбанистическое общество. В связи с этим советское государство получило возможность провести форсированную индустриализацию в основном силами молодых крестьян, переселявшихся в поисках новых перспектив в растущие города.

7. Несмотря на реформацию старого уклада жизни, мигранты из деревни по инерции *еще оставались носителями* крестьянской трудовой культуры. Для их адаптации к индустриальному производству и городскому образу жизни большевистский режим через правовую и информационно-пропагандистскую системы «имплантировал» ценности и нормы, формы коммуникации и поведенческие стратегии великорусских аграриев-ремесленников в новую социальную реальность, *конструируемую как советский («народный») вариант модерна*. В условиях индустриализации элементы традиционного отношения к труду проецировались на машинные технологии, что позволяло бывшим селянам усваивать основы заводских профессий при сохранении внутренней духовной аутентичности.

8. В результате одним из последствий «сталинской» модернизации стало формирование *многочисленного слоя крестьян в рабочих спецовках*, ставшего социокультурной основой раннеиндустриального общества, сложившегося в России к концу 1930-х гг. Этот человеческий потенциал представлял собой сочетание трудового менталитета пахаря и технической культуры станочника. Путем социальной инженерии советское государство создало переходный тип человека (советский человек), который сыграл роль *необходимого промежуточного звена* в цепи исторической эволюции российского общества.

9. Благодаря конструированию этого промежуточного звена новая верховная власть *преодолела* фундаментальный разрыв между традицией и модерном на уровне широких народных масс. После разрешения данного затруднения процесс становления индустриально-урбанистического общества в России приобрел *необратимый характер*, что позволило нашей стране ответить на технократический вызов Запада, воплотившийся в годы Второй мировой войны в форме вооруженной агрессии нацистской Германии против СССР.

10. Суть ответа на угрозу уничтожения советской цивилизации со стороны германского нацизма состояла в эффективном соединении высокоиндустриальных технологий (военных и гражданских) с квазимодернизированным советским человеком. После крупномасштабных мобилизаций трудящихся на фронт государству удалось в сжатые сроки *вновь воспроизвести* слой крестьян в рабочих спецовках за счет молодежи, которая в основной массе выросла в традиционных сельских семьях. Сочетание ее ментальной установки на коллективное выживание, унаследованной от отцов и дедов, и полученных профессионально-технических навыков позволило власти сформировать сверхактивный че-

ловеческий потенциал, благодаря которому СССР одержал экономическую победу над нацистской Германией в ходе Второй мировой войны.

Результат первичной апробации инновационного формата исследовательской деятельности: генерирование нового исторического знания. Ведущие специалисты по отечественной истории XX в. и особенно сторонники канонических версий российской модернизации, вероятно, скептически отнесутся к выше изложенным научным идеям. Основанием для их критики может стать сомнение в продуктивности выработанного автором инновационного формата научного анализа. В качестве аргумента, очевидно, выступит внешнее сходство предложенной точки зрения с «красным» историографическим каноном. И действительно, на первый взгляд, складывается впечатление *о воспроизведении* уже существующего в историографии точки зрения о сталинизме как об отечественном варианте радикальной трансформации российского общества с опорой на его собственные силы и под лозунгами сохранения традиционализма (*«старое вино в новых мехах»!*). С учетом накала исторических дискуссий в современном обществе такое восприятие полученных результатов, по всей видимости, вызовет у части исследователей (главным образом, сторонников «белого» канона) отношение к новому интеллектуальному формату как к наукообразному эвфемизму, призванному в очередной раз найти оправдание сталинскому левиафану.

В качестве превентивного ответа на возможную критику могу сказать о том, что Карла Маркса также можно было бы укорить в «повторении» теории французских историков Гизо и Тьерри о классовой борьбе. Однако Маркс по-новому работал с этой теорией, актуализировав ее смысл применительно не только к историческому опыту, но и современным ему реалиям середины XIX в. В отличие от великого немецкого мыслителя, автор этого исследования шел обратным путем – от современности к истории. Конечным пунктом данного пути служит идея о строительстве большевиками *коммуникативных «мостов»* между борющимися за самосохранение традиционным и рождавшимся индустриальным обществами, что позволило тесно связать их друг с другом и тем самым придать модернизации необратимый характер. Именно в этой идеи и заключено *принципиально новое знание*, которое до настоящего времени отсутствовало в отечественной историографии.

Выводы. Сказанное выше является пока исследовательской гипотезой, над проверкой которой нужно работать. Вместе с тем, процесс ее генерирования стал возможен благодаря методу интеллектуальной саморефлексии, направленному на осмысление не только научной деятельности, но и внутреннего личностного потенциала самого ученого. Данный метод позволил найти инновационный творческий формат исследовательской работы, в корне изменивший не только методологическую «кухню», но и ее «повара». И в этом есть немалая заслуга молодежной школы-конференции, «перекроившей» сознание автора и побудившей его к поиску ответов на вызовы, стоящие перед исторической наукой в XXI в. Ответов, скрытых в новом знании одновременно и о прошлом, и о настоящем, которое может стать эффективным инструментом для формирования и развития на общероссийском и региональном уровнях *постклассического* научно-исторического сообщества на основе современного поколения молодых ученых.

Список литературы

Акулич М. М., Акулич Е. М., Гербер Л. П. Рефлексивный анализ в историко-социологическом познании // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 57–67.

Братченко Т. М., Сенявский А. С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2. С. 315–326.

Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. Спб.: Алетейя, 2016. 1080 с.

Кувакин В. Не дай себя обмануть. Введение в теорию практического мышления. М.: Академический проект, 2007. 100 с.

Рефлексия // Психологический словарь. URL: <http://testme.org.ua/glossary/item/808> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

Саморефлексия // Психологический словарь. URL: <https://www.psyoffice.ru/7/abc/s/samorefleksiya.html> (дата обращения: 10.06.2018 г.).

Сенявский А. С., Братченко Т. М. От имперской к советской мобилизационной модели: преемственность и различия в экономическом развитии // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 67–76.

Щедровицкий Г. П. Мышление. Познание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 800 с.

Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.

*R. E. Romanov**

Intellectual Self-Reflection as a Method of Generating New Historical Knowledge

The article is devoted to the development and approbation of the innovative format of the historian's scientific activity, which differs from its classical option by more productive cognition of historical experience and modernity. The author identifies one of the key problems of modern historical science in Russia – the problem of communicative gap between the older and younger generations of scientists that makes it difficult for future historians to develop professional self-reflection. It is shown that overcoming this difficulty is possible in the transition from "observation" of the past to "participation" in it on the basis of self-awareness of the self-reproducing subject of the historical process. This thesis is proved on the basis of the author's life experience, who realized himself as a member of society, striving for self-reproduction and extrapolating the "product" of individual self-knowledge to historical reality. The result of this self-knowledge was the formulation of the research hypothesis about the Soviet man as a necessary intermediate link in the evolution of Russian society in the first half of the 20th century. It is suggested that the design of this link allowed the Bolsheviks to ensure the active interaction between the peasant society and the emerging industrial society and to make the national modernization irreversible. The main result of the research is the discovery of an effective instrument of cognition, which makes it possible to tap the inner personal potential of the researcher for staging and solving fundamentally new problems.

Keywords: reflexion, self-reflection, communication, self-production, research activity, observation, innovative format, tradition, modernity

Статья поступила в редакцию 10.07.2018

* **Romanov Roman E.** – Candidate of Sciences (History), researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: romanov1981@mail.ru